

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты
Восточной Азии ДВО РАН
Архив Российской академии наук

В.В. Богатов, И.А. Урмина

АКАДЕМИК КОМАРОВ И ЕГО ВРЕМЯ

(к 150-летию со дня рождения
академика В.Л. Комарова)

Владивосток
Дальнаука
2020

УДК 82-94
БИК 72.4
Б73

Авторы:

В.В. Богатов – академик РАН, ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН
(г. Владивосток). E-mail: vibogotov@mail.ru

И.А. Урмина – доктор культурологии, Архив РАН (г. Москва).
E-mail: urminaia@gmail.com

Ответственный редактор

В.И. Сергиенко – академик РАН,
председатель Дальневосточного отделения РАН

Рецензенты:

Н.Н. Крадин – член-корреспондент РАН, директор Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

И.А. Сосунова – доктор социологических наук, профессор,
вице-президент Российского общества социологов

Богатов В.В., Урмина И.А.

Б73 Академик Комаров и его время (к 150-летию со дня рождения академика
В.Л. Комарова). – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 464 с.

ISBN 978-5-8044-1696-7

Книга рассказывает о жизни, творчестве и научно-организационной деятельности выдающегося учёного-ботаника, путешественника, одного из организаторов Академии наук СССР, академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945). На его долю выпала трудная судьба. Он стал президентом Академии наук СССР в самое тяжёлое время истории Советского Союза – годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Под его руководством на рубеже 1930–1940-х годов были проведены крупные преобразования в Академии наук СССР, что позволило советским учёным в военный период интеллектуально превзойти научно-технический потенциал фашистской Германии.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-8044-1696-7

© Богатов В.В., Урмина И.А., 2020

© ДВО РАН, 2020

© Издательство Дальнаука, 2020

Академик
В.Л. Комаров

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2019 г. исполнилось 150 лет со дня рождения академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), выдающегося учёного-ботаника, путешественника и организатора отечественной науки. В его судьбе отразились все основные противоречия истории нашей страны на рубеже XIX и XX веков. Выходец из древнейшего дворянского рода, он с воодушевлением встретил Октябрьскую революцию 1917 г. Уже будучи академиком, Владимир Леонтьевич возглавил Академию наук СССР, вначале в качестве вице-президента (с 1930 г.), а затем и президента Академии (с 1936 г.). Несомненно, Комаров находился под жесточайшим прессом сталинской политической системы, но это не помешало ему создать новую Академию с широкой сетью филиалов и баз и вместе с ней выиграть главное сражение эпохи, интеллектуально победив мощнейшую научно-техническую машину фашистской Германии.

Жизнь и деятельность Владимира Леонтьевича уже неоднократно получала отражение в многочисленных статьях и очерках, не говоря уже о том, что по распоряжению Академии наук СССР и лично вице-президента Академии наук, академика О.Ю. Шмидта, в 1939 г. под редакцией В.М. Гальперина (в редакционную коллегию вошли Б.К. Шишкин, А.И. Смирнов и В.А. Энгельгардт) было подготовлено юбилейное подарочное издание «Президенту Академии наук СССР академику Владимиру Леонтьевичу Комарову к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной деятельности». В 1949 г. Государственное издательство географической литературы в рубрике «Русские путешественники» выпустило книгу Н.А. Гвоздецкого «Путешествия В.Л. Комарова». Кроме того, в 1951 г. была составлена и издана официальная научная биография Комарова [Павлов, 1951].

Несомненно, Комаров был выдающейся личностью. Мариэтта Шагинян называла Владимира Леонтьевича «любимым учёным нашей страны». Его действительно любили многие, его обожали студенты, участники совместных экспедиций, с особым пиететом к нему относились учёные-дальневосточники...

Тем не менее по прошествии времени облик этого видного учёного и человека стал терять свои очертания. В некоторых публикациях последних лет стало насаждаться мнение об якобы постоянном заигрывании Комарова перед советской властью, его неполной, а то и полной

недееспособности в годы Великой Отечественной войны. Действительно, к началу нападения фашистской Германии на СССР Комарову уже исполнилось 72 года, он был тяжело болен, причём в 1939 г. Владимир Леонтьевич перенёс инсульт. Мало кто верил в его способность эффективно управлять Академией в условиях военного времени. Но именно в этот период Владимир Леонтьевич проявил свои лучшие черты руководителя и стратега. Он принял на себя ответственность за перестройку работы Академии на военный лад. Под его руководством была сформирована так называемая оборонная комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Именно Комаровым на примере этой комиссии были разработаны методы и определены организационные формы связи науки с оборонной промышленностью, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья. Уже в начале 1942 г. деятельность «Комиссии Комарова» была удостоена Сталинской премии первой степени, а в 1944 г. Владимиру Леонтьевичу за выдающиеся научные достижения и важные заслуги в деле организации советских научных учреждений было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В монографии авторы старались акцентировать внимание читателя на малоизвестных страницах биографии В.Л. Комарова, связанных с его организационной работой на руководящих постах в АН СССР. В книге широко использованы воспоминания современников, которые имели возможность общаться с Владимиром Леонтьевичем. Особая роль в книге отведена воспоминаниям о Комарове его супруги – Надежды Викторовны Комаровой (урождённой Старк). В качестве иллюстраций были использованы оцифрованные фотоматериалы и документы, хранящиеся в Архиве РАН, при ссылках на которые была учтена нумерация соответствующих файлов, а также материалы из архивов ДВО РАН, Горнотаёжной станции ДВО РАН и других источников.

Объединение архивного материала с личной оценкой участников событий тех лет позволило особым образом высветить человеческие качества выдающегося учёного и его организационные способности. Авторы никоим образом не считали нужным приукрашивать личность Владимира Леонтьевича. Наоборот, мы постарались как можно полнее обозначить всю неординарность личности учёного на фоне глубокой противоречивости, а подчас и жёсткости обстоятельств, в которые попадал и в которых жил и работал В.Л. Комаров.

В. Богатов, И. Урмина

* * *

«Хочется отметить ещё одну черту, характерную для Владимира Леонтьевича и для его деятельности в Президиуме. Прекрасный специалист, Владимир Леонтьевич обладает исключительной способностью правильно оценивать значение научной работы в других, даже самых далёких от его специальности отраслях знания, чутко относиться к их нуждам. Это – черта, совершенно необходимая для руководителя такого сложного комбината научных учреждений, каким является Академия. Работники всех представленных в Академии отраслей науки знают, что у президента Академии они всегда найдут должное понимание и сочувствие» [Волгин, цит. по: Павлов, 1951, с. 224–225].

Академик Вячеслав Петрович Волгин

* * *

«Великая Октябрьская социалистическая революция, которую Владимир Леонтьевич приветствовал вместе с передовой русской интеллигенцией, открыла перед ним новое, неожиданное для него научно-организационное поприще. Владимир Леонтьевич был призван к руководству нашей Академией в самые острые, в самые кризисные годы её существования. На посту неперменного секретаря, затем вице-президента и, наконец, в течение 9 лет Президента Академии наук Владимир Леонтьевич выполнял громадную работу по превращению старой Академии наук, существовавшей века, в новую, широкую Академию наук Советского Союза с громадными новыми задачами. Под руководством Владимира Леонтьевича Академия наук преобразовалась. Были привлечены новые силы, поставлены новые задачи на всех важнейших, принципиальных участках науки. В тяжёлые годы, грозные годы Великой Отечественной войны эта преобразованная Академия наук показала свою прочность, свою силу» [С.И. Вавилов, 1946, с. 17].

Академик Сергей Иванович Вавилов

* * *

«Владимир Леонтьевич на протяжении всей своей жизни ни одной минуты не был чиновником, отделённым стенами высокого официального положения от жизни и интересов других людей. Он сумел прожить так свою жизнь потому, что ему была свойственна глубокая человечность. Он был доступен всем, несмотря на своё высокое положение. Прямой и подчас даже резкий, он вместе с тем с необычайной чуткостью и вниманием проявлял благородную заботу обо всех, кто нуждался в его помощи или совете. Не было таких вопросов, обстоятельств или нужд,

с которыми не обращались бы к нему его ученики, избиратели и просто незнакомые советские люди, имеющие дела в Академии наук СССР. В.Л. Комаров всех их терпеливо выслушивал, расспрашивал о необходимых ему для решения деталей, никогда ни одного из своих просителей не забывал и в нужный момент им помогал» [Павлов, 1951, с. 289].

*Академик АН Казахской ССР
Николай Васильевич Павлов*

* * *

«Если взять основные даты двадцати пяти лет советского строительства, крупные события, потрясавшие в какой-то мере советского человека, мы почти на каждом из них найдём живой отклик Комарова. О Владимире Леонтьевиче часто говорят как о превосходном ораторе. Но это неверное слово. Комаров – не оратор, а необычайно чисто и ярко реагирующий интеллект, и в его общественной реакции, в его слове, сказанном на людях, очень большая, почти детская непосредственность всегда сочетается с потребностью точной формулировки, точного умственного вывода. Слово своё он никогда заранее не готовит, чтоб не мешать себе найти его на кафедре. Слушатели торжественных учёных заседаний, юбилейных праздников, политических митингов, посвящённых острому и большому в жизни страны событию, привыкли переживать это комаровское слово вместе с ним, как бы сразу опрощаться душой, входить в атмосферу предельной искренности, предельной душевной чистоты и честности, которая покоряет и умиляет до слёз. Но за комаровской взволнованностью, за невыбранностью, неприготовленностью его слов, за всем тем, что напоминает скорей художника, нежели академика, неизменно встаёт учёный, встаёт интеллект, дающий точное обобщение и заставляющий слушателя, после эмоциональной разрядки, что-то очень глубоко понять» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 109. Л. 1].

Мариэтта Шагинян

* * *

«Мне выпало на долю редкое счастье – прожить всю свою сознательную жизнь в постоянном общении с действительно большим человеком, человеком в самом высоком значении этого слова. Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что Владимиром Леонтьевичем в жизни всегда руководила любовь: любовь к человеку, любовь к науке и знаниям, любовь к природе»... [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 1].

Надежда Викторовна Комарова

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ, ПУТЬ В НАУКУ

Владимир Леонтьевич Комаров соединил в своей судьбе две величайшие эпохи. Годы детства, юности и начала научной деятельности прошли в Российской империи, а пора профессионального становления и личной зрелости пересеклась с годами революций, Гражданской войны и рождения нового государства – СССР. Так сложилась планида крупного учёного и государственного деятеля. Период его президентства в АН СССР (1936–1945 гг.) пришёлся на пик репрессий и Великую Отечественную войну.

В Большой Советской Энциклопедии очерк о Комарове начинается словами: «Комаров Владимир Леонтьевич [1(13).10.1869, Петербург – 5.12.1945, Москва], советский ботаник и географ, общественный деятель, академик (1920; член-корреспондент 1914), вице-президент (1930–36) и президент (1936–45) АН СССР. Герой Социалистического Труда (1944). Президент Всесоюзного ботанического общества (с 1930), почётный президент Географического общества СССР (с 1940). Окончил Петербургский университет (1894), с 1898 преподавал там же (с 1918 профессор)...». Как мы видим, в приведённой цитате нет каких-либо слов о семье Владимира Леонтьевича, его происхождении. Практически нет сведений о происхождении В.Л. Комарова и в современных энциклопедических изданиях. Лишь в отдельных публикациях мы можем узнать подробности о его родных и близких, например: [<http://www.biografia.ru/timiryazev/komarov02.html>; Богатов, 2020; и др.].

Родился Владимир 1 [13] октября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Его отец принадлежал к старинному дворянскому роду Комаровых. Один из его предков Андрей Комаров в числе первых дворян был послан Петром I за границу учиться. Дед Владимира Леонтьевича подполковник Виссарион Саввич и двоюродный дед полковник Владимир Саввич Комаровы были героями Отечественной войны 1812 г. и участвовали во взятии Парижа в 1814 г.

Один из дядей В.Л. Комарова – Владимир Виссарионович Комаров пал смертью храбрых в бою под Севастополем во время кампании

Герб семьи Комаровых

1854 г. Отец Володи – Леонтий Виссарионович Комаров (1841–1871) также был кадровым военным. Он был штабс-капитаном и служил при Генеральном штабе [Павлов, 1951, с. 5]. Представители фамилии Комаров внесены в записи Дворянского депутатского собрания Санкт-Петербургской губернии: во 2-ю часть «Военное дворянство, приобретенное чином военной службы» [www.Nashi-predki.ru; дата обращения 13.12.2019 г.]. На их основе в 2000 г.

была издана Санкт-Петербургская дворянская родословная книга [https://www.chitai-gorod.ru/catalog/book/1085635/; дата обращения 13.12. 2019].

Владиміръ Виссарионовичъ
Комаровъ.

Владимир Виссарионович Комаров
(1829–1854)

[http://alexander-apel.narod.ru/
komphoto.htm]

Константин Виссарионович Комаров
(1832–1912). Портрет из журнала

«Разведчик» № 1159 от 15.01.1913 [http://
alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm]

Семья отца Комарова была многочисленной и состояла из 16 человек: трёх сестёр от первого брака и семи братьев и шести сестёр от второго брака. Некоторые из близких родственников Л.В. Комарова по мужской линии были приближены к императору Николаю Второму. Например, один из братьев Леонида Виссарионовича – Константин Виссарионович Комаров (1832–1912) был комендантом С.-Петербургской крепости, членом Военного совета, имел высшие воинские звания генерал-адъютанта и генерала от инфантерии, а сын двоюродного брата Л.В. Комарова Владимир Александрович Комаров был командиром собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка в чине генерал-майора. Владимир Александрович оказался в первом списке заложников, взятых Петроградской ЧК после выхода постановления СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. (список был опубликован в «Красной газете» № 186 от 06.09.1918). Все заложники были расстреляны.

На фото слева направо: Николай II с супругой Александрой Фёдоровной, флигель-адъютант С.С. Фабрицкий, А.А. Вырубова, генерал-майор В.А. Комаров.

На прогулке в Ливадии. Осень 1911 г. Фото из альбома А.А. Вырубовой
[<http://alexander-apel.narod.ru/komarovy.htm>]

В 1868 г. Леонтий Виссарионович Комаров женился на Елизавете Михайловне Линденбаум, происходящей из знаменитого дворянского рода. Отец его избранницы, Михаил Карлович Линденбаум, как и его дед, Виссарион Саввич Комаров, как, впрочем, и он сам, также состоял на службе в Военном министерстве при Главном штабе Его Императорского Величества. Их семьи имели общую платформу, объединяющую их глубинно в служении для процветания России, так как мужчины посвятили свою профессию и жизнь военной службе на благо Отчизны.

<...>

1 октября 1869 г. (по старому стилю) в Эртелевом переулке Петербурга родился первый ребёнок в семье Леонтия Виссарионовича и Елизаветы Михайловны, его назвали Владимиром, это было счастьем для молодых родителей, ребёнок был рождён в любви. Семья была дружной, семейные связи свято хранились и почитались. В раннем детстве и отрочестве Владимир был близок со своими двоюродными братьями и сёстрами – детьми брата отца, Виссариона Виссарионовича. Тёплые, родственные связи, сложившиеся в раннем детстве с семьёй брата отца, сыграют добрую службу в дальнейшей судьбе Володи Комарова, согреют в трудный час, поддержат и направят в нужное русло потребности и интересы способного юноши, разделят его первые успехи на профессиональном поприще.

Однако семейное счастье было недолгим. Молодой штабс-капитан был отправлен в Среднюю Азию, где при штурме кокандской крепости Ура-тубе получил тяжёлое ранение, от которого в 1871 г. скончался, оставив молодую вдову и ребёнка – полуторагодовалого Владимира. За отвагу, проявленную при взятии крепости Джужака, Леонтий Виссарионович был награждён почётной грамотой за подписью самого императора, заверенной гербовой печатью, к которой прилагался наградной орден.

Средства на воспитание Владимира стали поступать из Александровского комитета помощи раненым и больным воинам (стипендия два раза в год по 90 рублей). Овдовевшая мать вторично вышла замуж за железнодорожного служащего статского советника Павла Викентьевича Кухарского. От этого брака у матери Владимира Леонтьевича родились две дочери и три сына. Тем не менее в личном деле 1891 г.

Леонтий Виссарионович Комаров
(1841–1871) – отец В.Л. Комарова
[[http://alexander-apel.narod.ru/
komphoto.htm](http://alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm)]

Елизавета Михайловна Комарова
урождённая Линденбаум (во втором
браке – Кухарская) – мать В.Л. Комарова
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 60. Л. 1]

Двоюродные братья и сестры
В.Л. Комарова – дети Виссариона
Виссарионовича Комарова и его супруги
Екатерины Григорьевны Комаровой
(урождённой Данилевской), 1873 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 2. Л. 2]

Володя Комаров в возрасте
5 лет, 1874 г. [АРАН. Ф. 277.
Оп. 6. Д. 3. Л. 1]

БОЖИЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочее, и прочее, и прочее.

*Нашему Коруту Тимурлану
Штаба, состоящему въ распоря-
женіи Туркестанскаго Генералъ-
Губернатора, Алексею Комарову*

*Въ возразніи отличнаго мужества и
храбрости, оказавшаго вамъ при взятіи
крепости Джурата 18 Октября 1867 года,
Ваше высочайшее повелѣніе. Мы вѣ-
щоу, въ 22-й день Декабря 1867 года. Наше
императорское, Императорское
и Царское Свѣдѣніе. Намъ же (Ваше)
Служащаго пріятельски и уваженно.*

Почётная грамота к царскому ордену Святого Станислава третьей степени
с мечами и бантом [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 162. Л. 2]

Володя Комаров в раннем детстве с двоюродной сестрой Олей, 1877 г. Впоследствии Ольга Дмитриевна Форш (по мужу) стала известной писательницей, автором повестей «Одеты камнем», «Современники» и многих других [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 4]

Володя Комаров в 10 лет, 1879 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 2]

Владимир написал, что *«братьев и сестёр не имеет»* [Личное дело В.Л. Комарова. Архив ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 2774]*.

Отчим относился к Володе холодно. В 1882 г., когда Владимиру Комарову минуло 13 лет, умерла и Елизавета Михайловна. Мальчик переехал жить к родственникам по отцовской линии, родному брату отца и его жене, Виссариону Виссарионовичу и Екатерине Григорьевне Комаровым. Виссарион Виссарионович был ещё и крёстным отцом Володи.

Очевидно, что в общении с дядей в основном и формировались характер и мировоззрение будущего учёного. Ведь Виссарион Виссарионович был не только военным — начальником штаба

*Позже у Комарова на иждивении находилась единокровная сестра Елизавета Павловна Кухарская (после смерти Владимира Леонтьевича ей были назначены пожизненная пенсия 700 р. в месяц и единовременное пособие в размере 70 000 рублей).

Виссарион Виссарионович Комаров
(1838–1907) [<http://alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm>]

Владимир Комаров с сестрой и братом
в доме деда Михаила Карловича
Линденбаум в Боровичах, 1885 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 5]

37-й пехотной дивизии, но и известным издателем. Ещё в 1871 г. он основал консервативно-оппозиционную газету «Русский Мир». В 1876 г. Виссарион Виссарионович выехал в Сербию, где занял место начальника штаба тимоко-моравской армии и был произведён в сербские генералы. Кроме того, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1886–1891 гг. В.В. Комаров издавал журнал «Звезда», 1889–1891 гг. – «Славянские Известия», а в 1902–1907 гг. был издателем «Русского Вестника». В семье Виссариона Виссарионовича и Екатерины Григорьевны Комаровых Володя получил полное материальное обеспечение, и его определили в Шестую гимназию Санкт-Петербурга.

Лето Владимир нередко проводил в имении Ровное-Михайловское, принадлежавшем деду по материнской линии, Михаилу Карловичу Линденбауму, которое располагалось в Ровенской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. Многое о жизни Комаровых в имении удалось узнать из хранящегося в Боровичском музее дневника деда Владимира Леонтьевича Комарова, тайного советника Михаила

Карловича Линденбаума, жившего в 1870–1890-х гг. в усадьбе. Он начал вести дневник во время своей службы в Оренбурге в 1865 г. Повседневные записи в нём перемежаются с воспоминаниями, по которым можно проследить родословную, личную жизнь и послужной список автора. После отставки Михаил Карлович стал подыскивать имение в провинции, выбор пал на усадьбу Ровное-Михайловское, которую её владелец, аптекарь Лютгенс, уступил за 9500 р. Почти всё время Линденбаум проводил в усадьбе и, как известно из «Дневника», выезжал в Петербург в декабре 1876 г. и в конце января 1877 г. В один из тех приездов он встречался с братом мужа своей дочери Елизаветы – Виссарионом Виссарионовичем, а также с писателем Фёдором Михайловичем Достоевским. Вот что об этом написано в дневнике: *«Я был в Петербурге у Достоевского, чтобы познакомиться с этим замечательным писателем-беллетристом. Он ещё не стар (лет под пятьдесят), но болезненный вид имеет; много, говорит, выстрадал*

Владимир Комаров при поступлении в университет. Фото из Архива ЦГИА

В.Л. Комаров на экскурсии в Боровичском уезде Новгородской губернии, 1888 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 3]

в течение своей жизни. Он принял меня очень любезно, но мне хотелось только видеть его и больше ничего» [Линденбаум. Архив Боровичского музея: <https://53news.ru/novosti/36930-obrusevshij-nemets-ostavil-bolee-tysyachi-stranits-opisaniya-zhizni-borovichskogo-uezda.html>].

В имении деда происходило много интересного и полезного для становления характера Володи, который впитывал все впечатления ближайшего окружения и семьи в целом. Дед рассказывал ему о своих поездках в Петербург, о встречах с интересными людьми, в частности о встрече с писателем Ф.М. Достоевским, что было примером вдумчивого отношения к жизни и серьёзности выбора жизненного пути. Владимир Комаров именно в усадьбе деда Михаила Карловича самостоятельно увлёкся изучением флоры Боровичского уезда, это детское увлечение определило в последующем его профессиональный выбор.

Дед был человеком образованным, круг общения включал писателей. Он рано потерял жену и заключил брак с молоденькой бонной своих детей, француженкой Антуанетой Эдуардовной, швейцарской подданной. *«У неё В.Л. Комаров с детства научился французскому языку, которым владел в совершенстве»* [Павлов, 1951, с. 6].

Владимир испытывал большой интерес к естественным наукам, которые, к сожалению, не преподавались в Шестой гимназии Санкт-Петербурга, но он самостоятельно совершал пешеходные экскурсии в имении деда в Боровичах и изучал бассейны рек Мсты, Ловати, Тигоды, легендарного озера Ильмень. Во время экскурсий он собирал растения, делал гербарии, определял виды растений, эти увлекательные исследовательские экспедиции он не прекращал и в студенческие годы, когда учился в университете.

Владимир Комаров учился в Императорском Санкт-Петербургском университете с 1890 по 1894 г., окончил его с дипломом первой степени. Ещё будучи студентом, он по поручению Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей совершил две поездки в Туркестан, в Самаркандский округ, результатом чего явились три работы по малоисследованной флоре Зеравшанского бассейна, за одну из которых Комаров получил в университете золотую медаль. *«В 1894 г. он делает в Петербургском обществе естествоиспытателей, как значится в записи протокола, подробное, обстоятельное сообщение: “Некоторые данные по флоре западных уездов Новгородской губернии”,*

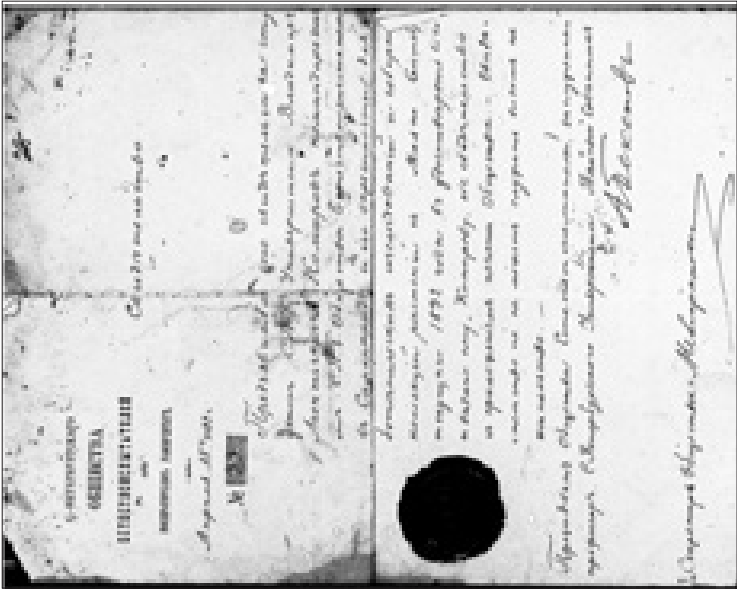
Здание С.-Петербургского Императорского университета.
Почтовая открытка

а в 1896 г. публикует в трудах Общества “Дополнение к списку растений западных уездов Новгородской губернии”» [Павлов, 1951, с. 6].

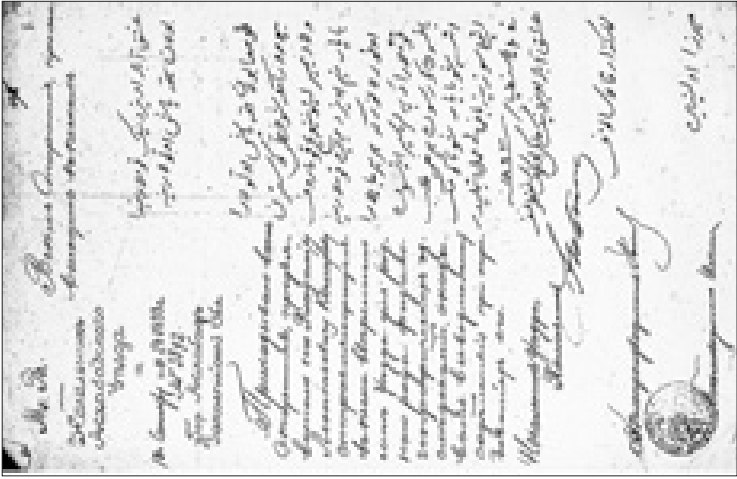
В одной из своих автобиографий Комаров писал: «Семидесятые годы прошлого столетия, когда развивалось моё первое детское сознание, были полны борьбой народников, а позднее народовольцев с царским правительством, и отклики этой борьбы в форме газетных заметок до сих пор остались в моей памяти как героика той эпохи» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 18].

<...>

Увлечение марксизмом в студенческие годы привело Комарова в круг лиц, занимавшихся революционной деятельностью. Владимир попал под негласный надзор полиции, которая передала выпускника университета под гласную опеку Судебной палаты, лишив его права свободного перемещения по стране. Из-за отсутствия свидетельства о благонадёжности остаться при университете было невозможно, и Комаров добился через Географическое общество, действительным членом которого он стал в 1895 г., разрешения на трехлетнюю экспедицию на Дальний Восток. Сам В.Л. Комаров об этих годах

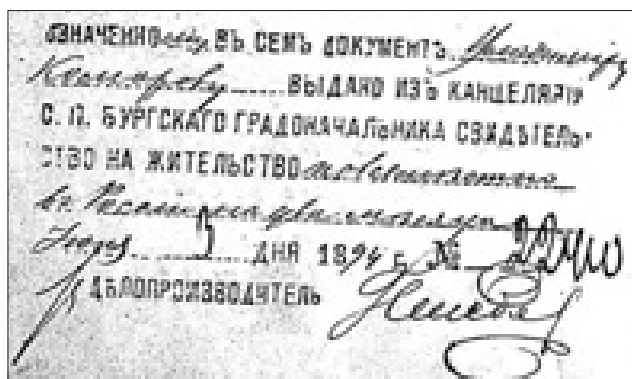

Свидетельство С.-Петербургского общества естествоиспытателей, выданное студенту В.Л. Комарову, командированному в Самарканд и его окрестности для ботанических изысканий, 1892 г. [АРАН. ф. 277. Оп. 2. Д. 1. Л. 1]

Письмо начальника Ашхабадского уезда об оказании содействия Комарову во время физико-географических исследований, 1893 г. [АРАН. ф. 277. Оп. 2. Д. 2. Л. 1]

Свидетельство
на жительство
повсеместно
в России на два
месяца, выданное
Владимиру
Комарову 3 июня
1894 г. [АРАН.
Ф. 277. Оп. 2.
Д. 162. Л. 11]

вспоминал следующим образом: «В классической школе (я окончил Шестую гимназию) совсем не было естественных наук, но тем не менее с 14 лет я всё более и более увлекался чтением книг по естествознанию, а если попадал за город, то и экскурсиями в природу, почему, несмотря на неодобрение субсидировавших меня родственников, и поступил на физмат нынешнего ЛГУ. На пороге

В.Л. Комаров – выпускник Санкт-Петербургского университета, окончивший его с дипломом 1-й степени, 1895 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 7]

Диплом члена Императорского Русского географического общества, 1895 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 4. Л. 1]

университетской жизни я очень увлёкся дарвинизмом и даже перевёл весь том о происхождении видов. К сожалению, позднее, в минуту острой самокритики, я рукопись сжёг и не могу теперь сравнить свой перевод с другими. В университете в первые два года я со всем увлечением отдался работе в кружках, где изучались труды К. Маркса, и в индивидуальном порядке остановился на Ф. Энгельсе, который поразил меня ясностью и последовательностью своего учения, совершенно затмил в моём сознании наших народников и даже Плеханова. По окончании университета я оказался под опекой судебной палаты и лишённым права выезда. По плохому здоровью был освобождён от военной службы, и надо было искать постоянного заработка, а между тем всюду требовалось пресловутое «свидетельство о благонадёжности», которого я как подследственный получить не мог. Да и сама служба не привлекала, и я через Географическое общество прикомандировался к изысканиям Амурской железной дороги. Около полугода пришлось потратить на хлопоты в департаменте полиции, чтобы получить разрешение на выезд в Амурскую и Приморскую области. Помогло то обстоятельство, что Амурская дорога считалась важным государственным делом, и желающих ехать в столь отдалённый край было немного» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 18, 19]. Тем не менее мы должны отметить, что в части утверждения о неблагонадёжности Комарова существуют ряд неясностей. Так, Бялт и Бубырева [2014, с. 92] указывают, что «согласно личному делу Комарова 31 марта 1994 г. им было подано прошение и получено удостоверение в благонадёжности с замечанием «В.Л. Комаров ни в чём предосудительном в стенах оного [университета – авт.] замечен не был»». Авторы считают, что сведения о революционной деятельности Комарова во время учёбы в университете были преувеличены для оформления официальной биографии учёного в условиях советской России.

Экспедиция в восточный регион оказалась немногочисленной – сам Комаров и два солдата-рабочих. Так начались трехлетние (1895–1897) исследования растительности Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи. Участие в этих экспедиционных поездках требовало от её участников определённого мужества. Ведь к концу 1890-х годов в провинциях Китая, расположенных близ границ Российской империи, образовалось множество тайных сообществ, так называемых боксёров, одной

Владивосток в конце XIX века [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 87. Л. 12]

из целей которых стало русское Приамурье, которое китайцы считали своим. К ноябрю 1897 г. начались массовые столкновения повстанцев на севере Цинской Империи с китайскими и иностранными войсками, достигшие пика во время Боксёрского восстания 1898–1901 гг. Комаров удачно, без происшествий, провёл полевые сезоны. Во время

Владивосток в конце XIX века. В центре – арка Цесаревича (Триумфальная арка), справа от арки видно здание Общества изучения Амурского края (в лесах).

Почтовая открытка

пребывания во Владивостоке он познакомился с Обществом изучения Амурского края. Впервые Владимир Леонтьевич выступил в Обществе в 1896 г. с сообщением «О Маньчжурской экспедиции 1896 г.». В конце следующего года (3 декабря 1897 г.) состоялось его сообщение «Об экспедиции в Маньчжурию через Мукден и Гири́н».

Надо заметить, что в те времена переезд на Дальний Восток представлял собой большие трудности. Достаточно сказать, что, например, переезд Н.М. Пржевальского на Дальний Восток в 1867 г. продолжался несколько месяцев. В.Л. Комаров избрал морской путь. По-видимому, путешествия через тропики не произвели на Комарова большого впечатления, поскольку впоследствии нигде и никогда он о них не упоминал [Павлов, 1951]*. Тем не менее в Архиве РАН сохранились воспоминания директора Балханского ботанического сада Казахского филиала АН СССР В.И. Скобунова, семья которого в 1897 г. морским путём переселялась на Дальний Восток на одном судне вместе с В.Л. Комаровым. Вот как об этом совместном путешествии вспоминал Скобунов: *«Здесь, на Дальнем Востоке, во время неоднократного переезда В.Л. встречает сотни тысяч переселенцев (в том числе и семью автора), покинувших родные места, гонимых сюда в поисках хлеба и работы. Как же произошло моё первое знакомство с В.Л. Комаровым? Это случилось в 1897 г., когда наша семья переезжала с Украины на Дальний Восток. В апреле этого года на большом океанском пароходе наша семья вместе с другими переселенцами и войсками переезжала из Одессы во Владивосток. На этом же пароходе ехал В.Л. Комаров. Его экспедиция направлялась из Петербурга в Маньчжурию и Корею. Мне ясно вспоминается, как на палубе собирались крестьяне-переселенцы, окружив молодого человека низкого роста (это был В.Л. Комаров) и расспрашивая его о новых землях, странах. Он с большим желанием, увлекательно рассказывал им о богатых пустующих землях Дальнего Востока и их растительности. Я, будучи тогда ещё юношей, как дитя украинской степи, с замиранием сердца слушал его рассказы и полюбил*

* На самом деле об этих путешествиях В.Л. Комаров упоминал в своих автобиографиях: «Амурская дорога была важным государственным делом, а желающих ехать в столь отдалённый край было немного. Во Владивосток тогда попадали морем из Одессы, огибая Индию и Китай, и поездка длилась 45 дней в один конец, а я проделал её дважды, прожив на море 180 дней» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 3, 19].

Торговые и пассажирские суда в 19-м веке. Фото с почтовой открытки

эту тайгу, обрисованную Владимиром Леонтьевичем: кедры, дикие кишмиши, изюмы, винограды, огромные стаи диких кабанов и тигров, косуль, белок и с юношеской душой завидовал этому остроумному и красивому молодому человеку» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 129. Л. 3].

В.Л. Комаров был пионером в освоении Дальневосточного края. Ещё в 1896 г. он издал брошюру «Сельскохозяйственный вопрос в Амурской области», в том же году «Условия дальнейшей колонизации Амура» и впоследствии неоднократно возвращался к этой теме. Решалась она в те годы далеко неоднозначно. Позднее академик А.Е. Ферсман охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: *«В то время господствовали идеи крупного тогда авторитета – академика Коржинского – об особенностях растительного покрова Амурской области и об отрицательном влиянии хозяйства на растительность этого края. В.Л. Комаров выступил горячо и решительно против этих идей, подчёркивая, что нельзя подходить к природе исключительно с естественно-исторической точки зрения, что человек оказывает на природу огромное влияние, что без экономического анализа нельзя оценивать практическое значение каких-либо территорий. Человек сам изменяет, углубляет и направляет природу – исчезают вредные насекомые и животные, жёсткие травы сменяются мягкими луговыми, болота осушаются,*

Императорский Ботанический сад, конец 19-го века. Почтовая открытка

человек овладевает местными условиями и сам приспособливается к ним. Человек не хищник, который оставляет после себя лишь бурьян, нет — это организующая сила, овладевающая природой. В.Л. сам блестяще показал это в своих научных работах, в которых он развил идею о возможности широкого использования огромных территорий Дальнего Востока для сельского хозяйства. Всё современное хозяйство Дальнего Востока показывает справедливость этих идей» [Ферсман, 1939, с. 17].

После возвращения из экспедиции на Дальний Восток до Комарова дошли вести о том, что скончался его дед, Михаил Карлович Линденбаум. Точная дата его смерти неизвестна, последние записи «Дневника» датированы 1889 г. — рождением внука Сергея. Сергей Николаевич Поршняков, сын Ольги Михайловны (сестры матери Владимира Леонтьевича), также окончил Санкт-Петербургский университет, в 1920-х гг. окончательно поселился в Боровичах и стал директором краеведческого музея. Ему мы и обязаны тем, что имеем возможность держать в руках «Дневник» одного из деятелей пореформенной России, знавшего и пережившего многих великих своих современников [Игнатъев А. «Дневник Михаила Карловича

Линденбаум» 1877 г. Опубликовано на сайте Боровичского музея. (<https://53news.ru/novosti/36930-obrusevshij-nemets-ostavil-boleetysyachi-stranits-opisaniya-zhizni-borovichskogo-uezda.html>). Дата обращения 17.05.2020 г.]

Императорское Русское географическое общество за путешествие по Маньчжурии и Корее присудило Комарову в 1897 г. одну из своих высших наград – Большую серебряную медаль имени Пржевальского.

Результаты экспедиций по южной части русского Дальнего Востока, Корее и Маньчжурии легли в основу фундаментального научного сочинения Владимира Леонтьевича «Флора Маньчжурии» в трёх томах, первый том которого в 1901 г. был опубликован [Комаров, 1901], а в 1902-м – защищён Комаровым в качестве магистерской диссертации. В этой публикации приведены сведения о 1682 видах растений, из которых 84 впервые описаны В.Л. Комаровым. В своём сочинении он не ограничился всесторонним описанием растений; он дал подробную ботанико-географическую характеристику исследованных территорий. За эту работу Академия наук присудила Комарову премию академика Карла Бэра, а Международная Академия ботанической географии во Франции наградила его медалью с рельефным изображением Турнефора и Линнея.

<...>

В 1898 г. Комаров получил место консерватора в Санкт-Петербургском ботаническом саду, одновременно он стал преподавать несколько ботанических курсов и цикл практических занятий по анатомии и по систематике растений в Петербургском университете, а с 1899 г. – и общий курс ботаники на частных женских курсах одного из его любимых учителей и старшего друга, профессора П.Ф. Лесгафта. В разнообразии читаемых курсов проявилось его блестящее педагогическое дарование. Читал он необыкновенно живо и увлекательно, приводя богатейший иллюстрационный материал. После лекций его забрасывали вопросами, завязывались оживлённые беседы и споры, во время которых расширялся научный кругозор слушателей и загорался интерес к самостоятельным творческим исследованиям [Павлов, 1951].

В мае 1902 г. Комаров, на общие средства и по совместному поручению Русского географического общества (РГО) и Ботанического

Озеро Косогол (Хубсугул) и горы Восточного Саяна, Монголия.
[<https://photosight.ru/photos/6286011/>]

сада, отправился в следующую экспедицию, на этот раз в Восточную Сибирь и Монголию для изучения флоры Восточных Саян, горы Мунку-Сардык и оз. Косогол (Хубсугул). Интереснейшим результатом путешествия можно считать вывод учёного об очевидных признаках древнего оледенения в Восточных Саянах. А ведь до того считалось почти доказанным отсутствие следов ледникового периода в Сибири, о чём утверждал её исследователь И.Д. Черский на основании теоретических доводов известного русского климатолога А.И. Воейкова. Странно, что ботанические коллекции этой экспедиции плохо освещены в печати, лишь позже часть была описана Комаровым в «Гербарии русской флоры», выпускавшемся Ботаническим музеем Академии наук. Интересно, что, хотя в Монголию Владимир Леонтьевич не возвращался, для её изучения он сделал больше всех. Дело обстояло так. После смерти в 1891 г. академика К.И. Максимовича (единственного тогда отечественного ботаника, который занимался флорами Японии, Китая и Монголии) более 14 лет некому было обрабатывать обширные коллекции, собранные в Монголии, на Тибете и в Китае экспедициями РГО под руководством Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова и др. В 1905 г. учёный совет РГО при участии вице-президента П.П. Семенова-Тян-Шанского поставил вопрос

о судьбе азиатских коллекций Петербургского ботанического сада, самую ценную часть которых составили сборы этих экспедиций. И на заседании 5 декабря 1905 г. было принято решение о передаче коллекции китайских и монгольских растений для изучения Комарову, с тем чтобы черновая обработка была закончена в январе 1907 г. По свидетельству Павлова: *«Такая работа... требовала огромного времени и затраты физических сил. Так было и на этот раз, когда из общих азиатских коллекций, включавших и растения тропических стран, Комаров принялся выделять гербарий Центральной и Восточной Азии, т.е. растения Китая (с Маньчжурией), Кореи, Японии, Монголии и Тибета... <...> ...По приведении коллекций в порядок оказалось, что этот гербарий включает до 440 пачек, содержащих всего около 6000 видов растений (50 тыс. экземпляров или гербарных листов). При этом пачки в старом хранилище сада были настолько тяжелы и велики, что каждую из них едва мог поднять человек. Когда в июне 1914 г. гербарий переезжал в занимаемое им ныне помещение, пришлось – в связи с иными размерами шкафов – эти пачки разукрупнить; их число выросло с 440 до 1180»* [Павлов, 1951, с. 80]. В результате огромной и кропотливой работы были написаны пять монографий о родах растений исследованных районов. Позже эти монографии Комаров объединил в книгу «Введение к флорам Китая и Монголии» [Комаров, 1908], которую представил в 1911 г. в Московский университет в качестве докторской диссертации.

В 1906 г. В.Л. Комаров начал читать курс общей ботаники на краткосрочных педагогических курсах Фребелевского общества и в этом же году – курс ботанической географии на частных Высших женских естественнонаучных курсах М.А. Лохвицкой-Скалон. Именно эти курсы посещала его будущая вторая жена Надежда Викторовна Старк. Она же помогала ему с организацией на курсах кафедры ботаники. В Архиве РАН имеется рукопись Надежды Викторовны с воспоминаниями о муже, подготовленная ею в 1946 г., т.е. уже после смерти В.Л. Комарова, очевидно, для какого-то выступления, посвящённого памяти учёного. Вот что она пишет о первой встрече с Комаровым: *«Вспоминаются мне далёкие годы – первое моё знакомство с Вл. Л. Я поступила в 1906 г. на Высш. Женск. Естественно-научные курсы в Ленинграде. В первом полугодии лекции по ботанике нам читал Вл. Март. Арциховский. Его лекции мы слушали с удовольствием. И вот во 2-м*

В.Л. Комаров со студентами и сотрудниками на экскурсиях, 1909 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 8. Л. 5]

В.Л. Комаров со студентами и сотрудниками на экскурсиях, 1910 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 8. Л. 6]

полугодии мы узнали, что проф. Арциховский переводится не то в Киев или Одессу, не помню хорошо — а нам будет читать новый профессор Влад. Леонт. Комаров. С недоверием и опаской встретили мы тогда ещё молодого профессора, но очень скоро он завоевал нашу любовь. Он увлекал нас своими замечательными лекциями, особенно по географии растений. Мы вместе с ним бывали то в тропических лесах на берегах Амазонки, то переносились в пустыни и полупустыни с их редкой растительностью, то в тундры, покрытые лишайниками

Комаров с родственниками в Ровно
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 9. Л. 5]

с какой-нибудь карликовой берёзкой, то поднимались в горы, и Вл. Л. раскрывал перед нами всю роскошь альпийской растительности. Не менее интересны были и его практические занятия по анатомии растений, по систематике споровых и цветковых растений. На этих занятиях и создавался «практич. курс споровых раст.». Вспоминаются вечера суббот, которые Вл. Л. отдавал нам, ботаничкам. Тут мы работали кто с чем хотел. Кто проходил расширенный курс анатомии растений, кто работал по споровым, большинство же занималось определением растений либо своих собственных сборов, или сборов каких-нибудь экспедиций. На этих субботниках Вл. Л. хорошо узнавал нас, узнавал и о том, кто из нас материально нуждался, и всегда старался пойти навстречу и помочь, но помочь деликатно. Предлагал работать то по инсерации гербария в Ботанич. Саду, ныне Ботанич. Институт, то предлагал вести экскурсии в оранжереях

Ботанич. Сада, то переводы тому, кто владел языками, и как уже много, много лет спустя мы узнали – все эти работы он оплачивал сам...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 1–3].

Курсы Лохвицкой-Скалон были закрыты на следующий год после революционных событий 1917 г., но именно Комаров вырастил здесь значительную часть женщин-ботаников, в том числе для вузов и средней школы. Впоследствии курсы влились в 3-й Государственный педагогический институт, где с 1919 по 1925 г. Комаров продолжил преподавание [Урмина, 2020].

В 1906 г. объектами исследований учёного стали Онежское, Чудское и другие озёра. В этом же году он работал в гербариях Лондона и Парижа, а в 1908–1909 гг. Комаров предпринял две важные экспедиции на Камчатку с целью изучения её флоры. Ещё в 1903 г. он внёс предложение об организации Камчатской экспедиции в совет РГО, но тогда ходатайство отклонили. В этот раз по инициативе Семенова-Тян-Шанского была сформирована комплексная экспедиция из пяти самостоятельных партий: геологии, метеорологии, ботаники, зоологии и этнографии. Комаров взял в экспедицию в качестве помощников трёх своих учеников и одного добровольца. В подготовке поездки большую помощь оказал председатель отделения физической географии РГО

В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке, 1908–1909 гг.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 6]

В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке, 1908 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 19]

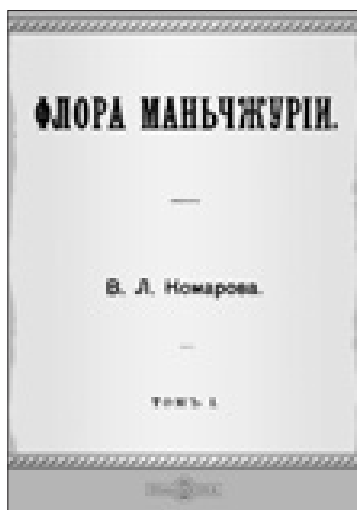
В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке, 1908–1909 гг.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 4]

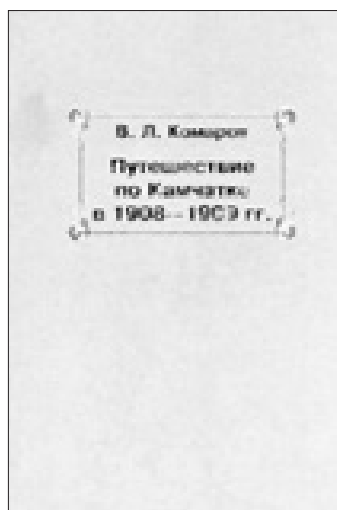
В.Л. Комаров к концу экспедиции на Камчатке, 1909 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 1]

Ю.М. Шокальский*, который затем стал для Владимира Леонтьевича настоящим другом на многие годы. Не будем останавливаться на подробностях этого путешествия, оказавшегося весьма сложным в передвижениях, отметим только, что во вторую летнюю экспедицию отправились только три человека, а необходимых рабочих нанимали на месте. Результатом проведённых исследований стал классический труд «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.» [Комаров, 1912] – настоящий кладёзь всесторонних сведений о полуострове. Помимо описания растительного мира Камчатки, Комаров осуществил почти полную сельскохозяйственную перепись населения полуострова, установив следующие факты: коренного населения на тот момент было около 8 тыс. человек, настоящих камчадалов не было, язык практически не сохранился, единственными источниками выживания были рыбная ловля и охота. Перспективы развития этих мест учёный видел лишь за счёт заселения новыми людьми уже существующих посёлков и улучшения быта самих аборигенов.

*Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940) – учёный-географ, океанограф, картограф, генерал-лейтенант (1912), председатель Русского географического общества (1917–1931), член-корреспондент (1923), почётный академик (1939) АН СССР.

Обложка 1-го тома книги В.Л. Комарова
«Флора Маньчжурии»

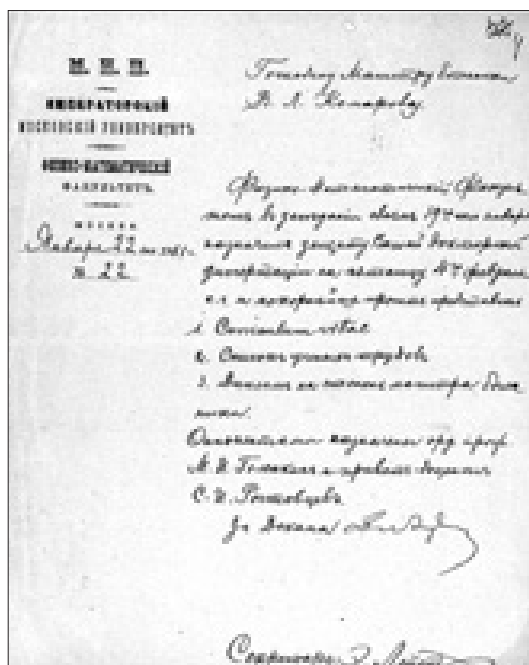

Обложка книги В.Л. Комарова
«Путешествие по Камчатке
в 1908–1909 гг.»

В 1905 г. В.Л. Комаров через Е.Д. Стасову* сблизился с большевиками и организовывал явки для членов большевистского ЦК. Ещё 9 апреля 1904 г. из ЦК РСДРП (Петербург) было направлено шифрованное письмо в Германию. В нём, в частности, говорилось: «Сообщаем адрес для писем: Петербург... Явка – Ботанический музей» [ЦГАОР СССР. Ф. ДП. ОО, 1904 г. Д. 2392. Л. 78]. Эта явка была организована с согласия Комарова; его же личная квартира при Ботаническом музее использовалась большевистской организацией для получения шифрованных писем и предоставления ночлега приезжавшим из-за границы или с периферии большевикам [Стасова, 1969].

Начало первой русской революции слушательницы курсов П.Ф. Легафта, где продолжал преподавать Комаров, встретили восторженно. Многие из них были участниками народного шествия к Зимнему дворцу, стали свидетелями расстрела мирных манифестантов. Несколько

* Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) – российская революционерка, советский деятель международного коммунистического, женского, антивоенного и антифашистского движения. В годы первой русской революции Е.Д. Стасова, работая в Петербурге и Женеве, отдавала много сил организации подпольных типографий, изданию и транспортировке нелегальной партийной литературы.

Диплом Императорского Московского университета о присвоении степени доктора ботаники В.Л. Комарову на основании защищённой 24 февраля 1911 г. диссертации на тему «Введение к флорам Китая и Монголии» (04.04.1916 г.) [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 12. Л. 1]

курсисток было убито и ранено. 9–10 января 1905 г. помещения курсов превратились в походный госпиталь. По инициативе Комарова туда доставлялись десятки раненых рабочих, женщин, детей. В этот же период Комаров организует объединение приват-доцентов, сыгравшее заметную роль в общественном подъёме страны. Сам Комаров так писал об этой организации в своей автобиографии: *«Большое значение имело для меня Общество лаборантов и приват-доцентов, как место, где расслоение молодых учёных того времени на классовые группировки можно было наблюдать весьма легко. В период реакции общество это было закрыто, и я был его последним посетителем и даже председателем»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 20].

Елена Дмитриевна Стасова

Надо заметить, что, несмотря на участие В.Л. Комарова в революционном движении, усердие сотрудника Ботанического сада не осталось без внимания императора Николая II, который в 1903 г. пожаловал Владимиру Леонтьевичу орден Святого Станислава 3-й

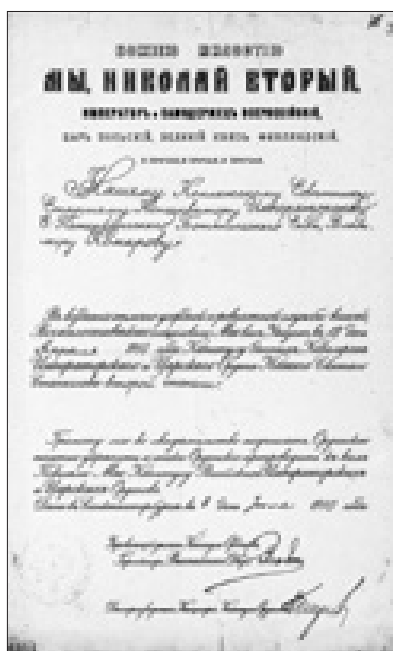
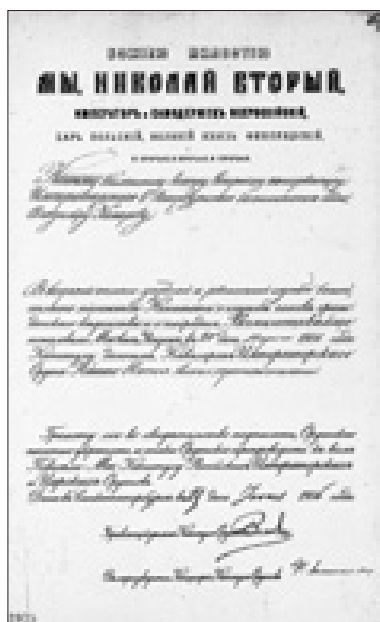
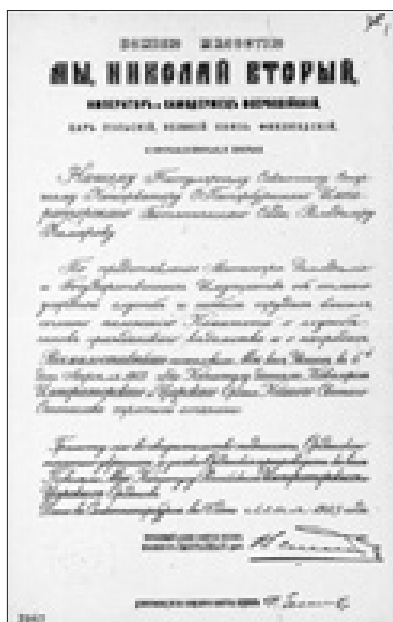
Картина Войцеха Коссака «Кровавое воскресенье»

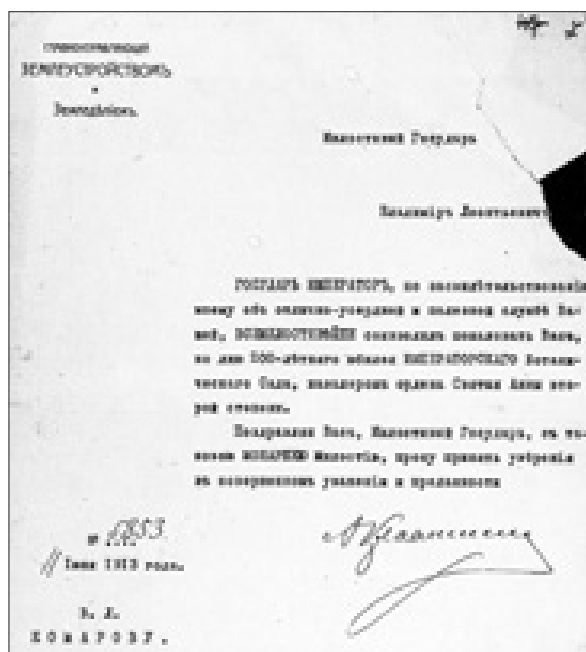
Слушательницы курсов Петра Францевича Лесгафта.
[http://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/7/125/4/125004549_1896Petra_Lesgaft.jpg]

степени, в 1906 г. – орден Святой Анны 3-й степени, в 1910 г. – орден Святого Станислава 2-й степени, в 1913 г. – орден Святой Анны 2-й степени и светло-бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых для ношения на груди, право на ношение особого нагрудного знака в память 200-летия Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, в 1916 г. – орден Святого Владимира 4-й степени. Кроме того, Высочайшим указом по гражданскому ведомству от 29 сентября 1914 г. № 67 В.Л. Комаров был произведён в статские советники со старшинством с 1 августа 1913 г.* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 34].

* Статский советник в России соответствовал должности вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты и чинам бригадира армии и капитан-командора флота. Обращением к этому чину было «Ваше высококородие». Чин статского советника упразднён декретом Советской власти 10 (23) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и чинов».

Наградные свидетельства В.Л. Комарова, 1903–1913 гг. [АРАН. Ф.2. Оп.2. Д.5.]

Наградные свидетельства В.Л. Комарова, 1903–1913 гг. [АРАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5]

2. РАСЦВЕТ ТВОРЧЕСТВА (1913–1930 гг.)

В 1913 г. В.Л. Комаров по поручению Переселенческого управления отправился в экспедицию по Южно-Уссурийскому краю, что имело большие последствия для его дальнейшей научной деятельности. Сам Комаров совершил обследование местности от Владивостока до озера Ханка, посетив при этом долины рек Супутинки, Майхе, Лефу, Даубихе, Сантахезы, Сучана и морское побережье вдоль тракта из Шкота к устью Сучана. Помощники В.Л. Комарова в это же время исследовали другие районы, и экспедиция в целом охватила территорию, расположенную между хребтом Сихотэ-Алинь и Пограничным хребтом. В период этой поездки у Комарова произошла перестройка его флористических интересов. Если до 1913 г. его научные интересы и работы выходили за пределы России и через Северную Корею связывались с Китаем, то после этого года он отдаёт приоритет изучению южной части русского Дальнего Востока [Павлов, 1951, с. 163].

В последующие годы В.Л. Комаров вёл активную переписку с консерватором музея Общества изучения Амурского края Александром

Фасад здания гербария Императорского Ботанического сада
имени Петра Великого, 1915 г.

Хранилище гербария Императорского Ботанического сада, 1915 г.

Ивановичем Черским, директором Гродековского музея Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (РГО) Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым и другими дальневосточными подвижниками. Наибольший интерес для нас представляет переписка с известным исследователем Дальнего Востока, этнографом и писателем

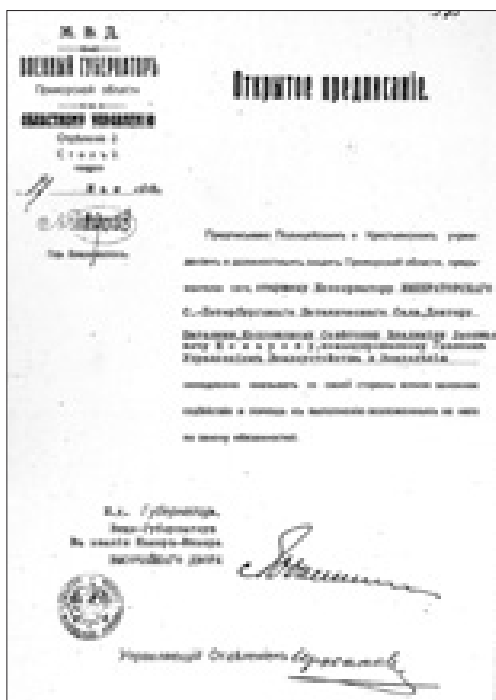
Открытый лист директора Императорского Ботанического сада об оказании возможного содействия и покровительства В.Л. Комарову от 1 мая 1913 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1. Л. 38]

Открытое предписание Военного губернатора Приморской области Областному управлению об оказании содействия В.Л. Комарову, 17 мая 1913 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1. Л. 39]

В.К. Арсеньевым. Владимир Клавдиевич 3 июня 1915 г. писал Комарову: «Обращаюсь к Вам с большой покорнейшей просьбой: Не откажите выслать мне с наложенным платежом Ваши труды по флоре Приамурского края. Этим Вы окажете мне величайшую услугу. Вот уже 16 лет, как я занимаюсь исследованиями в Приамурье. Покончив с Уссурийским краем, я хочу центр тя-

жести своих работ перенести за Амур в область озёр к югу от реки Амгуни и к северу от неё до берегов Охотского моря... <...> ... Я только что закончил свой большой труд «По Уссурийскому краю» – физико-географическое описание пройденных маршрутов, но не могу пустить в печать, пока не проредактирую все то, что касается растительности, вот почему Ваши капитальные труды для меня так желательны и теперь и в будущем надо иметь под рукою. Примите мои уверения в искреннем к Вам уважении. В. Арсеньев» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 1, 2].

Вскоре, 11 октября 1915 г., Арсеньев сообщал Комарову: «...Я очень, очень благодарен Вам за книги, которые Вы хотите мне прислать. Это будет для меня весьма ценный презент. Буду у Вас в большом долгу. Благодарю Вас за письмо – оно написано в таком любезном и дружеском тоне, что невольно, как индуктивный ток, придаёт мне новый запас энергии и уверенности в работе. Я очень рад, что вошёл с Вами в контакт, ибо приходится работать в крае,

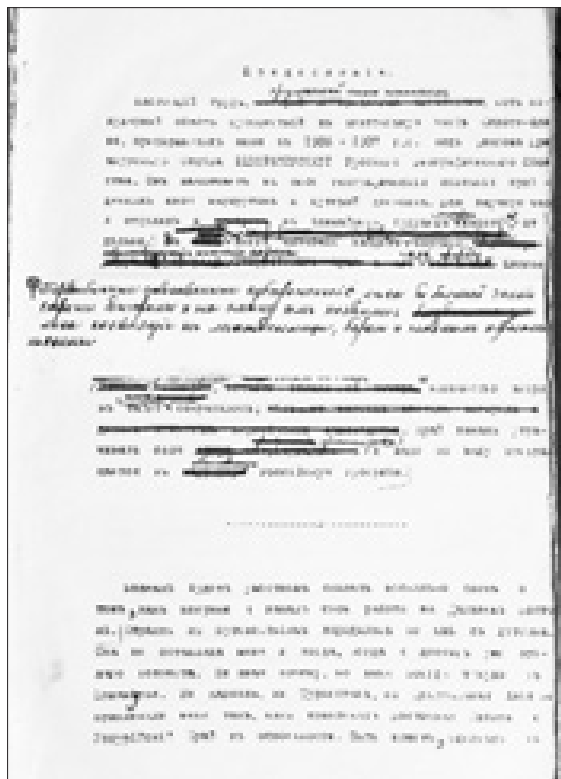

Владимир Клавдиевич Арсеньев

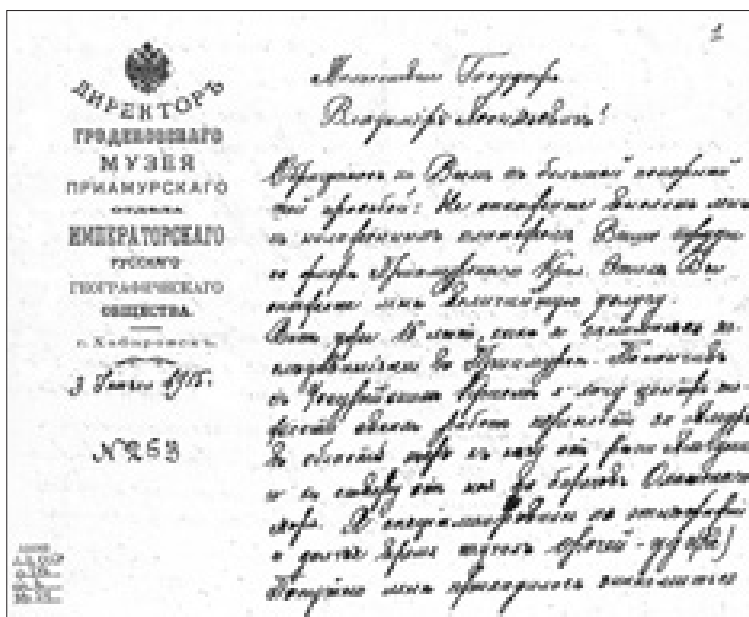
который обоим нам одинаково дорог. Уссурийский край – страна интересная во всех отношениях. К сожалению, на месте так мало работников! От Владивостока до Камчатки и на запад до Забайкалья едва ли можно насчитать 7 человек. Нельзя сказать, чтобы в Примурском крае не было образованных людей – их много, но карьерные соображения берут верх над долгом перед родиной, над наукой, даже над элементарными правилами товарищества, честности и т.п... <...> ... При таких условиях работать очень тяжело. Вот

почему письмо Ваше так для меня приятно. – В нём я нашёл поддержку. Буду работать! Примите мой искренний привет и добрые пожелания. Преданный Вам В. Арсеньев» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 3, 4].

Следом, в письме от 31 декабря 1915 г., Владимир Клавдиевич писал: «Я только что вернулся из командировки и в г. Хабаровске

Первая страница рукописи В.К. Арсеньева «Дерсу-Узала» Из воспоминаний о путешествиях по Уссурийскому краю. 1902–1906 гг. [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. К1, приложение]

[illegible]

Письмо Арсеньева Комарову от 3 июня 1915 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 1, 2].

в музей нашёл Ваше любезное письмо. Генерал Губернатор и Командующий войсками округа посылали меня в Посыетский район организовать охрану русских пограничных селений от нападений хунхузских шаек, участвовавших после ухода войск из Уссурийского края на театр военных действий. Пришлось три раза быть в перестрелках. Три шайки мы разогнали (убито 19 хунхузов, ранены 6, задержано 2, остальные бежали); у нас потерь не было. Ранен один казак. Спешу Вас уведомить, что книги я получил. Очень и очень благодарю Вас за них... Если у Вас, Владимир Леонидович, будут какие-либо поручения здесь в Примурском крае – пишите мне, я немедленно их исполню. В Музей поступил от Г. Гудзенко небольшой гербарий растений, собранных им около Новокиевского летом 1914 г. Некоторые растения имеют очень подробные даты, а некоторые лишены их. Не надо ли их Вам. Если угодно, телеграфируйте, я пришлю их посылками безотлагательно. Моя работа близится к концу – боюсь, что она будет тяжеловесна. Не думаете ли Вы в этом году посетить наши края?...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 5, 6].

<...>

В 1916 г. в Приморье произошло знаменательное событие – преподавателем математики и географии Никольск-Уссурийской женской гимназии Александром Зиновьевичем Фёдоровым (1886–1945) в Никольск-Уссурийском (ныне г. Уссурийск) было создано Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества.

Библиограф А.З. Фёдорова Анатолий Михайлович Кузнецов утверждал: «Наступивший 1916 г. имел огромное значение в жизни Александра Зиновьевича. Прежде всего потому, что ему удалось осуществить один из основных замыслов – в апреле состоялось открытие Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества. Идея создания в Никольске-Уссурийском научного общества, которое объединило бы лучшие силы местной интеллигенции для исследовательских целей, возникла у Фёдорова ещё в 1914 г. На пути к реализации этой идеи возникали большие трудности, и многим она казалась, как это часто случалось с планами А.З. Фёдорова, почти нереальной. Однако фёдоровский характер и его незаурядные организаторские качества сделали своё дело, и без согласования с Петроградом новое отделение РГО было все же открыто. Нет

нужды говорить, что Александр Зиновьевич, избранный сначала делопроизводителем (учёным секретарём) общества, стал его душой и главным генератором идей...» [Кузнецов, 1997, с. 115].

На самом деле Александр Зиновьевич при открытии Отделения, несомненно, заручился поддержкой В.Л. Комарова. Кроме того, у нас есть основания утверждать, что первая, но неудачная попытка открытия Фёдоровым Отделения РГО была предпринята ещё до 1913 г. Дело в том, что в Архиве РАН сохранилось письмо В.Л. Комарова Фёдорову, выполненное на бланке секретаря Русского географического общества и датированное 5 января 1913 г. В данном письме Комаров сообщает Фёдорову, что в ответ на его некую «отчаянную телеграмму» Владимир Леонтьевич предпринял определённые шаги в защиту Фёдорова и перечислил для Отделения через Госбанк небольшую субсидию [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 190. Л. 1].

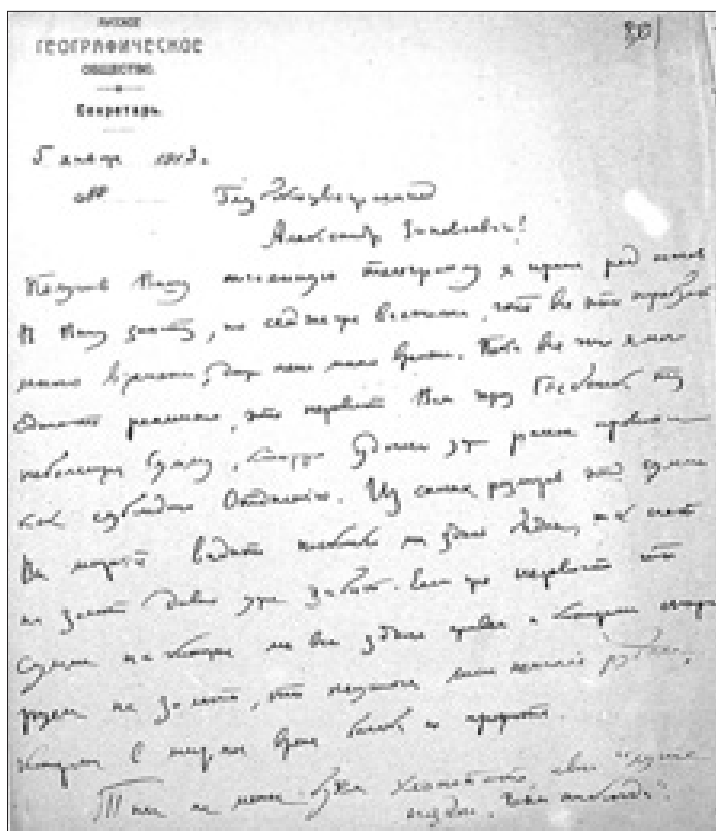
После открытия Отделения А.З. Фёдоров 21 января 1917 г. в своём письме консультируется у Комарова по ботаническим вопросам и заверяет Владимира Леонтьевича в своей «полной готовности» служить ему: *«Занимаясь уже в течение около 5 лет археологическими исследованиями края, я пришёл к положительному заключению, что в поисках остатков исчезнувшей культуры в местах незаселённых, как признак, огромную роль играет растительность... <...> ...Летом текущего года я собираюсь в целях археологических обследований посетить долину Суйфуна с верховьев до устья (если позволят хунхузы). В эту экспедицию я предполагаю взять с собой одну из самых опытных учениц Тараса Петровича, с тем, чтобы она произвела ботанические сборы указанного выше характера. И в этом случае я очень просил бы Вас не отказывать в любезности и сообщить мне в самых кратких словах Ваше мнение о целесообразности такой*

А.З. Фёдоров, около 1915 г.
Фото из семейного архива
Т.В. Самойловой

работы в настоящее время. В случае благоприятном Ваш авторитет сделает очень много в отношении затронутого вопроса и вызовет вероятно иное отношение к нему, чем сейчас. Если для Вас не будут особенно затруднительны и некоторые указания на технику работы, то благоволите не отказать в них. Извините за беспокойство настоящим письмом. Прошу принять искренние уверения в полной готовности служить Вам. Ал. Фёдоров» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1488. Л. 1].

В.Л. Комаров не только помог Фёдорову советом, но и рекомендовал встретиться со своей ученицей и сотрудницей Евгенией

Письмо Комарова Фёдорову от 5 января 1913 г. о выделении для Отделения Русского географического общества небольшой субсидии [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 190. Л. 1]

Николаевной Алисовой (Клобукова-Алисова; 1889–1962), которая в 1917 г. вместе с братом выехала в Шкотово (ныне – городское поселение в Шкотовском районе Приморского края на берегу Уссурийского залива Японского моря – авт.) к месту его военной службы. Однако военный лагерь к тому времени уже был расформирован и брат для своего с сестрой местопребывания выбрал Никольск-Уссурийский (ныне – Уссурийск).

Ранее Евгения Николаевна училась на Санкт-Петербургских высших естественных педагогических курсах Лохвицкой-Скалон (с 1907), окончила Высшие женские Бестужевские курсы (1915) и занималась ботаникой на кафедре В.Л. Комарова. По прибытии в Никольск-Уссурийский Алисова 28 декабря 1917 г. написала Комарову пространное, на 12 страницах, письмо. Вот некоторые из него отрывки: *«Скоро четыре месяца, как я уехала из Петрограда, и Вы будете правы, если попеняете меня за это, что я до сих пор не дала о себе никаких вестей. Но после того, как я оставила работу в гербарии, я хотя и под защитой брата, но оба в очень грустном материальном положении двинулись на Д. Восток, что нас ждало здесь и как мы доберёмся, мы не знали, и пожалуй это неведение было лучше,*

Никольск-Уссурийский, Мичуринская улица, торговый центр.
Почтовая открытка

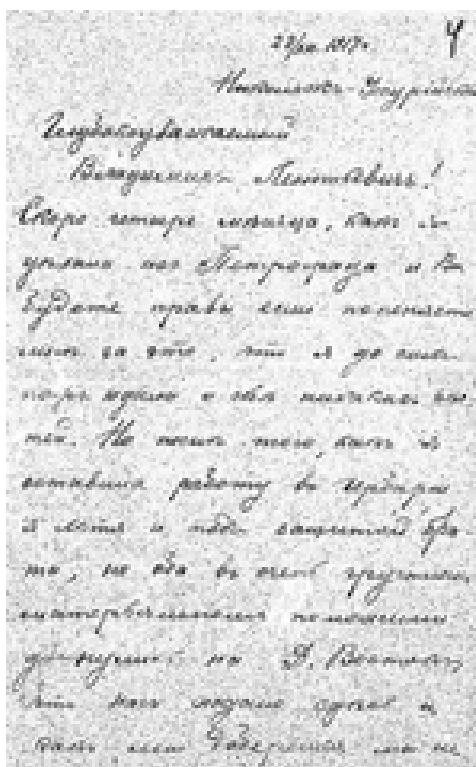

Никольск-Уссурийский, Корсаковская улица. Почтовая открытка

т.к. в противном случае едва ли мы рискнули бы поехать... <...> ...Наконец-то мы на месте (в Никольске – авт.), но и тут пришлось много поволноваться, пока кое-что удалось выяснить. Скажу одно, что пока живёшь в Никольске, живёшь под угрозой очень скорого расформирования лагеря, а следовательно, и возможного возвращения в Е. Россию. Все приказы от Ленина здесь выполняются с большой аккуратностью и скоро. Эксцессов пока нет, жизнь идёт мирно и располагает к работе, которой я и занялась в ожидании лета. Мне удалось найти здесь не один гербарий, собранный в Приморской области, и я с большим удовольствием знакомлюсь с ними. Я отыскала здесь агронома, некоего Ав. М. Савари, и он любезно предоставил мне все сборы, у него хранящиеся... Вы знаете, Владимир Леонтьевич, что я не знакома с флорой Приморской области, но теперь благодаря представившимся обстоятельствам я постараюсь хоть немного узнать и понять её. Если до лета лагерь не расформируют, то летом буду путешествовать в сопровождении трёх пленных австрийцев, которые сейчас заняты работой над флорой Никольска... <...> ...У Фёдорова не была, хотя знаю, что у него довольно порядочные сборы, но при моём прощании с Вами я почувствовала,

Евгения Николаевна
Клубукова-Алисова

Фрагмент письма Алисовой Комарову
от 28.12.1917 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4.
Д. 241. Л. 6]

что Вы болеете за меня, что я не оправдаю Вашу рекомендацию, а потому сочла за лучшее не представляться ему... <...> ...Жизнь здесь, в смысле продовольствия, много дешевле и продуктов хоть отбавляй, хотя по примеру других городов и ввели карточки на хлеб, но только потратили зря деньги и т.п. Хлеба в любом месте и каком угодно количестве... <...> ...Знаю, Владимир Леонтьевич, что Вы не один кошмар имеете против меня за то, что я оставила работу в такой момент, когда её нужно было так скоро кончить, но, Владимир Леонтьевич, ведь Вы не в силах были спасти нас всех от голода, а нас ведь 7 человек. Хочется верить, что Вы простите мне этот вынужденный поступок и не откажете мне в Вашей поддержке, т.к. я жду, что вся неурядица когда-нибудь да и кончится и мне удастся снова работать около Вас и под Вашим столь необходимым и ценным для меня руководством...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 6–13].

математическое отделение Императорской академии наук избирает В.Л. Комарова членом-корреспондентом. Однако это мало отразилось на общественном положении Владимира Леонтьевича. В те времена звание члена-корреспондента Академии наук было только почётным. Ни к какому практическому участию в делах Академии члены-корреспонденты тогда не допускались. В Петроградском университете и в Ботаническом саду В.Л. Комаров после своего избрания продолжал занимать всё те же скромные должности: приват-доцента и старшего консерватора. *«Когда возникал вопрос о замещении какой-либо видной кафедры, – пишет академик Н.А. Максимов, – например кафедры ботаники на Бестужевских курсах или же о замещении должности заведующего каким-либо отделом в Ботаническом саду, предпочтение всегда отдавалось другим кандидатам, хотя и не столь выдающимся и талантливым, как Владимир Леонтьевич, но более «благонадёжным», проявлявшим больше почтения к начальству»* [Павлов, 1951, с. 171–172].

<...>

Известие о крушении монархии учёные встретили с воодушевлением. На своём экстраординарном заседании 24 марта 1917 г. Академия наук *«единогласно постановила предоставить правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России»*. 15 мая 1917 г. первым президентом Российской академии наук*, избранным самими учёными на Общем собрании, стал академик А.П. Карпинский** [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917. Д. 239. Л. 115 об.]. Непременным секретарём Академии вновь был утверждён

* В марте 1917 г. Императорскую академию наук по решению Общего собрания академии было предложено называть Российской академией наук. Распоряжением Временного правительства от 11 (24) июля 1917 г. (журнал заседания Временного правительства за № 39) постановлено бывшую Императорскую Академию Наук впредь именовать Российской Академией Наук [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917. Д. 239. Л. 115 об.]. Это решение было опубликовано и вступило в законную силу 25 октября (7 ноября) 1917 г. [Есаков, 1994].

** **Карпинский Александр Петрович** (1846–1936) – русский геолог, академик (1886), первый выборный президент Российской академии наук (1917 г., с 1925 г. – Академии наук СССР). С 1899 г. по 1936 г. – президент Минералогического общества. Избран почётным членом многих иностранных академий наук.

Академик А.П. Карпинский

Академик С.Ф. Ольденбург

академик С.Ф. Ольденбург*, который занимал эту должность с 1904 г.

Приход к власти большевиков учёные в своём подавляющем большинстве не приняли. Они требовали созыва Учредительного собрания, так как не хотели расставаться с демократическими надеждами, порождёнными Февральской революцией. Академия за это жестоко поплатилась: институты, музеи, лаборатории перестали получать средства на своё содержание. В 1919 г. начались массовые аресты среди учёных. Некоторые из них впоследствии были расстреляны (профессора Таганцев, Тихвинский, Лазарев и др.). В ноябре 1922 г. большой отряд (около 200 человек) учёных-энциклопедистов по указанию В.И. Ленина был выслан из Советской России. В их числе Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, Л.П. Красавин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др. Этап глубокого кризиса во взаимоотношениях науки и советской власти продолжался около 4 лет. Наконец, 6 декабря 1921 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) принял декрет «Об улучшении быта учёных», появились и другие постановления, позволившие несколько наладить научную работу. В 1925 г. Российская академия наук

* **Ольденбург Сергей Фёдорович** (1863–1934) – русский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик (1903) и непреременный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг. Один из лидеров партии кадетов, член Государственного совета (1912–1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917).

Февральская революция 1917 г. Таврический дворец, где в левом крыле работал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а в правом крыле заседал Временный комитет Государственной думы. *Почтовая открытка*

Картина «Ленин провозглашает советскую власть на II съезде Советов». *Художник В.А. Серов*

была преобразована в Академию наук СССР. Кроме того, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. она была признана высшим научным учреждением СССР.

<...>

После Великой Октябрьской социалистической революции положение В.Л. Комарова начинает изменяться. В частности, в 1918 г. совет Ботанического сада избирает Комарова помощником директора по научной части и заведующим отделом живых растений, что в условиях Гражданской войны представляло исключительные трудности: Петроград испытывал острый недостаток в продовольствии и топливе. Особая сложность заключалась в поддержании необходимой температуры в оранжереях с тропическими растениями. Биограф Комарова Николай Васильевич Павлов (*ботаник, специалист в области систематики и ботанической географии* – авт.) так писал об этом времени: *«Садовники, ответственные за отдельные оранжереи, вскоре стали глубоко уважать В.Л. Комарова за то, что в своих требованиях образцового ухода за растениями он проявлял исключительную настойчивость. Они понимали, что перед ними руководитель, которому чуждо формальное отношение к делу и которому причиняет истинное страдание гибель хотя бы единичных растений из числа порученных им зелёных питомцев. Вместе с тем всех сотрудников сада привлекали неизменная сердечность Владимира Леонтьевича, его простота в обращении, чуткость и внимание к каждому; всем, кто к нему обращался, он старался помочь, чем только мог, внимательно выслушивая даже самые мелкие жалобы и просьбы. Он, однако, не любил посредничества и протекции. Академик Н.А. Максимов вспоминает, что, когда кто-либо обращался к В.Л. Комарову с просьбой о третьем лице, он тотчас же перебивал ходатая словами: “А разве он сам не умеет говорить?” или: “Позвольте, но ведь я же его самого не слышал”»* [Павлов, 1951, с. 175].

Несомненно, неурядицы первых месяцев послереволюционного периода не могли не отразиться на настроении Владимира Леонтьевича. В условиях наступившей разрухи многие учёные видели спасение в творческой работе. В.Л. Комаров 26 ноября 1918 г. так описывал ситуацию своему другу со времени совместной работы в Петербургском университете А.А. Рихтеру: *«О себе могу рассказать, что*

скриплю. Дела очень много, и не только поддержка старого на мне, но и попытки создать что-либо новое. Во-первых, пробую устроить лабораторию по морфологии растений при Саде, приспособив для части её одну из оранжерей; двигается это черепашным шагом, рабочих нет, материалы редкость. Когда устройство наладится, будет, пожалуй, ещё хуже, т.к. сотрудников действительно дельных нет вовсе. Получил лекции в Университете временно, пока Гоби не здоров... <...> ...Во всяком случае, курс-то надо создавать наново, да ещё при отсутствии ассистентов. Вы пишете, что слышали, будто у нас лучше стало с продовольствием, но этот вопрос всё ухудшается. С июня ежемесячный расход возрос в полтора раза и многое необходимое исчезло окончательно, больше только хлеба

[illegible]

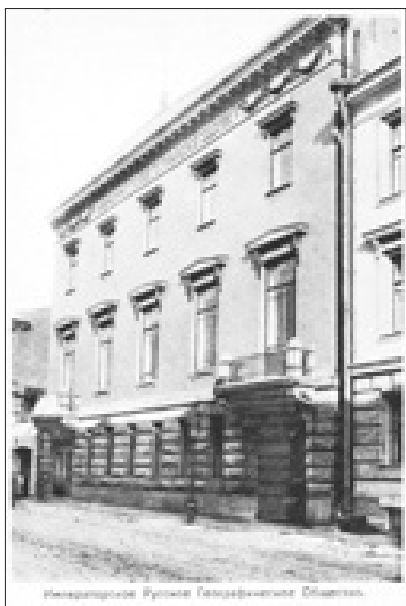
Фрагмент письма Комарова Рихтеру с припиской М.Р. Комаровой
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 149. Л. 3]

чёрного, но и его в обрез. Большинство лавок или закрыто, или пусто и отыскать что-либо нелегко, процесс недоедания в полном ходу, а необходимость зарабатывать большие суммы изводит, чрезвычайно отвлекая от более нужного морального дела... <...> ...Единственная отрада нашей жизни, это то, что баре в Москве, а у нас провинция и относительное затишье. Бывающие сейчас в Москве рисуют жизнь в ней очень неприглядно. Пока всего хорошего, успехов и удачи. Если выживем, увидимся. А когда же, в самом деле, станут сношения с западом, скучно без них. Дорогой Андрей Александрович, будьте здоровы» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 149. Л. 2, 3].

Первая супруга Комарова, Мария Романовна, сделала своё дополнение к письму: «И я шлю Вам свой сердечный привет. Плохо живётся в нужде. На рынке всё отбирается. Утром встаёшь и боишься за близких, что их будет нечем накормить несмотря на то, что в день проживаем до 100 р.

Относительно В.Л. очень беспокоюсь – работает с утра до вечера каким-то запоем и минутки не даёт себе отдыха. Такой работой он себя изводит вот уже пятый год. Что будет дальше, не знаю. Остальное всё по-старому. Малыша целую. Ваша М. Комарова» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 149. Л. 3].

В 1918 г. В.Л. Комаров был избран учёным секретарём Русского географического общества на место ушедшего Андрея Андреевича Достоевского (племянник писателя Фёдора Михайловича Достоевского – авт.). Президентом общества был в это время Юлий Михайлович Шокальский, с которым В.Л. Комарова связывала многолетняя и прочная дружба. Комаров пробыл учёным секретарём Географического общества до 1930 г. Кроме того, в 1918 г. Владимир Леонтьевич был избран профессором университета и энергично принялся за строительство самостоятельной кафедры. Факты, собранные М.М. Ильиным и О.Н. Радкевич [1944], свидетельствуют о том, что при В.Л. Комарове кафедра ботаники быстро заняла ведущее место на ботаническом факультете. Надежда Викторовна Старк (впоследствии вторая жена Комарова) вспоминала: «Передо мной встанёт аудитория Ботанич. Кабинета – она полна студентов, но вот разговоры и шум внезапно прекращаются – это значит на кафедру вышел любимый профессор. Быстро проходит лекция, слышится звонок, но Вл. Л. остаётся на кафедре, студенты его обступают, подают

Здание Императорского Русского географического общества
в Санкт-Петербурге, 1916 г.
Почтовая открытка

Юлий Михайлович Шокальский —
президент Императорского Русского
географического общества

записки, засыпают вопросами и Вл. Л. отвечает и разъясняет. Его лекции на первом курсе посещались не только студентами, а также преподавателями и даже академиками. Так, академик Рождественский — физик по специальности, зашёл как-то послушать лекцию, а затем прослушал целиком весь курс. А его замечательные лекции по экологии растений и его семинары по этому же предмету... Обычно студенты делали по 2–3 доклада, после чего эти доклады здесь же разбирались и обычно Вл. Л. резюмировал и часто выправлял промахи и недочёты, но всё это делалось так дружески, что никто не боялся выступать...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 6].

В 1920 г. В.Л. Комаров избирается действительным членом Российской академии наук. В 1920 г., когда три академика, в том числе И.П. Павлов, выдвинули Комарова кандидатом в действительные члены Академии наук, кандидатура Владимира Леонтьевича на группе биологов прошла единогласно. Здесь следует подчеркнуть, что этим

выборам предшествовал опрос выдающихся ботаников всей страны, в результате которого кандидатура Комарова нашла общее признание.

<...>

Важно отметить, что за два года до этого события – 5 сентября 1918 г., при Южно-Уссурийском отделении РГО Е.Н. Алисова и А.З. Фёдоров при поддержке В.Л. Комарова организовали Ботанический кабинет – первое на Дальнем Востоке стационарное научное учреждение. Удивительно, но организация Ботанического кабинета на Дальнем Востоке проходила в условиях интервенции и Гражданской войны. Ещё 29 июня 1918 г. при участии пленных белочехов во Владивостоке произошёл белогвардейский переворот, а в августе 1918 г. началась интервенция стран Антанты. Политическая нестабильность, серия военных переворотов, японская интервенция в 1920 г., обострение Гражданской войны в середине 1922 г. – условия, в которых разворачивалась деятельность Ботанического кабинета.

21 мая 1921 г. Фёдоров сообщал Комарову*: «...Прежде всего не смотря на тяжёлый финансовый кризис, мы снарядили ботаническую экспедицию на Сучан и придали ей сравнительно крупный размах: не знаю выдержим ли... Ханкайский район занят в настоящее время каппелевскими и семеновскими войсками, живёт своеобразным режимом, не всегда располагающим к покойным научным работам, и потому мы на текущий год этот район сняли в отношении исследования с очереди...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1488. Л. 4]. Далее в письме излагаются маршруты и финансовые возможности экспедиции. Что касается юридического положения Южно-Уссурийского отделения Общества, Фёдоров замечает: «...Вы говорите о том, что Москва считает Забайкальский и Приамурский отделы общества принадлежащими иностранной территории. Нам кажется, что для окончательного решения вопроса о нашей судьбе было бы необходимо выполнить следующие обстоятельства: 1) подвергнуть этот вопрос специальному обсуждению в Совете о-ва, 2) обсудить его на местах,

* В декабре 1920 г. власть в Приморье перешла к Приморскому областному управлению Дальневосточной республики во главе с большевиком В.Г. Антоновым, а с 26 на 27 мая 1921 г. во Владивостоке вновь произошёл военный переворот, в результате которого было образовано Временное Приамурское правительство во главе с фабрикантом С.Д. Меркуловым.

Революционный Владивосток, 1917 г. Почтовая открытка

Американские воинские части на параде во Владивостоке, 1918 г.
Почтовая открытка

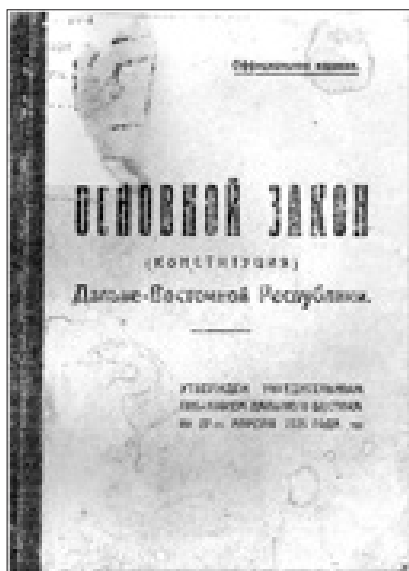

Войска Японской империи на параде во Владивостоке, 19.08.1918 г.

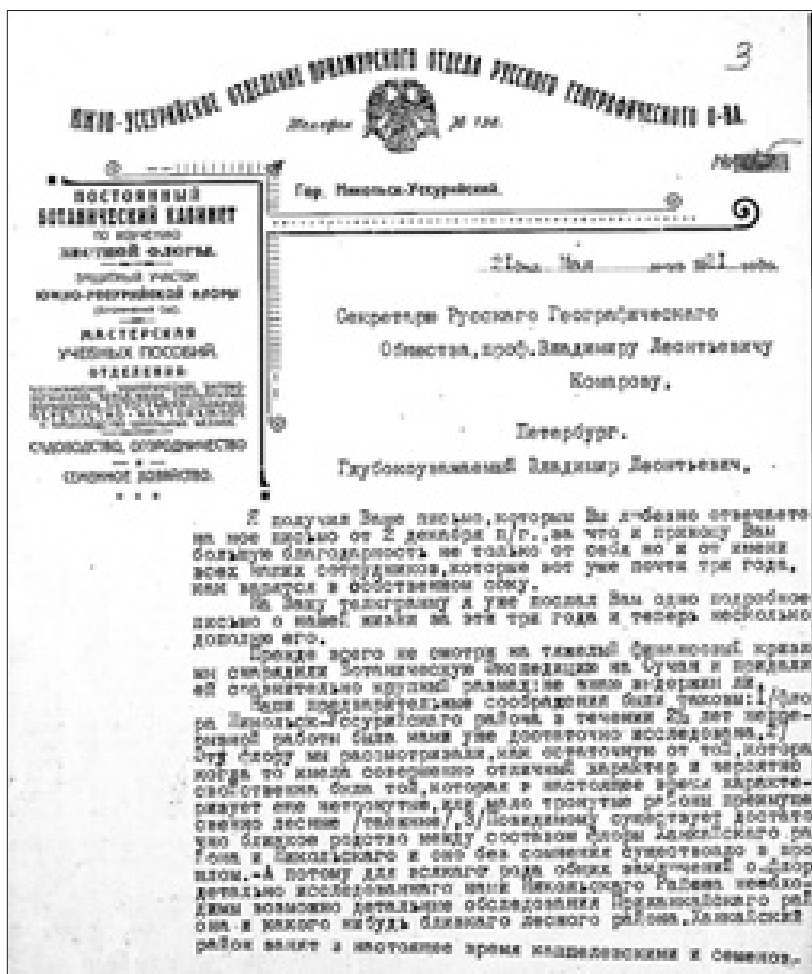

Союзнический парад во Владивостоке в честь победы
в Первой мировой войне, 15.11.1918 г.

как в Советах отделений, так и привлечь к разрешению этого вопроса представителей местной власти, и в зависимости от выяснившихся обстоятельств уже разрешать вопрос в окончательной форме. Я представлял бы себе возможность сделать это в форме съезда представителей отделений в гор. Чите и затем в форме делегирования представителей этого съезда или местных организаций в Петроград и Москву. Ведь нельзя забывать, что наше “буферное” образование (речь идёт о Дальневосточной республике – буферном государстве между Советской Россией и Японией, просуществовавшем с 6.04.20 по 15.11.22 г. – авт.) создано совсем не в интересах дела и государства, а исключительно только в целях умаления того страха, какой испытывают японцы перед большевизмом, или вернее в целях облегчения различного рода политических авантюр на Д.В., и в частности в целях облегчения захвата японцами наших территорий на Д.В. Одним словом – “буфер” – это дипломатическое образование, до которого нам не может быть никакого дела. Я полагаю, что судьба этого буфера очень скоро будет решена в форме присоединения его к России, причём захватные стремления японцев должны будут потерпеть неудачу, ибо принятая ими задача, ясно,

Конституция, герб и государственный флаг Дальневосточной республики

Фрагмент письма Фёдорова Комарову от 21 мая 1921 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1488. Л. 6]

не по плечу для них: одной ненависти, какую они возбудили против себя здесь, и то не покрыть им всеми своими колонизационными талантами...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1488. Л. 6, 7].

14 ноября 1922 г. после вхождения Дальневосточной республики в состав России политическая обстановка в Южно-Уссурийском крае стабилизировалась. Годы Гражданской войны не обошли стороной и Ботанический кабинет. Два здания Кабинета были повреждены, причём

Войска И.П. Уборевича входят во Владивосток, 25.10.1922 г.

одно из них сгорело во время интервенции. Начатое ещё в 1918 г. строительство Южно-Уссурийским отделением РГО нового корпуса так и не было закончено. Научная деятельность Кабинета осуществлялась в основном на временных или арендованных площадях. Своё

Митинг в честь освобождения Владивостока, 27.10. 1922 г.

Здание Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества в г. Никольск-Уссурийский. Фото из: [Фисенко, 2014]

собственное здание имела лишь Шелкостанция, которая была организована Фёдоровым в качестве отдельного подразделения Отделения.

<...>

В официальной биографии Комарова, опубликованной Н.В. Павловым в 1951 г., утверждалось, что *«после своего избрания в Академию Наук В.Л. Комаров сразу же занял в ней совершенно особое положение. Первокласный учёный, он в полном смысле слова с энтузиазмом относился к победе Великой Октябрьской социалистической революции. В высшей академической среде Владимир Леонтьевич сразу же выступил активным сторонником более демократических принципов организации Академии Наук, деятельным участником превращения её, не по форме, а по существу, в подлинно советскую Академию Наук, не за страх, а за совесть отстаивающую великое дело победивших рабочих и крестьян. Одновременно, уже в стенах Академии, В.Л. Комаров начал новый цикл больших научных работ»* [Павлов, 1951, с. 196].

Н.В. Павлов был лично знаком с В.Л. Комаровым, поэтому его свидетельства представляют для нас особый интерес. Тем не менее

В.Л. Комаров среди сотрудников Ботанического сада, 1924 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 12. Л. 1]

22 Июля
Надежда

Дорогой друг Наде,
успешно закончил работу,
теперь можно отдохнуть,
но не совсем, так как в саду
еще много работы. Но зато
я могу тебе уделить немного
времени и написать. Вечером
буду писать тебе письмо, где
расскажу тебе все.
С любовью твой В.Л. Комаров
Мне очень хотелось бы
сказать тебе, что я очень
люблю тебя и твою работу.
Я очень люблю тебя и твою
работу.

Надежда, мне очень хочется
сказать тебе, что я очень
люблю тебя и твою работу.
Я очень люблю тебя и твою
работу.

Письмо Комарова к Надежде Старк
от 22 июля 1925 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4.
Д. 86. Л. 43, 44]

мы должны констатировать, что включение Комарова в деятельность по реорганизации Академии наук на самом деле не было столь скорым и к собственно административной работе у него тогда интереса не было. Так, находясь в Москве в связи с докладом на первом торжественном заседании Совета Института прикладной ботаники и новых культур, Комаров 22 июля 1925 г. писал в Ленинград своей ассистентке Н.В. Старк, с которой он вёл давнюю «романтическую» переписку: *«...утомила меня Москва; два больших заседания это хорошо, два посещения московских ботаников ещё лучше, но бегать по канцеляриям и пр. это ужасно треплет нервы и утомляет. Если бы можно было только работать научно, как хорошо было бы»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 43]. Обычно процитированную часть текста исследователи творчества Комарова приводят в качестве примера отношения учёного к аппаратной суете, опуская другую часть послания, с необычно тёплыми философскими нотками: *«С другой стороны удивительно; в Москве много красивого, даже сказочного я бы сказал. На фоне этих сооружений современная жизнь кажется мимолётным видением...»* [Там же. Л. 43]. Концовка письма – признание в верности и любви к дорогому и очень близкому для Владимира Леонтьевича человеку: *«Милая, любимая, будь здорова и пускай пролетят дни разлуки. Целую тебя и люблю...»* [Там же. Л. 44].

Несомненно, в 1920-е годы Владимира Леонтьевича привлекала исключительно научная работа, кроме того, он был влюблён в Надежду Викторовну Старк, которая в 1930 г. станет его второй женой (см. главу 14). Создаётся впечатление, что первое десятилетие после Октябрьской революции Владимир Леонтьевич и не помышлял о какой-либо реорганизации Академии наук. Здесь надо заметить, что и сама Академия также не проявляла активности, связанной с реорганизацией собственной работы. Достаточно сказать, что вплоть до 1929 г. в её стенах так и не появилось ни одного учёного-коммуниста. А.В. Луначарский называл Академию «наиболее консервативной частью нашего культурного мира»*. Поворот, который наметился к этому

* В газете «Известия» от 5 февраля 1929 г. была опубликована статья наркома просвещения СССР А.В. Луначарского «“Неувязка” в Академии наук». В ней содержалась резкая критика в адрес Академии в связи с избранием трёх кандидатов-коммунистов в академики. Луначарский поставил вопрос о радикальной реформе Академии. Следом, 25 февраля 1929 г., вышло особое решение Политбюро: оставить

В.Л. Комаров в рабочем кабинете, 1925 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 12]

времени во внутренней политике страны (см. главу 3), не мог обойти стороной и науку, «беспартийный» характер которой начинал серьёзно беспокоить власть. Правительство предпочло начать реорганизацию Академии сверху, но не с насильственного устранения «реакционных» академиков, а путём их постепенного растворения в массе новых членов – впервые избранных академиков-коммунистов, призванных внести серьёзные изменения в её деятельность. С этой целью СНК СССР почти вдвое увеличивал число академических мест к выборам, которые были намечены на 1928 г., а Академия в ответ должна была избрать на эти места угодных власти учёных [Брачев, 1990].

В одной из своих автобиографий Владимир Леонтьевич так описывал период после своего избрания в члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук, из чего видно, что после революции В.Л. Комаров действительно не занимался какой-либо перестройкой Академии вплоть до 1929 г.: *«Я был избран членом-корреспондентом ещё в 1916 г., что хотя меня и удивило, но не очень. В декабре 1920 г.*

президентом А.П. Карпинского, вице-президентами утвердить Г.М. Кржижановского, Н.Я Марра и В.Л. Комарова, непременным секретарём – В.П. Волгина. В последующем это решение автоматически было утверждено на Общем собрании Академии наук.

я был избран в особом очень сложном порядке, напоминавшем плебисцит ботаников, действительным членом Академии. Само собой разумеется, что окончательное избрание происходило на Общем собрании. Первые годы были тяжелы, так как я явно не подходил к общему тону Академии, и все мои небольшие выступления кончались провалом. Только в 1926 г., когда понадобились новые силы, мне предложили быть председателем Якутского комитета, ведавшего научными экспедициями по ЯАССР, а осенью того же года – командировку в Японию на Международный Тихоокеанский Конгресс. В ноябре 1918 г. я, согласно декрету, был переведён из приват-доцентов Университета в профессора с поручением читать общий курс морфологии и систематики, а также курс экологии растений. Все это, однако, не мешало моей основной работе по Ботаническому саду, так как при двенадцатичасовом рабочем дне можно за день сделать достаточно. Но в 1929 г. я был избран секретарём Первого отделения, а это повлекло за собой летом того же года замещение должности Непременного секретаря, уехавшего в заграничную командировку. Последнее же имело своим последствием участие моё в Комиссии Фигатнера, из чего происходило для меня замещение должностей Непременного секретаря, вице-президента и Секретаря Первого Отделения. Понятно, что на время пришлось забыть Ботанический сад, что сильно испортило моё положение в этом учреждении и даже научную работу. Только к маю 1930 г. вполне наладилась администрация вновь реформированной АН и стало легче. С другой стороны в апреле того же 1930 г. я был избран вице-президентом сроком на 5 лет» [АРАН. Ф. 277 Оп. 2. Д. 33. Л. 20, 21].

Судя по сохранившимся документам и переписке, Владимир Леонтьевич все 1920-е годы основное внимание уделял научно-педагогической деятельности в Ленинграде [Гельтман, 2020], а также организации научной работы на Дальнем Востоке [Кабанов, 1959, 1971]. При этом он не только поддерживал работу Ботанического кабинета в Никольск-Уссурийском, но и сам участвовал в его исследованиях. Например, в соавторстве с Е.Н. Алисовой В.Л. Комаровым в 1925 г. был издан «Малый определитель растений Дальневосточного края» [1925, стр. I–VIII, 1–514, 2 рис. Владивосток, Изд. «Книжное дело»], предназначенный для широких кругов населения, а в 1931 г. – двухтомный

Титульный лист книги В.Л. Комарова и Е.Н. Клобуковой-Алисовой «Малый определитель растений Дальневосточного края» и обложка книги В.Л. Комарова «Флора полуострова Камчатка»

богато иллюстрированный определитель растений Дальневосточного края [Определитель растений Дальневосточного края. Изд. АН СССР, 1931, т. I, стр. 1–622, 187 рис., 1 цв. табл.; 1932, т. II, стр. 623–1175, 143 рис.]. Кроме того, В.Л. Комаров как секретарь РГО принимал участие в деятельности Общества изучения Амурского края (ОИАК). Об этом красноречиво свидетельствует письмо Арсеньева, посланное Комарову 31 марта 1923 г.: «В дополнение к моему предшествующему письму посылаю Вам последний протокол Общего собрания, из которого Вы усмотрите какую позицию занял проф. Огородников и какой отпор дало ему Общество*. Возможно, что в мае я приеду к Вам в Петербург. Поддержка из центра оказалась для нас как раз кстати и вовремя» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 14]. Высоко оценивая существенный вклад В.Л. Комарова в сохранение и развитие ОИАК,

* Речь идёт о попытке ректора Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) В.И. Огородникова присоединить к ГДУ Общество по изучению Амурского края, что могло бы улучшить материальную базу Университета.

В.Л. Комаров и ученицы в Ботаническом саду: *сидят* – Е.Н. Алисова, О.А. Щеглова, В.Л. Комаров, С.Г. Горшкова, А.А. Булавкина; *стоят* – Е.В. Лебединцева, Л.И. Савич, Н.В. Старк, 1924–1925 гг. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 12]

Общее собрание Общества 20 февраля 1927 г. избрало Владимира Леонтьевича своим почётным членом.

<...>

Надо заметить, что В.Л. Комаров после избрания его членом Академии становился в научной среде всё более известной и популярной личностью. Он был душой практически любой компании. Интересно в этом плане впечатление о Комарове, сложившееся у Н.В. Павлова (впоследствии – биографа Комарова) после одной из первых встреч с Владимиром Леонтьевичем, произошедшей в 1923 г.: *«Весной 1923 г., когда я приезжал в Петроград для подготовки к экспедиции в Монголию, я в первый раз некоторое время гостил у В.Л. Комарова... <...> ...разговором с ним можно было поистине наслаждаться. Его шуткам, неожиданным сравнениям и интереснейшим воспоминаниям буквально не было конца. Но беседовать с ним было вообще нелегко, ибо он требовал, чтобы его собеседник ловил его мысли на лету...»* [Павлов, 1951, с. 192].

Удостоверение члена делегации на Тихоокеанском конгрессе в Японии,
20.11.1926 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 20]

В 1926 г. Академия наук СССР, придавая большое значение развёртыванию исследований на Тихом океане и в прилегающих районах СССР, направила В.Л. Комарова во главе большой группы учёных на III Тихоокеанский конгресс в Японию. 30 октября на открытии конгресса В.Л. Комаров среди других приветствий произнёс на французском языке приветствие от Академии наук СССР и других советских научных учреждений. В заседаниях конгресса, происходивших с 1 по 11 ноября, члены советской делегации приняли самое деятельное участие. На одной из секций, на которой Владимир Леонтьевич был избран

председателем, он представил доклад «О границах распространения древесных пород в Тихоокеанской области». В период проведения заседаний российской делегацией была развёрнута выставка русских научных исследований Тихого океана за 200-летний период нашей исследовательской работы. Многие из представленного на выставке для иностранных учёных оказалось полным откровением.

На обратном пути Владимир Леонтьевич посетил Сеул, Харбин, Владивосток, Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск) и Хабаровск. Ещё с дореволюционных времён Комаров всячески поддерживал местные отделения, добивался субсидирования их средствами, содействовал публикации и редактированию рукописей, направлял работу отделений, способствуя развитию науки на Дальнем Востоке. После Тихоокеанского конгресса Владимир Леонтьевич встретился с научной общественностью Приморского и Хабаровского краёв, рассказал о важнейших результатах работы конгресса, посетил ботанические кабинеты, созданные в Дальневосточном университете, Приморском и Южно-Уссурийском отделениях РГО, в краевом музее

На экскурсии во время Тихоокеанского конгресса в Токио, 1926 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 15]

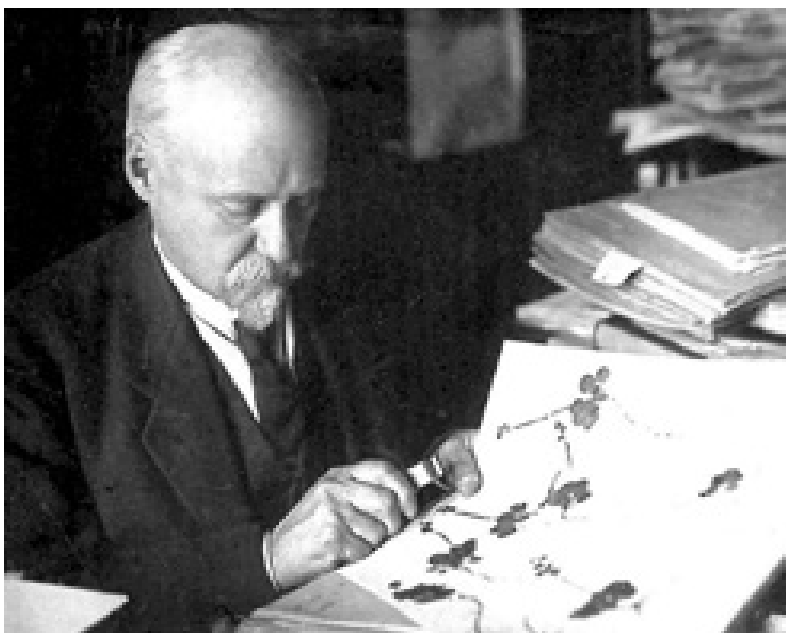

В.Л. Комаров (в центре) с группой сотрудников Южно-Уссурийского отделения Государственного географического общества, 1926 г. Слева от Комарова – Е.Н. Клобукова-Алисова, Е.А. Левченко, справа – А.З. Фёдоров. Во втором ряду – Т.П. Самойлов (в центре), Д.П. Воробьёв (справа). Фото из: [Калинин, 2008]

в Хабаровске. В процессе этой поездки его идеи об усилении деятельности Академии наук на Тихом океане ещё более укрепились. Уже на заседании Президиума АН СССР 27 апреля и на Общем собрании АН СССР 7 мая 1927 г. на основании сообщений Владимира Леонтьевича о конгрессе было принято решение о создании постоянного Тихоокеанского комитета АН СССР во главе с Комаровым, его также назначили постоянным представителем в Международную Тихоокеанскую ассоциацию*.

По возвращении В.Л. Комарова из Японии Академия наук все чаще стала нагружать его исключительно ответственной работой. Так, в 1927 г. Владимир Леонтьевич был избран председателем постоянной комиссии по изучению Якутской АССР вместо академика Ф.Ю. Левинсон-Лессинга; в 1928 г. он стал председателем подобной

* Советская делегация была лишена возможности влиять на направление основной деятельности конгресса, поскольку она не имела своего представителя в совете, так как на предыдущем, II Всетихоокеанском конгрессе в Австралии в 1923 г. не было учёных из СССР [Иодко, 1988].

В.Л. Комаров в Гербарии Ботанического института, 1929 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 13]

же комиссии по изучению Байкала; в 1930 г., после смерти академика И.П. Бородина, его избрали академиком-секретарем Отделения физико-математических и естественных наук АН СССР [Павлов, 1951].

В 1929 г. академик С.Ф. Ольденбург был отправлен в отставку с должности неперменного секретаря. Общее собрание Академии наук обратилось с просьбой к В.Л. Комарову временно исполнять эти обязанности [АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 61. Л. 218]. Соответствующая телеграмма А.И. Рыкова о немедленном отстранении Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря Академии была адресована президенту А.П. Карпинскому 30 октября, как раз в период работы сессии АН СССР, В.Л. Комаров принял предложение, и с этого момента и началась его плодотворная деятельность по перестройке работы Академии наук на новых принципах.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЛИАЛОВ И БАЗ АН СССР (1931–1945 гг.)

В 1932 г. при личном участии В.Л. Комарова были созданы первые филиалы и базы Академии наук СССР – Дальневосточный, Уральский и Закавказский филиалы (с двумя отделениями в Тбилиси и Баку), Казахская и Таджикская научные базы, а в 1934 г. – Кольская научно-исследовательская база*. Сам Комаров в 1932 г. стал председателем Дальневосточного филиала, Уральский филиал возглавил академик А.Е. Ферсман, Закавказский – академик Н.Я. Марр. Руководителем Казахской базы был назначен академик А.Н. Самойлович, Таджикской – Н.П. Горбунов (до 21 апреля 1932 г.), затем его сменил академик С.Ф. Ольденбург. Кольскую научно-исследовательскую базу возглавил академик А.Е. Ферсман, который одновременно был руководителем Уральского филиала.

Чтобы оценить значимость этих событий, необходимо напомнить, что до 1932 г. филиалов Академии наук как особой формы научной деятельности не существовало. Наиболее значимым в Советском Союзе событием, ставшим предвестником расширения Академии наук в регионы, стал проходивший в декабре 1925 г. 14-й съезд ВКП(б), где был взят курс на построение социализма в СССР, увеличение продукции народного хозяйства и превращение страны из аграрной в индустриальную. В декабре 1927 г. 15-й съезд ВКП(б) сформулировал директивы по составлению 1-го пятилетнего плана. Одним из основных направлений строительства науки в этот период явилось приближение академической научной работы к нуждам развивающегося народного хозяйства. В этот период Советское правительство

* Организация первых отделений/филиалов и баз АН СССР пришлось на разразившийся в СССР массовый голод 1932/33 гг., охвативший обширные территории страны (в основном степные районы), входившие в состав Украинской ССР, Российской СФСР (включая Казахскую АССР, регионы Центрального Черноземья, Северного Кавказа, Урала, Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири) и Белорусской ССР. Массовый голод совпал с периодом коллективизации – тогда от голода и болезней, связанных с недоеданием, погибло около 7 млн человек [Постановление ГД РФ от 2 апреля 2008 г. № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР»].

предприняло шаги по изменению положения Академии в системе научных учреждений. В частности, в 1925 г. она была переведена из ведения Наркомпроса в ведение Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР. Была создана Комиссия по содействию работам Академии, для ведения дел которой при СНК был создан Отдел научных учреждений. Общее руководство отделом осуществлял управляющий делами СНК Н.П. Горбунов (с 1935 г. – академик АН СССР), заведующим отделом был Е.П. Воронов.

Годы первой пятилетки (1928–1932) были отмечены быстрым наращиванием неакадемических научных и научно-образовательных учреждений. В связи с этим руководство АН СССР, стремившееся не оказаться в положении догоняющего, шло по пути реализации собственных конкурентных преимуществ. Не обладая столь мощными материально-финансовыми вливаниями, которые в основном направлялись в отраслевую и научно-педагогическую сферы, академическое руководство под жёстким нажимом правительственных структур пошло весьма прагматичным путём, комбинируя все имеющиеся

возможности для обозначения и подтверждения своего особого положения в иерархии научных учреждений. Ведь Академия продолжала претендовать на роль высшего и самого авторитетного экспертного органа, а также единственного органа, способного работать на перспективу. Несомненным преимуществом Академии была её полидисциплинарность, позволяющая позиционировать себя в качестве учреждения комплексного типа [Комков и др., 1977].

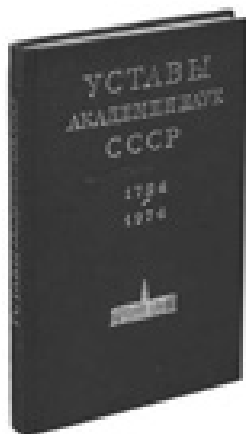
Положение Академии наук как высшего научного учреждения СССР было закреплено в её первых советских уставах, принятых в 1927 и 1930 гг. [Уставы...,

Советский плакат «Пятилетний план 1928 г.», художник Н. Долгоруков, 1933 г.

1999]. Следующим этапом перестройки Академии наук были выборы её новых действительных членов. Постановлением СНК от 3 апреля 1928 г. число академических кафедр было увеличено до 85, а это означало удвоение числа академиков на предстоящих выборах [Иодко, 1988]. Поскольку новый статус академической деятельности требовал большей интеграции с политическими и хозяйственными структурами, состав Академии наук на выборах 1928 г. пополнился высокопоставленными политиками, партийными работниками и ключевыми для технико-экономической модернизации страны учёными. Впервые в состав Академии наук баллотировались члены Коммунистической партии (подробности о выборах 1928 г. см. в главе 2).

Столь резкое изменение курса Академии не прошло безболезненно и потребовало отставки неопровержимого секретаря Академии* академика С.Ф. Ольденбурга, занимавшего этот пост с 4 октября 1904 г. На его место решением Политбюро ВКП(б)** от 25.02.1929 г. был утверждён академик В.П. Волгин***. Кроме того, этим же решением было назначено три вице-президента вместо одного: академики Г.М. Кржижановский****, Н.Я. Марр***** и В.Л. Комаров (до 1929 г. должность вице-президента

Обложка книги «Уставы Академии наук СССР 1924–1974»

* Ныне эта должность соответствует должности главного учёного секретаря.

** Это был первый случай в практике Академии наук, когда её руководство было директивно назначено на заседании высшего партийного органа с последующим автоматическим утверждением на Общем собрании. Впоследствии эта практика стала нормой.

*** **Волгин Вячеслав Петрович** (1879–1962) – советский историк и общественный деятель, декан этнологического факультета МГУ (1925–1930), академик (1930), непрережимный секретарь (1930–1935), вице-президент АН СССР (1942–1953) [Лагно, 2012].

**** **Кржижановский Глеб Максимилианович** (1872–1959) – деятель революционного движения в России, советский государственный и партийный деятель, один из создателей плана ГОЭЛРО; учёный-энергетик, академик (1929) и вице-президент АН СССР, литератор; один из наиболее близких друзей В.И. Ленина [Карцев, 1985].

***** **Марр Николай Яковлевич** (1865–1934) – советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке» [Илизаров, 2012].

занимал академик А.Е. Ферсман* – авт.). Президентом Академии наук был оставлен академик А.П. Карпинский [Академия..., 2000]. Вскоре эти решения были одобрены и очередной сессией Академии.

Надо отметить, что Академия наук ещё с середины 20-х годов включилась в изучение производительных сил в республиках и областях. В частности, в 1924 г. по просьбе Якутской АССР была организована специальная Комиссия АН, имевшая целью изучение основных народнохозяйственных проблем Якутии. В 1926 г. Академия уже организовала в различных регионах страны 56 экспедиций, в которых работало 240 научных сотрудников [Отчёт..., 1927]. К 1928 г. в сфере экспедиционной деятельности Академии оказалась почти вся территория СССР, в том числе территория Дальнего Востока. Для успешного осуществления проводимых Академией наук широких экспедиционных исследований требовались опорные пункты на местах. Такие пункты в виде научно-исследовательских станций стали открываться в Карелии (июль 1927 г.), на Байкале (пос. Лиственничный, октябрь 1928 г.), в Кировске и Хибинах (1930–1931 гг.).

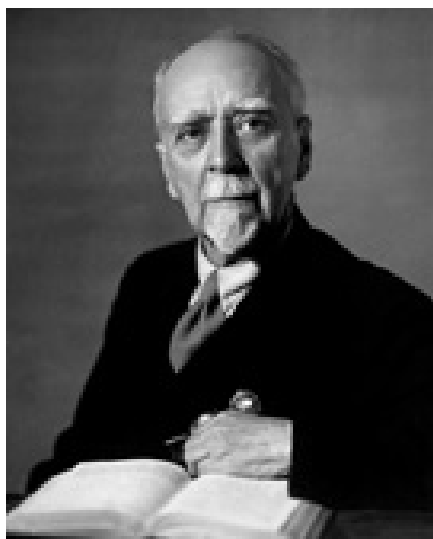
Июльский 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость укрепления связи науки с производством как одного из средств решения задачи догнать и превзойти уровень наиболее развитых в промышленном отношении стран и принял постановление об организации в кратчайшие сроки учреждений Академии на местах [Кольцов, 1988]. Обсуждение доклада академика А.Е. Ферсмана (с 1926 г. он возглавлял *Особый комитет Академии по исследованию союзных и автономных республик, который в 1928 г. был преобразован в Комиссию экспедиционных исследований*) об итогах экспедиционной деятельности Академии наук на Общем собрании 30 октября 1929 г. показало, что замена экспедиционных исследований стационарными научными учреждениями, связанными с Академией наук, стала насущной необходимостью [Кольцов, 1988].

В рамках общей стратегии развития Академии были разработаны амбициозные планы по созданию и развитию сети научных баз в различных регионах и национальных республиках. В частности,

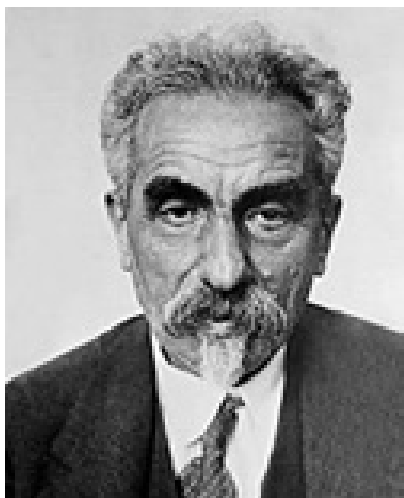
* Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945) – советский минералог, кристаллограф, геохимик, профессор, академик РАН (1919) и вице-президент АН СССР (1927–1929). Лауреат премии им. В.И. Ленина за научные работы (1929), Сталинской премии I степени (1942).

Непременный секретарь АН СССР
академик В.П. Волгин

Вице-президент АН СССР
академик Г.М. Кржижановский

Вице-президент АН СССР
академик Н.Я. Марр

Академик А.Е. Ферман

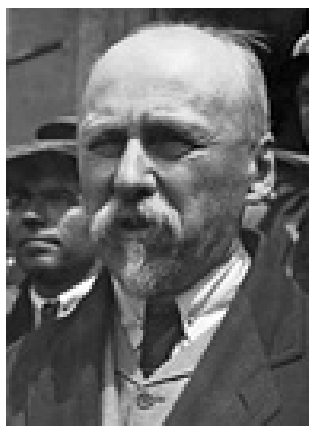
предполагалось образовать научные базы в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Алма-Ате, Ташкенте, Ашхабаде, Тифлисе (ныне Тбилиси), Ростове и Сталинабаде (ныне Душанбе). На Дальнем Востоке академик А.Е. Ферсман в первую очередь предлагал организовать Камчатскую станцию (базу) в Петропавловске для изучения единственной в Союзе вулканической области и лишь во вторую очередь – Уссурийскую *«для изучения ряда интереснейших и важнейших ботанических и сельскохозяйственных проблем»* [Ферсман, 1935, столбец 12]. Стратегия создания региональных подразделений Академии наук была поддержана и правительственными структурами страны.

Вставшая на путь ускоренной интеграции в политико-экономическую систему страны, Академия впервые в своей истории провела три выездные чрезвычайные научные сессии: в Москве и области (21–24 июня 1931 г.), Ленинграде с посещением предприятий города и области (25–30 ноября 1931 г.) и в Урало-Кузбасском регионе (4–9 июня 1932 г. на Урале и 12–18 июня 1932 г. в Западной Сибири). Причём сессия 1932 г. должна была стать пространством интенсивного взаимодействия заинтересованных сторон в укреплении научного присутствия Академии в регионах. Речь в первую очередь

Академик В.Л. Комаров в президиуме Чрезвычайной сессии АН СССР, 1931 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 15а. Л. 1]

шла о развёртывании сети стационарных учреждений – стационаров, баз и пр., в задачу которых входило обеспечение экспедиционного и консультационного развития региональных производств. Непременный секретарь Академии наук В.П. Волгин, оценивая сессию, говорил: «...включение Академии в дело социалистического строительства – реальный, осязаемый факт. Борьба вокруг этого вопроса закончена. Возвращаться к разговорам на эту тему внутри Академии наук нам больше никогда не придётся. Из этого факта исходили рабочие Урала и Сибири, принёсшие Академии свои запросы и пожелания. Пролетариат

В.Л. Комаров, встреча на вокзале, 1932 г., Томск [АРАН. Ф.277. Оп.6. Д.15. Л.1]

На выездной Всесоюзной сессии Академии наук в г. Томске 14–16 июня 1932 г. *Сидят слева направо:* С.Н. Недригайлов (от Академии наук), председатель профсоюзов г. Томска – т. Бычков, вице-президент Академии наук В.Л. Комаров, предгорсовета Е.С. Алфеев, от Академии наук – Н.М. Кулагин и Б.М. Бул. *Стоят слева направо:* предгорплана он же зампредгорсовета С.М. Савичевский, от Академии наук – А.А. Рихтер и М.И. Суидин [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 15. Л. 2]

оказал Академии величайшее доверие. Это высокая честь, но это возлагает на Академию и величайшую ответственность» [Иодко, 1988, с. 218].

Кроме внутреннего переустройства Академии наук Владимир Леонтьевич, по словам академика В.А. Обручева, «...одновременно отдавал много внимания и сил организации научных центров и в союзных республиках и крупных областях в виде баз и филиалов Академии Наук. Эти центры научной работы по общему плану изучения и освоения производительных сил страны для помощи социалистическому строительству, укрепления мощи Советского Союза, его обороноспособности и значения возникали один за другим в различных местах – от Кольского полуострова на севере до Закавказья и Средней Азии на юге и Владивостока на берегу Тихого океана, росли, развивались и частью уже превратились в самостоятельные национальные Академии Наук. В разрешении этой важной задачи – охвата научными центрами всей территории Союза – Владимиру Леонтьевичу принадлежала трудная роль инициатора, организатора и руководителя, живо интересовавшегося задачами новых рассадников науки и помогавшего их развитию в качестве председателя Совета филиалов и баз и Совета по координации

Хабаровск, Дом Советов, 1930-е годы.
[<http://khabkrai-nasledie.ru/habarovsk/str.32>]

ТОРГОВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
Союза Советских Социалистических
Республик
в ЯПОНИИ

Телефон Аппарат (22) 724, 725

№ 1. СОВЕТСКОЕ ПОСольство
ТОКИО

Union of Soviet Socialist Republics
TRADE REPRESENTATION
in JAPAN

Телефон Аппарат (22) 724, 725

Получено 26.12.1931 г.

СЛУЖЕБНО

№... 26 декабря 1931 г.

на адресату

ВАСИЛИЙ АСАТКИН

Ваше-президенту Васс.Левитскому КОМАРОВ.

Известный Василий Левитский.

Сердечный Вам привет из Токио.

По воле правительства нашей Советской страны при-
сутствую к работе в Японии.

С первых дней пребывания в этой стране мне удалось пооб-
щиться с Вами на советском и японском языках.
Вам хорошо известно, что целый ряд научных и техниче-
ских работ японской науки, а также работы японских
ученых в вопросах жизни Японии, обнаруживают прямые связи
такого характера с этой страной, в частности в области нау-
ки, техники и экономики.

Мы в Токио, в свое время, при личной встрече, уже гово-
рили об этом - я в частности одного из ученых заметил боль-
шую интересную работу по библиографии литературы по Дальне-
Восточному краю; надеюсь, что эта работа, выполняется.

В настоящее время, пишу Вам письмо на
следующее: во время моего пребывания в Японии-Манчжурской
научные работники обратили мое внимание на планы стартовых
исследований для них сделать на литературной и документальной
в Японии и об Японии, по интересующим их вопросам, так как сам
не имеет средств.

В результате обмена мнениями мы бы устранили следующие
материалы: Японские Торговые представительства, при которых имеются, могли
бы организовать систематическое наблюдение над всей интерес-
ующей Дальнего-Востока, литературой, а также составление
библиографии этой литературы, с необходимой тщательностью и пе-
реводами. Эти материалы в Японии или Манчжурской, интересую-
щиеся люди и учреждения.

Если бы потребовалось, то по указанным вышеперечислен-
ным лицам, Торговое представительство могло бы составить в дополнение к на-
стоящему, более подробный доклад.

Мне думается, что эти материалы лучше бы были помещены
в одно место: или в Библию /Литературу/, или в Дальне-Восто-
чные файлы ВАС.

Для выполнения этой работы Торговое представительство не имеет спе-
циальных средств, поэтому, чтобы выполнить просьбу научных
работников Дальнего-Востока необходимо выделить соответствующие
/в черном/.

Фрагмент письма Асаткина Комарову с предложением о сотрудничестве
с Торгпредством СССР в Японии, 26.12.1931 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 273. Л. 1]

научной деятельности республиканских Академий Наук» [Обручев, 1945, с. 33].

<...>

Организация баз АН СССР проходила в несколько этапов. В частности, по результатам подготовки к открытию Дальневосточного филиала 6 мая 1931 г. председатель Далькрайисполкома А.Н. Асаткин* направил на имя академика В.П. Волгина ходатайство о необходимости создания в Дальневосточном крае отделения Академии, и уже 13 мая 1931 г. Президиум АН СССР постановил ответить принципиальным согласием

Председатель
Далькрайисполкома
в 1931–1932 гг.
А.Н. Асаткин

принять это предложение к обсуждению. 23 мая 1931 г. вопрос о создании баз вновь рассматривался на Президиуме АН СССР. Было принято постановление: *«Признать принципиально необходимым, отвечая на запросы краевых организаций, приступить к созданию ряда исследовательских комплексных баз АН и сети специальных исследовательских станций, объединяемых вокруг этих баз, поручив особой комиссии в составе акад. В.Л. Комарова, П.М. Никифорова, акад. А.Н. Самойловича, акад. И.М. Губкина, акад. А.Е. Ферсмана, В.А. Зеленко, С.Б. Волынского и Н.М. Маторина к 3 июня с.г. разработать план организации таких баз и станций в 1932 г., а также проработать их структуру и взаимоотношения»* [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 31. Л. 119]. В этом же постановлении было признано необходимым в первую очередь организовать такие

* Асаткин-Владимирский Александр Николаевич (1885–1937). В 1930–1931 гг. председатель исполкома Дальне-Восточного крайсовета, в 1931–1932 гг. торговый представитель СССР в Японии. В 1933–1937 гг. член ЦК КП(б) УССР. В 1934–1937 гг. – директор Института экономики АН УССР и член Президиума АН СССР. Как «враг народа» арестован 5 июля 1937 г., расстрелян 2 сентября того же года. Реабилитирован в 1957 г. [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>]. Уже будучи торговым представителем СССР в Японии, Асаткин продолжал переписку с Комаровым в части информирования дальневосточных учёных о состоянии науки в Японии.

базы и станции в пределах Западно-, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краёв.

В протоколе Президиума АН СССР от 3 июня 1931 г. было подчёркнуто, что комплексные научно-исследовательские базы содействуют местным советским краевым организациям в проведении научной работы на местах, организуют вызовы специалистов-академиков на консультации и регулируют работы станций, расположенных в прилегающих к базе районах. Каждая база находится под непосредственным наблюдением ответственного руководителя-академика. Станции ведут самостоятельную научно-исследовательскую работу, согласно решениям групп, отделений и Общих собраний, под руководством соответствующих учреждений Академии наук; в вопросах административно-хозяйственного характера станции опираются на базы; обработка материалов станций ведётся в Академии наук, поскольку она невозможна на местах [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 31. Л. 126].

При организации баз было принято решение просить местные краевые организации выделять определённую дотацию на их содержание. Академику В.Л. Комарову было поручено сделать соответствующий доклад на июньской сессии Академии наук.

На основании материалов, представленных Академией наук, Комитетом по заведованию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР 30 июля 1931 г. было признано необходимым в первую очередь организовать комплексные базы Академии наук в Свердловске, Новосибирске, Ташкенте, Хабаровске и Иркутске. Академии наук также поручалось в двухмесячный срок выяснить возможность организации комплексной базы в Закавказье. Кроме того, было принято решение о расширении сети научно-исследовательских станций Академии наук, связав их деятельность с работой комплексных баз соответствующих районов, при этом расходы по организации и содержанию баз было намечено включить в смету 1932 г. [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 5. Л. 172]. Немаловажно отметить, что 12 сентября 1931 г. Президиум АН постановил организовать в первую очередь базы лишь в 3 городах: Свердловске, Новосибирске и Хабаровске [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 31. Л. 161].

Для проработки форм и структуры баз 6 октября 1931 г. решением Общего собрания Академии наук была образована Комиссия по организации баз АН во главе с академиком В.Л. Комаровым [АРАН.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 47]. Осуществление замысла потребовало от Комарова настойчивости, потому что в академической среде не было единого мнения о целесообразности создания баз на местах; многие высказывали опасения, что невозможно будет должным образом решить проблему научных кадров, оборудования и материального обеспечения новых подразделений; что вновь созданные базы не смогут набрать достаточный исследовательский потенциал и только станут дискредитировать свою метрополию. Комаров не разделял такой точки зрения, хотя и не умалял трудностей в решении предстоявших организационных задач.

Вопросы, связанные с организацией филиалов и баз, были включены в повестку дня ноябрьской (1931) сессии Академии наук. Причём если раньше речь шла о создании баз, то на ноябрьской сессии докладчик по этим вопросам В.П. Волгин сообщил участникам сессии проект «Временного положения» об отделениях и огласил списки учреждений Уральского, Западно-Сибирского и Дальневосточного отделений Академии наук*. Во «Временном положении о Дальневосточном отделении академии наук СССР» (а это положение было признано типовым) говорилось, что Отделение *«является ассоциацией научных институтов и станций Академии наук, ведущих в крае научно-исследовательскую работу по своей специальности, главным образом в направлении изучения природных ресурсов и производительных сил края. Вместе с тем Отделение содействует краевым советским органам в разрешении очередных вопросов научного характера и в планировании научно-исследовательской работы в Дальневосточном крае»* [Труды..., 1932, с. 280–281].

Следующим важным этапом создания филиалов АН стало заседание Секретариата ЦИК СССР, проходившее 13 января 1932 г. Во многих официальных публикациях эта дата считается днём основания Дальневосточного филиала во Владивостоке. В то же время из протокола заседания Секретариата ЦИК, подписанного секретарём ЦИК А.С. Енукидзе, следует, что точного местоположения Дальневосточной базы при подготовке протокола ещё не было определено. В частности,

* С 16 июля 1932 г. новые академические учреждения, созданные на Урале, Дальнем Востоке и в Закавказье, стали именоваться филиалами, а в Таджикистане и Казахстане – базами [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 14], в то же время в некоторых документах АН филиалы до 1934 г. продолжали именоваться отделениями.

Выписка из протокола № 29 заседания Секретариата ЦИК СССР, состоявшегося 13 января 1932 г.

в постановлении Секретариата сказано: «Утвердить организацию комплексных научно-исследовательских баз Академии Наук Союза СССР в Свердловске, Новосибирске, Ташкенте, Хабаровске и Иркутске без ассигнования дополнительных средств в 1932 г.». Очевидно, что упоминание в постановлении города Хабаровска было связано с тем, что в то время этот город был центром Дальневосточного края, в состав которого входил и современный Приморский край, но никак не определяло точного месторасположения будущего Дальневосточного филиала, который в итоге был организован во Владивостоке.

Организация филиалов и баз Академии наук оказалась не таким простым делом. В связи с этим Комиссией по базам АН СССР 7 августа 1933 г. было направлено письмо в Комитет по заведованию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР о развитии филиалов

и баз, в котором была обоснована просьба о выделении филиалам и базам дополнительных средств на текущие расходы и валютных средств на приобретение импортных приборов и литературы. В письме, в частности, говорилось: «Академия наук СССР имеет 3 филиала: Уральский в г. Свердловске, Дальневосточный – в г. Владивостоке, Закавказский – в г. Тифлисе с отделениями в Азербайджане (г. Баку) и 2 базы: Казахстанскую – в г. Алма-Ата и Таджикистанскую в г. Сталинабаде.

В составе Уральского филиала организован и в текущем году работает лишь Химический институт с лабораториями: соляной, высоких давлений и металлографической.

Имеются кадры для Геохимического и Геофизического институтов, но в текущем году открыть эти институты не представляется возможным ввиду отсутствия помещений и оборудования. Кадры используются на экспедиционные работы.

Деятельность и развитие филиала крайне затрудняется отсутствием помещений и неопределённостью финансирования по местному бюджету. До сего времени неизвестна сумма, ассигнованная филиалу на 1933 г.

В составе Закавказского филиала функционируют в текущем году сектора: истории и экономики, языка, ботаники, зоологии и почвенно-географический.

Работа секторов затрудняется недостатком помещений и почти полным отсутствием оборудования.

В составе Азербайджанского отделения Закавказского филиала функционируют сектора: языка и материальной культуры, геологии, химии, прикладной химии, геофизики, ботаники и зоологии. Азербайджанское отделение более чем другие филиалы обеспечено оборудованием. Смета отделения проходит исключительно по местному бюджету.

В составе Дальневосточного филиала функционируют Химический институт, лаборатории: соляная и органического синтеза, Институт физики металлов, сектор геоботаники, сектор зоологии, микробиологическая лаборатория, кабинет народов ДВК и Южно-Уссурийская горно-таёжная станция.

Работа филиала протекает в чрезвычайно трудных условиях благодаря нерегулярному финансированию краевыми организациями,

отсутствию помещений для институтов, жилплощади и планового снабжения для научных работников.

В составе Казахстанской базы функционируют сектора ботаники, зоологии, геофизики и химическая лаборатория. Помещением база относительно обеспечена, не хватает оборудования и денег на операционные расходы.

В составе Таджикистанской базы – биологический, историко-лингвистический и геолого-геохимический сектора. Эта база особенно страдает от недостатка самого элементарного оборудования (в базе отсутствует даже микроскоп)...» [Иодко, 1988, с. 230–231].

10 июня 1934 г. Президиум АН СССР принял решение о преобразовании Хибинской горной станции (основана в 1930 г. – авт.) в Базу АН на Хибинах. К концу 1934 г. в состав Базы входили: Геохимическая лаборатория, Полярно-альпийский ботанический сад и Климатолого-метеорологический отряд. Работа Академии наук на Кольском

Академик В.Л. Комаров с супругой среди научных работников г. Тбилиси в окрестностях Коджар, октябрь 1935 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 18. Л. 5]

полуострове находилась под постоянным вниманием руководителя Ленинградской парторганизации С.М. Кирова. В связи с этим постановлением Президиума АН СССР от 5 декабря 1934 г. Кольской базе АН СССР было присвоено имя С.М. Кирова [АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1934. Д. 5. Л. 177].

В 1935 г. Комаров был вновь избран председателем уже значительно расширившей свои функции Комиссии по заведованию филиалами и базами АН СССР и в этой должности пребывал до 1945 г. При этом в 1935 г. при участии В.Л. Комарова была открыта новая, Северная база в Архангельске, а уже существовавший Закавказский филиал оказался настолько окрепшим, что его разделили на три филиала: Грузинский, Армянский и Азербайджанский.

После своего избрания в декабре 1936 г. президентом АН СССР, В.Л. Комаров 16 января 1937 г. в газете «Найчер» выступил с программной статьёй «Академия наук СССР и третий пятилетний план», в которой было заявлено о решительном изменении деятельности Академии в области создания и работы академических филиалов: *«Внимание будет сосредоточено на ключевых позициях, и число филиалов будет сокращено или передано местным властям...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 131. Л. 2].

Собрание работников филиалов и баз АН СССР, 1938 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 37]

Очевидно, что столь неожиданное со стороны президента Академии наук заявление о сокращении числа филиалов было сделано под давлением определённых кругов в правительственных и академических структурах и явилось, скорее всего, лишь политической уловкой. На самом деле развитие сети региональных филиалов и баз Академии наук продолжалось и в последующие годы. Так, в 1939 г. возник Узбекский, а в 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, – Туркменский филиалы. На базе Грузинского филиала АН СССР 10 февраля 1941 г. была создана Академия наук Грузинской ССР. Владимир Леонтьевич особо настойчиво выступал за сохранение Дальневосточного филиала, где он был председателем. Однако в августе 1939 г., когда у Комарова случилось тяжёлое обострение его хронической болезни и он находился на лечении в Теберде, Дальневосточный филиал АН СССР был закрыт при сохранении на Дальнем Востоке Горнотаёжной станции (см. главу 5).

К концу 1941 г. АН СССР имела 7 филиалов (Азербайджанский, Армянский, Казахский, Таджикский, Туркменский, Узбекский и Уральский), две научно-исследовательские базы (Кольская и Северная) и одну Горнотаёжную станцию. В научных учреждениях филиалов

Академия наук Грузинской ССР, Тбилиси (до 1936 г. – Тифлис)

и баз АН СССР к этому времени имелось около 1500 научных и научно-технических работников, в том числе 12 академиков, 11 членов-корреспондентов, 126 докторов, 284 кандидата наук и 610 научных работников без учёной степени.

По мнению Мухелишвили с соавторами: *«Приведённые краткие данные о проделанной и текущей работе только в некоторых из функционирующих филиалов Академии Наук СССР показывают, что идея организации этих очагов науки и культуры на местах полностью себя оправдала. Заслуги в этом деле организатора и бессменного руководителя филиалов Владимира Леонтьевича Комарова поистине огромны. Вот почему в дни, когда вся страна отмечает семидесятилетие со дня рождения и сорокапятилетие научной деятельности своего выдающегося учёного, — многочисленные коллективы работников филиалов и баз Академии приветствуют дорогого юбиляра с особым чувством благодарности и глубокого уважения»* [Мухелишвили и др., 1939, с. 54].

Особую роль созданные в предвоенные годы филиалы и базы сыграли в период Великой Отечественной войны. При эвакуации

Академик Комаров среди сотрудников Абхазского научно-исследовательского института и Абхазского государственного музея, 1939 г.

[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 26. Л. 1]

Академии наук вглубь страны, захватившей лето и осень 1941 г., Свердловский, Казахский, Узбекский, Туркменский, Таджикский и Киргизский филиалы и базы разместили на своих площадях имущество учреждений и устроили сотрудников Академии. Кроме того, филиалы и базы с успехом выполнили ряд специальных заданий, связанных с обороной страны. В конце 1942 г. Комаров писал: *«Деятельность филиалов и баз, а также ряда других учреждений Академии наук, работающих на периферии, показала, насколько правильна идея приближения научных учреждений к изучаемым ими районам. В условиях военного времени особенно плодотворна работа этих учреждений по мобилизации растительных и минеральных ресурсов на нужды обороны»*.

<...>

Очередной вехой в научной децентрализации стало торжественное открытие в июле 1943 г. во Фрунзе Киргизского филиала АН СССР [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 5958. Л. 74, 75], а в сентябре – преобразование Узбекского филиала в национальную Академию наук (Узбекский филиал АН СССР был преобразован в национальную Академию наук постановлением СНК СССР 27 сентября 1943 г. [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 5971. Л. 43]). Кроме того, в ноябре 1943 г. на базе Армянского филиала АН СССР была основана Академия наук Армянской ССР.

В тот год Владимир Леонтьевич хотел обязательно побывать в Казахском филиале (Алма-Ате) – была острая необходимость консолидации имеющихся там научных сил для их включения в работу Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны, а также в Киргизии на открытии филиала Академии наук. Во время поездки в Киргизию произошёл случай, в результате которого В.Л. Комаров мог погибнуть. Вот как об этой поездке вспоминает супруга Комарова Надежда Викторовна: *«Если не ошибаюсь, то это открытие было в августе 1943 г. (на самом деле – в июле – авт.) на котор[ый] Вл. Л. и отправился из Алма-Аты во Фрунзе (ныне Бишкек – авт.). После открытия филиала и посещения помещений, отведённых под филиал, Вл. Л. объявил, что он хочет ехать в Пржевальск (ныне Каракол – авт.), чтобы возложить венок на могилу знаменитого путешественника, горячим поклонником которого он был. Помню хорошо нашу поездку на автомобиле туда и обратно. Всё интересовало*

Академия наук Узбекской ССР, Ташкент

Академия наук Армянской ССР, Ереван

его во время пути: и надгробные памятники, кот.[орые] в изобилии попадались нам по краям дороги, высокие горы и обрывы по р. Чу, полупустынные бесконечные степи, поросшие Кузьмичевой травой – Вл. Л. то выходил сам из машины, то мы приносили замеченные им растения. На придороге в местечке “Чолпон-Ата” на берегу Иссык-куль мы сделали привал с ночёвкой, чтобы Вл. Л. отдохнул, так как проехали уже около 150 километров и сколько же осталось ещё. И здесь Вл. Л. хотя и усталый всё же отправился бродить по берегу Иссык-куля, рассматривая растительность его берегов. Переночевав и позавтракав, Вл. Л. увидел, что все сопровождавшие его собрались и ждут что-то. Вл. Л. спросил, что это значит, что-нибудь надо обсудить, какая-нибудь задержка. Тут все наперебой и в том числе врач, котор.[ый] сопровождал Вл. Л. в этой поездке, стали его отговаривать от поездки в Пржевальск – чтобы он согласился пожить в Чолпон-Ата, отдохнуть хорошенечко и тогда уже возвратиться во Фрунзе, что Пржевальск лежит ещё выше, что высота может отразиться губительно на его здоровье и пр. пр. Вл. Л. всё слушал и у нас даже складывалось впечатление, что он соглашается с нами, но вот он встал и обратился к своему помощнику А. Гр. Чернову: “Андрей Григорьевич, распорядитесь, пожалуйста, чтобы машина была готова к отъезду, через час я еду в Пржевальск, а вы, товарищи, – сказал он обращаясь к остальным, – можете, если хотите, оставаться здесь”. Здесь опять сказала характерная его черта: он не любил отменять принятое уже раньше решение. И вот мы в Пржевальске. Вл. Л. вместе с Ал. Ал. Байковым возлагают венок на памятник великому путешественнику. Заветное желание Вл. Л. выполнено – он был в Пржевальске – был у Пржевальского – можно ехать обратно. Наш обратный путь был не так благополучен, как первый. Сделав краткую остановку снова на полпути, решаем ехать дальше, чтобы засветло достичь станции, от которой идёт поезд до Фрунзе. Но, подъезжая к р. Чу, где повсюду скалы, а с другой стороны протекает р. Чу – вдруг я ясно вижу, что мы сейчас ударимся о скалу. Быстро мелькает мысль “так разбиваются и погибают, ну да ничего, – мы оба рядом, погибнем, так вместе”. Сильный толчок, шофёр делает отчаянное усилие рулём, машина ударяется боком и останавливается. Я с ужасом смотрю на Вл. Л. и вижу, что он держится рукой за голову и его рука и всё лицо заливаются кровью.

Мелькает мысль, — он жив и если не потеряет сейчас сознание, то может и не так плохо. — К счастью за нами едет автобус с остальными путешественниками, он скоро подъезжает, прибегает доктор и констатирует сильный удар головой о верх машины и рассечение кожи головы — но кость кажется цела. Нас пересаживают на первую встречную машину и снова едем — Вл. Л. с повязкой на голове. Но вот снова беда — путь преграждает стремительный поток с гор, кот.[орый] преградил дорогу и пока не прекратится ужасный ливень — сделать ничего нельзя. Наконец уже, конечно, в полной темноте часов в 11 веч. мы попадаем в поезд...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 13–16].

В 1944 г. В.Л. Комаров в преддверии своего 75-летнего юбилея вновь смог посетить некоторые филиалы Академии наук, созданные при его участии. Надежда Викторовна об этом событии оставила следующие записи:

«Последним большим его [Комарова — авт.] путешествием была поездка 1944 г., предпринятая им для осмотра его любимых филиалов, из которых два уже тогда стали Академиями. Как он радовался, что рождённые им небольшие научные учреждения вылились в национальные научные центры.

Помню его выступление в эту поездку в Баку на собрании научных работников тогда ещё Азербайджанского филиала АН. Приведу

Могила Н.М. Пржевальского в Пржевальске
(ныне — Каракол)

выдержку из его речи: “Я когда-то посеял здесь маленькое незаметное зёрнышко. Сначала его даже не было видно, но когда я был здесь в 1934 г., то филиал уже развернулся, были уже институты и сектора, был сектор почвоведения с котор. (ого) все институты брали пример. Это был действительно

В.Л. и Н.В. Комаровы, академики А.Н. Бах, А.А. Байков, Э.В. Брицке и др.
в Пржевальске [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 34. Л. 4, 6]

замечательный сектор. Теперь у Вас уже больше институтов, которые имеют высокую научную ценность. Таким образом, товарищи, посев растёт. Действительно, прошло 10 лет, и они ясно показывают, до чего выросло моё зёрнышко. Дерево теперь уже с цветами и плодами". В эту поездку он посетил кроме Азербайджана ещё Грузию и Армению и снова в последний раз поехал в Абхазию, в любимые Гагры...» [АРАН. Ф.277. Оп. 2. Д. 123. Л. 20, 21].

В 1944 г. уже проводились подготовительные работы по организации Академии наук Азербайджанской ССР на базе Азербайджанского филиала АН СССР. В итоге, Академия наук Азербайджанской ССР была учреждена 7 марта 1945 г. постановлением Совнаркома Азербайджанской ССР.

На очереди стоял вопрос об учреждении Казахской Академии наук ССР. Президент АН СССР В.Л. Комаров и председатель Совнаркома Казахской ССР Н.Д. Ундасынов при обсуждении 1 марта 1945 г. данного вопроса отметили: «...Фактическим центром науки в Казахстане стал Казахский филиал Академии наук СССР, созданный в 1932 г. и особенно интенсивно развернувший свои научно-исследовательские работы в годы Отечественной войны. В научно-исследовательских

Здание Академии наук Азербайджанской ССР, Баку

Обсуждение вопроса об открытии АН КазССР. Слева направо: председатель КазФАН СССР К.И. Сатпаев, В.А. Белый, председатель СНК КазССР Н.Д. Ундасынов, президент АН СССР В.Л. Комаров, 1945 г. [АП РК. Ф. 896. Оп. 1. Д. 5347. Л. 1]. Фото с сайта: <https://e-history.kz/ru/publications/view/2861>

институтах Казахского филиала Академии наук СССР работают свыше 40 докторов и профессоров и более 100 кандидатов наук и доцентов (из 389 научных работников г. Алма-Аты, имеющих учёные степени и звания). Достижения Казахской ССР в развитии экономики и культуры позволяют высказать мысль об ознаменовании в этом году 25-летнего юбилея Советского Казахстана организацией Академии наук Казахской ССР...» [<https://e-history.kz/ru/publications/view/2861>]. Ещё при жизни Комарова, 26 октября 1945 г., вышло постановление Совнаркома СССР об организации Академии наук в Казахстане. Однако учреждение новой академии состоялось 1 июня 1946 г. В этот день совместным постановлением Президиума Верховного Совета, Совета Министров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана Академия наук Казахской ССР и была учреждена.

Кроме национальных академий наук и восстановления Дальневосточной базы АН СССР в 1943–45 гг. были созданы Западно-Сибирский, Киргизский и Казанский филиалы, научно-исследовательские базы в Карело-Финской АССР, Коми АССР (реорганизованная Северная

Здание Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата

база) и Дагестанской АССР. В 1945 г. в составе филиалов и баз работали 43 института, 44 самостоятельных отдела и т.п., астрономическая обсерватория, 2 сейсмические станции, 4 музея, 9 ботанических садов, 3 заповедника и 5 стационаров, общая численность научных и научно-технических сотрудников составила около 1700 чел. [<https://онлайн-словарь.рф/filiali-akademii-nauk-sssr.html>].

<...>

В 1945 г. возникла необходимость организации при Академии наук Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик, который и был создан постановлением Совета Министров СССР. Первое заседание Совета состоялось сразу после завершения Торжественной сессии, посвящённой 220-летию Академии наук. В.Л. Комаров созвал это совещание 2 июля, воспользовавшись пребыванием в Москве иногородних учёных. На этом заседании была намечена основная программа работ Совета и заслушано несколько отчётов [Павлов, 1951, с. 283].

В биографической книге В. Келера, посвящённой академику Сергею Ивановичу Вавилову, было сказано, что именно Вавилов был

«главным организатором и бессменным председателем» Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик [Келер, 1984, с. 194]. На самом деле Сергей Иванович возглавил эту деятельность лишь после отставки В.Л. Комарова в июле 1945 г. с поста президента АН и с успехом продолжил её в качестве нового президента Академии. Сергей Иванович Вавилов впоследствии действительно уделял пристальное внимание развитию науки в союзных республиках. Как и Комаров, новый президент Академии считал, что академии наук союзных республик, занимаясь и общими вопросами науки, прежде всего должны обращать внимание на местные нужды и изучение местных богатств и ресурсов, на изучение национальной культуры [Келер, 1984]. Именно при С.И. Вавилове некоторые филиалы Академии наук, организованные ещё при В.Л. Комарове, были превращены в республиканские академии. Так возникли Латвийская, Эстонская, Киргизская, а в дальнейшем и другие национальные академии наук.

4. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЕВОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ (1924–1931 гг.)

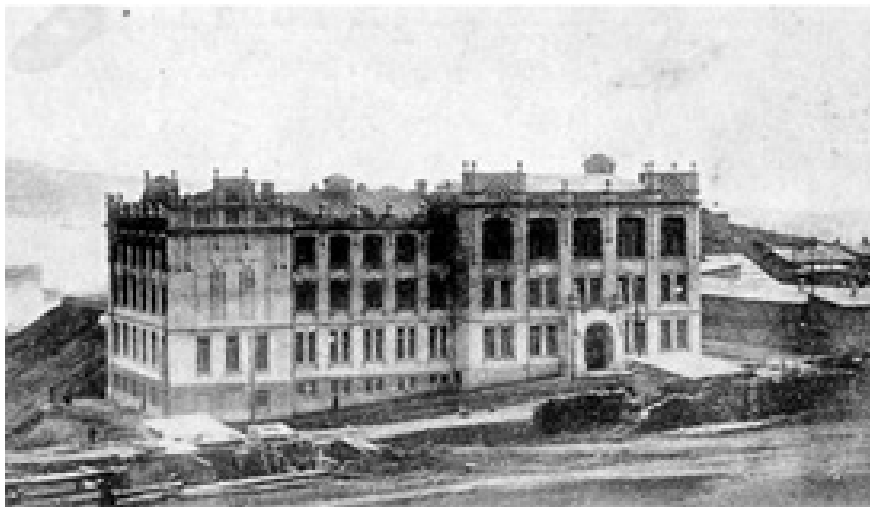
Для организации филиалов Академии наук нужны были определённые условия на местах: наличие не только какого-либо вуза, но и более-менее солидной научно-исследовательской базы. В Дальневосточном крае такая база наиболее комплексно стала формироваться во Владивостоке с основанием 27 июня 1924 г. при Государственном Дальневосточном университете – ГДУ (образован в 17 апреля 1920 г.) Краеведческого научно-исследовательского института (КрНИИ). Впоследствии в нём работали ведущие учёные Дальневосточного края: В.П. Вологдин, Б.П. Пентегов, В.И. Огородников (ректор ГДУ в 1923–1925 гг.), А.П. Георгиевский, Е.М. Чепурковский, Е.И. Любарский, А.Н. Козлов и др. Главной задачей института было оказание научно-теоретической помощи в освоении края. В коллективной монографии по истории Дальневосточного государственного университета [Ермакова и др., 1999, с. 96-97] сказано: *«В 20-е годы шло стремительное становление университета как научного центра Дальневосточного края. Изучение дальневосточного региона, его богатств, истории, культуры являлось важнейшей областью деятельности учёных ГДУ. Значительно возрос научный потенциал с созданием при университете Краевого научно-исследовательского института (с 1924 по 1928 г. институт именовался Краеведческим НИИ – авт.) во главе с профессором-биологом В.М. Савичем. Институт имел три отдела: промышленно-экономический (руководитель Б.П. Пентегов), естественно-исторический (руководитель В.С. Домбровский) и культурно-исторический (руководитель В.И. Огородников). Институт стал краевым центром организации и координации научно-исследовательской работы, связи научных исследований с производством. В тесном контакте с ним действовали научные общества: техническое, сельского хозяйства и лесоводства, педагогическое и востоковедения».*

Помимо Краеведческого НИИ в 1920-х гг. на юге Дальневосточного края был создан целый ряд научных учреждений разной ведомственной принадлежности, которые также сыграли большую роль в становлении науки на Дальнем Востоке.

Подробности организации и деятельности КрНИИ (ДВКНИИ) изложены в обстоятельной статье Л.С. Малявиной [2009]. В частности, она замечает, что в дореволюционной России исследовательских институтов как особой формы ведения научной работы не существовало. Формирование сети научных институтов было начато после 1917 г., когда за короткий период (1918–1919 гг.) по проектам Академии наук в советской России было открыто 33 специализированных НИИ, ориентированных на решение фундаментальных и прикладных задач [Организация..., 1968]. Помимо отраслевых и академических НИИ, другим типом новых научных учреждений стали исследовательские институты, создаваемые при высших учебных заведениях. В то время вузовские НИИ находились в ведении Наркомата просвещения (Наркомпроса) и должны были заниматься научными исследованиями, имеющими народнохозяйственное значение, готовить научные кадры, участвовать в популяризации знаний. По сведениям Государственного архива РФ к 1926 г. в ведении Наркомпроса РСФСР находилось уже 28 вузовских НИИ, существовавших как самостоятельно, так и в форме научных ассоциаций [ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1402. Л. 49].

<...>

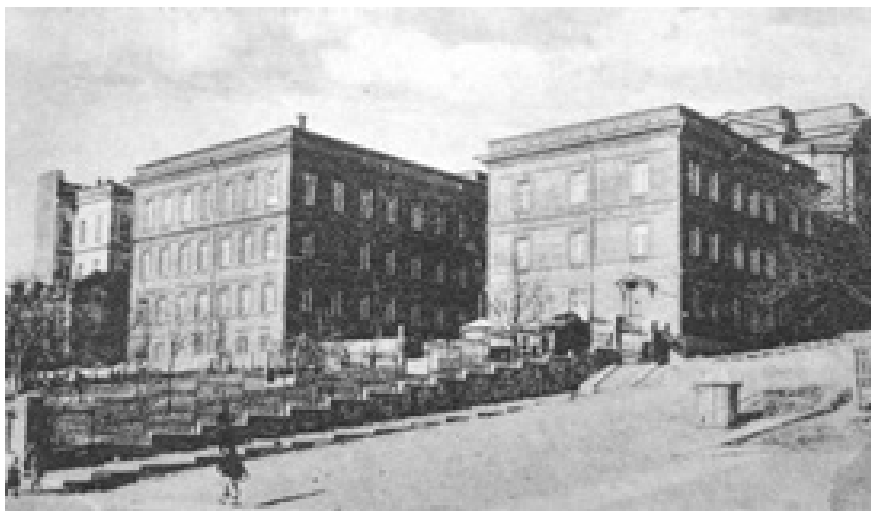
Образованию КрНИИ предшествовала реорганизация вузов Владивостока, когда в 1923 г. из-за крайне тяжёлого финансового положения к ГДУ были присоединены Педагогический институт им. Ушинского и Владивостокский политехнический институт. В июле того же году было принято решение о слиянии Читинского университета с ГДУ. Новым ректором укрупнённого Государственного Дальневосточного университета избран бывший ректор Читинского университета профессор истории В.И. Огородников. В обновлённом ГДУ получили развитие математика, физика, ботаника, биология, востоковедение. Вместе с другими преподавателями Читинского университета во Владивостоке оказался будущий организатор и бессменный директор КрНИИ/ДВКНИИ

Здание Государственного Дальневосточного университета.
Фото с почтовой открытки

Ректорат ГДУ и исполнительное бюро коллектива красного студенчества (1924 г.).
В первом ряду, второй слева – В.И. Огородников, ректор ГДУ в 1923–1925 гг.

Здание Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета.
Фото с почтовой открытки

В.М. Савич после окончания Санкт-Петербургского лесного института, 1909 г.

В.М. Савич в период работы в Государственном Дальневосточном университете, 1920-е годы

В.Л. Комаров. *Владивосток, 1926 г.* [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 14]

В.Л. Комаров с группой преподавателей и студентов лесного отделения Государственного Дальневосточного университета. *Владивосток, 1926 г.* В первом ряду первый слева В.М. Савич [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 14]

А.З. Фёдоров, Е.Н. Алисова и В.М. Савич среди студентов Дальневосточного университета. 10 января 1928 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 63. Л. 1]

Директор ботанического сада на станции Океанская (в пригороде Владивостока) В.М. Савич с профессором Е. Книпом (справа), сотрудниками и рабочими сада.
1928 г. Архив Ю.И. Манько

Владимир Михайлович Савич, которого сразу избрали деканом агрономического факультета.

<...>

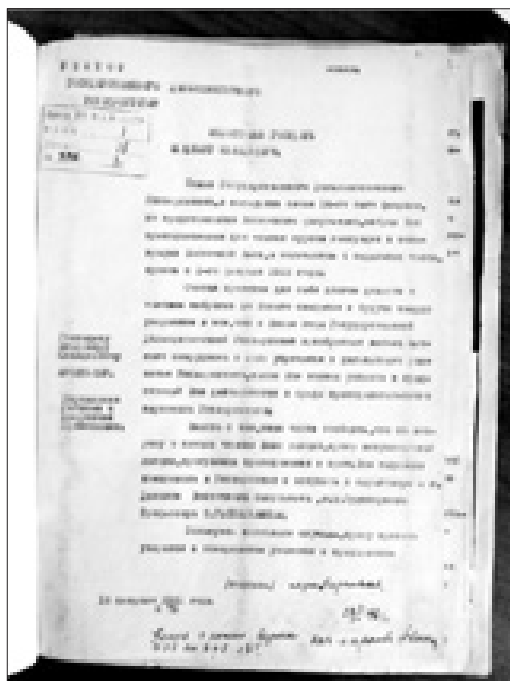
Владимир Михайлович прибыл во Владивосток в конце апреля 1924 г. вместе с супругой Ириной Николаевной – талантливым генетиком и селекционером. Е.В. Васильева в своём историко-биографическом очерке, посвящённом семье Савичей, пишет: *«Некоторое время семья провела в “Версале”, центральной гостинице Владивостока, а потом переехала в трёхэтажный дом на Лазо, 35, где в семи просторных комнатах второго этажа Савичи довольно быстро обжились. Домашнее хозяйство полностью легло на Ирину Николаевну, помогали ей в этом старшие дети. Причём заработка Владимира Михайловича хватало на то, чтобы держать горничную и повара-китайца. Но вскоре пришлось ограничиться только поваром. 1924 г. был годом рождения четвёртого сына Савичей, Олега. И Ирина Николаевна вела домашнюю жизнь, принимая новых друзей мужа. Ими были в основном профессора ГДУ, которые по воскресеньям приходили к Савичам с жёнами на семейные ужины. Эти ужины выливались в настоящие праздники с чтением стихов, музицированием, исполнением оперных арий. Пели в основном обладавшие прекрасными голосами Ирина Николаевна и жена Гассовского [Г.Н. Гассовский – первый учёный секретарь КрНИИ – авт.] с матерью. У Савичей бывать любили. Вскоре в их доме появился Владимир Клавдиевич Арсеньев. Позади остались все недоразумения между ним и Владимиром Михайловичем, вызванные желанием ректора Университета Огородникова присоединить к ГДУ Общество по изучению Амурского края, организацию далеко не бедную, что могло бы дать хоть какую-то материальную базу нищенствующему Университету. Это привело к конфликту между двумя организациями, поэтому Савич и Арсеньев на какое-то время оказались в двух враждующих лагерях. Но следует отдать должное Владимиру Михайловичу: при всей импульсивности натуры он, познакомившись с Арсеньевым лично, быстро сумел выйти из неприятной и для Университета, и для себя самой ситуации. И завязавшееся знакомство переросло в дружбу двух семей»* [Васильева, 2002, с. 39].

Для коллектива КрНИИ первые годы его существования стали временем «выживания», поиском организаций, которые могли бы финансировать научные работы. Тем не менее к 1925 г. КрНИИ стал превращаться в авторитетное научное учреждение. С момента приезда во Владивосток В.М. Савич наладил тесные связи с В.Л. Комаровым, собирая для него гербарный материал. Об объеме гербария, который в то время Савич направлял Комарову на обработку, можно судить из его письма от 14 мая 1927 г.: *«Ботанический кабинет ДВ Университета начал высылку Вам в адрес Гл. Бот. Сада моего гербария экспед. 1924 г. (на севере хребта Сихотэ-Алинь). Всего будет выслано около 20 ящиков. Сегодня (14 V) отправлен 9-й ящик и я думаю, что за ближайшую неделю отправка гербария почтовыми посылками будет закончена. Я посылаю Вам весь мой гербарий полностью со всеми дублями, т.к. Вы будете в этом случае иметь больше материала для заключений и можете*

Уведомление об избрании В.К. Арсеньева преподавателем Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 18]

Владимир Клавдиевич Арсеньев – русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока

Владивосток, ул. Лазо. Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

Владивосток. Здание ДВО РАН, где в 1920-х гг. размещались лаборатории ДВКНИИ. Ныне здесь размещается Дальневосточное отделение РАН. Фото с почтовой открытки

видеть такие детали, на которые я здесь м.б. не обратил бы внимания. Кроме того, последующее распределение дубликатов мне представляется более удобным организовать через Глав. Бот. Сад. Основную коллекцию я передаю Гербарию Сада. По одному определённому Вами образцу прошу вернуть ДВ Университету...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1286. Л. 15, 16].

В 1928 г. Институт выделился из Университета, став самостоятельным Дальневосточным научно-исследовательским институтом (ДВКНИИ). ДВКНИИ имел двойное подчинение – Далькрайисполкому и Главнауке НКП РСФСР, что значительно повышало его возможности. В соответствии с «Положением», утверждённым Далькрайисполкомом в 1928 г., Институт по-прежнему оставался научно-исследовательским учреждением с программой работ, финансируемой из местного бюджета, а также брал на себя функции координирующего органа. В планах Института были намерения развёртывания сети филиалов на Среднем Амуре, в Восточном Забайкалье, на Камчатке, а в отдалённой перспективе – на Северном Сахалине. Руководство Института активно формировало свою собственную библиотеку, и В.Л. Комаров принимал в этом непосредственное участие. В Архиве РАН имеется благодарственное письмо от 18 июня 1930 г., написанное по этому поводу и подписанное молодым геоботаником Н.Е. Кабановым*: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Вашу посылку книг из 4-х экземпляров I тома “Флора п/о Камчатки” и 10 экзempl.[яров] II тома, пересланную нам Южно-Уссурийским Отделом ДВ Кр. Научно-Исследовательского Института, мы получили 15 июня. Мои товарищи геоботаники в настоящее время уже разъехались на полевые работы, но тем не менее некоторым из них нам удалось разослать полученные книги. От лица всех геоботаников приношу Вам глубокую благодарность

*Кабанов Николай Евгеньевич (1905–1992) – известный дальневосточный геоботаник и лесовод, доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР. С 1923 по 1929 г. – студент Государственного Дальневосточного университета (лесной факультет), с 1932 по 1939 г. возглавлял сектор почвоведения, геоботаники и флоры ДВФ АН СССР, в 1940–1944 гг. занимал руководящие должности в ботанических учреждениях Кольской и Коми Баз АН СССР, с 1944 по 1947 г. был учёным секретарём Дальневосточной Базы им. академика В.Л. Комарова АН СССР [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 203. 24 л.].

18 июня 1930.

Географическому
Владивостокскому!

Ваше письмо мне от 4-я. Очень интересно
Т-во твое, Фёдор Фё. Кабанов! Я бы рад был
Т-во твое, географическое наше Влад. Уссурийское
Восточное ДВКр. Н.И. Ин-та. Мыслью твою
на твоем 18 июня.

Мы товарищи-геоботаники в настоящее
время уже работаем на каютах рабочих, но
также на земле исследуем и свои материалы
различные почвенные книги.

Вы наша вся геоботаника примите нашу
искреннюю благодарность за внимание нашей
просьбы.

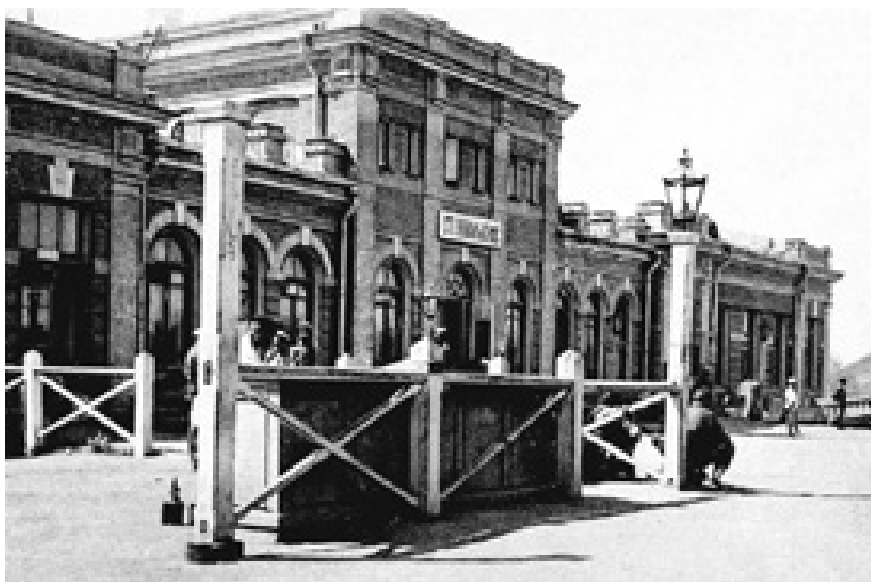
По поручению геоботаников,
Нашим Вас Н. Кабанов

*Владивосток, Ленинская, 46
Почвенно-ботаническое бюро ДВКр. Н.И. Ин-та.*

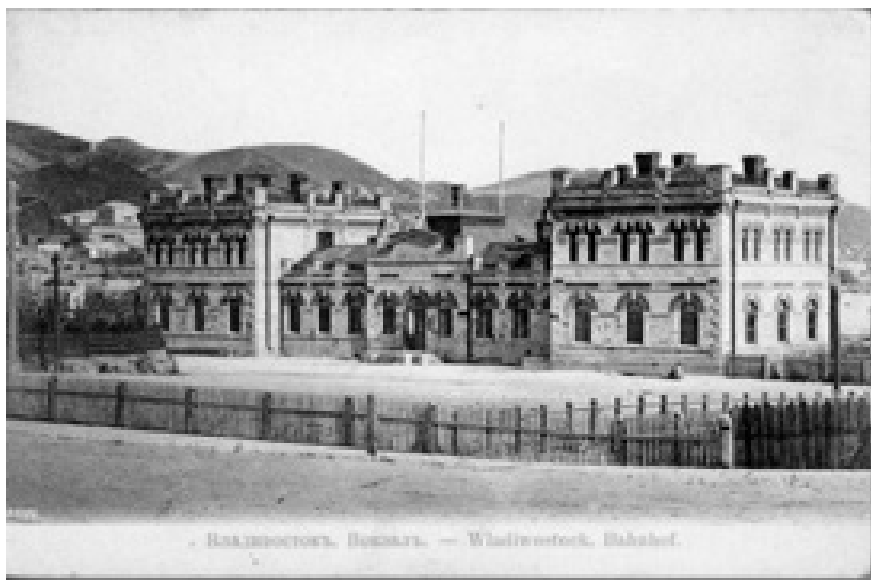
Письмо Кабанова Комарову от 10.06.1930 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 675. Л. 1]

за исполнение нашей просьбы. По поручению геоботаников, Уважающий Вас Н. Кабанов. Владивосток, Ленинская, 46, Почвенно-ботаническое бюро ДВКр. Н.И. Ин-та» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 675. Л. 1].

В январе 1930 г. ДВКНИИ расширился за счёт научных подразделений Южно-Уссурийского отделения Государственного русского географического общества (г. Никольск-Уссурийский), которое было преобразовано в Южно-Уссурийское отделение ДВКНИИ, при этом директор Южно-Уссурийского отделения ГРГО А.З. Фёдоров остался во главе вновь образованного Отделения (см. главу 2). Здесь важно отметить, что в 1929 г., в рамках реорганизации научных организаций края, Далькрайисполком предполагал расформировать Южно-Уссурийское отделение ГРГО, и только ходатайство академика В.Л. Комарова спасло Отделение от закрытия [Малявина, 2011].

Никольск-Уссурийский. Железнодорожная станция Никольское.
Фото с почтовой открытки

Владивосток, железнодорожный вокзал. *Почтовая открытка*

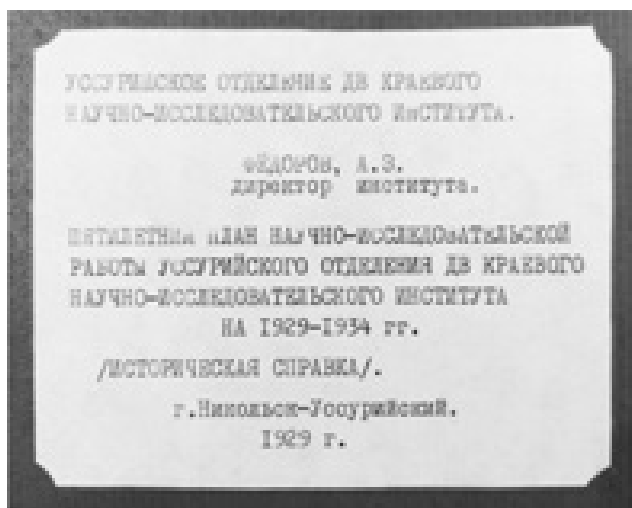
<...>

При оценке научного потенциала Уссурийского отделения ДВКНИИ читатель имеет возможность впервые познакомиться с планами работ этого учреждения на 1931 г., которые хранятся в Архиве Дальневосточного отделения РАН [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 74, 75].

В деле 75 содержатся краткая «историческая справка» и табличный пятилетний план НИР Отделения на 1929–1934 гг. (*на самом деле – на 1930–1934 гг.* – авт.). Указано, что на 1 января 1930 г. научно-исследовательские подразделения, созданные Уссурийским отделением РГО, состояли из Ботанического кабинета с отделом специальных групп растений (Кабинет генетики и селекции плодовых растений), опытной Шелководной станции, Горного хутора «Кривой Ключ» (экологический отдел Ботанического кабинета) и библиотеки. Реорганизация Южно-Уссурийского отдела ГРГО, начавшего свою работу в 1916 г., в соответствии с текстом справки *«была произведена на условиях, вполне обеспечивающих непрерывность и последовательность всех начатых научных работ, за исключением работ по доисторической и исторической археологии, которые не нашли места в новой системе и пока оставлены»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 75. Л. 2]. И далее: *«В связи с постановлением ДВКИК от 9/X с.г. (1929 г. – авт.), протокол № 79 об организации сети научно-исследовательских и с/х учреждений, ряд вопросов, находящихся в сфере работ Уссурийского отделения ДВКНИИ, ... должна отойти от Института с 1-го января 1931 г. в состав новой сети Опытная Шёлковая станция»* [Там же. Л. 2].

В справке отмечен ещё один интересный момент, связанный с реорганизацией Отделения: *«...план работ, начиная с 1931 г., ... построен с расчётом на реорганизацию отделения Института в специальный ДВ Краевой Ботанический Институт»* [Там же. Л. 2]. Видимо, в связи с этим план работ Уссурийского отделения ДВКНИИ на 1931 г. открывался следующей фразой: *«Основное направление работ Института (выделено авт.)... так же как и в предшествующие годы взято на выявление новых производственных возможностей в деле социалистической реконструкции хозяйства ДВК»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 74. Л. 1].

Титул к пятилетнему
плану НИР
Уссурийского
отделения ДВКНИИ,
1929 г.
[Архив ДВО РАН.
Ф. 1. Оп. 13. Д. 75]

В обосновании составленных планов было сказано, что «основной областью исследовательских работ является ДВК, путём систематического и планомерного изучения коего Институт и стремится осуществить основные установки.

Хозяйственно-производственными проблемами, в области которых Институт непосредственно работает, будут:

1. Пище-кормовая
2. Химическая
3. Колонизационная
4. Шелководство
5. Деревообделочная

Из перечисленных проблем Институт разрабатывает следующие вопросы.

1. По пище-кормовой проблеме.

1. Выявление пище-кормовых растений из дикорастущей флоры, изучение их биологии и определение основных производственных точек.
2. Выведение новых сортов плодовых растений.
3. Изучение нектароносов и нектароносных растений.
4. Испытание иноземных пище-кормовых культур.
5. Выявление новых жиросодержащих объектов дикой флоры.

6. *Вопрос о повышении продуктивности и скороспелости домашних животных и о возможности правильного использования в пицекормовом отношении диких животных.*

7. *Изучение биологического значения водорослей рисовых полей в рисовой культуре.*

II. *По химической проблеме.*

Выявление растительных форм, содержащих эфирь, алко-лоиды и жиры, годные для целей техниче-ско-промышленного использования.

III. *По колонизационной проблеме.*

Изыскание методов сельско-хозяйственного освоения гор-ных склонов.

IV. *По шелководству.*

Разработка проблемы реконструкции шелководства путём перевода его на рельсы укрупнённого производства промышленного типа» [Там же. Л. 1].

В преамбуле к плану работ было также заявлено, что «основным отделом Института является Ботанический кабинет, который уже с 1918 г. — с установлением в Крае власти первых Советов, приступил к систематическому исследованию флоры и затем, на протяжении весьма короткого срока, организовал ряд специальных кабинетов по отдельной разработке тех производственных возможностей, которые связывались с той или иной специальной группой растений» [Там же. Л. 1]. В частности, было отмечено: «Для разрешения и практической проработки ряда вопросов был организован и горный исследовательский хутор Института “Кривой Ключ”, который является флористической и экологической базой Кабинета и служит для проработки вопроса с.-хоз. освоения гор-ных склонов» [Там же. Л. 2].

Среди литературной работы Ботанического кабинета было запланировано составление и издание «Определителя растений Дальневосточного края»: «Составление первого тома — флоры Дальневосточного края, с цветными и штрихованными рисунками и фотографиями. Обе названные работы исполняются двумя авторами: академиком В.Л. Комаровым и Е.Н. Алисовой, причём первый работает в г. Ленинграде» [Там же. Л. 2].

Обложка книги «Определитель растений Дальневосточного края», 1931 г.

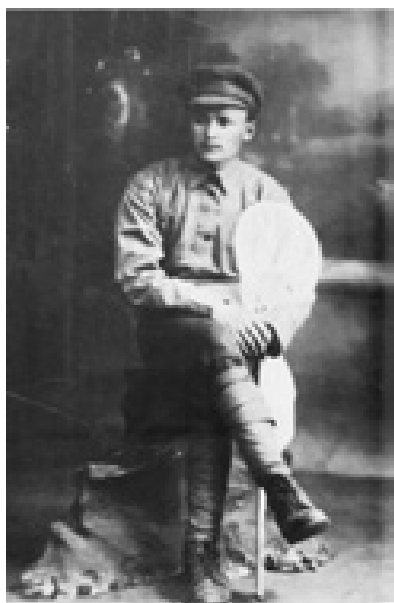

Титульный лист рукописи «Определитель растений Дальневосточного края» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 85. Л. 1]

При обосновании работ Энтомологического кабинета было заявлено, что *«прежде чем приступить к разработке каких-либо специальных тем, Энтомологический кабинет ставит перед собой задачу создания основной систематической коллекции насекомых ДВК. Ещё в 1920 г. А.И. Куренцов* монтировал и обработал часть бабочек Уссурийского края, эти-то полевые сборы и служат началом систематической коллекции»* [Там же. Л. 9] (подписал план энтомолог Самойлов**).

* **Куренцов Алексей Иванович** (1896–1975) – выдающийся биолог, энтомолог и биогеограф, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, основатель дальневосточной школы энтомологов [Кривоуцкая, 1975; Воронцов, 1978].

** **Самойлов Тит Петрович** (1906–1979) – энтомолог, ботаник; учился в Ленинградском университете на кафедре академика В.Л. Комарова. В 1932 г. принял участие в организации Горнотаёжной станции (ГТС), в 1935–1938 гг. и в 1945–1967 гг. – директор ГТС, вместе с супругой **Самойловой** (в дев. – **Торба**) **Таисией Васильевной** (1908–1998) создал дендрарий ГТС [Фисенко, 2016].

Алексей Иванович Куренцов, 1920-е годы.
Фотоархив лаборатории энтомологии
ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН

По поводу плана работ Кабинета селекции было отмечено: «Правительством была дана директива о доведении потребления на человека плодов и ягод до 40 кил. в год. Между тем в ДВК по данным за 1924 г. для сельского хозяйства она составляла 4 клг... Сможет ли сейчас выполнить эту грандиозную задачу ДВК. Прежде всего этой проблеме придётся встретиться или с отсутствием, или же с недостатком удовлетворительных сортов. Так, например, у яблонь мы почти совершенно не имеем культурных сортов, могущих служить в свежем виде удовлетворительным продуктом. Те сорта ренеток и кребов, которые мы можем производить в Уссур. Крае и в б. Амурском округе, пригодны главным образом для технической переработки... Ещё хуже дело обстоит с вишнями, культурных форм которых здесь совершенно нет. Неважно и с грушами, т.к. до сего момента в садах почти исключительно разводят местные дикие сеянцы, взятые в лесу...» [Там же. Л. 14].

План работ Шелкостанции в части раздела «генетики и селекции тутового шелкопряда» открывается замечанием: «Поскольку тутовый шелкопряд, в огромном большинстве его пород даёт одно, максимум два поколения в год, поскольку работа генетика-шелководы не может быть планирована иначе, как путём установления длительной программы исследований, по крайней мере на 3–4 года. Таким образом не представляется возможным выделения особого годового плана – работы текущего года могут представлять собой лишь первый этап в развёртывании тем, предусмотренных планом пятилетки» [Там же. Л. 23, 24]. И далее: «Приходится признать, что породы шелковичного червя, выкармливаемые

в пределах СССР, производят довольно безрадостное впечатление своей засорённостью, неустойчивостью экстерьера и плохой урожайностью» [Там же. Л. 24]. При создании базы для углублённых генетических исследований указано, что такая работа «невозможна в отсутствии надёжных “чистых линий”, несущих строго определённые наследственные признаки. Поэтому необходимо создание на Шелкостанции такой “живой коллекции”, такого “генофонда”, который будет служить базой для всей дальнейшей работы» [Там же. Л. 25]. Отдельный раздел исследований Шелкостанции был посвящён

Александр Зиновьевич Фёдоров, 1931. Фотоархив Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Асеньева

А.З. Фёдоров в шелковичном приёмнике в Уссурийском крае
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 78. Л. 1]

и фундаментальной проблеме раскрытия «сущности вольтинизма» (**вольтинизм** — вольтинность (от итал. volta — оборот, раз), способность многих групп насекомых давать от одного до нескольких поколений (генераций) в год — авт.): «Сущность вольтинизма, несмотря на многочисленные работы, ещё не может считаться разгаданной. Наряду с определёнными указаниями на генотипический характер определения вольтинизма существует мнение, что вольтинизм определяется внешними условиями, в которых протекло развитие предыдущего поколения. Поэтому наряду с генетической методикой (скрещивания поливольтинных и моновольтинных пород) необходимо поставить и опыты по влиянию температуры и влажности; кроме того — опыты по переливанию крови и влиянию химических агентов» [Там же. Л. 26].

В общем плане работ Биохимической лаборатории гидрохимического отделения отмечена слабая изученность «с физико-химической стороны» водного режима «такого важного экономически бассейна, как озеро Ханка».

Ботанический кабинет.	
ПЛАН РАБОТ НА 1931 год.	
Ботанический кабинет будет работать в течение года в следующем составе:	
1. Заведующий кабинетом	-1
2. Заведующий по садоводству	-2
3. Заведующий по лесному делу	-2
4. Заведующий по зоологии	-1
5. Заведующий по ботанике	-1
6. Заведующий по физиологии	-1
7. Заведующий по анатомии	-1
8. Заведующий по гистологии	-1
9. Заведующий по цитологии	-1
10. Заведующий по микробиологии	-1
Всего в составе	-14 человек.
Предоставленные работы будут делаться в следующем порядке:	
1/ работа растений, 2/ работа животных, 3/ работа по физиологии, 4/ работа по анатомии, 5/ работа по гистологии, 6/ работа по цитологии, 7/ работа по микробиологии.	

Фрагмент плана работ Ботанического кабинета
[Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 74. Л. 3]

Отмечено, что «в Институте имеется альгологическое отделение и сочетание его работ с гидрохимической работой будет чрезвычайно плодотворной, как с теоретической, так и с практической стороны. Изучение водного физико-химического режима важно для целей рыболовства и рыбоводства, для геологических и мелиоративных исследований и т.д.

В настоящее время Академия наук организует региональное исследование вод по всему Союзу. Это очень сложная работа, и неизвестно, когда дойдёт очередь до ДВК, тем не менее вопрос поставлен, и это говорит о своевременности начал гидрохимических исследований в крае» [Там же. Л. 34].

Предполагая сложности, которые могут возникнуть при формировании программ исследований в процессе реорганизации Института, в заключительном разделе «исторической справки» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 75] отмечено следующее: «Трудно предвидеть ряд практических результатов, который может быть получен в порядке проработки намеченных тем, и сроки выявления этих результатов, но, несомненно, что перечисленное выше не исчерпывает собой тот большой опыт, который будет получен Институт на протяжении оставшегося проектного периода (имеется в виду период до 1934 г. — авт.). Ещё труднее учесть количественно и качественно те научные наблюдения, которые несомненно будут накоплены в порядке исполнения запроектированных работ и которые частью будут сразу использованы в практическом строительстве, и частью послужат основанием для выявления и постановки новых проблем.

Один из старейших пловодов Дальнего Востока И.А. Ефремов, работник Горнотаёжной станции с 1930 г. Более 50 лет жизни И.А. Ефремов отдал работе по плодоводству, за это время вывел до 20-ти сортов яблонь, слив и груш, часть из которых вошла в ассортимент Приморского края. Разработал способ выращивания крупноплодных сортов яблонь европейского происхождения в прикопочной культуре, 1932 г.

Фотоархив ГТС

И.А. Ефремов и лаборант А.М. Куриленко за сбором
пыльцы в саду Горнотаёжной станции, 1937 г.
Фотоархив ГТС

*Опыт работы инвентаризации всех тем, которые должны быть включены в цикл работ Института по изучению Маньчжурской флористической области, ещё не закончен Институтом, и потому трудно указать количественно, в каком отношении ожидаемые результаты будут на-
ходить к объёму ис-*

следовательских задач. Но и несомненно одно, что до составления такой инвентаризации тем трудно предложить наиболее рациональную схему внутренней структуры Института. Схема, принятая для планировки работ, есть временная рабочая схема, которая может быть изменена в любой момент, как только будут получены основания для этого». Подписал справку директор Института Фёдоров [Там же. Д. 75. Л. 11, 12].

Вскоре Уссурийское отделение ДВКНИИ потеряло свою городскую базу, так как после конфликта на КВЖД* в Никольск-Уссурийский были переброшены новые воинские части и для их размещения потребовались здания Отделения, располагавшиеся в гарнизонном городке. Несмотря на большую помощь В.Л. Комарова, все попытки найти в городе новые помещения не дали результата. В этот тяжёлый период появилась идея перебраться за город в район Кривого Ключа, туда, где находилось пчеловодческое хозяйство и недалеко был стационар в с. Кондратеновка. План развития Отделения

* Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) (Дальневосточный конфликт) — советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 г. после захвата Чжан Сюэляном (правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг.) контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе боевых действий Красная Армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил статус КВЖД.

Опытно-исследовательский участок «Кривой Ключ» Горнотаёжной станции, 1930-е годы. *Фотоархив ГТС*

Одно из первых зданий на Горнотаёжной станции постройки 1929 г.
Фотоархив ГТС

предполагал создание заповедника и биологической станции непосредственно в тайге. Все оставшиеся от Отделения учреждения были оформлены как Горнотаёжная станция Академии наук СССР. Директором станции был утверждён А.З. Фёдоров [Кузнецов, 1997].

<...>

В 1930 г. 16-й съезд ВКП(б), который проходил с 26 июня по 13 июля, провозгласил курс на перестройку высшей школы. Уже 23 июля 1930 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов, рабфаков», на основании которого ГДУ во Владивостоке был расформирован. В этот же период закрывается и Дальневосточный краевой НИИ. В результате проводимой реорганизации ГДУ распался на несколько вузов, что не дало положительного результата, поэтому уже 13 июля 1931 г. СНК СССР принял решение о восстановлении университета с новой аббревиатурой ДВГУ – Дальневосточный государственный университет. Из вновь созданных вузов сохранился лишь Дальневосточный политехнический институт. На базе ДВКНИИ возникло несколько переданных местным организациям лабораторий, в которых вскоре стала проводиться активная подготовка для их включения в будущий Дальневосточный филиал.

Летом 1931 г. решением Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома ДВКНИИ был расформирован, а его лаборатории в дальнейшем составили основу научных учреждений Дальневосточного филиала АН СССР. По мнению Л.С. Малявиной, *«создание Института помогло не только сохранить научные кадры, которые сконцентрировались на Дальнем Востоке в период Гражданской войны, обеспечив их полноценной работой, но и создало научную базу, на основе которой стало возможно открытие в 1932 г. Дальневосточного отделения (филиала) АН СССР и формирование его первых подразделений. История ДВКНИИ интересна ещё и как пример высокого уровня развития и инициативы учёных региона, которые смогли, невзирая на сложные финансовые проблемы, опираясь только на свои собственные силы и опыт, самостоятельно создать действующее научное учреждение, добиться его государственного признания и сделать центром развития всей научной работы края»* [Малявина, 2009, с. 164].

5. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛИАЛ АН СССР (1932–1939 гг.)

Для скорейшей организации Дальневосточного отделения/филиала (ДВО/ДВФ) (в 1932 г. филиалы Академии назывались отделениями – прим. авт.) Общее собрание АН СССР 28 февраля 1932 г. избрало его Президиум, председателем которого стал академик В.Л. Комаров. В состав Президиума вошли также: и.о. председателя крайисполкома, он же – заместитель председателя Президиума Григорий Максимович Крутов*, опытный биолог Владимир Михайлович Савич, авторитетнейший на Дальнем Востоке химик Борис Петрович Пентегов и известный металлург Иван Гаврилович Жуков. Включение в состав Президиума ДВО профессоров из Владивостока: В.М. Савича, Б.П. Пентегова и И.Г. Жукова указывает на то, что к тому времени В.Л. Комаров уже определился с будущим местоположением Филиала во Владивостоке. Большую роль при этом сыграло наличие в приморском городе Дальневосточного государственного университета и многочисленных научных организаций, в том числе Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, на базе которых в основном и был сформирован ДВФ АН СССР [Богатов, 2005; Малявина, 2009; и др.].

Надо отметить, что при формировании ДВФ было налажено тесное взаимодействие с Дальневосточным государственным университетом (ДВГУ): многие научные сотрудники ДВФ преподавали в университете, руководили кафедрами; в университете готовилась значительная часть кадров для ДВФ, на университетских площадях временно разместились некоторые подразделения ДВФ.

* **Крутов Григорий Максимович** (1894–1938) – председатель Дальневосточного крайисполкома (1933–1937 гг.). В сентябре 1929 г. Г.М. Крутов был назначен председателем исполнительного комитета Владивостокского окружного совета, в 1931 г. занимал пост чрезвычайного уполномоченного Далькрайкома и Далькрайисполкома, в августе 1931 г. исполнял обязанности председателя Далькрайисполкома. 4 июня 1937 г. Григорий Максимович был арестован как член правотроцкистской организации ДВК. 26 мая 1938 г. приговорён к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 г. [Жертвы политического террора в СССР, <http://lists.memo.ru/index.htm>].

Здание инженерного управления Владивостокской крепости. В 1930-х гг. здесь размещался Дальневосточный филиал Академии наук СССР.

Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

Весной 1932 г. был образован Совет Дальневосточного отделения АН (ДВФ), в состав которого, согласно «Положению о Дальневосточном отделении», входили его Президиум и руководящие работники ДВО/ДВФ, директора крупнейших научных институтов и вузов, руководители хозяйственных и общественных организаций края. Совет ДВО/ДВФ АН был призван *«возглавить планирование научно-исследовательской и экспедиционной работы в крае, рационально расставить научные силы и средства и связать их с актуальными проблемами»* [Совет..., 1932, с. 99]. В течение 1932 г. было проведено 3 сессии Совета: 26 мая в помещении ДВО/ДВФ, 28 июня в Доме Советов г. Хабаровска и 23–25 августа во Владивостоке. Третья сессия проходила под председательством академика В.Л. Комарова [Совет..., 1932].

Открывая третью сессию Совета ДВО/ДВФ, В.Л. Комаров сказал: *«Мы вступили на путь “распыления” Академии наук, на путь создания отделений Академии в разных местах Союза. Дело это ещё молодое. Только два года тому назад была впервые сформулирована мысль о том, что Академии следует создать отделения*

Первые члены Президиума ДВО/ДВФ АН СССР (слева направо):
В.М. Савич, Б.П. Пентегов, И.Г. Жуков

на местах. Когда я сделал в Академии наук первый доклад о необходимости организации таких отделений, то если бы пустил это дело на голосование, я бы остался при очень маленьком числе сторонников; такова сила привычки... Какова роль отделений АН на данном этапе? Каждое отделение АН есть как бы копия Академии наук: оно объединяет научно-исследовательскую работу на территории своей деятельности и ведёт её» [Комаров, 1932, с. 14].

Определяя задачи создаваемого отделения/филиала, Комаров отмечал, что необходимо «объединить и согласовать в одном комплексном плане разрозненные ныне усилия отдельных научных учреждений, не образующих пока никакой определённой системы. Дать возможность крайплану ставить определённые задачи и получать на них ясный ответ, что позволит научно обосновать всю практическую работу по организации промышленности и сельского хозяйства, базируясь на местном сырье. Провести и оформить работу по выявлению и инвентаризации природных ресурсов края и провести работу, способствующую вовлечению малых народностей в индустриальную, общественную и политическую жизнь СССР» [Дальневосточный... 1933. С. 6].

За два дня до начала 3-й сессии Владимир Леонтьевич выступил на 2-й комсомольской конференции Дальзавода с призывом организовать содружество комсомола с наукой. Относительно взаимодействия науки и производства вице-президент АН СССР заявил: «У нас

занимаются наукой, чтобы проложить человечеству новые пути, поставить производство так, чтобы оно служило всему человечеству, а не отдельной группе предпринимателей. Когда наши граждане занимаются наукой, они также должны быть втянуты в производство. У нас определённая задача, мы теперь строим так, чтобы в нашем государстве – СССР работа шла по плану. Мы построили первую пятилетку, будем строить вторую пятилетку. Мы не должны забывать того, что наука должна быть увязана с нашим производственным планом. Между тем в начале нашего строительства мы сделали ошибку, стали устраивать отдельные институты и лаборатории по ведомствам, т.е. каждая лаборатория у нас работала самостоятельно, делала своё дело, не увязывая своей работы с другим.

Теперь мы решили ввести науку в план, а что такое ввести науку в план – это показала нам американская печать. Когда мы решили это сделать, она забила тревогу, она испугалась того,

Главное административное здание Дальзавода во Владивостоке, где 21 августа 1932 г. В.Л. Комаров выступал перед комсомольским активом.
Фото В. Богатова, май 2020 г.

что мы добьёмся новых методов и способов производства и Америку оставим позади... <...> ...Здесь как штаб всей научной работы выдвигается Академия наук, т.е. на неё возлагается задача реализовать, показать определённые пути научной работы. План, в который бы вошла вся научная работа Советского Союза, должен быть единым, чтобы мы твёрдо шли к достижению поставленных целей, чтобы мы шли к открытию новых методов работы в нашей советской и хозяйственной работе – это должен быть единый план, действительно связанный со всеми другими отраслями нашего строительства. Здесь, товарищи, вы опять нам очень нужны, потому что ни один человек не может работать, если он оторван от массы и является одиночкой... <...> ...Стало быть, чем ближе вы, комсомол, подойдёте сами к размещению задачи, которую ставит перед нами партия и правительство, чем больше в вашей среде на заводах будет обсуждений, конференций на эту тему – как строить производство, как его улучшить, какие новые пути избрать для поднятия этого производства – тем легче будет работать тем работникам, которые специально поставлены на решение научных задач, потому что у нас сейчас нет научной работы, нет научной задачи, которую бы мы не связывали с нашим производством...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 45].

<...>

Комаров от природы был прирождённым организатором. Взявшись лично за организацию ДВФ, Владимир Леонтьевич на его примере отработывал новые способы и методы ведения научной работы, пригодные для условий нарастающей научно-технической революции, которые он вскоре перенесёт на всю Академию... Его «хватка» была воистину «комаровской». Судите сами, Дальневосточный филиал АН СССР реально начал формироваться в феврале 1932 г. с утверждения Президиума, состоящего из 5 человек, и уже через месяц в Дальневосточном крае был образован Совет ДВФ, который по своему составу и некоторым задачам фактически представлял собой прообраз будущих Оборонных комиссий, сыгравших ключевую роль во взаимосвязи науки и оборонной промышленности в период Великой Отечественной войны [Богатов, Урмина, 2020]. Уже к маю 1932 г. была разработана предварительная структура ДВО/ДВФ

АН СССР, которая 27 мая обсуждалась на Президиуме АН СССР [Флегонтов, 1932]. В рамках данной структуры Отделению кроме лабораторий бывшего Дальневосточного краевого НИИ передавались Ботанический сад, основанный Обществом изучения Амурского края, а также подразделения Южно-Уссурийского географического общества, в том числе опытно-исследовательский участок «Кривой Ключ». Одним из первых к реальной работе приступили отдел общей и физической химии (с 10 мая 1932 г.) и отдел органического синтеза (с июня 1932 г.), секторы Кабинета народов Дальневосточного края [Флегонтов, 1932]. 1 июля 1932 г. была закончена работа по формированию библиотеки ДВО АН СССР [Библиотека, 1932].

На примере Филиала Комаровым была опробована одна из самых первых попыток разработки оперативных планов НИР*. Несмотря на то, что сам Филиал должен был быть сформирован лишь к декабрю, производственный план поочерёдно создаваемых подразделений Дальневосточного отделения АН СССР на текущий 1932 г. был разработан уже к июлю! Этот документ к началу сентября был опубликован в виде отдельной брошюры на правах рукописи

*В то время большинство членов Академии не принимало идею Комарова, связанную с планированием научных исследований. Это было ново для академической науки и не так уж однозначно. Например, будущий лауреат Нобелевской премии, выдающийся отечественный физик академик Пётр Леонидович Капица писал Комарову: *«...методы планирования для научной работы должны быть совсем иными, чем те, которые применяются в других областях народного хозяйства...»* [АРАН. Ф.277. Оп. 4. Д.693. Л.8] *«...знакомясь с работой отдельных наших институтов, мне приходилось констатировать, что объединённой тематики в большинстве институтов нет. Темы интересные, может быть, даже важные являются идейно совершенно разрозненными. Не только один институт, но и один и тот же научный работник ведёт ряд разрозненных научных тем. Между тем современная наука уже давно стала на тот путь что только когда над темой работает коллектив, хотя бы маленький, упорно двигающийся в определённом направлении, он может достигнуть ощутимых результатов. Идейная связь между отдельными научными работами является необходимым фактором успешной работы любого научно-исследовательского учреждения. Вот в решении этих задач и должно было, как мне кажется, заключаться содержание научного планирования, которое в данный момент остаётся абсолютно беспризорным»* [Там же. Л. 13]. *«В научной работе так же нелепо требовать детального плана снабжения, как нелепо просить, например, от художника, чтобы он прислал точный список красок, моделей, кистей и полотен, которые ему потребуются в году»* [Там же. Л. 14]. Заметим, что сам П.Л. Капица постоянно искал оптимальные пути и способы планирования в науке и в дальнейшем часто выступал на эту тему [Капица, 1981].

и охватывал период с августа по декабрь 1932 г. [Производственный..., 1932; Хисамутдинов, 2017].

16 декабря 1932 г. на заседании Президиума Академии наук была утверждена окончательная структура ДВФ АН СССР (протокол заседания № 135). В его состав вошли: Биологический институт с секторами: а) ботаническим, б) флоры, б) почвоведения, г) микробиологии, д) экспериментальной зоологии, е) гидробиологии с пресноводной станцией на оз. Ханка; Химический институт с секторами: а) общей и физической химии, б) органической химии; Институт [техники] с лабораториями:

Обложка производственного плана Дальневосточного отделения АН СССР на 1932 г.

Начало освоения горных склонов под сельскохозяйственные культуры с сохранением защитных лесных насаждений. Опытный участок Горнотаёжной станции, 1933 г.

Фотоархив ГТС

В.Л. Комаров с сотрудниками ДВФ, Владивосток, 21 сентября 1933 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 32. Л. 3]

а) технологии металла, б) стройматериалов, технологии древесины; Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран с секторами: а) китайским, б) корейским, в) туземных народов. В составе ДВФ также числились: библиотека, Комитет научной консультации и пропаганды, Комиссия экспедиционных исследований, фотолаборатория, сейсмологическая станция во Владивостоке, Биробиджанская горная станция на Хингане и Южно-Уссурийская Горнотаёжная станция (с 1934 г. – Горнотаёжная станция)* [АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 218 об. – 219].

* В последующие годы структура Филиала часто корректировалась. Так, 18 декабря 1934 г. Общим собранием АН СССР была утверждена новая структура ДВФ: Химический и Биологический институты, Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран, Комиссия экспедиционных исследований, Горнотаёжная станция, Сейсмическая станция, библиотека и издательство. Кроме того, в 1934 г. открылись Вулканологическая станция на Камчатке и Лаборатория морской гидробиологии во Владивостоке. В 1935 г. в ведение филиала был также передан один из старейших заповедников страны – «Кедровая Падь» (создан в 1916 г.). В этом же году был организован геологический сектор, а в 1937 г. при Химическом институте – лаборатория для исследования растений, содержащих алколоиды.

Филиалу вменялось в обязанность направлять аспирантов, *«наиболее проявивших себя способными к дальнейшей научной работе, для получения окончательной квалификации в центральные учреждения АН»*. Филиалу также поручалось редактирование периодического издания «Вестник Дальневосточного филиала АН» и научно-популярных брошюр по естественно-историческому циклу. Признавалось желательным предоставление лучшим научным работникам ДВФ АН заграничных командировок. 19 декабря 1932 г. на очередном Президиуме АН был утверждён совет Филиала в составе 27 человек. В него вошли академики В.М. Алексеев, А.А. Байков, В.Л. Комаров, В.Ф. Миткевич, Г.А. Надсон, В.А. Обручев, Н.Н. Павловский, С.Г. Струмилин, А.Е. Фаворский, члены-корреспонденты АН СССР Л.С. Берг, В.Г. Богораз-Тан, Н.М. Книпович, Н.А. Максимов, В.Е. Тищенко, М.А. Шателен.

Вот как о тех днях и встречах с Комаровым вспоминал Тит Петрович Самойлов (многолетний директор Горнотаёжной станции): *«...в 1931 г. В.Л. Комаров занимался преимущественно организационными делами. Окончательно решался вопрос о создании Дальневосточной Горнотаёжной станции и Дальневосточного филиала*

Спутинские лесные дачи Горнотаёжной станции.
Фото Е. Любарского, июль 1933 г. [АРАН. Ф. 77. Оп. 6. Д. 94. Л. 3]

Академии наук СССР... Руководство заповедником, а также строительством на его западной границе служебных и жилых помещений Горнотаёжной станции взял на себя её директор А.З. Фёдоров... Ко дню приезда В.Л. Комарова в июле 1932 г., директор решил построить в заповеднике павильон “в китайском стиле” из ясеня, бархата, ореха, сирени, ильма, кедра, липы – всего из 25 древесных пород. Достраивался павильон уже во время пребывания Владимира Леонтьевича в заповеднике, и только последнюю ночь академик с женой жили в палатках на берегу реки близ строящегося павильона. Конечно, бытовую неустроенность сотрудников, а также тяжёлые условия их труда не мог не видеть Владимир Леонтьевич... В заповеднике В.Л. Комаров провёл научно-техническое совещание с сотрудниками станции. На нём очень остро обсуждался вопрос о ходе строительства, направлении дальнейших исследований и другие вопросы... Без особого восторга отозвался и о строящемся по случаю его приезда павильоне, указав при этом, что лучше бы за эти деньги выстроить дом для научной лаборатории...» [Самойлов, 1971, с. 24–26].

Ботанико-энтомологическая экскурсия, 1933 г. На переднем плане Т.П. Самойлов и Т.В. Самойлова, позади Т.В. Самойловой – Г.Э. Куренцова.
Фото из: [Калинин, 2008]

В.Л. Комаров и Н.В. Комарова на Горнотаёжной станции, 1933 г.
Фотоархив ГТС

Организация Дальневосточного филиала оказалось более сложной задачей, чем представлялось ранее, особенно в первые месяцы его организации. В Архиве РАН имеется обширная, из 6 пунктов, докладная записка директора Горнотаёжной станции А.З. Фёдорова, направленная Комарову в сентябре 1932 г. Приведём лишь первый пункт записки: *«Докладываю о крайне тяжёлом положении Горнотаёжной станции Академии Наук СССР: 1) Кредиты на содержание станции задерживаются, как правило, на несколько месяцев, а затем отпускаются в суммах, сниженных в несколько раз против утверждённой ДКИК (Дальневосточный краевой исполнительный комитет – авт.) сметы. На сентябрь задолженность ДКФУ (Дальневосточное краевое финансовое управление – авт.) по кредитам станции выражается в сумме до 75 000 руб. Зарплата научным сотрудникам и техническому персоналу задерживается по 2–3 месяца и в настоящее время не уплачена за два месяца. Каких-либо сумм на оперативную работу станция не получает, и различные хозяйственные расходы станция пытается покрывать за счёт случайных источников и заимствований из строительных сумм.*

Никаких предупреждений или уведомлений о сокращении бюджета со стороны ДКФУ получено не было, а на все запросы станции никаких ответов не давалось, и потому жизнь станции в бюджетном отношении идёт вслепую...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 8. Л. 1].

На следующий 1933 г., т.е. в первый год работы ДВФ, в своей речи на торжественном годовом собрании АН СССР академик В.П. Волгин отмечал: *«Значительно медленнее, с большими перебоями происходит рост Дальневосточного филиала. Здесь слабее и сеть учреждений, и кадры местных научных работников. Дальневосточный филиал требует больших капиталовложений и большего притока сил извне, из Ленинграда. Несмотря на удалённость Владивостока, мы направили туда ряд работников. Но их количество, конечно, далеко не соответствует потребности. Не подвигается должными темпами и организация материально-технической базы филиала. Наконец, при большом внимании, уделяемом филиалу его председателем акад. Комаровым, нам всё же не удалось до сих пор обеспечить надлежащее руководство филиалом со стороны основного кадра работников Академии. Вокруг дела организации Дальневосточного филиала не сложилось пока такой группы, которая чувствовала себя прочно связанной с этим делом и ответственной за него. Между тем создание опорного пункта Академии в Дальневосточном крае — в крае, ещё далеко недостаточно изученном, представляющем и для геолога, и для биолога, и для обществоведа громадный интерес, — есть дело исключительного значения. Мы должны сообща с местными органами советской власти приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эту задачу, преодолевая несомненно имеющиеся в этом деле большие трудности» [Иодко, 1988, с. 251–252].*

Вопрос о работе и поддержке Горнотаёжной станции рассматривался в крайисполкоме в начале сентября 1933 г. в период пребывания Комарова и сотрудников ДВФ АН СССР в Хабаровске. Владимир Леонтьевич большую роль в успешной работе станции отводил взаимодействию Фёдорова с Алисовой. В частности, оценивая положительно результаты проведённых с руководством Дальневосточного края консультаций, Владимир Леонтьевич писал Алисовой 11 сентября 1933 г.:

«Дорогая Евгения Николаевна!

Хабаровское наше пребывание очень затянулось, но всё же довольно благополучно закончилось. Александр Зиновьевич [Фёдоров – авт.] имел большой успех, не знаю только, довёл ли он свои дела до конца. Во всяком случае Крутов [председатель Дальневосточного крайисполкома – авт.] явно его поддерживал со всё рвением.

Сделали две экскурсии на островах в устьях Уссури. Собрал несколько критических форм, но ничего нового.

Живём в гостинице все 7 человек (Фёдоров, Мейсель, Кустов, Бранке, Мохнач), причём нам с Над. Вик. уступили одну, а прочие 5 жили в другой, чай пили все вместе у нас.

Горнотаёжная имеет все шансы на развитие и преуспевание, если только Вы и Ал. Зин. найдёте возможность и путь к некоему равновесию. Без Вас станция не даст научной работы.

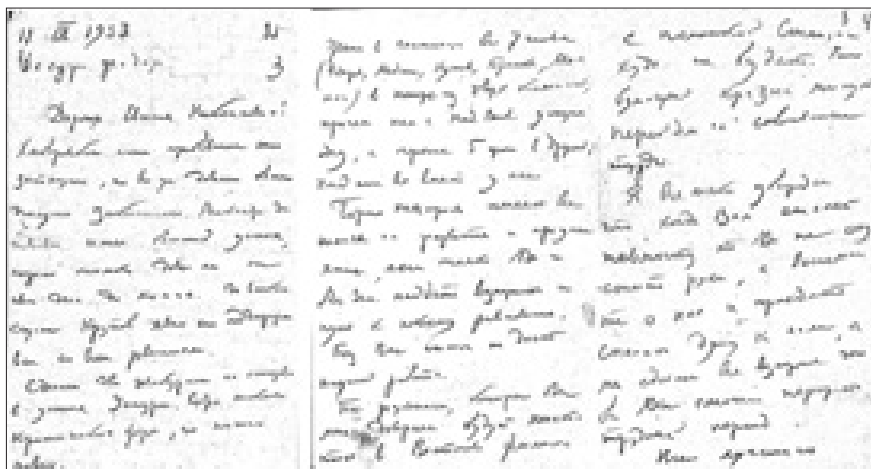
Те рукописи, которые Вы мне доверили, будут печататься в Вестнике Филиала с пометкой Станции, худо не будет. Если бу-
мажный кризис минует, перейдём на собственные труды.

Я всё-таки убеждён, что когда Вам станет невмозготу, то Вы не опустите руки, а вспомните о нас и придёте спасти душу к нам, а мы сделаем всё возможное, что бы Вы смогли пережить трудный период.

Всего лучшего

С приветом,

В. Комаров»

Письмо Комарова Алисовой от 11.09.1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 5. Л. 4–6]

Павильон Комарова в Уссурийском (Супутинском) заповеднике.
Фото Е. Любарского, июль 1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 94. Л. 1]

Комаров среди сотрудников заповедника «Кедровая Падь», 1933 г.

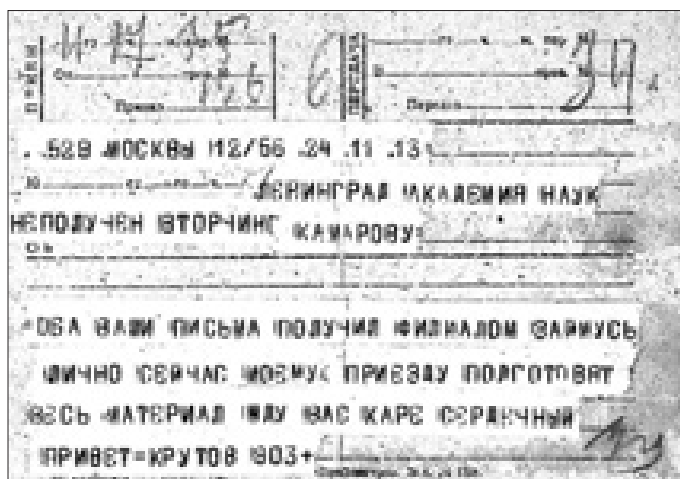
<...>

К сожалению, в 1936 г. местные власти с учётом сложностей с финансовым и материальным обеспечением деятельности Филиала стали склоняться к мысли о его закрытии, причём 2 сентября 1936 г. на заседании Президиума АН СССР также был поставлен вопрос о дальнейшем существовании ДВФ АН СССР. В.Л. Комаров был против этого шага, и только его авторитет спас Филиал в тот год от ликвидации. Из письма сотрудника ДВФ А.Т. Булдовского* Комарову от 25.10.36 г. узнаем: *«Вы вероятно уже знаете о предложении Краевых органов ДВК [Дальневосточного края – авт.] закрыть наш филиал. Это для нас такой удар, что пересказать трудно. Сколько лет работали не за страх, а за совесть, столько собрали ценнейшего материала, так оборудовали на средства Академии наши лаборатории – и всё это пошло прахом. Не могу похвалиться хорошим настроением: жаль работы, жаль собранного материала. Мне его хочется, очень хочется доработать – много интересных данных получено, но сделать это в условиях ДВК вероятно не придётся. Если Вы мне поможете закончить эту обработку, я буду считать себя обязанным перед Вами на всю мою жизнь...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 361. Л. 1, 2].

В тот период Владимир Леонтьевич активно переписывался с председателем Дальневосточного крайисполкома Крутовым, который, видимо, обещал Комарову поддержку Филиала, о чём косвенно свидетельствует сохранившаяся в Архиве РАН телеграмма.

Так получилось, что в 1935 г. В.Л. Комаров в последний раз побывал в Приморье и на Горнотаёжной станции. К его приезду вышел первый том «Трудов» станции, посвящённый Владимиру Леонтьевичу в связи с 40-летием его научно-исследовательской деятельности на Дальнем Востоке (1895–1935 гг.). В этом томе были подведены первые итоги деятельности Горнотаёжной станции и освещены главным образом природные условия Супутинского заповедника и его

* **Булдовский Александр Теофилович** родился в 1887 г. в Полтавской губ.; образование высшее; б/п; заведующий гидробиологическим отделом в Дальневосточном филиале Академии наук СССР. Проживал в г. Владивостоке. Арестован 28 августа 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности. 21 августа 1938 г. приговорён к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 25 апреля 1957 г. [База данных о жертвах репрессий Приморского края].

Телеграмма председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова Комарову
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 820. Л. 1]

окрестностей, а также некоторые вопросы, касающиеся непосредственного использования растительных ресурсов тайги. Т.П. Самойлов, вспоминая о последнем визите Комарова в Приморье, писал: *«Приём Владимира Леонтьевича состоялся на Кривом Ключе, куда уже были переведены все лаборатории и научные сотрудники, а потому база в с. Кондратенково перестала существовать. В этот кратковременный проезд В.Л. Комаров ориентировал нас концентрировать исследования на разработке проблемы освоения горных склонов. Он отметил необходимость привлечения новых специалистов, не только биологов, физиологов, биохимиков, лесоводов, но и лиц с агрономическим образованием, что ускорит решение поставленной задачи»* [Самойлов, 1971, с. 28].

Надо отметить, что в первые год-два существования Филиала его руководители ещё могли рассчитывать на получение поддержки местных партийных органов. Однако после арестов ведущих учёных Дальневосточного края у партийных и советских властей усилилось недоверие к научным кадрам, в связи с чем стали нарастать сложности с финансовым и материальным обеспечением деятельности Филиала. В частности, Комиссия по базам АН СССР в своём письме в Комитет по заведованию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР от 7 августа 1933 г. отмечала: *«В составе Дальневосточного*

филиала функционируют Химический институт, лаборатории: соляная и органического синтеза, Институт физики металлов, сектор геоботаники, сектор зоологии, микробиологическая лаборатория, кабинет народов ДВК и Южно-Уссурийская горно-таёжная станция. Работа филиала протекает в чрезвычайно трудных условиях благодаря нерегулярному финансированию краевыми организациями, отсутствию помещений для институтов, жилплощади и планового снабжения для научных работников... Отсутствие планового снабжения... вызывает текучесть научного состава и, при отсутствии замены, срывает работу секторов и институтов» [АРАН. Ф. 206. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–7; Иодко, 1988, с. 231–232]. В 1934 г. на одном из Президиумов АН СССР даже был поставлен вопрос о возможном переезде Филиала в Хабаровск «при условии предоставления филиалу соответствующего помещения». В этом же постановлении было принято решение «просить крайисполком об отпуске средств на строительство здания для филиала в Хабаровске в 1935 г.; просить краевые органы впредь до кардинального решения вопроса с размещением предоставить филиалу дополнительное помещение во Владивостоке» [Из постановлений Президиума, 1934, столбец 84].

Непросто в Филиале складывались и взаимоотношения между сослуживцами, чему способствовали мизерное финансирование, недостаток производственных площадей, оборудования, домашняя необустроенность сотрудников и развёрнутые против них политические репрессии. В частности, напряжённая обстановка к середине 1930-х годов затронула коллектив Института химии, особенно после возвращения в Москву её директора профессора В.А. Киреева. Научный персонал Института был особенно недружелюбен к приезжим специалистам, которые имели гораздо больше привилегий. Арбитром в подобных конфликтах, как правило, выступал В.Л. Комаров. В Архиве РАН имеются, например, письма В.Л. Комарову молодого химика Константина Тимофеевича Метёлкина, прибывшего из Ленинграда во Владивосток, вероятно, в 1935 г. 10 августа 1936 г. К.Т. Метёлкин написал Комарову о проблеме с жилплощадью, из-за чего он не смог перевезти во Владивосток свою семью, состоящую из 4 человек: матери, жены, дочери и сына. Поскольку квартиру в Дальневосточном филиале Метёлкину предоставить не смогли, молодому

специалисту предложили выехать к месту работы одному. Константин Тимофеевич застал Институт, по его словам, *«в неприглядном и неблагоустроенном виде... Химический институт не имеет собственного помещения под лаборатории, сотрудники работали по существу дела в др.[угих] научных учреждениях города, не было совсем нужного химического оборудования и реактивов, плохо до сих пор обстоит дело с химической литературой...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 994. Л. 9]. Метёлкин заверил Комарова, что он не стоял в стороне от строительства Химического института в помещении на ул. 25-го Октября: *«Здесь заслуги мои весьма скромны, но в этом вопросе с моей стороны была наибольшая заинтересованность и поэтому всемерно помогал Владимиру Онуфриевичу Мохначу* строить Ин-т»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 994. Л. 18].

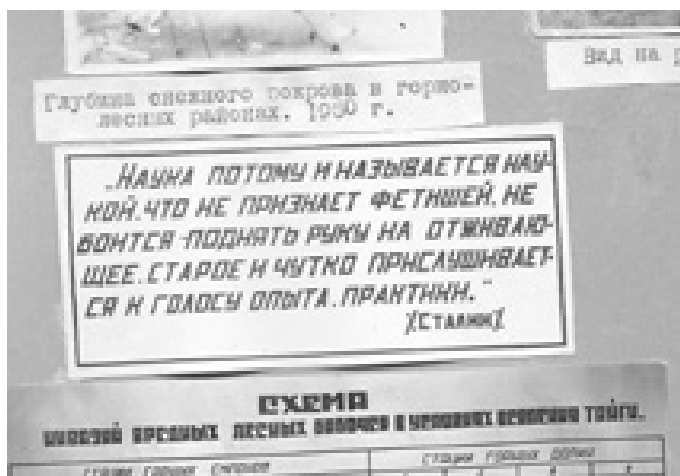

Владимир Онуфриевич
Мохнач

Подробно отчитавшись о проделанной работе, Метёлкин в итоге заявил Комарову, что *«в данный момент в моём распоряжении одна из лучших, хорошо оборудованная лаборатория. Под моим руководством работают два сотрудника по лесохимии...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 994. Л. 19].

Вероятно, не без помощи Комарова жилищная проблема молодой семьи была вскоре решена, и в письме от 6 июля 1937 г. Метёлкин сообщил Владимиру Леонтьевичу: *«20-го июня с.г. прибыл снова во Владивосток (после отпуска и командировки) вместе с семьёй и приступил к работе в Химич. ин-те. Администрация Филиала вполне прилично устроила нас в жилищном отношении, выделив в общежитии на ул. Лазо две меблированных комнаты и проявив максимум заботы о моей семье»*. Далее тон письма Константина Тимофеевича заметно

* Мохнач Владимир Онуфриевич (1899–1974) – биохимик, ученик академика Е.А. Фаворского. В 1937 г. – директор Института химии ДВФ АН СССР. 20 июля 1937 г. арестован во Владивостоке. Осуждён по ложному обвинению «за контрреволюционную деятельность» по ст. 58 на 10 лет ИТЛ с последующей ссылкой на 5 лет без права выезда.

Фрагмент оформления архивного фотоальбома Горнотаёжной станции (1932–1952 гг.)

меняется: «Но совершенно неожиданно для меня, сразу же с первого дня приезда попал в обстановку возмутительной травли... Травля эта выражается в распространении обо мне по городу, среди здешней научной общественности, гл. образом в научных учреждениях ложных слухов, сплетен...».

Конфликт с местными коллегами в дальнейшем развился до такой степени, что К.Т. Метёлкин был арестован и 21 августа 1938 г. по надуманному обвинению в контрреволюционной деятельности приговорён к 10 годам ИТЛ, а по отбытии срока 18.05.49 г. приговорён к высылке на поселение. Умер он 23.12.1953 г., реабилитирован 5 октября 1955 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. Как «крик отчаяния» – письмо жены Метёлкина, направленное В.Л. Комарову 28.12.1938 г.: «Многоуважаемый Владимир Леонтьевич! Вы любили и любите Дальний Восток. Вы воспитываете для него лучших советских специалистов, они уезжали туда готовые отдать свои знания, силы, молодость, с большими надеждами и уверенностью, что их там оценят, а на деле что получается? Когда молодой, честный, пролетарский специалист, пройдя тяжёлый труд учёбы, переборов все её трудности, приехал туда работать и среди местных работников оказался самый молодой по возрасту, с академическим образованием, светлой головой,

с большим желанием работать, им пришлось не по вкусу. А когда он старался вскрыть недостатки их работы, разоблачить лодырей, врагов науки, они все бросились на него, старались сорвать его работу, травили его, клеветали на него, и, наконец, дошли до такой низости, что, очищая себе место, невинного, честного специалиста посадили на скамью подсудимых вместе с вредителями...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 995. Л. 1, 2].

<...>

Во второй половине 1930-х годов нарастал конфликт между краевыми властями и руководством АН СССР, связанный с позицией местных властей, которые так и не увидели в науке реального помощника в экономическом развитии края. Например, в своих выводах Комиссия АН СССР, обследовавшая в октябре 1938 г. Дальневосточный филиал АН СССР (ДВФАН) (г. Владивосток), кроме всего прочего, констатировала: *«Учитывая огромное внимание и помощь, которую Советское правительство оказывает науке в СССР, Комиссия вынуждена отметить, что созданные врагами народа, сидевшими в руководстве области, убийственные условия для науки на Дальнем Востоке не только не способствуют её развитию, но использовались врагами во враждебных целях как пример антисоветского отношения к советской науке и учёным»* [АРАН. Ф. 409. Оп. 1 – ДВФАН. Д. 98. Л. 16]. Известна докладная записка президента АН СССР В.Л. Комарова «О положении дела по высшему образованию на Дальнем Востоке», направленная в ноябре 1938 г. в СНК СССР, в которой президент Академии прямо заявлял: *«Враги народа нанесли тяжёлый удар делу выращивания советских кадров, делу строительства социализма на ДВ... ..они даже пытались разложить и ликвидировать ДВ Филиал Академии Наук, но последнее им не удалось...»* [АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 12] (см. также главу 6).

Ситуацию, которая наблюдалась в то время в ДВФАН, можно оценить по отчёту за первое полугодие 1936 г., который письмом выслал Комарову зам. учёного секретаря ДВФАН А.С. Давлетшин: *«По окончании первого полугодия отчитывались все сектора по отдельности, а также полугодовой отчёт был обсуждён на общем собрании сотрудников ДВФАН, протокол которого Вам посылаем.*

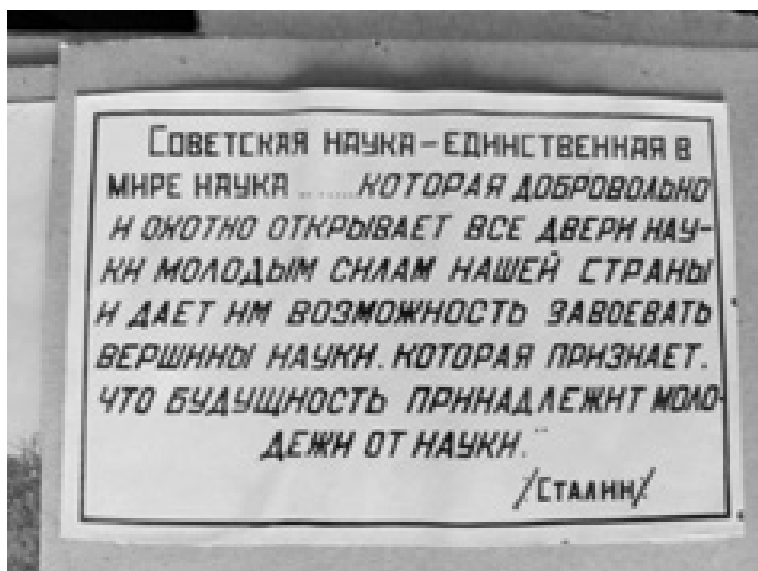
Хорошо работал издательский отдел, выпустивший 105,5 печатн. листов продукции, сдавший в типографию 85,5 печ. лист., до нового года осталось меньше половины плана. В Хим. ин-те хорошо работали т. Метёлкин, т. Инфантова и др., во 2-м полугодии мы ожидаем от них больше результатов, т.к. в 1-м полугодии часть времени пошла на организационную работу. Хорошие результаты в работе имеет Ваш Ботанический сектор, результат стационарных работ на ГТС прекрасен, хор. ударниками являются т.т. Саверкин, Колесников, Данилов, Кабанов (но почему-то оклады у ботаников были заниженными в сравнении с окладами сотрудников с соответствующей квалификацией в др. секторах); я добился некоторого улучшения в этом отношении, иначе сотрудники с высшим образованием, получая лаборантский оклад, сильно обижались и начали уходить. Указанные т.т. и ряд других сотрудников этого сектора в 1-м полугодии дали много продукции в виде законченных научных работ и научных статей, как для “Вестника”, так и для издания отдельными брошюрами и сборниками... Морская гидробиология тоже сделала несколько рейсов, но пресноводная выполнила свой план лишь на 25% (у т. Булдовского материалы с 1932 г. лежат без обработки). Геологический сектор в первом полугодии работал плохо; он ни одного научного материала не дал, ни одной статьи в “Вестнике” не поместил. Б.В. Витгефт* был мною уволен за ряд безобразных преступных явлений, материалы о кот. посланы Вам в президиум через Секретную часть. Остальные сектора и учреждения ДВФАН работают удовлетворительно...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 532. Л. 5, 6].

Несмотря на положительный отзыв Давлетшина о работе Горно-таёжной станции, это учреждение испытывало в 1936 г. серьёзные финансовые, кадровые и организационные трудности, начало которым положили аресты сотрудников, проведённые ещё в 1934 г. Тит Петрович Самойлов в связи с этим сообщал 4 апреля 1934 г. Комарову в Ленинград: «Горно-Таёжная станция Академии Наук

* Витгефт Борис Владимирович (1900–1938); заведовал геосектором в Дальневосточном филиале Академии наук. Арестован 3 сентября 1937 г. Верховным судом 21 августа 1938 г. обвинён в шпионской деятельности и приговорён к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 5 октября 1955 г. [База данных о жертвах репрессий Приморского края].

Ботанический кабинет на Горнотаёжной станции, после 1936 г. Фотоархив ГТС

Фрагмент оформления архивного фотоальбома Горнотаёжной станции (1932–1952 гг.)

СССР в настоящее время переживает очень трудное время, весьма вредно отражающееся на её деятельности.

Прежде всего директор Станции А.З. Фёдоров* срочно выехал в гор. Хабаровск в сопровождении специально за ним приехавшим членом Президиума Крайисполкома. Затем, бухгалтер Станции Львов А.Д., библиотекарь Гордиевский И.А. и 8 рядовых работников Станции арестованы работниками ГО ГПУ и отправлены в гор. Владивосток.

Эти произошедшие события начиная с 10 марта безусловно отразились на отдельных видах работ, и если мне сейчас удалось сплотить работников в пос. Кондратенково (научные и хозяйственные части) и Кривой Ключ, то на строительстве создано угрожающее положение, т.к. с отъездом А.З. Фёдорова не оказалось ни начальника строительства, ни инженера, ни техника, ни даже прораба, ибо все эти обязанности нёс на себе сам А.З. Фёдоров.

Временно обязанности начальника строительства возложены на десятника Куроедова С.С., что однако создало всевозможные склоки и ссоры в борьбе за власть, поставившие угрозу полного развала работы на данном участке.

Затем, завед. Ботаническим кабинетом Станции Е.Н. Алисова находится в долгосрочном отпуску по болезни и, таким образом, научная часть также остаётся без руководства» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1296. Л. 4].

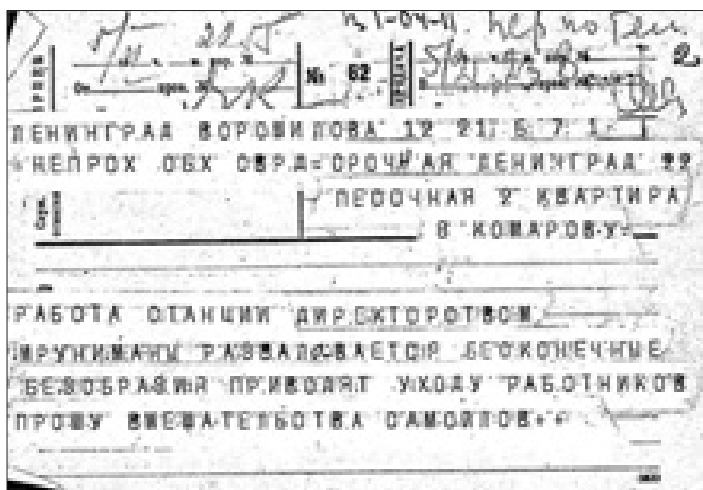
Смена руководства на Горнотаёжной станции не привела к стабилизации ситуации, в связи с чем Т.П. Самойлов в начале 1936 г. направил Комарову телеграмму с просьбой срочно вмешаться

*В Хабаровске А.З. Фёдоров был арестован. Однако условия для массовых репрессий ещё не успели сложиться. Биограф Фёдорова А.М. Кузнецов так описал это случай: «Военный трибунал закрыл дело, но Александра Зиновьевича не сразу выпустили из тюрьмы, так как НКВД решил его наказать за “непокорность” характера. Он не только категорически отверг все обвинения, но в ярости запустил в следователя чернильницей – единственным доступным для узника оружием. Находясь в камере, Фёдоров бил в дверь табуретом, требуя газет – за всё это он отсидел в тюрьме кроме года, пока длилось следствие, ещё полгода. Но затем в Хабаровск приехал из Москвы академик В.Л. Комаров и начал ходатайствовать о нём. Вмешательства академика оказалось достаточным, и Александра Зиновьевича сразу отпустили. Некоторое время он с семьёй жил и работал в Хабаровске, но затем решил переехать в Ленинград» [Кузнецов, 1997, с. 124].

в сложившуюся ситуацию (см. фото телеграммы). В результате Тит Петрович был назначен исполняющим обязанности директора станции, но по состоянию здоровья он вскоре попросил Комарова подыскать другую кандидатуру на этот пост. Дело в том, что в 1937 г. Т.П. Самойлова должны были арестовать. Однако Тит Петрович тяжело заболел после укуса энцефалитного клеща. Приехавшие для ареста сотрудники НКВД решили, что дни учёного сочтены, уехали и больше не возвращались [Фисенко, 2016]. Таким образом Т.П. Самойлову ареста удалось избежать.

В начале 1938 г. Самойлов докладывал Комарову следующее: *«С 27 декабря 1937 г. я сдаю Станцию вновь назначенному директору тов. Жиякову Н.И... <...> ...Прошедший год был для нас тяжёл в финансовом отношении, почему пришлось развить хозяйственную деятельность больше, чем это следовало, но в результате мы подходим вполне благополучно в этом отношении к концу года Для нас же лично этот год был особенно тяжёл. Продолжительная болезнь Таисии Васильевны (супруга Самойлова – авт.) (7 месяцев), склока, аресты и т.п. настолько подорвали меня, что я был вынужден выехать на курорт, где окончательно убил себя... <...> ...Официальную информацию о работе станции и её перспективах на 1938 г., если позволите, я вышлю же на этих же днях...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1296. Л. 34].

Надо отметить, что аресты дальневосточных учёных начались уже в первый год работы Филиала. По обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации в 1933 г. были арестованы члены первого Президиума ДВФ профессор Б.П. Пентегов (первый директор Института химии ДВФ АН) и профессор В.М. Савич (организатор и директор Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, первый директор Института биологии ДВФ АН). Бориса Петровича и Владимира Михайловича осудили каждого на 10 лет [Ермакова и др., 1999; Хисамутдинова, 2012]. Впоследствии В.М. Савич благодаря хлопотам Комарова был досрочно освобождён. С ноября 1945 г. он работал в Ташкентском сельхозинституте, возглавлял кафедру лесоводства [Приморский..., 1997]. Б.П. Пентегов скончался 7 августа 1953 г. в Магадане. Реабилитирован 13 мая 1957 г. определением Военного трибунала Ленинградского военного округа [Дударенок и др., 2009].

Телеграмма Самойлова Комарову, отправленная в начале 1936 г., в которой даётся оценка работе Грундмана – директора ГТС с августа 1935 по февраль 1936 г. (в телеграмме, переданной по телефону, фамилия Грундмана искажена) [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1296. Л. 35]

В 1937 г. арестовали жену Савича Ирину Николаевну, талантливого генетика-селекционера, 4 ноября 1938 г. её расстреляли как врага народа (Жертвы политического террора в СССР. – <http://lists.memo.ru/index.htm>). 11 декабря 1937 г. был арестован и И.Г. Жуков – член первого Президиума ДВФ, заведующий сектором и учёный секретарь Дальневосточного научно-исследовательского института «Дальуголь», декан горного факультета Дальневосточного политехнического института. Жуков был расстрелян 13 марта 1938 г. На эти два года, 1937 и 1938, пришёлся пик репрессий против учёных ДВФ и преподавателей ДВГУ. Только в один день, 25 апреля 1938 г., было расстреляно сразу 9 преподавателей ДВГУ и учёных ДВФ АН: декан Восточного факультета В.А. Войлошников, научный сотрудник кафедры экономики Восточной Азии и ДВФ АН известный историк профессор К.А. Харнский, заведующий кафедрой японского языка Н.П. Овидиев, японист доцент К.П. Феклин, историк и библиограф, бывший декан Восточного факультета и заведующий библиотекой ДВФ АН доцент З.Н. Матвеев, японовед Е.С. Нельгин, зав. сектором Кабинета народов Дальневосточного края ДВФ АН и зав. Кабинетом востоковедения ДВГУ востоковед И.Т. Быков, китаевед А.П. Ещенко,

заведующий кафедрой марксизма-ленинизма с сентября 1936 г. врио директора ДВГУ И.С. Менк.

В 1937 г. органы НКВД активно раскручивали дело № 17013 о контрреволюционной шпионско-вредительской организации, якобы действовавшей в Дальневосточном филиале Академии наук. По этому делу наряду с другими учёными филиала была арестована жена выдающегося исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева – Маргарита Николаевна, которая в Филиале занималась обработкой рукописей мужа. Её обвинили в контрреволюционной деятельности. Судилище длилось всего 10 минут. Маргариту Николаевну приговорили к расстрелу с конфискацией всего имущества и расстреляли в тот же день [Хисамутдинов, 2005]. В 1937–1938 гг. к высшей мере наказания были приговорены геолог Б.В. Витгефт, гидробиолог А.Т. Булдовский, востоковед Ю.А. Онищенко, японовед П.С. Ануфриев, химик О.Б. Максимов (приговор был заменён на 8 лет исправительно-трудовых лагерей, освобождён досрочно). По расстрельной статье были осуждены бывший директор Дальрыбвтуза М.И. Чесноков, бывший директор Восточного института Д.М. Поздеев, бывший директор ДВГУ А.В. Пономарёв, директор

Бывшее здание НКВД во Владивостоке. На верхних этажах находились камеры арестованных. Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

ДВПИ В.Л. Абрамович, его заместитель профессор И.Н. Тимофеев, один из организаторов Тихоокеанской научно-промысловой станции Е.Ф. Курнаев и другие сотрудники научных учреждений и вузов Владивостока. В 1937 г. был осуждён на 15 лет учёный секретарь ДВФ АН СССР, заведующий геоботаническим сектором А.С. Порецкий (умер в тюремной больнице в 1942 г.).

<...>

К 1939 г. Дальневосточный филиал АН и университет были буквально разгромлены. На химфаке университета, к примеру, одно время работал единственный преподаватель-ассистент, который читал все курсы и вёл все лабораторные работы. На восточном факультете к преподавательской работе приходилось привлекать студентов старших курсов восточного факультета Ленинградского университета [Ермакова и др., 1999]. К концу 1930-х годов в составе ДВФ АН фактически действовал лишь Институт химии, в сильно сокращённом виде функционировали научно-исследовательские сектора, лаборатории, кабинеты и станции.

Спасти Дальневосточный филиал Академии от предстоящего закрытия академик В.Л. Комаров так и не смог, несмотря на то, что в 1936 г. Владимир Леонтьевич был избран президентом АН СССР. Развернувшиеся в 1937–1938 гг. массовые репрессии против дальневосточных учёных сделали дальнейшую работу ДВФ АН невозможной, поскольку Филиал лишился наиболее квалифицированных кадров, включая учёных, сформировавшихся ещё до революции, т.е. всю «старую интеллигенцию» [Васильева, 1997, 2002]. В редакционной статье последнего, 33-го выпуска журнала «Вестник Дальневосточного филиала АН СССР» за 1939 г. отмечалось: *«Враги народа, находившиеся у руководства края, ставили своей задачей сорвать промышленное и культурное освоение Дальнего Востока, сузить масштабы научно-исследовательской работы, направить её по ложному пути. Многие богатые месторождения, имеющие большое промышленное значение, вредителями браковались с целью их скрытия, внимание промышленности приковывалось к мало обещающим объектам. Зачастую работы разведочных групп умышленно затягивались и не делались практические выводы... Один из коренных вопросов, который встаёт перед нами*

Сотрудники ДВФ АН СССР (слева направо):
Т.П. Самойлов, З.Н. Матвеев, М.А. Арсеньева

в третьем пятилетии – это подготовка научных и технических кадров. В связи с этим встаёт вопрос о создании на Дальнем Востоке ряда новых высших учебных заведений, которые обеспечивали бы потребности Приморского и Хабаровского краёв в инженерно-технических кадрах...» [Промышленному..., 1939, с. 5].

Заккрытие Филиала оказалось для его сотрудников достаточно неожиданным актом, поскольку многие верили в возможности Комарова защитить своё детище. В частности, научный сотрудник ДВФ, к.б.н. А.А. Емельянов (*подробнее о судьбе А.А. Емельянова см. в главе 6 – авт.*) 1 июля 1939 г. сообщал Комарову: «Над нашим Дальневосточным филиалом сгустились тучи. Первый удар – это сокращение штата по всем секторам и закрытие гидробиологических лабораторий – морской и пресноводной. Второй удар – закрытие всего зоологического сектора полностью. Несомненно, это есть отражение более глубоких и отдалённых, скрытых от нас сил... Все экспедиции и полевые работы приостановлены, часть выехавших на работы ботаников отзывается. В филиале царит полное смятение, непонимание того, что делается, совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полусловами, намёками, что-то скрывает, избегает встречаться с сотрудниками. Предлагается свёртываться и складывать имущество не только закрытого зоологического сектора, но и ботаникам рекомендуют упаковывать свой гербарий и пр... Жаль расставаться с ДВ, где много положено сил и многое остаётся ещё недоделанным. Но обстоятельства

вынуждают искать работы на западе. Быть может явится возможность перевестись в другой филиал или институт; прошу Вас в этом помочь...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 599. Л. 7,8,11].

Следом учёный секретарь Филиала Н.Е. Кабанов 18 июня 1939 г. писал Комарову: *«Решение о ликвидации Филиала застало всех нас врасплох. Я об этом узнал только 3 июня, когда до конца существования филиала осталось всего 17 дней. При таком положении очень легко было сделать ряд ошибок и самое главное нельзя было спокойно обдумать и решить что-нибудь о дальнейшей работе. А.Н. Толмачёв (директор Северной базы АН СССР – авт.) утром 4 июня предложил мне сделать представление Президиуму АН о зачислении меня на работу в Северную базу, не зная дальнейшей судьбы руководящих работников филиала. Принципиально я дал согласие...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 675. Л. 17].

9 августа 1939 г. деятельность Дальневосточного филиала была прекращена по распространённой позже официальной версии: «в связи со сложной предвоенной международной обстановкой»* [Еляков, 1999; Ермакова и др., 1999]. Из всех подразделений Филиала продолжала работу только Горнотаёжная станция, в состав которой также входили заповедники «Кедровая Падь» и «Супутинский» (ныне заповедник «Уссурийский» – авт.). ДВГУ был закрыт несколькими

* В 1938–1939 гг. произошло два приграничных конфликта с Японией – на озере Хасан (юг Приморского края) и реке Халхин-Гол (Монголия). 6 августа 1938 г. армия Японии вторглась на территорию СССР в районе озера Хасан и захватила две сопки – Заозёрную и Безымянную. Незадолго до этого события было разгромлено представительство СССР в Токио. 6–9 августа Красная Армия вступила с японцами в 3-дневный бой, в результате которого войска агрессора были отброшены за пределы СССР. В мае 1939 г. Япония, ранее оккупировавшая Маньчжурию и Северный Китай, напала на Монгольскую Народную Республику. Поскольку СССР и МНР были связаны договором о взаимной обороне, Красная Армия вступила в бои на стороне монгольской армии. Бои советско-монгольских сил против японцев велись в районе реки Халхин-Гол. 17 сентября 1939 г., в день вступления Красной Армии в Польшу, Япония прекратила боевые действия против советско-монгольской армии. Независимость Монголии была защищена. 25 апреля 1941 г. в Москве между СССР и Японией был подписан Пакт Молотова–Мацуоки о ненападении, который во многом предотвратил нападение Японии на СССР в годы Великой Отечественной войны. В то же время, начиная войну на Тихом океане и рассчитывая на успехи немецкой армии на восточном фронте, японское командование не отказывалось от потенциальной возможности нападения на Советский Союз, постоянно создавая напряжённость на советском Дальнем Востоке и Забайкалье [Дальний Восток СССР..., 2020].

днями раньше, 1 августа 1939 г., причём преподавателей уволили с 1 июля [Ермакова и др., 1999].

Надо заметить, что почти за полтора месяца до закрытия ДВФАН и ДВГУ вопрос о передаче их зданий другим организациям решался на заседании бюро крайкома партии – 16 июня 1939 г. На основании секретного решения ЦК партии и Совнаркома на этом заседании обсуждался вопрос о передаче здания университета на Суханова, 8 Управлению НКВД в связи с закрытием университета, при этом в постановлении партии и правительства от 21 мая 1939 г. речь шла о передаче зданий в связи с ликвидацией университета и ни слова не говорилось о причинах его закрытия [Ермакова и др., 1999]*. На основе принятых решений обширные и ценные коллекции и научное оборудование Филиала и Университета были вывезены в центр, многие научные сотрудники уехали с Дальнего Востока или были переведены для работы в другие учреждения. Лишь в 1943 г., когда на фронтах войны произошёл коренной перелом в пользу Советской Армии, во Владивостоке был открыт Педагогический институт, на базе которого в 1956 г. был восстановлен Дальневосточный государственный университет, а Горнотаёжная станция приобрела статус Дальневосточной базы АН СССР, которая в 1949 г. была вновь преобразована в Дальневосточный филиал АН СССР (см. главу 12).

Несмотря на все местнические, организационные и политические перипетии 1930-х годов, организация Дальневосточного филиала Академии наук СССР явилась актом большого значения, открывшим возможность планомерного изучения Тихоокеанской России. В первые годы развития Филиала здесь работали лучшие представители научной интеллигенции края: известный ихтиолог профессор

* В монографии Ермаковой и др. [1999] приведена следующая, по мнению авторов, более вероятная версия закрытия университета: *«Бывший директор Учительского института иностранных языков М.И. Головатюк (1939 г.) в своих воспоминаниях пишет, что Н.Н. Пегов – первый секретарь крайкома партии уговорил А. Жданова – секретаря ЦК партии (он посетил Владивосток в апреле) дать согласие на ликвидацию университета и института иностранных языков – якобы не хватало зданий для размещения НКВД. Жданов дал своё согласие, и университет был закрыт. Теперь становится ясным, почему постановление было без преамбулы, а сразу начиналось с пункта о передаче зданий. Несolidно было написать, что университет закрывается потому, что НКВД понравилось его здание»* [Ермакова и др., 1999, с. 146].

Здание ДВГУ во Владивостоке на Суханова, 8.
Фото В. Богатова, май 2020 г.

В.К. Солдатов, палеоботаник, впоследствии член-корреспондент АН СССР А.Н. Криштофович, электротехник, впоследствии член-корреспондент АН СССР В.Н. Вологдин, химик профессор В.А. Киреев и др. В этот период появились талантливые молодые исследователи, которые в будущем стали гордостью академической науки: ботаники Д.П. Воробьёв и Н.Е. Кабанов, лесовод Б.П. Колесников, энтомолог и зоогеограф А.И. Куренцов и др. За 7 лет существования Филиала было издано 3 тома «Трудов ДВФ», 33 выпуска «Вестника ДВФ АН», 5 томов «Трудов» Горнотаёжной станции. Геологами были открыты оловянно-свинцовые месторождения, на которых в будущем возникли крупнейшие предприятия горнорудной промышленности страны. Сотрудниками ДВФ велись работы, связанные с изучением железных руд, угля, солей. Биологи и химики успешно решали многие проблемы сельскохозяйственного производства. Изучались растительные ресурсы: медоносные, лекарственные, кормовые растения Дальнего Востока, проводилась координация экспедиционных исследований в регионе [Еляков, 1999; Богатов, 2005; Сергиенко, 2007; 2010 и др.].

6. ВЫСШЕЕ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОЕ И ГОРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1930-е годы)

В конце 1930-х годов свёртывание научной и научно-образовательной деятельности в Дальневосточном регионе коснулось не только Дальневосточного филиала АН СССР и Дальневосточного государственного университета, но и других сфер народного хозяйства, в частности высшего лесотехнического и горного образования*. В архиве Дальневосточного отделения РАН имеется дело № 193 [Ф. 1. Оп. 13], в котором хранятся копии справок и докладных записок учёных и общественных организаций за 1938 г. об организации (восстановлении) на Дальнем Востоке высшего лесотехнического образования**, в том числе копия обширной докладной записки президента АН СССР В.Л. Комарова в СНК СССР «О положении дела по высшему образованию на Дальнем Востоке» (ноябрь 1938 г.). Кроме того, в этом же деле имеется копия докладной записки Геосектора «По вопросу сохранения высшего горного образования на Дальнем Востоке» от 23.11.1938 г.

Обращает на себя внимание то, что все перечисленные выше документы оформлены с позиций «вредительской» деятельности неких «врагов народа», что соответствовало характерному стилю эпохи «большого террора».

* В 20–30-е годы прошлого столетия на Дальнем Востоке формировалась система учебных заведений для подготовки специалистов с высшим образованием. Помимо Дальневосточного государственного университета (открыт в 1920 г., закрыт в 1939 г.) к началу Великой Отечественной войны здесь функционировало 6 вузов – Дальневосточный политехнический институт (1918) во Владивостоке, Хабаровский медицинский (1930), Благовещенский (1930) и Хабаровский (1938) педагогические институты, Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (1939), Владивостокский учительский институт (1940) [Дальний Восток..., 2020].

** Подробнее о становлении лесного образования на российском Дальнем Востоке изложено в статье Ю.И. Манько с соавторами [2005].

Значение дальневосточных лесов для народного хозяйства страны хорошо показано в справке Комиссии межведомственного совещания при ДВ Филиале АН СССР «Лесной промышленности Дальнего Востока нужен свой лесной ВТУЗ»: *«Среди колоссальных богатств Дальневосточного края одно из первых мест принадлежит его лесам. Почти 84.350 тысяч га на территории ДВК (в старых границах) занята лесной площадью, что составляет около 10% лесной площади СССР и 3% мировой. Более чем в 6 миллиардов кубических метров спелой и приспевающей древесины определяются запасы дальневосточных лесов, т.е. они больше, чем запасы лесов всей остальной Восточной Азии в целом (Китай, Япония и другие вместе взятые)»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 8].

Описание уникальных лесных экосистем Дальнего Востока сопровождалось элементами художественных образов: *«Обширность территории ДВК, протянувшейся от суровых берегов Ледовитого океана до тёплых вод Японского моря, лежащего на одной широте с Чёрным и Средиземным морями, и связанное с этим исключительное разнообразие естественно-исторических условий влечёт за собою соответствующее разнообразие лесов края. На севере*

Горные леса Сихотэ-Алиня, Приморский край

господствуют лиственничные леса, южнее Аяна в бассейне Амура, вдоль центральной части хребта Сихотэ-Алинь и на о-ве Сахалине они уступают место мрачным и густым пихтово-еловым лесам (аянская ель); к западу от р. Урея обширные площади наряду с лиственничниками заняты сосняками. Но наибольшую хозяйственную и научную ценность имеют леса южной части ДВК, образованные многочисленными широколиственными и хвойными породами. В этой части края в силу особенностей его географического и исторического развития (отсутствие в четвертичный период оледенения) господствуют разнообразные многовидовые сложные леса, являющиеся прямыми наследниками лесов третичного периода субтропического характера. Подобные леса на территории СССР сохранились ещё только на Кавказе, и дальневосточные широколиственные и кедровые леса мало уступают по своему строению и разнообразию древесных и кустарниковых пород кавказским лесам» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 8].

В связи с начавшейся во второй половине XIX века массовой колонизацией дальневосточных территорий Российской империи,

В.Л. Комаров среди сотрудников Хабаровского лесотехнического института, 1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 17. Л. 2].

сопровождавшейся развитием сельского хозяйства и промышленности, появилась необходимость регулирования пользования лесом. Остро ощущались слабая изученность дальневосточных лесов и отсутствие кадров по всем отраслям лесного комплекса. Кадры низшего звена непосредственно на Дальнем Востоке начали готовить в 1909 г. в низшей школе при Никольском лесничестве, центр которого находился в Никольске-Уссурийском, а после 1912–1913 гг. и в некоторых других лесничествах. Подготовка кадров высокой квалификации для лесной отрасли началась в Государственном Дальневосточном университете, где к 1923 г. сосредоточились крупные научные силы, среди которых были и выпускники Петербургского лесного института Б.А. Ивашкевич, А.А. Строгий, В.Ф. Овсянников, В.М. Савич и другие видные специалисты [Манько и др., 2005]. В марте 1930 г. Далькрайком ВКР(б) и Далькрайисполком приняли постановление «Об осуществлении строительства вузов на Дальнем Востоке», согласно которому из ГДУ выделились факультеты, преобразуемые в самостоятельные институты: политехнический на основе технического и лесного факультетов, сельскохозяйственный и педагогический на основе одноимённых факультетов, восточный факультет должен был войти в состав создаваемого института народного хозяйства.

В июне 1930 г. состоялся 16-й съезд ВКП(б), одоббивший развернувшуюся по стране перестройку высшей школы, в связи с чем уже 23 июля вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков», которое предусматривало создание на базе многопрофильных вузов и техникумов самостоятельных отраслевых учебных заведений с подчинением их соответствующим хозяйственным объединениям и наркоматам.

В летне-осенний период 1930 г. ГДУ был расформирован, а на базе его факультетов созданы самостоятельные вузы, при этом технический факультет университета был превращён в Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), на основе которого планировалось создание четырёх вузов: химического, механического, горного и строительного. Факультет сельского и лесного хозяйства ГДУ положил начало двум новым вузам: Тихоокеанскому институту социалистического сельского хозяйства (ТИССХ) и Дальневосточному

лесотехническому институту (ДВЛТИ), который выделился из ДВПИ в конце 1930 г. [Дальневосточный..., 1999].

После реорганизации университета преподавание дисциплин лесного профиля продолжалось в Дальневосточном лесотехническом институте, где работало два факультета: на всех пяти курсах лесохозяйственного факультета в 1931 г. обучалось 217 чел., а на первом и втором курсах лесотехнического факультета – 81 чел. В Институте имелся вечерний факультет рабочей молодёжи в Никольске-Уссурийском с общим числом слушателей 164 чел., а на двух курсах дневного факультета обучалось 120 чел. В числе преподавателей Института было 12 профессоров, 28 доцентов и 6 ассистентов [Манько и др., 2005].

В 1932 г. Дальневосточный лесотехнический институт был переведён в Хабаровск и значительно расширен, однако вскоре Институт был закрыт, что было расценено специалистами как акт, нанёсший вред народному хозяйству региона [Новосёлов и др., 1938].

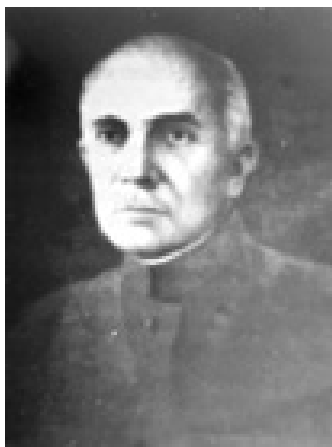
В вышеуказанной справке Комиссии при ДВ Филиале из Архива ДВО РАН находим информацию, касающуюся закрытия Института с обязательными для того времени пассажами в адрес «троцкистско-бухаринских вредителей»: *«В этой области значительный вред нанесли троцкистско-бухаринские вредители и шпионы, ликвидировавшие в 1933 г. источник снабжения Края лесными специалистами – Д.В. Лесотехнический Институт (ДВЛТИ). Созданный в 1922 г. сначала в виде лесного отделения ДВ Государственного Университета (г. Владивосток), он рос вместе с лесной промышленностью края, обеспечивая её кадрами специалистов и развивая научно-исследовательскую работу. В 1930 г. он отделился от Университета в самостоятельный институт со специальностями: лесохозяйственной (лесоустроительной), лесокультурной, лесоэксплуатационной и деревообрабатывающей. Начиная с 1928 г. ДВЛТИ было выпущено из своих стен около 300 специалистов, составляющих сейчас основу лесных инженерных кадров края и выросших в крупных руководителей и организаторов производства»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 9, 10]. Далее из справки узнаём, что в 1932 г. Институт без предварительной проработки был переведён в Хабаровск, а в 1933 г. ликвидирован. Взамен при Дальневосточном политехническом институте из «остатков ДВЛТИ» был

создан небольшой лесотехнический факультет с двумя специальностями, причём к 1938 г. на факультете сохранилась лишь одна специальность (деревообработка) в составе 2 курсов: первого и последнего. Члены Комиссии выразили уверенность в возможности уже с начала учебного 1938 г. открыть Лесотехнический институт пока в сокращённом объёме: *«Время идёт, наступил период подготовки к набору учащихся в ВУЗы. Если не будут срочно приняты меры, дело восстановления лесного ВТУЗа в ДВК оттянется ещё на год»* [Там же. Л. 11].

Одним из наиболее активных сторонников и пропагандистов по восстановлению Лесотехнического института в Дальневосточном крае был профессор А.А. Строгий*. В частности, 19 сентября 1938 г. Строгий направил депутату Верховного Совета А.Г. Бердникову обращение следующего содержания:

«По постановлению Комитета по высшей школе – Лесотехнический факультет при Дальневосточном Политехническом Институте ликвидируется. Всё оборудование кабинетов передаётся Красноярскому Лесотехническому Институту.

Из Красноярска прибыл приёмщик, и сейчас совершается передача этого имущества.

Профессор А.А. Строгий

* **Строгий Александр Александрович** (1874–1943) – основатель дальневосточной школы лесоведения. В 1894–1898 гг. – студент Петербургского лесного института. С 1898 по 1913 г. работал на разных должностях в лесничествах Енисейской, Тобольской и Харьковской губерний. В 1913 г. переведён в Приморскую область. С 1924 г. преподаватель 1-го разряда на лесном отделении агрономического факультета Государственного Дальневосточного университета, а с 1926 г. – руководитель кабинета лесоводства ГДУ. В октябре 1927 г. утверждён в звании профессора, 17 апреля 1937 г. ему присвоена учёная степень доктора сельскохозяйственных наук. В 1939 г. в связи со свёртыванием высшего образования в регионе уехал с Дальнего Востока в г. Горки Могилёвской области, где был избран заведующим кафедрой лесоводства в Белорусском сельскохозяйственном институте. Позже он занимал такую же должность в Воронежском сельскохозяйственном институте [Манько, 2014].

Требования широкой общественности, в том числе Крайкома Союза работников высшей школы, Совещания при Дальневосточном Филиале Академии Наук, бойцов и командиров Красной Армии и т.д., о восстановлении высшего лесного и сельскохозяйственного образования в Дальневосточном крае уже с 1938 г. — очевидно, игнорируются.

Необходимо сделать разъяснения по поводу того, что делается и, если возможно, удержать в Крае ценности оборудования кабинетов и непременно удержать лесотехническую библиотеку» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 3].

К обращению Строгого была приложена СПРАВКА: «Письмо было вручено депутату А.Г. Бердникову 19 сент. 38 г. лично профессором А.А. Строгим, который пояснил, что при наличии в крае Лесного техникума (на ст. Шмаковской) вывоз из края лесной библиотеки и оборудования кабинетов равносителен преступлению. Депутат по телеграфу обратился в Крайком партии, указав на желательность оставления этих ценностей в крае, имея в виду

Дендрарий Горнотаёжной станции. Фото В. Богатова

предстоящее восстановление Лесотехнического Института» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 4].

Следом, 2 октября 1938 г., профессор Строгий выслал письмо председателю Дальневосточного крайкома Союза работников высшей школы и научных учреждений Шевелеву. Приведём из него некоторые выдержки:

«Уважаемый товарищ!

Третий Пленум Крайкома Союза вынес совершенно чёткое постановление о необходимости срочного – уже в 1938 г. – удовлетворительного решения вопроса о восстановлении в ДВК ряда вредительски ликвидированных институтов... Необходимость срочного восстановления вузов: лесного и сельскохозяйственного (или одного комбинированного) диктуется прежде всего следующими основными предпосылками.

ДВК – ценнейшая окраина Союза. Окраина лесная, причём в ДВК и лесная промышленность, и непосредственно леса имеют, прежде всего, огромное военно-оборонное значение, т.е. значение политическое, а затем уже экономическое, принимая во внимание техническую ценность наших лесов и выход на тихоокеанские рынки сбыта.

Мы не должны забывать, что во время борьбы с интервенцией – наши военные успехи и, особенно, успехи наших партизанских отрядов объясняются не только состоянием духа наших бойцов, энтузиазмом и уверенностью в конечной победе, но и характером местности. Сопки и леса были страшны нашим врагам, а партизаны находили в них верное и надёжное убежище, в котором они великолепно ориентировались, как в операционной базе.

Горные леса Сихотэ-Алиня с его многочисленными отрогами имеют не меньшее военно-оборонное значение, чем французские Альпы или лесистые Карпаты. Это естественная могучая стена, создающая непреодолимое препятствие для проникновения неприятеля вглубь страны и для его воздушных операций.

Подобно Франции и Австрии (в прошлом) мы должны согласовать задачи и потребности развития лесного дела на нашей окраине с задачами обороны страны.

Отсюда срочная необходимость ликвидировать навсегда серьёзнейшие прорывы в лесной промышленности в ДВК, изучить

леса ДВК и организовать в них правильное хозяйство на базе военно-оборонных установок...» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 5, 6].

В своём письме Шевелеву Строгий приводит обращение одного из бойцов Красной Армии Я. Шкляева, опубликованное в газете «Тихоокеанская звезда»:

«Бойцы и командиры Энской части поручили мне выразить глубокую благодарность инициаторам восстановления института в крае. С энтузиазмом ждём мы его организации. Осенью 1938 г. мы идём в долгосрочный отпуск из армии. Желаем, не уезжая из ДВК, учиться в институте, стать высококвалифицированными специалистами. Хотим навсегда остаться жить и работать в чудесном, цветущем Дальневосточном крае» (ТОЗ, № 116, 1938).

Газета добавляет: *«Авторы писем полны сознания огромной ответственности, которую несём мы, дальневосточники, перед всей страной. Наше правительство, наша партия под руководством тов. Сталина оказывают исключительно большую помощь Дальнему Востоку. Велика техническая помощь, огромны механические средства, данные страной сельскому хозяйству*

Кедрово-широколиственный лес в предгорьях Сихотэ-Алиня, Приморский край.
Фото В. Богатова

Пихта цельнолистная (чёрная) – перспективный лесообразователь для высокопродуктивных и долговечных лесов. Уссурийский заповедник, сентябрь 2012. Фото А. Лелея (на фото слева направо: В.В. Богатов и зам. директора заповедника М.Н. Литвинов)

Чозениевый лес в пойме р. Раздольная, формирующийся в зоне промывного режима реки. Фото В. Богатова

Лесная территория после пожара. Хабаровский край, август 2010.
Фото В. Богатова

и промышленности края, лесной – в частности. Но богатая техника, которую располагает край, сплошь и рядом используется очень плохо, и это объясняется прежде всего тем, что не хватает людей нужной квалификации. Поэтому вопрос о восстановлении ликвидированных врагами народа институтов приобретает острое политическое значение...» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 6].

Поскольку в 1938 г. Лесотехнический институт, как и другие вузы, так и не был восстановлен, состояние высшего образования в Дальневосточном регионе 23 ноября 1938 г. было рассмотрено на Президиуме Академии наук СССР. По итогам обсуждения была подготовлена докладная записка для Совета Народных Комиссаров СССР за подписью президента Академии В.Л. Комарова. Отстаивая интересы развития высшего образования на ДВ, члены Академии не стеснялись в выражениях по отношению к «врагам народа» и хвалебных эпитетах по отношению к органам НКВД, советским

и партийным органам. Вероятно, в то время без этих фраз справка была бы неубедительна:

«Враги народа нанесли тяжёлый удар делу выращивания советских кадров, делу строительства социализма на ДВ.

Враги народа всячески пытались ликвидировать ряд научно-исследовательских учреждений, и к сожалению это им удалось (ДВ Лесопромышленный научно-исследовательский институт, Краевая Лесная опытная Станция, Институт Земледелия и Животноводства и др., Редметразведка), они даже пытались разложить и ликвидировать ДВ Филиал Академии Наук, но последнее им не удалось (выделено авт.).*

Славные органы НКВД разоблачили врагов народа и приостановили их преступную деятельность.

Советское и партийное руководство края приступило к ликвидации последствий вредительства и сделало в этом отношении не мало, но по отдельным участкам остались ещё прорывы.

За последние годы сталинских пятилеток ДВ Край, благодаря неустанной заботе Партии и Правительства и лично тов. Сталина, сильно вырос, ДВ край превратился в один из цветущих краёв Советского Союза.

Край создал свои заводы и фабрики, свою тяжёлую и лёгкую промышленность, край построил новые города (Оха, Магадан, Комсомольск и другие), край, наконец, создал своё трудовое население, обогатившись молодыми строителями стахановцами-комсомольцами, славными хетагуровками, десятками сотен краснофлотцев и красноармейцев, оставшихся навечно в богатом и цветущем Дальневосточном Крае» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 12, 13].

* Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт земледелия и животноводства был организован в 1935 г. постановлением СНК СССР (№ 175 от 1.02.1935 г.) в г. Хабаровске на базе Технического управления ДВ отделения Всесоюзного института механизации сельского хозяйства и Опытной станции организации территории. В 1956 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР (№ 253 от 14.02.1956 г.) институт стал именоваться Дальневосточным научно-исследовательским институтом сельского хозяйства (ДВ НИИСХ). Ныне ДВ НИИСХ представляет собой обособленное подразделение Хабаровского федерального исследовательского центра ДВО РАН.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

12

о положении дела по высшему образованию на Дальнем Востоке.—

До 1933 г. в ДВ существовали и развивались ряд ВУЗ'ов и НИИ'ов / Лесотехнический, Сельскохозяйственный, Распространенский, Педагогический, Горный и др./, которые несмотря на короткий срок своего существования дали весьма много квалифицированных кадров подготовленных и местных условиями работы, специалистами.

Многие молодые советские специалисты с большой энергией работали по культурно-хозяйственному освоению богатого ДВ, многие из них выросли в прекрасных руководителях ряда советских и хозяйственных организаций и предприятий, значительно подвинули вперед изучение и освоение природных ресурсов края.

Однако молодые советские ВУЗ'ам и НИИ'ам неometri не их большие успехи и перспективы, развиваться дальше стало трудно и они, в результате прямой деятельности врагов народа, были разрушены в крае, была закрыта, расформирована, имущество расхищено было бесчисленное количество, а многие профессоров и преподавателей систематически угонялись из пределов края.

Так в 1933 году прекратил свое существование ЛД Лесотехнический институт, бывший директором переведенный из Владивостока в Хабаровск и смещенный в конце 1934 года в виде вынужденного лесотехнического (назначенного при ЛД Политехническом институте им. В.В. Куйбышева, считавшемся в то время Сельскохозяйственным институтом, а также директором в Агрономическом техникуме в г.р. Владивостоке, а позднее и после закрыт, существовал был закрыт Распространенский институт и многие другие учебные и научно-исследовательские учреждения.

Враги народа надели такой удар делу формирования советских кадров, делу строительства социализма на ДВ.

Враги народа всячески пытались ликвидировать ряд научно-исследовательских учреждений, и в частности это им удалось /ДВ Распространенский научно-исследовательский институт, бывший Лесной Сибирский Станция, институт Землеустройства и Лесотехнический и др. Гидротехнический/, они даже пытались расхищать и ликвидировать ДВ Сибирский Академический Музей, но покуда не им не удалось.

Первая страница докладной записки В.Л. Комарова в СНК СССР «О положении дела по высшему образованию на Дальнем Востоке», 1938 г. [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 12]

Обосновывая необходимость развития высшего образования, в пояснительной записке отмечено: *«В крае, как никогда, возникли значительные потребности в культуре, искусстве, науке, выросли жизненные условия и требования советских граждан, но для их развития, совершенствования и удовлетворения ещё не созданы все необходимые условия – нет ВУЗов, ВТУЗов, техникумов, самых необходимых профилей и специальностей.*

Существующие в крае ВУЗы и ВТУЗы – ДВ Политехнический институт, ДВ Государственный университет, ДВ Медицинский Институт готовят и выпускают необходимых специалистов, но имеется потребность и в других специальностях.

И при наличии столь огромного разворота культурно-хозяйственной деятельности края особенно остро чувствуется закрытие указанных выше ВУЗов и ВТУЗов. Привлечение специалистов в край со стороны, в связи со специфичностью местных условий, как показал опыт не всегда происходит успешно и зачастую наблюдаются случаи сильной текучести кадров...» [Там же. С. 13].

Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства,
г. Хабаровск

В докладной записке Комарова были подняты вопросы и о состоянии горного образования: «...в текущем году, как и три-четыре года тому назад, был закрыт приём студентов на горный факультет ДВ Политехнического института, того самого факультета, который не может удовлетворить даже минимальные запросы дальневосточных горнодобывающих и геологических учреждений и организаций...» [Там же. Л. 15]. Позиции президента АН СССР вторит докладная записка Геологического сектора «По вопросу сохранения высшего горного образования на Дальнем Востоке» от 23.11.1938 г.: «В течение последних трех-четырех лет набора на геолого-разведочное и эксплуатационное отделение горного факультета при Дальневосточном политехническом институте не производилось. И теперь имеется только последний выпуск геологов (пятый курс). Направление на закрытие факультетов, взятое три-четыре года тому назад нельзя назвать иначе, как вредительским, так как оно направлено на срыв подготовки кадров для Дальнего Востока.

Сейчас с переходом ДВПИ в ведение Наркомата Обороны, последний не признал необходимым дальнейшее существование Горного факультета в структуре ДВПИ. Наркомат тяжелой промышленности до сегодняшнего дня не сказал своего веского слова ни за, ни против.

Необходимо предотвратить закрытие факультета, и чем скорее, тем лучше. Сейчас доучивается последний курс. Имеющиеся материалы разбазариваются. Лаборатории закрываются. Научные кадры растекаются.

В силу этой линии вредительства, Дальний Восток не будет иметь нормального пополнения инженерами-геологами и инженерами-эксплуатационниками уже в течение 6 лет. Закрытие же Горного образования на ДВ было бы исключительно опрометчивым и тяжёлым шагом...» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 2].

В докладной записке Геосектора приводится примерный расчёт годовой потребности необходимых специалистов с учётом наличия на Дальнем Востоке геологических учреждений и горных предприятий. В заключительной части данного документа отмечено: «Трудно себе представить и вряд ли это было бы политически правильно, что для удовлетворения нужд Д. Востока в геологах и эксплуа-

тационниках открывать дополнительный вуз в центре. А нужда ДВ минимально удовлетворится только выпуском одного года. На завоз такого числа инженеров ежегодно [надеяться – авт.] не приходится и нецелесообразно. Вывод один – пока ещё сохранилось помещение, научные кадры, лаборатории – открыть самостоятельный Горный вуз на Дальнем Востоке при Наркомате Тяжёлой Промышленности.

И чем это будет скорее сделано, тем будет легче для дела развития социалистического строительства на замечательной и богатой окраине Советского Союза.

Подпись: Врид Зав. «Геосектора» [Там же. Л. 2].

Отметим, что докладная записка Комарова охватывает и другие проблемы состояния высшего образования на Дальнем Востоке: «Точно так же ничего не известно о судьбе вопроса по организации высшего сельскохозяйственного образования, необходимость в котором ощущается ещё более остро, чем горная и лесная специальность. Одинаково это относится и к рыбопромышленному институту, где отсутствие специалистов, как и в других областях, лимитирует развитие народного хозяйства» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 15]

Напомним, что после реорганизации в начале 1930-х годов местных вузов горное образование осуществлялось в Дальневосточном политехническом институте, которому отдали здание бывшего Восточного института (восточного факультета ГДУ)*, так называемого

* Восточный институт – первое в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке высшее учебное заведение с преподаванием восточных языков. Открыт во Владивостоке 21 октября 1899 г. по решению Государственного совета и по велению императора Николая II. Многие предметы в Восточном институте преподавались в России впервые (например, японская, корейская и тибетская словесность). В 1918 г. во Владивостоке были открыты новые высшие учебные заведения: Историко-филологический факультет и Политехникум, в 1919 г. ещё один вуз – Юридический факультет. 17 апреля 1920 г., несмотря на начавшуюся 5 апреля японскую интервенцию, Земская управа приняла постановление об учреждении Государственного университета (ГДУ) в составе трёх факультетов: восточного, историко-филологического и общественных наук. Учреждение университета произошло на базе Восточного института, преобразованного в восточный факультет, двух частных факультетов – историко-филологического и юридического, а также экономического факультета Политехникума, причём юридический и экономический факультеты были слиты в один факультет общественных наук с соответствующими отделениями [Ермакова и др., 1999].

«дома со львами». Дальневосточный государственный университет сохранил здесь всего 6 комнат на арендных условиях. Также отметим, что первое академическое подразделение геологического профиля появилось на Дальнем Востоке в 1935 г. Это был геологический сектор, вошедший в состав Дальневосточного филиала АН СССР. В секторе работали такие видные учёные, как А.Н. Криштофович, Б.В. Виттефт, уже проявившие себя молодые исследователи Г.П. Воларович, В.А. Мелиоранский, С.А. Музылев, А.Т. Суслов и др. Однако горные исследования в Дальневосточном регионе были прерваны в 1939 г. в связи с закрытием Дальневосточного филиала АН СССР.

Относительно взаимосвязи высшего образования и деятельности ДВФ АН СССР В.Л. Комаров констатирует: *«ДВ Филиал Академии Наук является единственным (на Дальнем Востоке – прим. авт.) научно-исследовательским учреждением Академии Наук СССР»*

«Дом со львами» – историческое здание Восточного института, после 1931 г. здесь располагался Дальневосточный политехнический институт.
Фото В. Богатова, май 2020 г.

и в своей практической деятельности может и должен опираться на хорошо развитую и поставленную сеть высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, которые готовили бы не только специалистов исследователей, но и практических работников по освоению природных ресурсов ДВК» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 15, 16].

«Президиум АН СССР, заслушав на своём заседании от 23 ноября 1938 г., отчётный доклад о работе своего Дальневосточного филиала, не мог не поддержать настойчивого требования ответственности и руководства филиала о самом срочном рассмотрении вопроса о состоянии и положении дел высшего образования.

Президиум АН СССР просит Совет Народных Комиссаров СССР разрешить затянувшийся вопрос о восстановлении в Хабаровском и Приморском краях ряда вредительски закрытых ВУЗов, т.к. общественный почин и требования бурно развивающегося социалистического хозяйства ДВК неотложно требуют вмешательства СНК СССР, тем более, что местные директивные и советские и партийные органы, а также центральные наркоматы и Комитет по делам высшей школы не проявили должного внимания и заботы к насущным нуждам и требованиям по организации высшего образования Дальнего Востока» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 16].

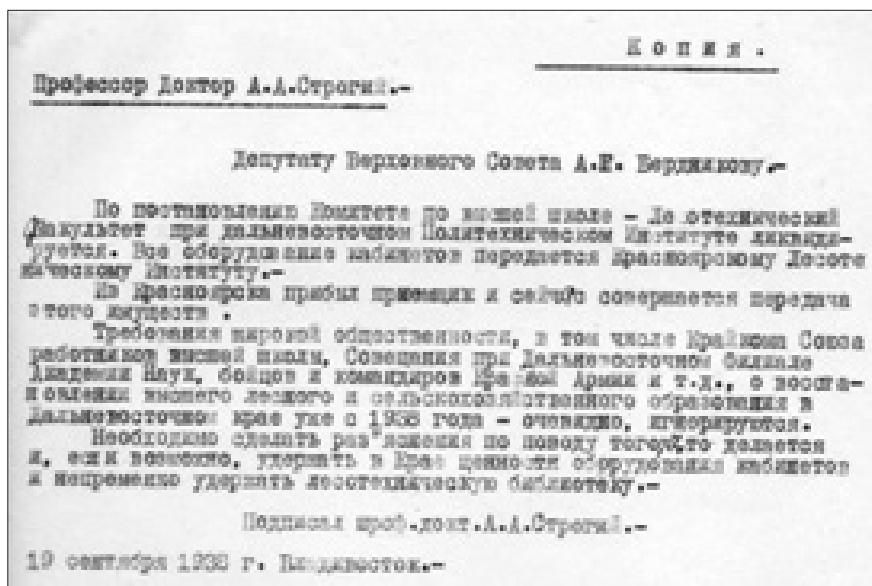
При анализе текста Докладной записки президента Академии наук обращает на себя внимание озабоченность Комарова за судьбу Дальневосточного филиала АН СССР: «...они («враги народа» – авт.) даже пытались разложить и ликвидировать ДВ Филиал Академии Наук, но последнее им не удалось...» [Там же. Л. 12]. Тем не менее буквально через несколько месяцев (в середине 1939 г.) деятельность как ДВФ АН СССР, так и ДВГУ была прекращена (см. главу 5). Однако лесное хозяйство всё-таки не осталось в стороне от внимания властей: на основании решения Экономического Совета при СНК СССР от 31 июля 1939 г. на базе Дальневосточной контрольно-лесосеменной станции, расположенной на территории Хабаровского лесного питомника, был образован Дальневосточный НИИ лесного хозяйства и лесозащиты, с 1949 г. по настоящее время – Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства (ДальНИИЛХ). В первые годы его существования в штате института

было до 9 научных сотрудников. В послевоенные годы Институт быстро развивался, и к концу 1949 г. в нём работало уже 50 человек, в том числе 28 научных сотрудников, из них 5 кандидатов наук...

<...>

Из приведённых в настоящей главе материалов видно, что во второй половине 1930-х годов властными структурами региона был взят курс на сворачивание высшего образования и научной деятельности на Дальнем Востоке по многим ключевым направлениям. Признанием ошибочности такого курса служит правительственное решение о восстановлении одного из дальневосточных вузов – Педагогического института во Владивостоке и Дальневосточной базы АН СССР в Ворошилове-Уссурийском в 1943 г., т.е. в один из сложных периодов Великой Отечественной войны.

Лесное высшее образование на Дальнем Востоке в послевоенный период развивалось в Дальневосточном политехническом институте: в 1948 г. здесь была открыта лесоинженерная специальность, а в 1952 г. – организован лесоинженерный факультет, который

Письмо проф. А.А. Строгого депутату Верховного Совета А.Г. Бердникову
[Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 3]

КОП
 Опись 13
 № 13.81/193

Копия с копии.-

Приказ по Главному Управлению учебными заведениями НК лесов СССР 150 4 августа 1938г. Москва.-

В соответствии с приказом от 28/VI 1938г. по ВКН № В 2122 приказан: к.с. директора Сибирского Лесотехнического Института:

- 1.Принять и зачислять с 1 сентября с.г. с факультета лесовосстановления и лесотранспорта Дальневосточного Политехнического Института им.В.В.Вукобича студентов 1У и У курсов всего около 26 человек.
- 2.Командировать по Владивостоку научного сотрудника для переговоров с привлеченными работавшими на факультете лиц профессорско-преподавательского состава и приема нужного для сибирского ЛТИ оборудования по указанному факультету.-

Подписал Врио Начальника ГТУЗ Наркомлеса СССР Начальник.-
С подлинным верно Байбурдяков.-

В е р а с:

Управлением Дальневосточного
Политехнического института - подпись.-
26 сентября 1938г.
г.Владивосток.-

С.С.С.Р.
 НАРКОМЛЕС
 Главное Управление
 Учебными заведениями
 2/VI-1938г.
 № 4140/17.-

Кабаровск, Д.В. Красной Комитет
 Профессора Работы Леса и Сп.т.а.-
 Копия: г.Владивосток, Пушкинская 41
 ДВ Союзная Академия Наук СССР
 тов. Матвееву.-

ГТУЗ Наркомлеса СССР сообщает о том, что вопрос об открытии Лесного Института в Д.В. Крае будет разрешен в октябре месяце с.г. при просмотре сети высших учебных заведений по Восточно-Камчатке по делам высшей школы при СНК СССР.-

И.в.Вукобич Врио нач.ГТУЗ*а НКЛ - Начальник.-
Зам.Нач.сект.вузов /Вукобич/.-

В е р а с:

Приказ по Главному управлению учебными заведениями Наркомлеса СССР
[Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 1]

1000

100

100

-

10

100

[illegible]

10

в 1962 г. был переведён в Хабаровский политехнический институт. С 1958 г. инженерные кадры для лесного хозяйства начали готовить на лесохозяйственном факультете Приморского сельскохозяйственного института в Уссурийске. В 1997 г. лесохозяйственный факультет был преобразован в Институт лесного и лесопаркового хозяйства, входящий в состав Приморской государственной сельскохозяйственной академии.

Прерванные перед Великой Отечественной войной геологические исследования были возобновлены в 1946 г., когда в составе восстановленной Дальневосточной базы АН СССР был организован геологический отдел. В нём, кроме заведующего – к.г.-м.н. Ф.К. Шипулина, трудились всего два научных сотрудника – К.Г. Майдель и Л.Н. Хетчиков. В 1948 г. в Дальневосточной базе АН СССР была учреждена своя аспирантура, в том числе и по геолого-минералогическим наукам. Первых аспирантов по палеонтологической специальности принял профессор В.С. Слодкевич, положив начало новому направлению в работах отдела – изучению ископаемой фауны и стратиграфии региона.

7. ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АН СССР (1930–1936 гг.)

3 марта 1930 г. состоялись перевыборы Президиума АН СССР, на которых В.Л. Комаров был избран одним из вице-президентов Академии, при этом ему сразу было поручено заведывание всей административно-финансовой частью Академии наук [Павлов, 1951, с. 204].

Академик В.А. Обручев так говорил о периоде деятельности В.Л. Комарова на посту вице-президента АН СССР: *«В 1930 г., когда Владимир Леонтьевич был избран вице-президентом, Академия Наук находилась ещё в Ленинграде и только, после удвоения состава действительных членов за счёт притока крупных научных сил при выборах 1929 г., начинала своё преобразование. Она делала первые шаги на пути превращения из замкнутого храма науки в центр научно-исследовательской работы всего Союза. Возраст и болезнь Президента А.П. Карпинского заставили Владимира Леонтьевича сразу же принять самое деятельное участие в реорганизации Академии.*

В это время Академия состояла только из двух Отделений – Физико-математических и естественных наук и Общественных наук. Внутри Отделений отрасли знания ничем не были объединены, каждый учёный работал сам по себе, не было общего плана и координации. Очередной задачей было объединить всех сотрудников, поставить все отрасли знания на службу государству, на всестороннюю помощь великому социалистическому строительству, в соответствии с задачами начавшихся Сталинских пятилеток. Организовались группы наук, затем ассоциации этих групп, началось сближение учёных и их научной деятельности, учёт общих задач и интересов, а в связи с этим организация новых комиссий, комитетов, лабораторий, институтов и быстрый рост числа научных сотрудников. Эта организационная работа, руководимая Владимиром Леонтьевичем, привела к учреждению сначала третьего Отделения – Технических наук, а затем к разделению Академии Наук на восемь Отделений, каждое из которых объединило

родственные отрасли знаний. Владимир Леонтьевич встал сам во главе наиболее близкого ему по специальности Отделения биологических наук» [Обручев, 1945, с. 32].

Будучи вице-президентом АН СССР, Комаров оставался председателем Тихоокеанского комитета (с 1927 г.), комиссий по изучению Якутии (с. 1927 г.) и Байкала (с 1928 г.), членом Комиссии экспедиционных исследований (с 1928 г.), академиком-секретарем Отделения физико-математических наук и естественных наук (с 1929 г.); в 1930 г. он был назначен председателем комиссии по изучению Монголии, директором Ботанического и Лесного музеев, возглавил Русское ботаническое общество, с 1931 г. стал председателем Комиссии по организации баз АН на местах, а с 1935 г. – председателем Комиссии по заведению филиалами и базами АН СССР, с 1932 г. – председателем Дальневосточного филиала АН СССР, не прекращая преподавательской и исследовательской работы. Он был членом Дальневосточного крайисполкома, Ленинградского Совета, ВЦИК (с 1935 г.), делегатом VII и Чрезвычайного VIII Всесоюзных съездов Советов, членом редакционной комиссии Сталинской Конституции (утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г.), редактором многих академических изданий.

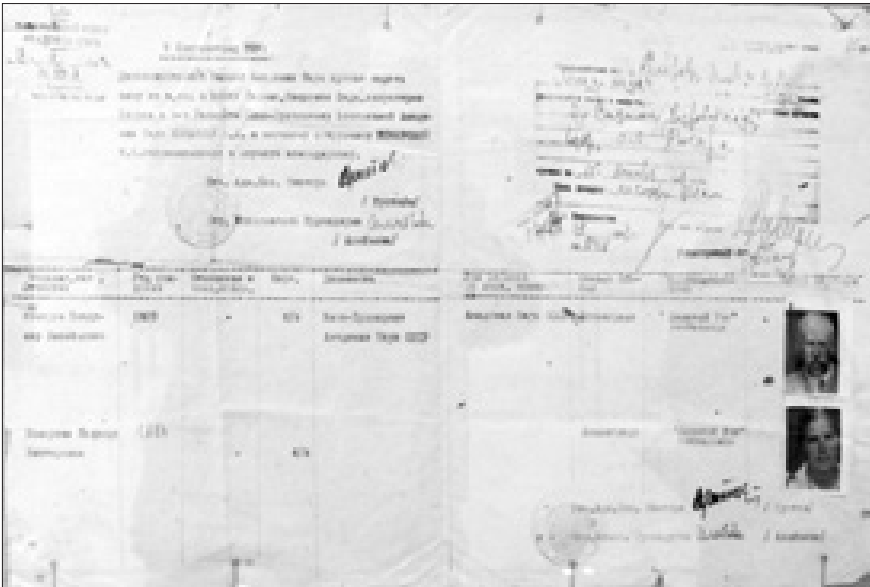
Академик Ферсман отзывался по этому поводу следующим образом: *«По существу будет правильно сказать, что в Академии Владимир Леонтьевич работает больше всех и часто за многих. Затрачивая огромные нервные силы на организационную работу в стенах Академии, дома он ведёт свои научные исследования, следит за научной литературой, переиздаёт учебники, пишет новые учёные труды»* [Ферсман, 1939, с. 20].

<...>

В течение первой половины 1930-х годов В.Л. Комаров ещё имел возможность лично принимать участие в экспедиционных работах. Он был руководителем одного из важнейших экспедиционных исследований – Дальневосточной комплексной экспедиции в 1933 г. В Отчёте АН СССР об итогах экспедиции сказано: *«Задачей экспедиции в целом являлось проведение широкого круга комплексных исследований в связи с проектируемым строительством Байкало-Амурской магистрали, дающих научную основу для*

промышленного, транспортного и сельскохозяйственного освоения центральных районов Дальневосточного края... На основе имеющихся топографических данных и проведённой съёмки дана карта изученной территории. Выявлен ряд месторождений полезных ископаемых и строительных материалов с нанесением на карту и определением качества и возможных геологических запасов (уголь, золото и др.). Выявлена гидрологическая характеристика района, на основе которой дан прогноз в отношении подземных вод и освещены условия использования открытых водоисточников. Установлено территориальное распространение вечной мерзлоты с учётом климатических, геоморфологических и почвенно-ботанических факторов... Освещена почвенно-геоботаническая характеристика на протяжении 450 км и определены общие условия сельскохозяйственного освоения с учётом климатических факторов. Составлена почвенная и геоботаническая карты. Проведено предварительное изучение и картирование лесных насаждений и дана их общая характеристика с точки зрения лесозаготовок. Ценные леса подвергнуты более точному обследованию с составлением плана их промышленного освоения. Определены значение и характер главных и первоочередных сплавных рек. Кроме того, сверх плана проведены многочисленные консультации по особо сложным вопросам строительства в различных районах. Следует отметить героическую гибель во время полевых работ начальника геологического отряда В.М. Круглова, ценой своей жизни пытавшегося спасти во время пожара материалы произведённых исследований. В целом по масштабу, сложности и темпам выполнения поставленных задач Дальневосточная экспедиция может быть отмечена как бесспорный показатель применения АН комплексного метода к экспедиционным исследованиям» [Июдоко, 1988, с. 256–257].

Комаров занимался полевыми исследованиями и во время заграничных командировок и поездок на лечение. Супруга Владимира Леонтьевича оставила в связи с этим следующую запись: «Вспоминаются мне и наши поездки с ним во Францию, кот.[орая] его всегда привлекала. Но когда мы ехали туда первый раз, Вл. Л. в 1934 г. опасался, что мы мало увидим нетронутой природы, слишком всё будет закультивировано, но наши опасения быстро рассеялись,

Заявка ДВФ АН СССР в Погранотряд ГПУ на выдачу визы В.Л. и Н.В. Комаровым для посещения районов Приморского края [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 35. Л. 24, 25]

когда мы попали на юг Франции, на берег Средиземного моря. Лишь узкая полоса по берегу моря закультивирована и застроена богатыми отелями и виллами. Можно очень быстро с помощью автобусов, кот. чрезвычайно распространены там, добраться до мест совсем диких, по которым вы можете бродить и собирать растения. С каким интересом Вл. Л. рассматривал растительность, среди которой находил то, что в природе он до сих пор не видал. ... Папки с гербарием очень быстро росли. Возникал вопрос, как их отправить в Ленинград. Справляемся на почте, говорят, можно, но вот тут-то и начинаются препятствия, оказывается, всюду вы можете отправить посылку хотя бы просто в обёрточной бумаге, но в Россию нет, этого нельзя, "у вас будут всё бросать", надо упаковать в ящик. Ну наконец всё устроено и гербарий отправлен. Можно ехать дальше и собирать ещё. Так, переезжая с места на место и объездив значительную часть южной Франции, Вл. Л. собрал и отправил большой гербарий, кот. находится сейчас в БИН'е (Ботанический институт — авт.). Вспоминается одна экскурсия

в горах “Эстжем” – хребет вдоль Средиземного моря. – Идём по тропинке, кот. поднимается все выше и выше. Наконец тропинка выводит на осыпь и сама теряется в ней. Вл. Л., недолго думая, начинает карабкаться на эту осыпь, говоря, что здесь-то особенно интересно проследить, как, какими растениями идёт закрепление этой осыпи. Он лезет вверх, а камни из под его ног катятся вниз, да и вся осыпь ползёт, я зову его – все напрасно – тогда и мне ничего не остаётся, как ползти тоже вверх – тогда он бранится и спускается вниз. В последние годы своей жизни Вл. Л. попал на Кавказ, и конечно сразу он увлёк его своим разнообразием горных маршрутов и своею растительностью. К сожалению, здоровье его уже было сильно подорвано и он уже не смог изучить Кавказ, как бы он этого хотел...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 19, 20].

В 1935 г. Комаров организует Камчатскую комплексную экспедицию. Несмотря на то, что В.Л. Комаров после 1909 г. сам не посещал больше Камчатку, но именно он был вдохновителем и организатором учреждённой Академией наук СССР в 1935 г. Камчатской комплексной экспедиции. «Уже будучи вице-президентом Академии Наук СССР, В.Л. Комаров лично подбирал состав этой экспедиции. Она работала на Камчатке в 1935 и 1936 гг. Владимир Леонтьевич с необычайным интересом следил за сборами экспедиции в путь, за её работой на месте и за ходом оформления результатов её работ. Значительными памятниками его творческой научной деятельности останутся, в частности, выполненная им редакция многочисленных трудов Камчатской экспедиции, а также созданная по его предложению в Ключевском районе Камчатки постоянная вулканологическая станция» [Павлов, 1951, с. 148].

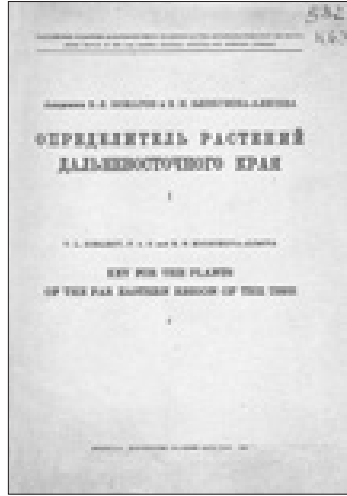
<...>

В 1930–1935 гг. В.Л. Комаров четыре раза (1930, 1932, 1933, 1935) посещал Дальневосточный филиал АН СССР, где он был председателем. В воспоминаниях дальневосточных учёных Владимир Леонтьевич предстаёт перед нами простым в общении и отзывчивым руководителем, несмотря на свой высокий пост в Академии. Кроме всего прочего, В.Л. Комаров отличался удивительной скромностью. В своих воспоминаниях З.И. Гутникова приводит со слов ученицы Комарова Е.Н. Клобуковой-Алисовой следующий случай:

«Евгения Николаевна довольно часто рассказывала нам, тогда юным практикантам Ботанического кабинета Южно-Уссурийского отделения Государственного русского географического общества, об увлечённости Владимира Леонтьевича наукой, талантливости его, о необычайном трудолюбии и большой скромности. Находясь в регулярной переписке с ним, она всегда была в курсе его ближайших дел и намерений. И вот однажды Евгения Николаевна сообщила нам, что летом 1930 г. Владимир Леонтьевич собирается посетить Южно-Уссурийский (ныне Приморский) край. И действительно, в августе он прибыл в г. Уссурийск (в прошлом Никольск-Уссурийский), где находи-

лось Географическое общество, с которым у учёного были давние деловые контакты. В этой связи в моей памяти сохранился эпизод, рассказанный Евгенией Николаевной. Высадившись в полночь на перроне уссурийского вокзала, супруги Комаровы по досадному недоразумению никем не были встречены. Взяв извозчика, они добрались до дома, где проживала Е.Н. Клобукова-Алисова. Однако, несмотря на дождь, не захотели беспокоить хозяйку и с 4 до 7 часов простояли у двери её квартиры» [Гутникова, 1971, с. 42–43].

В.Л. Комаров был наделён удивительным самообладанием. Т.П. Самойлов* по этому поводу приводит эпизод, свидетелем которого он был: «В период его (В.Л. Комарова – авт.) пребывания в заповеднике произошёл один весьма острый инцидент. Начальник охраны тов. Покарни спустился в 20 м от нашего лагеря

Обложка книги В.Л. Комарова и Е.Н. Клобуковой-Алисовой «Определитель растений Дальневосточного края». [Л.: Изд-во АН СССР, 1931]

* Самойлов Тит Петрович (1906–1979) – энтомолог, ботаник, окончил курсы Ленинградского университета, учился на кафедре академика В.Л. Комарова. В 1932 г. принял участие в организации Горнотаёжной станции (ГТС), в 1935–1938 и в 1945–1967 гг. – директор ГТС, вместе с супругой Самойловой (в дев. – Торба) Таисией Васильевной (1908–1998) создал дендрарий ГТС [Фисенко, 2013, 2016].

Чествование героев-челюскинцев на Красной площади в Москве, 1934 г.
Справа – член-корреспондент АН СССР, будущий академик О.Ю. Шмидт.
[<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000125/st025.shtml>]

к р. Сунутинке напиться воды и положил возле себя карабин. Через 10 минут он подошёл к нам бледный и рассказал дрожащим голосом, что его заставили поднять руки вверх, не оборачиваться в течение 10 минут и взяли карабин. Создалась паника, а Владимир Леонтьевич совершенно спокойно сказал: "Им нужно было оружие, а не мы. Продолжайте спокойно работать"» [Самойлов, 1971, с. 25].

В своих воспоминаниях о В.Л. Комарове известный биолог и геоботаник Г.Э. Куренцова отмечает: «Во время экскурсии по заповеднику В.Л. Комаров увлекательно рассказывал, как он впервые побывал в этих местах, что здесь изменилось, говорил о развитии науки на Дальнем Востоке, увидев то или иное растение, рассказывал о его свойствах. Мне, помню, нужно было узнать видовое название одного травянистого растения, часто встречающегося в лесах заповедника. Я знала, что это подмаренник, но какой вид, определить не могла. Спросила у Владимира Леонтьевича, он тотчас сказал, что это подмаренник даурский, и тут же показал небольшое растение и лукаво спросил: "А это что?". К счастью я знала, что

это всход липы и быстро ответила. Академик остался доволен. Так, экскурсируя, оживлённо разговаривая, мы совершенно забыли, что с нами учёный с мировым именем, вице-президент Академии наук. Держал он себя удивительно просто, вспоминал некоторые эпизоды из своих путешествий по Маньчжурии, Северной Корее. На следующее утро В.Л. Комаров захотел посетить Солонцовские скалы на водоразделе ключей Солонцового и Туровой Пади. На этих скалах в 1932 г. ботаник А.М. Скибинская – сотрудница ГТС нашла новое для Приморья, оригинальное растение из семейства крапивных – жирардинию остроконечную, произрастающую в Юго-Восточной Азии, на п-ове Корея, в Китае. Это крупный однолетник с широкими листьями, сплошь покрытый длинными, жгучими волосками. На склонах чаще других приходилось бывать мне и пришлось быть проводником. Владимир Леонтьевич с большим удовольствием собирал в гербарий жирардинию и другие интересные растения: полынь золотистую, описанную им как новый вид, крошечную парietарию мелкоцветковую и другие виды. Не обошлось и без приключения: Д.П. Воробьёв (известный дальневосточный ботаник, в 1934 г. он стал вторым директором Горнотаёжной станции – авт.), желая показать растение, стал взбираться вверх по каменистой россыпи. Вдруг из под его ноги сорвался камень и с шумом покатился вниз, прямо к тому месту, где стоял Владимир Леонтьевич. Продолжалось это одно мгновение, все

Уссурийский заповедник, Солонцовские скалы на водоразделе ключей Солонцового и Туровой Пади. Фото В. Богатова, сентябрь 2012 г.

ахнули, но, к счастью, камень чуть отклонился и попал в мою ногу. Так всё закончилось лёгким испугом. Хотя, если бы камень угодил даже в В.Л. Комарова, он бы не рассердился: ведь сам прошёл многие сотни километров по горам и степям, знал, какие случайности могут произойти в любую минуту.

На следующий день предстоял обратный путь в Кондратенково. Мы медленно продвигались вперёд... Вскоре мы достигли последнего брода через Супутинку, где в ожидании В.Л. Комарова стояла машина. Ю.М. Онищенко, не привыкший к длительным пешим маршрутам, предложил воспользоваться ею, доехать до Кондратенково. На наши протесты, что это неудобно делать, т.к. скоро должен прибыть академик, ответил, что хозяин машины он и имеет право распоряжаться. Скрепя сердцем, мы сели в машину и через 10–15 минут подъезжали к селу. Навстречу вышла улыбающаяся Надежда Викторовна (супруга Комарова – авт.), уверенная, что это едет сам Владимир Леонтьевич. Тут уже и “храбрый” Ю.М. Онищенко смутился: выскочил из машины, стал объяснять, что мы специально поехали вперёд, чтобы предупредить о скором приезде учёного и т.д., что машина сию же минуту поедет за ним обратно. Но... этому не суждено было осуществиться, т.к. шофёр заявил, что горючее кончилось, надо ехать заправляться. Короче говоря, пока он заправлялся, Владимира Леонтьевича привезли на простой телеге. Нетрудно представить, в каком положении оказались мы, только что начинавшие работать ботаники; приехали на машине академика, тогда как он сам из-за нас трясся на подводе... В этот день предполагался торжественный обед в честь не только приезда Владимира Леонтьевича Комарова, но и по случаю рождения дочери у четы Воробьёвых. Все сотрудники, конечно, должны были там присутствовать, а тут такой конфуз! К счастью, в дело вмешался Артемий Сергеевич Порецкий*.

* **Артемий Сергеевич Порецкий** (28.01.1901–15.02.1942) геоботаник, кандидат биол. наук. С 1933 г. до августа 1937 г. занимал должность заведующего сектором геоботаники, флоры и почвоведения, позднее Ботаническим сектором Дальневосточного филиала АН СССР, а с 1937 г. назначен учёным секретарём Дальневосточного отделения Академии наук. 21 августа 1937 г. одновременно с другими сотрудниками он был арестован Управлением НКВД по делу № 17013 «О контрреволюционной шпионско-вредительской организации, действовавшей в Дальневосточном филиале АН», сидел в ГУЛАГе. За него хлопотал лично президент АН СССР, академик

В.Л. Комаров с А.С. Порецким в Уссурийском крае, 1935 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 19. Л. 1]

Он пришёл за ними, сказал, что Владимир Леонтьевич ничуть не обиделся, хочет обедать со всем коллективом. Скрепя сердце, пошли мы к столу, и действительно всё прошло прекрасно. Академик был весёлый и доброжелательный и даже предложил тост “за молодых, растущих ботаников”... В тот памятный день все предлагали тосты за расцвет науки на Дальнем Востоке, за его кормчего – академика В.Л. Комарова. Последний охотно чокался, выпив рюмку, морщился, нюхал кусочек хлеба, как это принято, и лишь спустя порядочно времени выяснилось, что пил он совсем не водку, а обыкновенную воду, т.к. по состоянию здоровья не мог употреблять алкогольные напитки... После обеда все разошлись счастливые и довольные, а на следующий день проводили с добрыми пожеланиями В.Л. Комарова в Ленинград, где он тогда жил. Позже ему не пришлось приехать на любимый Дальний Восток, т.к. он был избран Президентом Академии; ответственные дела

В.Л. Комаров, и в 1941 г. пришло извещение о реабилитации. Однако пересмотр дела затянули, и оно было прекращено в связи с кончиной Порецкого, последовавшей 15 февраля 1942 г. в Магадане.

не позволяли отрываться от столицы. Но связи оставались самыми тесными» [Куренцова, 1971, с. 37–39].

До конца своей жизни Владимир Леонтьевич живо интересовался состоянием дел на Дальнем Востоке и всегда был рад гостям оттуда. Вот как отзывался о подобных встречах Т.П. Самойлов: «Осенью 1934 г. мне с женой Таусией Васильевной Самойловой представилась возможность выехать в научную командировку и отпуск в Ленинград. Узнав о нашем приезде, Владимир Леонтьевич сразу же поселил нас в своём доме, где мы жили на всём готовом шесть месяцев. Наши попытки перейти в Дом учёных наталкивались на резкое с его стороны сопротивление... Во время нашего проживания у В.Л. Комарова мы ещё раз убедились в огромной его работоспособности. Он ежедневно далеко за полночь просиживал в рабочем кабинете, печатая на машинке или просматривая гербарные листы. Со всей полнотой нам стала ясна и его любовь к простым людям. Мы явились свидетелями того, что ежемесячно 20 числа Надежда Викторовна готовила конверты с деньгами, которые затем няня передавала бывшим служителям гербария, сторожам и другим лицам...» [Самойлов, 1971, с. 27–28].

А это воспоминание о встречах с Комаровым в Ленинграде Д.П. Воробьёва: «После 1936 г. Владимир Леонтьевич больше

Проездной билет В.Л. Комарова в Ленинграде, 1934 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]

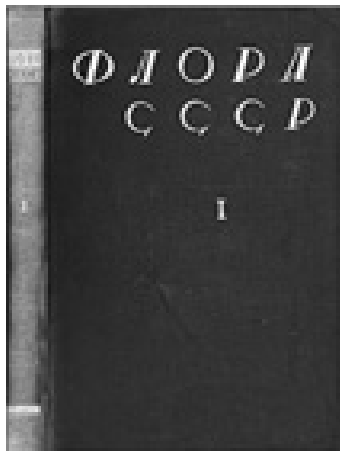
не был на Дальнем Востоке. Но каждый раз, когда кто-нибудь из дальневосточных ботаников приезжал в Ленинград, обязательно приглашал к себе.

В один из приездов я узнал, что В.Л. Комаров болен, очень занят и никого не принимает. Я всё выжидал подходящего момента, чтобы его навестить. Но вот срок командировки подошёл к концу. Позвонил домой Надежде Викторовне Комаровой, но трубку снял сам Владимир Леонтьевич. “А кто это просит Надежду Викторовну? Ах это Вы, а Владимир Леонтьевич Вам больше не нужен?” Я очень растерялся и не знал, что ответить, но он уже назначил явиться вечером к себе и сказал: “Чтобы впредь этого не было, звонить ко мне надо по приезду, а не в день отъезда!”. Он очень подробно расспрашивал о всех дальневосточниках, помнил даже имена наших детей. Много расспрашивал о распространении и экологии различных видов, причём из самых разных семейств.

Однажды я был у Комарова вечером на обеде. Кроме меня, у них никого не было. Я передал привезённые с Дальнего Востока письма и образцы дальневосточных вин, изготовленных на Горно-таёжной станции. Всего было 4 или 5 бутылок. Одну из бутылок он распечатал и налил всем по рюмке. “А остальное – сказал, – я спрячу и буду угощать академиков и товарищей с Кавказа, пусть знают, что на Дальнем Востоке можно делать хорошее вино”. Обед подходил к концу, когда принесли очередную почту. Почтальона пригласили к письменному столу, куда он и выложил почти всё содержимое своей сумки. Надежда Викторовна быстро рассортировала почту. Владимир Леонтьевич начал просматривать журналы и вдруг заметил отложенную пачку в 10–15 писем. Оказалось, что это письма Владимиру Леонтьевичу как депутату Верховного Совета СССР. Он тотчас же их взял, засмеялся и сказал: “Надежда Викторовна всё забывает, что депутат я, а не она”. Среди почты оказалось 5–6 книг с дарственными надписями, их Владимир Леонтьевич поставил в отдельный шкаф. В этом шкафу было несколько полок с книгами на грузинском, армянском и других языках, которыми академик не владел. Он сказал: “Вот сколько книг, а прочесть не могу, а ведь много и таких, которых на русском языке нет” » [Воробьёв, 1971, с. 48–49].

<...>

Только необыкновенной энергией и великолепным знанием системы работы учреждений АН СССР можно объяснить то, что В.Л. Комаров не только успешно справлялся со своими служебными обязанностями вице-президента, но и принимал личное участие в экспедициях, занимался научной и редакторской деятельностью.

Упомянем лишь один проект, который на протяжении многих лет возглавлял Владимир Леонтьевич. В феврале 1931 г. на Всесоюзной геоботанической конференции, проходившей в Ленинграде, В.Л. Комаров выступил с докладом «Цели и задачи издания «Флоры СССР»», а заведующий гербарием профессор Б.А. Федченко – с сообщением «Порядок выполнения работ по «Флоре СССР»». Столь грандиозный замысел был с воодушевлением поддержан участниками конференции. В этом фундаментальном издании была воплощена идея Владимира Леонтьевича,

высказанная им ещё в 1921 г. на I Всероссийском съезде русских ботаников, о создании русской бинарной номенклатуры (русских названий растений), наряду с латинской. Первые два тома «Флоры СССР» вышли в 1934 г. В.Л. Комарову в первом томе принадлежали характеристика отделов и подотделов, таблицы для определения порядков и семейств однодольных и др., обработка всех хвойных пород и обширное предисловие, определяющее весь порядок предстоящей работы. «Флора СССР» – это 30-томный фундаментальный коллективный труд советских ботаников, издававшийся на протяжении 30 лет (1934–1964), содержащий описания всех дикорастущих высших растений, произрастающих на территории Советского Союза, а также ключи для определения растений и монографические обработки многих таксонов. Под непосредственной редакцией Комарова было издано 13 томов, причём 12-й и 13-й тома увидели свет уже после смерти Владимира Леонтьевича (в 1946 и 1947 гг. соответственно). Необходимо подчеркнуть, что научное и практическое

значение «Флоры СССР» состояло в том, что она явилась исключительно важным источником сведений о всей совокупности высших растений, обитающих на территории бывшего СССР и поныне составляет первооснову всех знаний о растениях для дальнейшего более углублённого их изучения в бореальной и умеренной зонах Северного полушария.

<...>

В 1934 г. В.Л. Комаров избирается почётным членом Ботанического общества Японии, а в 1935 г. — членом Национального географического общества США, одной из крупнейших мировых научных и образовательных организаций, основанной 27 января 1888 г. в Вашингтоне. Подобные избрания подчеркнули выдающиеся заслуги и высокий международный авторитет Владимира Леонтьевича как учёного и путешественника*.

<...>

Начиная с 1934 г. и до избрания В.Л. Комарова президентом Академии наук в жизни Академии произошёл ряд событий, которые существенно сказались на её деятельности. Так, 25 апреля 1934 г. Совнарком СССР принял постановление, подписанное В.М. Молотовым, о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву с целью «дальнейшего приближения всей работы Академии наук к научному обслуживанию социалистического строительства». Надо отметить, что перевод Академии наук в Москву был вполне оправдан, несмотря на то, что за два без малого века существования Императорской академии наук именно в Санкт-Петербурге концентрировалась вся российская фундаментальная наука. Известно также, что до 1917 г. в академики избирались лишь те учёные, которые проживали в Петербурге, и только там создавались новые академические научные учреждения. Для тех российских учёных, кто был иногородним, было доступно только звание члена-корреспондента или почётного академика. Лишь после Февральской революции членом Академии наук

* Кроме того, В.Л. Комаров был членом Национального географического общества Франции, Американской академии политических и социальных наук в Филадельфии, Общества изучения Маньчжурского края (Китай), почётным членом Болгарской Академии наук и искусств.

Диплом почётного члена Ботанического общества в Японии [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 31]
Текст на дипломе выглядит следующим образом: «Ботаническое общество Японии
рекомендовало Вас в качестве почётного члена общества резолюцией Генеральной
Ассамблеи от 17 ноября 1934 г. 17 ноября 1934 г. Манабу Миёси (Manabu Miyoshi),
президент Ботанического общества Японии» [перевод Санаи Хоригоме-Богатовой
(Sanae Horigome-Bogatov)]

в марте 1917 г. был избран физик П.П. Лазарев, постоянно работавший в Москве. Он, кстати, стал председателем первого академического учреждения в Москве – Московского отделения Комиссии по изучению естественных производительных сил России, которое было открыто в мае 1918 г. Здесь ещё важно иметь в виду, что после очередных выборов в АН СССР 1929 г. состав Академии удвоился, причём 60% из вновь избранных академиков были москвичами, а после выборов 1930–1932 гг. число академиков, работавших в Москве, стало преобладающим, хотя в столице ещё не было академических научных учреждений. Кроме того, в Москве как столице СССР уже давно находились все наркоматы (министерства) и Госплан, и перевод Академии наук в Москву был жизненно необходимой для развития страны акцией. Сам переезд осуществлялся «в пожарном» порядке, и к октябрю того же года Президиум АН СССР и 14 институтов уже были переведены в Москву. При этом все средства и вся

бухгалтерия АН была переведены в Москву сразу – 25 апреля, затем Моссовету было предписано, не дожидаясь предложений Президиума АН СССР, в декадный срок представить план размещения Академии в Москве. Таким образом, у академиков никто не спрашивал и не собирался спрашивать, что они хотели бы получить в Москве в обмен на свои ленинградские квартиры и институты. Это за них решали по поручению Политбюро товарищи Каганович и Куйбышев [Петухов, 2019].

Интересные воспоминания о переезде самого Комарова в Москву оставила его супруга Надежда Викторовна: *«В 1934 г. Академия Наук была переведена в Москву. Обязанности Вице-президента требовали его постоянного присутствия в Москве. Стало ясно, что жить в Лен-де и постоянно ездить в Москву невозможно, и хотя Вл. Л. очень не хотелось покидать Лен-д, свой любимый Ботан. [ический] институт и пожалуй не менее любимый Университет, всё же пришлось в декабре 1936 г. перебраться в Москву. В Ленинграде мы жили в Ботан.[ическом] Саду, окружённые зеленью и тишиной. И вот мы попадаем на Пятницкую ул. в Замоскворечье. По этой улице идут трамваи, грузовики и прочие виды транспорта, грохот и шум невообразимый, дом весь стрясся. Вы можете себе представить, как мы почувствовали на нашем новом жительстве. Помню, что как-то после одной из бессонных ночей (нужно сказать, что мы почти не спали 1½ месяца) за завтраком я начала ворчать и упрекать Вл. Л. зачем он, будучи президентом, когда всё было в его руках, не отказался от этой квартиры. Вл. Л. взял меня за руку и сказал мне: “Пойдём”. – “Куда пойдём?” – спросила я. – “Ну пойдём недалеко в крайнюю комнату”. И он привёл меня в залу, окна которого выходят на Пятницкую. – “Что ты видишь перед собой?” – “Что вижу – Пятницкую с её грязными домами”. – “Ну что же ты думаешь, что в этих домах не живут?” – “Нет, конечно – вон вижу женщину с ребёнком на руках”. – “Ну так вот – значит живут люди здесь на этой шумной улице, привыкли и верно даже не замечают – чем мы лучше их, такие же люди, значит привыкнем и мы, и ты не волнуйся – мы уже прожили месяц – скоро и ты перестанешь замечать этот шум и трескотню”» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 9–10].*

Дом О. Коробковой (1866; в 1894 г. перестроен архитектором Л.Н. Кекушевым, позднее перестроен архитектором С.С. Шуцманом). В 1935–1936 гг. в особняке на Пятницкой провёл последние годы жизни президент Академии наук СССР А.П. Карпинский, а в 1936–1945 гг. жил академик В.Л. Комаров. С конца 1950-х годов вплоть до 2013 г. особняк занимало посольство Танзании

После переезда Академии наук СССР в столицу в Москве 15–22 декабря 1934 г. состоялась первая сессия Академии. Программа заседаний была так обширна, что только благодаря исключительному уплотнению времени и хорошо поставленной организационной стороне возможно было выполнить весь намеченный объём работ. Общие собрания и заседания обоих отделений Академии математических и естественных наук и общественных наук происходили с участием президента Академии А.П. Карпинского, вице-президента В.Л. Комарова, неперменного секретаря В.П. Волгина, академиков секретарей отделений А.А. Борисяка и А.С. Орлова. В сессии приняло участие 66 действительных членов Академии. Кроме того, в работе сессии участвовали отдельные почётные члены и члены-корреспонденты Академии, а также многочисленные приглашённые лица и научные работники академических учреждений. Наиболее крупными вопросами, стоявшими в повестке сессии, были планы работ на 1935 г., рассмотрение проекта нового устава Академии взамен

Заседание Ботанического кружка Ленинградского государственного университета, 1935 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 27]

ныне действующего, утверждённого Президиумом ЦИК СССР в мае 1930 г., рассмотрение положений о Техническом совете Академии, об Экономическом совещании и Бюро экономических исследований при Совете по изучению природных ресурсов. На этой же сессии В.Л. Комаров был вновь избран председателем Дальневосточного филиала АН СССР.

Следом, в 1935 г., непременный секретарь АН СССР академик В.П. Волгин, являвшийся одной из ключевых фигур в руководстве Академии наук и который вполне успешно справлялся со своими обязанностями, написал письмо И.В. Сталину с просьбой об освобождении его от должности непременного секретаря. В письме он, в частности, подчеркнул, что сложную работу непременного секретаря он всё время вёл один, другие же члены партийной группы лишь «бросали идеи», иногда полезные, иногда фантастические. За пять лет на этом посту Волгин не только не мог продолжать научную работу, но даже не мог читать книги по своей специальности, не мог следить за развитием своей науки. *«Между тем, меня считали в известной узкой области лучшим знатоком предмета... Мне уже 56 лет, и времени для занятия наукой осталось не так много. Ещё*

несколько лет — и я не сумею к науке вернуться». В письме к Сталину Вячеслав Петрович также отметил, что в партийной группе он больше не чувствует былой положительной оценки своей работы. В итоге, на заседании Политбюро, которое проходило 8 августа 1935 г., было предложено освободить тов. Волгина В.П. от должности неперменного секретаря Академии. 20 ноября 1935 г. постановлением Общего собрания АН СССР ему вынесли благодарность за работу в руководящих органах АН СССР и освободили от обязанностей неперменного секретаря. Его место занял бывший управляющий делами СНК СССР Н.П. Горбунов, который в 1935 г. был избран действительным членом Академии наук.

К моменту вступления В.Л. Комарова в президентскую должность произошло ещё одно немаловажное событие: постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 февраля 1936 г. была ликвидирована Коммунистическая академия ЦИК СССР и её учреждения передавались Академии наук СССР. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О ликвидации Коммунистической Академии», в частности, говорилось: *«Ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий, Академии Наук и Коммунистической Академии, и в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки признать целесообразным ликвидацию Коммунистической Академии и передачу её учреждений, институтов и основных работников в Академию наук СССР».*

Но принимая во внимание, что Академия наук СССР на деле стала высшим научным учреждением Советского Союза, объединяющим наиболее выдающихся учёных, положившим в основу своей работы “планомерное использование научных достижений для содействия строительству нового социалистического бесклассового общества” (Устав Академии наук СССР).

В этих условиях дальнейшее обособленное существование Коммунистической академии общественных наук СССР становится излишним, приводящим к параллелизму в научной работе и к распылению научных сил.

Исходя из этого, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР п о с т а н о в л я ю т:

1. Ликвидировать Коммунистическую академию общественных наук Союза ССР со всеми её отделениями и передать её

научно-исследовательские институты с помещениями, оборудованием и библиотеками Академии наук Союза ССР.

2. Поручить президиуму Академии наук Союза ССР в месячный срок определить задачи и структуру каждого института, организуемого в составе отделения общественных наук в связи с передачей институтов Коммунистической академии».

Интересны три пункта приложения к данному постановлению под названием «О порядке проведения ликвидации Коммунистической академии», в котором партийной группе Академии наук даются прямые указания о пополнении состава Академии новыми членами:

«4. Поручить Отделу науки ЦК ВКП(б) совместно с партийной группой Академии Наук СССР в 2-месячный срок укрепить состав научных работников всех институтов отделения общественных наук Академии Наук СССР, особенно Института истории.

5. Поручить партийной группе Академии Наук СССР провести на ближайшей сессии Академии Наук в действительные члены Академии Наук СССР (академиками): Варга Е.С., Пашуканис Е.В., Радек К.

6. Поручить партийной группе Академии Наук СССР провести на ближайшей сессии Академии Наук членами-корреспондентами Академии Наук СССР следующих руководящих работников Комакадемии: Бермана Я.Л., Верменичева И.Д., Керженцева И.М., Крицмана Л.Н., Крумина Г.И., Кубанина М.И., Островитянова К.В., Ротштейна Ф.А., Рубинштейна М.И., Митина М.Б., Лурье Д.Г., Квинринга Эм.И., Борилина Б.С., Баранского Н.Н., Мендельсона Л.» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 248–249].

Если внутрипартийная борьба, за которой следовали политические репрессии, раньше сотрясала в основном Комакадемию, то теперь этот стиль отношений переносился в Академию наук. В этом плане интересна справка «Об укреплении кадрами Отделения общественных наук Академии наук СССР», направленная в ЦК ВКП(б) и подписанная зав. Отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) Бауманом (без даты). Приведём её полный текст: «Крайне тяжёлое состояние с научными и педагогическими кадрами в области социально-экономических дисциплин требует срочных мер по укреплению этого важного идеологического участка проверенными, партийно-выдержанными работниками.

В настоящее время по ряду социально-экономических дисциплин имеются лишь единицы квалифицированных в научном отношении людей. Особенно тяжёлое положение по истории народов СССР и истории Запада, где на ряде крупных кафедр (Москва, Ленинград) руководители отсутствуют.

Аресты значительной группы среди научных работников, произведённые органами НКВД (по отделению общественных наук в Москве и Ленинграде около 60 чел.), вскрыли исключительную засорённость враждебными элементами научных кадров в учреждениях общественного отделения Академии Наук СССР.

Создавшееся положение с кадрами социально-экономических дисциплин является в значительной степени результатом того, что делу подбора научных кадров уделялось крайне мало внимания.

Практика последних лет сложилась таким образом, что наиболее партийно-ценные работники из научных учреждений и окончивших ИКП, имеющих серьёзную научную подготовку, откомандировывались на партийную и советскую работу (Гайстер, Рубинштейн, Гусев, Муругов, Алыпов, Таганский, Коршунов, Никаноров, Зеймаль, Юдин, Маегов, Фрумкина и др.).

Большая группа слушателей ИКП (около 300 чел.), которая должна была явиться значительным резервом для научной и педагогической работы, была мобилизована с 2–3-го курса в политотделы в период 1933–1934 гг.

С другой стороны при командировании на научную работу практиковалась посылка людей, участвовавших в оппозициях.

Ряд активных троцкистов после их снятия с научной работы в течение 1931–35 г. вновь возвратилась на научную работу (Рубач, Жаков, Ванаг, Фридлянд).

Руководящие научные организации без разбора принимали этих людей на работу и даже ходатайствовали перед ЦК о посылке таких людей. Так, например, Президиум б. Комакадемии и дирекция Института истории настаивали в 1934 г. перед ЦК о посылке 25 человек историков на научную работу, из которых теперь 8 чел. оказались врагами народа. Даже в 1936 г. в заявке дирекции Ин-та истории в Отдел Науки ЦК о командировании на научную работу, которая была отклонена Отделом Науки, были включены ряд людей, оказавшихся активными участниками контрреволюционной

троцкистско-зиновьевской банды (Фридлянд, Далин, Дубровский, Ловинский, Тихомиров, Попов, Граве и др.). В общественных институтах Академии наук СССР (Институт истории и [Институт] истории науки и техники) Бухарин и Волгин в течение 1932–35 гг. фактически бесконтрольно насаждали своих людей.

Враги партии, орудовавшие на научном фронте, захватившие в свои руки ряд участков, занимая руководящие должности (Дубровский был деканом Исторического факультета ЛГУ, Фридлянд – деканом Истфака МГУ, Пионтковский – Зав. кафедрой Историко-философского ин-та).

В настоящее время для научных учреждений в области социально-экономических дисциплин со всей остротой встаёт задача подбора руководящих кадров и более смелого выдвижения молодых научных сил, как из партийного, так и беспартийного молодняка, работающего сейчас на научной и педагогической работе. Необходимо также привлечь в Институты ряд старых беспартийных специалистов, в частности из историков, которых можно использовать для разработки отдельных конкретных тем (Тарле, Пичета, Бахрушин).

Для того, чтобы обеспечить выполнение этой задачи, а также задачи подготовки кадров, необходимо создать в каждом Институте руководящее ядро из партийных людей. Среди наличного состава научных работников невозможно подобрать такое ядро. Встаёт крайняя необходимость возвращения группы работников с партийной и советской работы на руководящую научную работу.

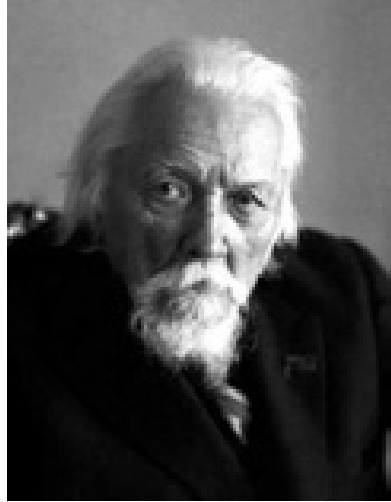
Перевод группы работников с практической работы на научную несомненно встретит возражения организаций, где работают эти работники. Но на это надо пойти обязательно, так как иначе крайне затруднительно разрешить важнейшие задачи, стоящие перед общественным отделением Академии Наук и другими социально-экономическими научными и учебными учреждениями.

В соответствии с этим Отдел Науки ЦК ВКП(б) вносит предложение о переводе следующей группы работников на научную работу в Москве и Ленинграде. (Список прилагается). [АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 7–10].

<...>

15 июля 1936 г. в Удельном, близ Москвы, в возрасте 89 лет скончался президент АН СССР академик Александр Петрович Карпинский.

В Обращении Академии наук СССР к научным работникам Союза по поводу кончины Александра Петровича Карпинского, подписанном 69 членами Академии, было сказано: *«Академия Наук скорбит со всей страной о потере, понесённой советской наукой. Она чтит имя Александра Петровича, сочетавшего скромность великого учёного, творца новых идей и новых научных путей с достоинством гражданина Советской страны. Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик призывает научных работников Союза следовать этому примеру гражданина и учёного, безраздельно отдавшего свои силы, свои мысли и энергию служению стране социализма. Она призывает сплотить молодые силы нашей страны вокруг тех великих идей, которые внесла в мировую науку Великая Октябрьская Революция и которые воспринял и проводил в жизнь Александр Петрович Карпинский. Образ этого человека пусть останется ведущим примером в нашей дальнейшей работе»* [Обращение..., 1936, с. 3–4].

Академик А.П. Карпинский,
1936 г.

Надо отметить, что первым в списке Обращения Академии стоит подпись академика Комарова. В то же время на траурном митинге на Красной площади во время похорон А.П. Карпинского от имени Академии наук СССР выступил академик Г.М. Кржижановский. Приведём из этого выступления несколько выдержек: *«Кончина А.П. Карпинского – тяжёлая потеря для Академии Наук. Несмотря на свой преклонный возраст, он всегда был для нас ярким, живым примером изумительного труженика, не щадившего своих сил для честного выполнения своего долга...»*

...Он отдавал себе ясный отчёт в том, какой великий социальный заказ выполняет он на своём высоком посту академика и президента...

...Страна наша знает, какие надежды мы связываем с переходом Академии Наук в Москву, с новой полосой её работ на гранях третьей пятилетки.

По ведущим лозунгам вождя народов товарища Сталина мы должны в кратчайший срок овладеть всеми сокровищницами мировой техники, мы должны развить максимальную энергию в деле всестороннего подъёма квалификации наших мощных трудовых кадров и в борьбе за высшие формы социалистической культуры вовсю использовать остро отточенное оружие науки.

Вся та громадная работа тысячами нитей связана с новым строем нашей научной работы, с перестройкой её высшего научного штаба – Всесоюзной Академии Наук, с её развитием, ростом и укреплением. Здесь ещё необозримое поле работы. Надо закрепить за советской наукой достойное место в мировом научном соревновании. Надо выровнять самые темпы научной работы в соответствии с высокими темпами всего нашего социалистического строительства. Надо заботливо крепить связи высокой теории и широкой практики. Надо зорко следить за ведущими позициями мировой культуры, честно неся научную вахту на службе труда и обороны страны социализма, деятельно защищая всем мощным оружием науки славный, но трудный подъём миллионов трудящихся к развёрнутому социализму, к свободной, светлой и радостной жизни.

Для успеха на всех этих путях нашей научной работы требуется немалая ломка, немалая борьба со старыми академическими навыками замкнутого в себе кустарничества и партизанины. Мы знаем, что в этих направлениях мы сделали только первые шаги. Однако всякое начало трудно, и в этот трудный значительный период нашего переустройства нашим верным другом и соратником был наш престарелый президент, наш дорогой и так трогательно не щадивший своих последних сил Александр Петрович Карпинский.

Он умирал тихо и спокойно. Он знал, что советская власть, которую он считал самой справедливой властью на земле, обеспечит

все условия для неслыханного расцвета науки, той подлинной науки, служению которой он отдал все свои силы.

Он знал, что могучие силы нашей партии, гении Ленина и Сталина обеспечат небывалый подход к великим сокровищницам науки тысячам и тысячам новых талантов, тысячам и тысячам новых лучших сил и громадных толщ наших народных масс.

Пусть светлая память об этом великом учёном и честном советском гражданине послужит ведущим, ободряющим примером для ныне уже многотысячных отрядов научных работников нашей страны.

В неразрывном единстве с монолитной ратью миллионов наших трудящихся пойдём на штурм сияющих высот знания. Пойдём на этот штурм под победными знамёнами Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина и дружными усилиями всего коллектива нашей великой родины построим новое величественное здание свободной от цепей прошлого советской науки на благо, на процветание, на счастье страны Советов» [Кржижановский, 1936, с. 9–11].

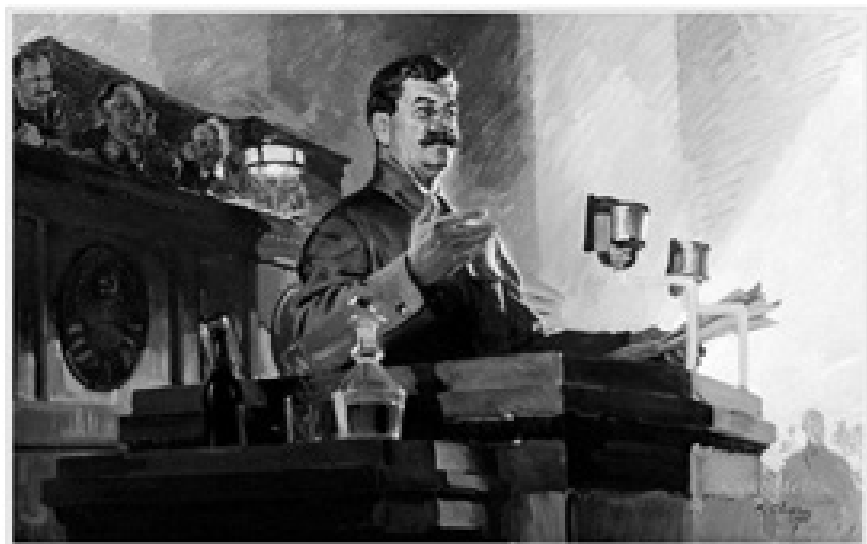
В похоронах академика участвовали руководители СССР и лично И.В. Сталин. Урна с прахом А.П. Карпинского была установлена в центре Москвы в Кремлёвской стене.

Год 1936-й завершался принятием новой Конституции на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР, который проходил

Члены Правительства на похоронах акад. А.П. Карпинского 17 июля 1936 г.
Фото из: [Вестник АН СССР, 1936, № 7]

Картина «Доклад Сталина о принятии Конституции 1936 г.».
Художник Сварог Василий Семёнович (Россия, 1883–1946)

Делегаты съезда Советов голосуют за принятие Конституции СССР.
[<https://navsifoy.livejournal.com/347788.html>]

Сессия АН СССР, декабрь 1936 г. Президент АН СССР В.Л. Комаров; *справа от Комарова* вице-президенты АН СССР: Г.М. Кржижановский, И.М. Губкин (*во втором ряду*), Э.В. Брицке [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 20. Л. 8]

в Москве с 25 ноября по 5 декабря. В.Л. Комаров был не только делегатом съезда, но и членом редакционной комиссии Сталинской Конституции. Впервые в истории Советского государства Конституция 1936 г. всем гражданам предоставляла равные права. Провозглашалась свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, а также неприкосновенность личности и тайна переписки. В статье 126 раздела «Основные права и обязанности граждан» Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) впервые становилась представителем «руководящего ядра» всех общественных и государственных организаций трудящихся. Новая Конституция впервые законодательно закрепила правовое положение ВКП(б) как руководящей и направляющей силы советского общества. С этого момента началась интенсивная перестройка всей системы органов власти и управления в соответствии с Основным законом. Коснулось эта перестройка и Академии наук СССР.

Выборы Комарова президентом Академии наук состоялись на Общем собрании АН СССР 28–29 декабря 1936 г.

Наступал 1937 г., который историки назовут временем начала «Большого террора» – периода наиболее массовых политических (сталинских) репрессий в СССР 1937–1938 гг.

8. «МЕРА СУРОВАЯ И ТЯЖКАЯ»

На общем собрании АН СССР 29 декабря 1936 г. были исключены из состава Академии академики Владимир Николаевич Ипатьев и Алексей Евгеньевич Чичибабин. Несколькими днями ранее в газете «Правда» от 21 декабря 1936 г. была опубликована статья В.Л. Комарова «Академики-невозвращенцы», которая начиналась фразами: *«Их два, оба — известные химики, по роду своих специальных знаний очень нужные нашей стране люди, но их нет, с нами они не работают, нам в нашем строительстве не помогают; законы нашей страны они не нарушили. Что с ними делать?»*

С одной стороны, академики В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин — оба крупные учёные, и терять их не следует; с другой стороны, как быть с гражданами, которые так плохо понимают свои обязанности перед страной, как это делают названные академики?»

Фрагмент статьи В.Л. Комарова в газете «Правда» от 21 декабря 1936 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 101. Л. 7]

Сессия вынесла по этому вопросу единственно возможное решение:

**О ЛИШЕНИИ ИПАТЬЕВА В.Н. ЗВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР**

**Постановление общего собрания Академии Наук Союза ССР
от 29 декабря 1936 г.**

С 1927 г. действительный член Академии Наук Союза ССР В.Н. Ипатьев находится за границей. В.Н. Ипатьев сообщил Президиуму Академии Наук Союза ССР, что считает невозможным в настоящее время вернуться на родину и возобновить работу в Академии Наук, так как связан контрактом с иностранной коммерческой фирмой.

Отказываясь возвратиться к работе в Академии Наук, решительно предпочитая работать в иностранной коммерческой фирме, В.Н. Ипатьев грубо нарушает основной долг каждого гражданина Союза ССР – трудиться на благо своей родины.

Считая поведение В.Н. Ипатьева явно несовместимым с достоинством советского гражданина и тем более с званием действительного члена Академии Наук, Общее собрание Академии Наук Союза ССР, в соответствии с § 24 Устава Академии, постановляет:

лишит В.Н. Ипатьева звания действительного члена Академии Наук Союза ССР.

**О ЛИШЕНИИ ЧИЧИБАБИНА А.Е. ЗВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО
ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР**

**Постановление общего собрания Академии Наук Союза ССР
от 29 декабря 1936 г.**

Действительный член Академии Наук Союза ССР А.Е. Чичибабин в 1930 г. выехал за границу и до настоящего времени остаётся за пределами Союза ССР.

Академия Наук Союза ССР неоднократно ставила А.Е. Чичибабина в известность о необходимости вернуться к работе в Академию Наук. А.Е. Чичибабин, уклонявшийся долгое время от прямого ответа, в последнем письме сообщил об отказе вернуться, ссылаясь на то, что Академия Наук не предоставит необходимых условий для дальнейшей работы.

Аргументация А.Е. Чичибабина является явно неосновательной и не объясняет действительных мотивов его поведения. Предлагаю А.Е. Чичибабину вернуться, Президиум Академии Наук указывал, что «примет все меры к созданию для него благоприятных условий по научной работе и в бытовом отношении».

Считая действия А.Е. Чичибабина несовместимыми с званием действительного члена Академии Наук Союза ССР, Общее собрание Академии Наук Союза ССР, в соответствии с § 24 Устава Академии, постановляет:

лишить А.Е. Чичибабина звания действительного члена Академии Наук Союза ССР.

Газета «Правда» 30 декабря 1936 г. освещала итоги выборной научной сессии АН СССР, на которой новым президентом Академии был избран Комаров. Кроме того, «Правда» сообщала, что на сессии был рассмотрен вопрос «о двух академиках-невозвращенцах». По этому вопросу академик Ферсман огласил присутствующим переписку, которую Академия вела с академиками В.Н. Ипатьевым и А.Е. Чичибабиным, и проект постановления о лишении Ипатьева и Чичибабина звания действительного члена Академии наук СССР. Затем слово было предоставлено профессору Ленинградского института высоких давлений В.В. Ипатьеву. «Правда» писала: *«На трибуну выходит, сдерживая волнение, молодой учёный. Это сын академика В.Н. Ипатьева, продолжатель дела отца в институте, который организован по мысли и инициативе дезертировавшего учёного.*

— Владимир Николаевич Ипатьев, — говорит молодой профессор, — является, с одной стороны, мне отцом, с другой стороны, в течение всей моей деятельности в области химии — моим руководителем. Отсутствие академика Ипатьева первое время сильно сказывалось на деятельности Института высоких давлений. Но сложился в институте настолько энергичный коллектив научных работников, что развитие института не пострадало, и своими достижениями институт может теперь гордиться перед любой иностранной лабораторией.

В качестве сына и заместителя своего отца проф. В.В. Ипатьев не раз писал академику Ипатьеву и просил его вернуться к советской науке. В последний раз он написал резко, напоминая отцу об его долге перед родиной. Свой отказ отец мотивировал двумя

причинами: невозможностью разорвать контракт с иностранной капиталистической фирмой и созданными ему в Америке исключительно благоприятными условиями для научной работы.

— Эти две причины, — говорит Ипатьева сын, — мне, как гражданину Советского Союза, показались особенно оскорбительными. Они не выдерживают никакой критики. Именно в нашем Союзе созданы исключительно благоприятные условия для научной работы. Я могу сказать о себе: в моём распоряжении находится прекрасно оборудованная лаборатория, в которой я могу работать так, как подсказывает мне моё научное творчество.

А для академика Ипатьева были созданы исключительные условия. В 1928 г. он пожелал организовать Институт высоких давлений, и правительство немедленно отпустило огромные средства, в том числе и громадные валютные суммы, чтобы прекрасно оборудовать институт. С каким вниманием был отпразднован здесь его 35-летний юбилей.

Странным представляется его довод, будто не может он разорвать контракт с капиталистической фирмой. Захоти он, и я не сомневаюсь, что советское правительство немедленно помогло бы ему выбраться из капиталистических рук.

В такое важное время, какое переживает наша страна, каждый гражданин Советского Союза должен оказывать свою посильную помощь, и это в особенности относится к таким большим учёным, как академики Ипатьев и Чичибабин. Я заявляю от своего имени и от имени моей сестры, что поведение В.Н. Ипатьева недостойно члена Академии наук СССР, недостойно советского гражданина.

Раньше я гордился тем, что ношу имя моего отца. Мне приятно было сознавать, что отец у меня такой большой человек. Теперь мне приходится низко опускать голову и стараться не называть своей фамилии там, где я могу её не называть. Мы протестуем со всей резкостью против поведения нашего отца, мы обвиняем его в поведении, недостойном нашей родины.

Зал аплодисментами выражает сочувствие этому исполненному горечи заявлению. Никто из академиков не берёт слова в защиту опозорившихся учёных, променявших родину на буржуазные сребренники.

– *Ворос прост и ясен, – говорит президент В.Л. Комаров. – Остаётся голосованием решить вопрос об исключении академиков Ипатьева и Чичибабина из состава Академии наук.*

По поводу приведённого в «Правде» текста мы должны заметить, что, по заявлению А.В. Ипатьевой и свидетельству профессора М.С. Немцова – ученика Владимира Николаевича, присутствовавшего на собрании, Ипатьев-младший вовсе не выступал на собрании [Кузнецов, 2001].

Тем не менее из протокола сессии следует, что по итогам «обсуждения» 63 голоса было подано за исключение Ипатьева и Чичибабина из Академии наук и шестеро воздержались. При этом надо иметь в виду, что на собрание 29 декабря 1936 г. не явились академики И.П. Бардин, А.В. Винтер, Г.О. Графтио, Н.Я. Демьянов, Н.С. Курнаков, Л.В. Писаржевский, Н.И. Бухарин, которые заранее знали текст постановления [Кузнецов, 2001].

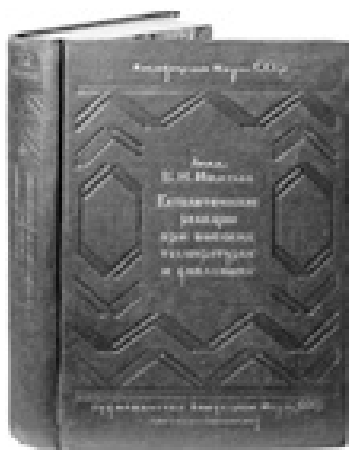
Обращает на себя внимание, что постановления Сессии о лишении званий действительных членов Академии, опубликованные

Фрагмент газеты «Правда», от 30 декабря 1936 г. с информацией об Общем собрании Академии наук СССР

в центральных газетах и в 1-м номере «Вестника Академии наук» за 1937 г. (с. 34–35), оказались без подписей, что, по-видимому, не было случайностью. Тем самым Академия наук показывала условность такого постановления. Ведь на самом деле, принимая в конце 1936 г. решение об исключении выдающихся учёных химиков-органиков из состава Академии, члены Общего собрания, ни много ни мало, спасали им жизни. В конце 1936 г. многие осознавали, что может ожидать «академиков-невозвращенцев» в случае их возвращения на Родину.

Вопрос о лишении учёных званий академиков предварительно согласовывался Академией наук с высшим партийным руководством. В то же время, и сегодня это кажется невероятным, Академии удалось в 1936 г. выпустить фундаментальную монографию В.Н. Ипатьева «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях»...

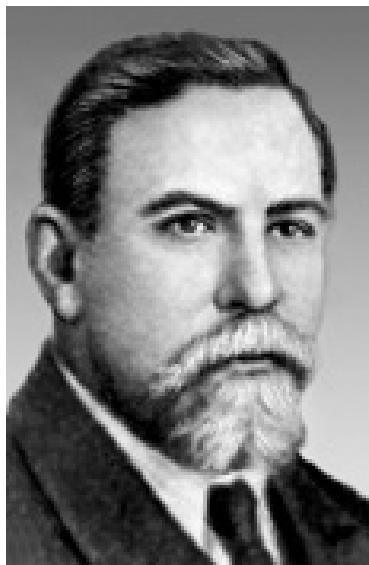
Обложка монографии В.Н. Ипатьева «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях», Изд-во АН СССР, 1936 г.

Владимир Николаевич Ипатьев (21.11.1867, Москва – 29.11.1952, Чикаго, США), русский химик-органик, происходил из дворянской семьи. В доме его родного брата Николая, в Екатеринбурге, большевики расстреляли императора Николая II вместе с семьёй и прислугой.

В 1892 г. В.Н. Ипатьев окончил Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге. Став членом Русского физико-химического общества ещё до завершения обучения в Михайловской академии, В.Н. Ипатьев познакомился на заседаниях общества с выдающимися русскими химиками: А.Е. Фаворским, А.Е. Чичибабиным, Н.С. Курнаковым, Д.К. Черновым. Выполненные под руководством последнего результаты исследования «Опыт химического исследования структуры сталей» были доложены Ипатьевым в 1892 г. на заседании Русского физико-химического общества (РФХО), а его председательствующий

В.Н. Ипатьев, 1920-е годы

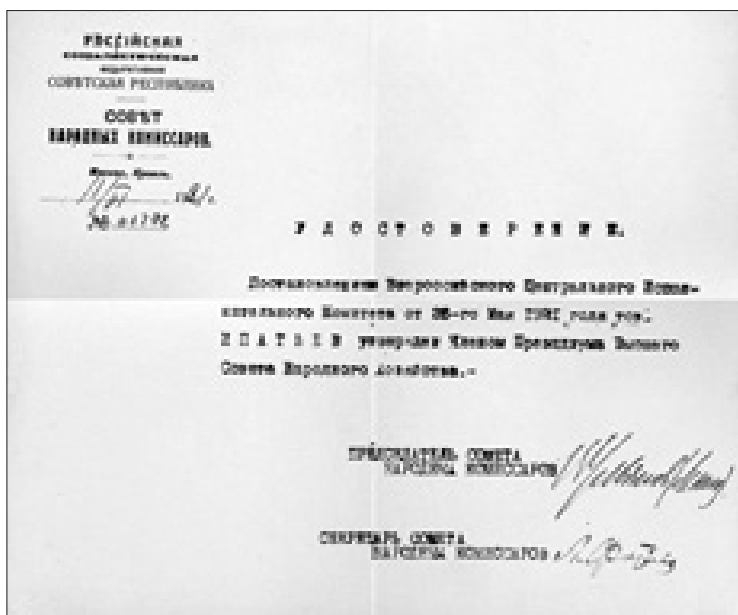
В.Н. Ипатьев до 1917 г.

Д.И. Менделеев отметил практическое значение работы молодого учёного.

В 1895-м Ипатьев защитил диссертацию, удостоенную премии им. А.М. Бутлерова. Затем он защитил ещё две диссертации, среди них – «Взрывчатые свойства тринитрокрезола и тринитронафталина». С 1902 г. он – ординарный профессор химии Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенант (1914), заслуженный профессор (1914), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук / Российской академии наук / Академии наук СССР (1916), член Национальной академии наук США (1939).

В 1903 г. Владимир Николаевич сконструировал прибор, названный «бомбой Ипатьева» – прообраз применяемых ныне в химической практике реакторов и автоклавов высокого давления...

После революции В.Н. Ипатьев был председателем Комиссии по демобилизации химической промышленности при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). С 1921 г. – начальник Главного управления химической промышленности ВСНХ, член Президиума ВСНХ. Эксперт по научно-техническим вопросам на Генуэзской конференции (1922). В 1923–1926 гг. Владимир Николаевич возглавил Химический

комитет при Реввоенсовете. В 1927-м он стал лауреатом премии им. В.И. Ленина. В этом же году организовал и возглавил Лабораторию высоких давлений в Ленинграде (с 1929 г. – Государственный институт высоких давлений).

Ленин называл Ипатьева «главой нашей химической промышленности» [Кузнецов, 2001, с. 191]. Но несмотря на это, к концу 1920-х Владимир Николаевич стал чувствовать себя не в безопасности из-за начавшихся чисток в промышленности. В 1927 г. начались репрессии против сотрудников Ипатьева. Ипатьеву уже ставились в вину связи с Троцким и контакты с лидерами так называемой Промпартии, инициативы в развитии технических и экономических связей с зарубежными научными учреждениями и фирмами. В.Н. Ипатьев в своей книге «Жизнь одного химика» [1945, т. 1, 2], изданной в США, рассказал, что в его отсутствие в ноябре 1929 г. на Инженерном конгрессе в Японии «был арестован В.П. Кравец, член коллегии Главного Химического Управления, работавший по химической промышленности в ВСНХ, начиная с 1918 г. ... Мне сразу пришло в голову сделанное мне в Берлине незадолго перед этим событием моим другом академиком А.Е. Чибибабиным предупреждение о том, чтобы я был

очень осторожен в своих поступках, так как мне подобно другим инженерам ВСНХ угрожает арест. А.Е. сказал мне в Берлине летом 1928 г., что в Москве он слышал от одного коммуниста, что ввиду недовольства на верхах развитием химической промышленности было решено арестовать последовательно следующих лиц: Шпитальского (профессор Е.И. Шпитальский был другом Ипатьева – прим. авт.), Камзолкина, Кравеца, Фокина и меня. Я не поверил А.Е. и сказал, что это сплетни для устрашения, чтобы лучше работали. Но это предсказание стало оправдываться: в начале 1929 г. был арестован Шпитальский, в июне инженер В.П. Камзолкин, заведующий отделом химической промышленности в Госплане; в ноябре арестовали Кравеца... – Нельзя сказать, чтобы мне рисовалась приятная перспектива: оставался только один Фокин, профессор технологического института и консультант Главхима...» [т. 2, с. 583–584].

В первых числах марта, после возвращения из очередной поездки в Германию, Ипатьев заметил: «...во многих советских учреждениях царит нервное напряжение, обусловленное, как мне передавали, непонятными арестами массы служащих; у многих чувствовалась неуверенность в завтрашнем дне, а начавшаяся принудительная коллективизация деревень и раскулачивание производили ужасное впечатление безнаказанного насилия и лицемерного отношения власти к крестьянам, ради освобождения которых от “гнёта” царского режима якобы и была затеяна революция. Я ясно сознавал, что мы, и без того стеснённые в свободе слова, будем в скором времени ещё более стеснены в своих действиях. В моей голове всё сильнее и сильнее крепло желание покинуть мою родину, так как я пришёл к заключению, что никакой пользы ей принести я не могу, а имею, наоборот, все шансы в скором времени попасть в лапы ГПУ. Как нарочно мой большой приятель Х., имевший возможность слышать иногда секретные новости, исходящие из ГПУ, конфиденциально сообщил мне, что в ГПУ очень недовольны моим поведением за границей; ему сказали, что напрасно Ипатьев видится с людьми, которых советский гражданин должен был бы избегать. Это новое предупреждение ещё более подтвердило моё предположение, что советская власть считает меня опасным для себя человеком» [т. 2, с. 594–595].

В июне 1930 г. Ипатьев вместе с супругой выехал в Берлин для участия во 2-м Международном энергетическом конгрессе. По его окончании он получил разрешение советского правительства и Академии наук СССР задержаться сначала на три месяца, а потом на год для лечения. В том же году Ипатьев переехал в США, где в Чикаго ему сделали сложную операцию на горле. Здесь же в Чикагском университете он стал читать лекции по катализу, одновременно по контракту с американской фирмой Universal Oil Products Co создал лабораторию катализа и высоких давлений...

Ипатьеву крайне тяжело далось решение выехать за границу и до поры до времени не возвращаться. В своей книге Владимир Николаевич описывает разговор, который произошёл в 1927 г. в Германии, когда он вместе с Альбертом Эйнштейном оказался гостем Вальтера Нернста, известного физико-химика, лауреата Нобелевской премии: *«Я помню один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь за границу, где я найду для продолжения своих научных работ несомненно гораздо больше удобств, чем у себя на родине. Я в то время не имел ни малейшей идеи покинуть свою страну, так как считал, что буду в состоянии приносить ей пользу, и верил, что общими усилиями мы будем в состоянии побороть все препятствия, ставшие на пути установления нормальных условий как для научной работы, так и для общественной жизни. Я не замедлил ответить своему собеседнику, что я, как патриот своей родины, должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы. Проф. Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: “Вот этот ответ профессора я вполне понимаю: так надо поступить”. И вот прошло 4–5 лет после этого разговора, и мы оба нарушили наш принцип; мы теперь эмигранты и не вернулись в свои страны по нашему персональному решению, а не потому что были изгнаны нашими правительствами. Конечно каждый из нас постарался объяснить своё невозвращение известными мотивами, но факт остаётся фактом: мы изменили нашим убеждениям и покинули свою родину. Впоследствии я откровенно опишу все свои переживания относительно моего решения не возвращаться в течение известного времени в СССР, и, может быть, читатель найдёт мои основания заслуживающими оправдания. Но у меня самого в душе до конца моей жизни останется горькое*

чувство: почему сложились так обстоятельства, что я всё-таки принуждён был остаться в чужой для меня стране, сделаться её гражданином и работать на её пользу в течение последних лет моей жизни» [т. 2, с. 483–484].

Вплоть до 1936 г. Ипатьев регулярно посылал в АН СССР отчёты о работах, проведённых за рубежом. В середине 30-х он стал получать неоднократные приглашения-ультиматумы срочно вернуться на родину. Последним обращением Академии наук к В.Н. Ипатьеву было следующее письмо: *«Вы уже около шести лет находитесь вне пределов СССР и не принимаете никакого участия в грандиозной работе по социалистическому строительству. Вы являетесь гражданином СССР, крупным учёным, действительным членом Академии — Вы нужны нашей стране. Поэтому, по поручению Президиума Академии Наук, я прошу Вашего прямого, ясного и открытого ответа на следующий вопрос: считаете ли Вы себя обязанным целиком работать для своей родины — Советского Союза, для усиления её мощи и процветания, и если считаете, то готовы ли Вы немедленно сделать из этого практические выводы? Вопрос этот является вполне законным потому, что Ваш добровольный отрыв от нашей родины принял слишком затяжные формы. Если Вы отвечаете на поставленный Вам вопрос утвердительно, то Вы должны в ближайшее же время вернуться в СССР для научной работы. Академия Наук примет все меры к созданию для Вас благоприятных условий как по научной работе, так и в бытовом отношении. В противном случае Академия Наук и, вероятно, вся страна, должны будут сделать соответствующий вывод о Вашем отношении к СССР. В ожидании скорого извещения о Вашем решении и с надеждой на скорое Ваше возвращение. Непременный секретарь Академии Наук СССР Н.П. Горбунов».*

В ответ это на обращение Ипатьев 1 ноября 1936 г. прислал обстоятельное письмо, в котором он, между прочим, писал: *«По получении Вашего письма я немедленно ознакомил директоров той фирмы, где я работаю, с его содержанием и получил снова категорическое подтверждение о невозможности расторжения моего контракта и выезда немедленно из Америки. Кроме того, они заявили, что СССР получил большую выгоду от моей работы здесь, так как за счёт Компании были сделаны важные открытия для нефтяной*

На банкете, организованном Чикагским отделением Американского химического общества в честь празднования 70-летнего юбилея В.Н. Ипатьева в отеле «Стивенс» (в настоящее время – «Чикаго Хилтон»). США, Чикаго, 26 ноября 1937 г. Фото из архива *Institute for Sustainability and Energy at Northwestern*. Эванстон, Иллинойс, США [<https://vebinarum.com/blogs/4>]

промышленности». Далее Ипатьев указал в письме, что он вряд ли мог бы рассчитывать сейчас на те условия, которые имеет в настоящее время, и что весь строй его идей, связанных тесно с его сотрудниками и проводимый ныне в великолепно оборудованной годами лаборатории, будет нарушен и только принесёт, якобы, вред всей его исследовательской работе, а следовательно, и науке и технике.

Один из близких учеников Ипатьева, американский профессор Генрих Пайнс, в своё время сказал: *«Вы, русские, не представляете себе, кого вы потеряли в лице Ипатьева, не понимаете даже, кем был этот человек. Каждый час своей жизни здесь, в США, всю свою научную деятельность он отдал России. Беспредельная любовь к родине, какой я никогда и ни у кого из эмигрантов не видел, была той почвой, на которой произрастали все выдающиеся результаты исследовательских трудов Ипатьева»* [цит. по: <http://www.dordopolo.ru/product312.html>; близкий перевод по: Кузнецов, 1991, с. 374]

На проводившиеся в 1967 г. по случаю 100-летия со дня рождения учёного торжественные мероприятия в США были приглашены советские учёные, однако это приглашение не было принято.

<...>

Алексей Евгеньевич Чичибабин (29 марта 1871, Куземин, Полтавская губерния – 15 августа 1945, Париж), российский химик-органик. В 1892 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета с дипломом 1-й степени. С 1908 г. – профессор Московского технического училища, заведующий кафедрой общей и органической химии, которой руководил до 1930 г. Академик АН СССР (1928).

А.Е. Чичибабин за работой
в лаборатории

Обладея обострённым чувством социальной справедливости, Чичибабин занимал активную общественную позицию. Ещё в 1890-х за участие в студенческих «беспорядках» он был уволен из университета, но вскоре восстановлен. Позднее (в 1908 г.) Чичибабин и его жена, Вера Владимировна Подгорецкая (Чичибабин вступил в брак в 1897 г.), были замечены «в сношениях с лицами, принадлежащими к противоправительственным организациям», хранении революционной литературы, устройстве у себя «незаконных собраний». В результате проведенного обыска жандармы обнаружили у Чичибабиных 14 названий нелегальных изданий

партии социалистов-революционеров. В 1911 г. Чичибабин вместе с К.А. Тимирязевым, В.И. Вернадским, П.Н. Лебедевым, М.А. Мензбиром, С.А. Чаплыгиным и другими прогрессивными профессорами и преподавателями Московского университета вышел в отставку в знак протеста против политики правительства в области высшего образования.

В 1912 г. в Петербургском университете Чичибабин успешно защитил докторскую диссертацию «Исследования по вопросу о трехатомном углероде и о строении простейших окрашенных производных трифенилметана», в которой подвёл итог исследований в этой области, принёсших ему широкую известность.

(от фамилии ближайших учеников и сотрудников)

Профессор доктор химии О. А. ЗИРС, доктор доктор химии Н. А. ПЕРЕПЕЛКИНА, доктор кандидат наук М. Л. НИКОЛАЕВ, доктор кандидат наук М. М. ШИШОВА, доктор кандидат наук Г. В. ЧЕЛОВИКОВ, доктор кандидат наук Н. А. УСОВ, доктор С. М. ХИТРАК, преподаватели А. М. ТИШОВ, А. Ф. ЕЛЕРОВ, Н. А. МАРСАНОВ.

221

опия, морфия, кодеина, атропина и других лекарственных средств. Со страниц газеты «Русские ведомости» он обратился ко всем химикам с призывом принять участие в работе по производству медикаментов. Созданные Чичибабиным медицинские препараты спасли жизнь тысячам русских солдат.

После Октябрьской революции Чичибабин, продолжая научную и педагогическую деятельность в Высшем техническом училище (МВТУ), возглавил в 1918 г. Правление государственных химико-фармацевтических заводов и Научный химико-фармацевтический институт. С 1918 г. он – директор Научного химико-фармацевтического института. В 1922–1927 гг. – председатель Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности. Автор курса «Основные начала органической химии» (1925; 7 изд., т. 1, 1963). В 1926 г., как и Ипатьев, он первым среди химиков был удостоен премии им. В.И. Ленина. С 29 января 1929 г. – действительный член Академии наук СССР. В 1930 г. из-за несчастного случая на производственной практике погибла единственная дочь Чичибабина Наташа – студентка химического факультета МВТУ*. Потрясённый горем, Чичибабин с супругой выехал за границу (официально – в командировку). Очевидно, что до момента трагической гибели дочери Алексей Евгеньевич и не помышлял об отъезде из СССР. Об этом свидетельствуют переговоры,

* «В 1897 г. Чичибабин женился на Вере Владимировне Подгорецкой, ставшей его верным спутником до конца жизни. У них долго не было детей. Когда родилась дочь – Наташа, Чичибабину было уже за сорок. В 1930 г. Наташу, студентку МВТУ, послали на практику в один из цехов Дорогомиловского завода. В этом цехе производилось сульфирование нафталина $C_{10}H_8$ действием концентрированной серной кислоты H_2SO_4 под давлением при температуре около 180 °С. Инженер поручил Наташе отобрать для анализа пробу раствора из автоклава, но вентиль нижнего спуска оказался забитым кристаллами. Тогда он решил, сбросив давление, открыть крышку автоклава, но не заметил, что труба, через которую спускают газы, тоже забита, а манометр на крышке автоклава был испорчен. Едва инженер и аппаратчик ослабили болты, как крышку сорвало, и горячую массу продуктов реакции вместе с серной кислотой выбросило в цех. Наташа кинулась к окну, чтобы выбраться из цеха, заполненного туманом серной кислоты, но увидела, что под окном второго этажа стоят бутылки с серной кислотой. В едком тумане она стала искать двери, но поскользнулась и упала навзничь в лужу концентрированной кислоты. Аппаратчики вынесли девушку из цеха, но раздеть и немедленно обмыть её постеснялись и стали ждать “скорую помощь”. Наташа умерла в больнице от обширных ожогов через несколько дней: тогда ещё не умели делать пересадку кожи на большой поверхности» [цит. по: <https://helpiks.org/3-17469.html>].

которые он проводил в 1927 г. по поручению заместителя председателя Научно-технического управления ВСНХ СССР А.Н. Баха с известным химиком А.П. Ореховым, проживавшим с 1910 г. в Париже, о его возвращении в СССР, и Чичибабин уговорил своего коллегу вернуться на родину [Волков, 2001].

Чичибабин не вернулся из заграничной командировки, обосновавшись в Париже, где его жена длительное время лечилась в психиатрической больнице. О пребывании Чичибабиных на чужбине сохранилось крайне мало сведений. В письме академику А.Е. Фаворскому от 5 февраля 1935 г. из Парижа

А.Е. Чичибабин, 1920-е годы

Алексей Евгеньевич писал: *«В последнее время я временами тосковал в обстановке своей здешней уединённой жизни. Жизнь здесь настолько нам чужда, психика людей, с которыми приходится встречаться, настолько далека, что мы с женой живём почти как на необитаемом острове. И в минуту тоски думаешь о возвращении в прежнюю когда-то столь счастливую обстановку и назначаешь себе срок возвращения. Но каждый раз мешает состояние душевной и физической слабости...»* [АРАН. Ф. 798. Д. 137. Л. 9, 10].

В архиве В.Л. Комарова [АРАН] сохранилось единственное письмо Чичибабина от 07 апреля 1930 г., направленное Комарову в связи с запросом доктора Штарка «относительно антеникотинной ваты». Александр Евгеньевич в связи с запросом отметил, что *«этот вопрос никакого отношения к науке не имеет»*. И далее: *«Чтобы избежать вредного воздействия никотина, лучше всего не курить вовсе...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1568. Л. 1].

С А.Е. Чичибабиным, как и с В.Н. Ипатьевым, велась продолжительная переписка, и, кроме того, ряд лиц по поручению Академии наук вёл с ним специальные беседы о необходимости возвращения в СССР. В конце концов, после ряда писем и переговоров ему было

отправлено Н.П. Горбуновым письмо, более или менее аналогичное тому, которое было послано В.Н. Ипатьеву.

А.Е. Чичибабин ответил на это письмом, сущность которого сводится к отказу вернуться в СССР: «Коренной ошибкой при Вашем сообщении ко мне, как и при некоторых других обращениях из Москвы, является представление обо мне, как о том человеке, каким я был до 1930 г., т.е. как о человеке, полном сил и энергии, с выдающейся работоспособностью, с упорством и настойчивостью в достижении намеченных целей. На самом же деле, тот ужасный удар, который

7 апреля 1930

Милый Владимир
Анатолий Н. Комарову

В ответ на возмущающее Ваше письмо
Зинке Язе Мотерас описательно изложил
Ваше сообщение правды о Вас, Ваш, конечно, свой
Вот так именно описательно и пишу не иначе.

Теперь я думаю, что Вы, конечно, лучше
Все же Курты Васе. Все, что мне известно по
Тем же Васе, это то, что по поводу Васе
появился с описательной Васе представлением,
в аббре, что описательно.

Теперь, конечно, я думаю, как представляется
Ваше из факта принципа Васе расформ. 5%
Ваше описательно и 5% описательно, с последующим
Ваше описательно, в Вашем в Вашем Васе, по поводу
Ваше, но описательно описательно описательно
или Курты Васе. Конечно, конечно, что Вы же
или же описательно описательно описательно
описательно, а все же описательно, что описательно
или Курты Васе.

Анатолий Чичибабин

Письмо Чичибабина Комарову от 07.04.1930 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1568. Л. 1]

поразил меня и мою жену пять лет назад, настолько ослабил мою жизнеспособность, что я быстро превратился в старика, в значительной степени утратившего интерес к жизни. Этому содействовало и прогрессирующее ослабление зрения (катаракта). Моими жизненными стимулами остались уход за женой, после нашего несчастья постоянно хворающей, и экспериментальная научная работа. Последняя позволяет забывать окружающее, а её успехи дают некоторое удовлетворение... Беда моя в том, что работать теперь я могу лишь в спокойной обстановке, при отсутствии внешних беспокоящих событий. При наличии последних я теряю равновесие и делаюсь малоработоспособным. Лишь заботы о больной жене давали мне возможность пережить такие моменты... Но, если, в конце концов, «страна» пожелает заняться добыванием никому не делающего вреда старика, всю жизнь бескорыстно – не из-за денег и не из-за почёта – работающего на пользу страны, – пусть это делает. И это меня не удивит, так как справедливости на свете нет и никогда не будет. По чистой совести, только, не понимаю, кому и зачем это нужно?» [Чичибабин, 1993, с. 521–522].

<...>

Сообщение о лишении гражданства академиков Ипатьева и Чичибабина было опубликовано во всех центральных газетах. В частности, газета «Правда» от 6 января 1937 г. поместила два официальных сообщения о лишении гражданства академиков Ипатьева и Чичибабина, причём рядом с логотипом газеты было набрано крупным шрифтом: «Сегодня – всесоюзная перепись населения. Граждане и гражданки Советской страны, окажите активную помощь работникам переписи!» Получалось так, что как минимум двух граждан СССР переписчики недосчитаются:

О ЛИШЕНИИ ГРАЖДАНСТВА СОЮЗА ССР ИПАТЬЕВА В.Н.

Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР

На основании ст. 17 «Положения о гражданстве Союза ССР» от 22 апреля 1931 г. (С. 3. Союза ССР, 1931 г. № 24, ст. 196) Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

лишить гражданства Союза ССР Ипатьева Владимира Николаевича, как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной, и запретить ему въезд в пределы Союза Советских Социалистических Республик.

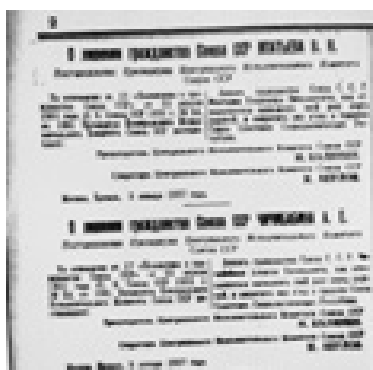
**Председатель Центрального исполнительного комитета
Союза ССР**

М. Калинин.

**Секретарь Центрального исполнительного комитета
Союза ССР**

И. Акулов.

Москва, Кремль, 5 января 1937 г.

Фрагменты газеты «Правда» от 06.01.1937 г.

О ЛИШЕНИИ ГРАЖДАНСТВА СОЮЗА ССР ЧИЧИБАБИНА А. Е.

**Постановление Президиума Центрального исполнительного
комитета Союза ССР**

На основании ст. 1 7 «Положения о гражданстве Союза ССР» от 22 апреля 1931 г. (С. 3. Союза ССР, 1931 г., № 24, ст. 196) Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

лишить гражданства Союза ССР Чичибабина Алексея Евгеньевича, как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной, и запретить ему въезд в пределы Союза Советских Социалистических Республик.

*Председатель Центрального исполнительного комитета
Союза ССР*

М. Калинин.

*Секретарь Центрального исполнительного комитета
Союза ССР*

И. Акулов.

Москва, Кремль, 5 января 1937 г.

Одновременно газета заявляла: «Лишая их советского гражданства, Советский Союз возвращает этих продажных людей родному им миру капиталистического свинства.

За время пролетарской революции и социалистического строительства перевоспитались значительные кадры старой интеллигенции, выросли кадры новой, советской интеллигенции. Товарищ Сталин говорил на VIII Всесоюзном Съезде Советов об изменении самого характера деятельности интеллигенции. «Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у неё не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведёт стройку нового бесклассового социалистического общества. Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдёте ни в одной стране земного шара». Конечно, среди этой новой, трудовой интеллигенции нет места старым холопам капиталам. Позорное поведение господ Чичибабина и Ипатьева вызвало волну

негодования среди всех честных учёных, среди учащейся молодёжи, среди подлинных граждан СССР.

Центральный Исполнительный Комитет Союза СССР оформил это всеобщее негодование, лишив недостойных людей почётного звания советских граждан».

После лишения гражданства В.Н. Ипатьев в этом же 1937 г. был назван в США «Человеком года»; в 1939-м он удостоивается высшей награды Французского химического общества – медали им. А. Лавуазье, а в 1952-м – звания *Compagnon de la Resistance* («Спутник Сопротивления») за разработки топлива, использовавшегося для двигателей самолётов во время Второй мировой войны. Он был почётным доктором Мюнхенского, Страсбургского и Софийского университетов. Многократно номинировался на Нобелевскую премию.

Чичибабин после лишения гражданства жил в Париже. В 1930–1932 гг. работал в лаборатории фармацевтической химии в Институте Пастера. Затем руководил специально организованной

В.Н. Ипатьев на совещании с коллегами – сотрудниками американской компании Universal Oil Products (UOP) [Архив Honeywell UOP (USA)]

для него исследовательской лабораторией химического концерна Establissemments Kuhlmann. Одновременно – ведущий консультант международной фармацевтической компании «Шеринг» и американской компании «Рузвельт и Ко». В 1933 г. приглашён на кафедру химии Коллеж де Франс. Алексей Евгеньевич так и не оправился после гибели дочери. Фактически он долго и тихо угасал в Париже от тяжёлой болезни. И все эти 15 лет В.Н. Ипатьев считал совершенно необходимым финансово поддерживать своего друга и коллегу, выдающегося учёного-химика, после его смерти – его вдову Веру Чичибабину...

В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин в один и тот же день были исключены из Академии наук, в один и тот же день лишены гражданства СССР. Обладая удивительным чувством служения своей стране, несмотря на лишение академического звания и гражданства, они до конца жизни оставались патриотами своей Родины.

Лишь через 54 года – 29 декабря 1990 г. В.Н. Ипатьев и 22 марта того же года А.Е. Чичибабин – были восстановлены в списках действительных членов Академии наук СССР.

Памятник на могиле А.Е. Чичибабина
в Париже

9. ПРЕЗИДЕНТ АН СССР В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ (1937–1939 гг.)

Сразу после вступления в должность президента Академии наук СССР В.Л. Комаров дал интервью советским газетам. В частности, в газете «Комсомольская правда» от 31.12.1936 г. со ссылкой на беседу с Комаровым было сказано следующее: *«В наступающем 1937 году, завершающем вторую пятилетку, на пороге нового, ещё более величественного плана развития народного хозяйства страны перед Академией наук СССР встают исключительно важные и ответственные задачи. Уже сейчас советская наука имеет мировые достижения в таких областях, как геология с её новыми способами поисков полезных ископаемых и подсчёта их запасов, геофизика с её гравиметрическими, сейсмическими, электрометрическими методами изысканий, как физиология человека и т.д. Такой же блестящий подъём обеспечен всем областям советской науки. Поруча тому – исключительно благоприятные условия, в которые поставлены учёные в нашей стране. Академия наук становится дружным, единым коллективом учёных, центральным штабом советской науки...».*

Следом, 16 января 1937 г., в газете «Найчер» В.Л. Комаров выступил с программной статьёй «Академия наук СССР и третий пятилетний план». В преамбуле к статье Владимир Леонтьевич напомнил:

«Российская Академия Наук была основана в 1725 г. Петром Великим в качестве “ассамблеи лучших учёных мужей”, занятых как предполагалось, исследовательской деятельностью, для руководства молодыми учёными и изучения естественных богатств страны. При старом режиме Академия посвящала свою энергию главным образом абстрактным исследованиям, обследованию естественных богатств и изучению азиатских языков. Её характер не изменился сразу же после революции и в течение некоторого времени она оставалась в стороне от экономических нужд страны. Перемена произошла в 1929 г., когда функции Академии были определены как направление всего объёма научного познания в сторону реконструкции народного хозяйства; в состав Академии был

Статья Комарова в «Комсомольской правде» за 31.12.1936 г.
[АРАН. Ф. 277. Ф. 277. Оп. 2. Д. 101. Л. 33]

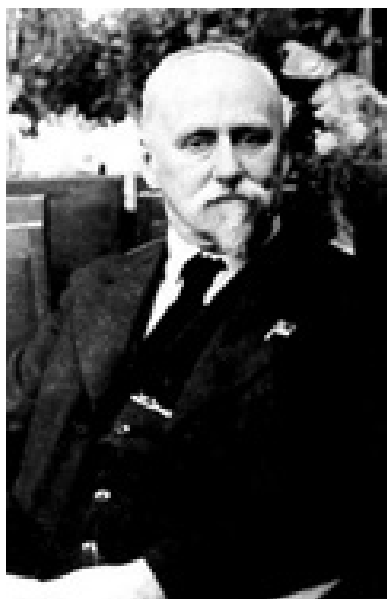
включён ряд членов Коммунистической партии, известных в различных отраслях технических наук...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 131. С. 1]. Цели и функции Академии наук СССР В.Л. Комаров определил исходя из положений новой Конституции, принятой в ноябре 1936 г., следующим образом: во-первых, Академия является «активным органом развития научной мысли» [Там же. Л. 1, 2], во-вторых, Академия должна изучать и развивать мировые достижения, «имея в виду применение их к делу реконструкции» [Там же. Л. 2], и, наконец, в-третьих, Академия имеет задачу «использовать достижения науки для содействия развитию страны в направлении бесклассового общества» [Там же. Л. 2].

Говоря о задачах созданной в 1935 г. технической секции Академии, Владимир Леонтьевич подчеркнул её обязанность следить за тем, чтобы результаты исследований нашли применение в промышленности: *«Она [секция – авт.] должна поддерживать контакт не только с исследовательскими институтами и лабораториями самой Академии, но и с различными комиссариатами и промышленными предприятиями. Среди групп, функционирующих в настоящее время под контролем технической секции, находятся группы, имеющие своим предметом энергию, горное дело, техническую физику, техническую химию, техническую механику, автоматические процессы и телемеханику»* [Там же. Л. 2].

Другой задачей Академии, по мнению Комарова, является изучение естественных богатств и производительных сил страны, а также поощрение их рационального использования: *«В течение ряда лет Совет по изучению естественных ресурсов СССР снаряжал экспедиции с этой целью. В различных частях страны были организованы филиалы Академии для руководства работой по изысканиям и обследованиям»*. В этой части статьи, связанной с работой филиалов, обращает на себя внимание заявление президента АН СССР о том, что *«первый предварительный общий обзор геологических, химических и экономических ресурсов уже закончен. Теперь, с приближением третьей пятилетки, деятельность Академии в этой области должна подвергнуться решительному изменению. Внимание будет сосредоточено на ключевых позициях, и число Филиалов будет сокращено или передано местным властям* (выделено авт.)...» [Там же. Л. 2]*.

Ближайшее направление работы Академии, по мнению Комарова, должно заключаться в том, *«чтобы помочь Государственной Плановой Комиссии в составлении проекта Третьего пятилетнего плана...»* [Там же. Л. 3].

* Очевидно, что заявление президента АН СССР о возможном сокращении числа филиалов Академии наук было вызвано политическими соображениями, поскольку в дальнейшем деятельность по расширению баз и филиалов Академии наук на местах была продолжена, причём закрыт был лишь Дальневосточный филиал в 1939 г., где председателем был сам Комаров, который пытался отстоять свой филиал до самого последнего момента (подробнее о причинах закрытия Дальневосточного филиала см. в главе 5).

В.Л. Комаров, 1937 г. [АРАН. Ф. 277.
Оп. 6. Д. 3. Л. 27]

Плакат по выдвижению В.Л. Комарова
в депутаты Верховного Совета СССР,
1937 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 103. Л. 1]

Деятельность В.Л. Комарова на посту президента АН СССР совпала с периодом, когда Политбюро ЦК ВКП(б) возглавлял И.В. Сталин. Ещё в 1934 г. Академия наук стала непосредственно подчиняться Совету Народных Комиссаров, и для решения всех важнейших вопросов требовалось одобрение Политбюро. Да и само избрание Комарова на пост президента Академии наук обсуждалось во властных структурах задолго до даты выборов. В секретной докладной записке руководителя Рабоче-крестьянской инспекции по обследованию деятельности Академии наук Ю.П. Фигатнера* от 5 ноября

* **Фигатнер Юрий Петрович** (настоящее имя – Яков Исаакович) (1889–1937), партийный деятель. С января 1930 член Президиума и нач. главной инспекции ВСНХ. В 1930 руководил разгромом Петербургской АН, после которого дела большого числа научных работников были переданы в ОГПУ. В 1925–34 член ЦКК ВКП(б), в 1927–30 член её президиума. С августа 1936 член Коллегии Наркомата лесной промышленности СССР, нач. Главсевлеса, на предприятиях которого широко использовался рабский труд заключённых. В 1937 г. арестован, 20.9.1937 г. приговорён к смертной казни. В 1956 г. реабилитирован.

1929 г. был представлен анализ состава Президиума АН: указано, что отстранены академики Ольденбург и Платонов, принята отставка Ферсмана, далее автор записки отмечает, что *«оставшиеся члены Президиума – Карпинский, Комаров и Борисяк являются людьми для нас безвредными»* [Академия..., 2000, с. 83]. Там же Фигатнер характеризует академиков Платонова, Лихачёва, Ольденбурга, Алексеева (занимающихся гуманитарными науками) как *«людей по своему мировоззрению враждебных советской власти, их надо вышибать из Академии»* [Академия..., 2000, с. 83]. В ноябре 1936 г., за месяц до выборов в Академию, Политбюро принимает решение *«наметить президентом АН СССР Комарова В.Л.»* [Академия..., 2000, с. 248]*.

Выборы Комарова президентом Академии наук состоялись на Общем собрании АН СССР 28–29 декабря 1936 г. За кандидатуру В.Л. Комарова проголосовало 68 (2 голоса против) человек, но в кулуарах было ясно, что не все академики поддерживали это избрание, что подтвердил Н.И. Ежов в спецдонесении И.В. Сталину [Академия..., 2000, с. 16].

С этого момента начался, пожалуй, самый сложный период жизни так и не вступившего в ряды ВКП(б) учёного. Жёсткий идеологический контроль, последовавшие репрессии в академической среде, издевательское упразднение должности неперменного секретаря, существовавшей в Академии с 1800 г., постоянные замечания Совнаркома, связанные с утверждением планов и отчётов АН СССР, директивный тон его руководителей в многочисленной переписке и личных встречах – вот общий фон «президентства» в те годы. При этом В.Л. Комаров оставался доступным для решения далёких от политики организационно-хозяйственных проблем научных учреждений АН СССР. Например, в письме В.Л. Петровскому, председателю Ленсовета, депутату Верховного Совета СССР от 25.02.1938 г., содержится просьба о содействии в направлении чл.- корр. АН Ю.М. Шокальского в больницу им. Я.М. Свердлова [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 139.

* По всей видимости, предварительное решение о замене президента АН СССР Карпинского Комаровым было принято ранее, на что указывает тот факт, что в некрологе от Академии наук, посвящённом уходу из жизни Карпинского и подписанном всеми действительными членами Академии, фамилия Комарова стоит на первом месте.

Л. 1], в письме на имя академика-секретаря отделения общественных наук Академии А.М. Деборина от 9.12.1938 г. содержится просьба позаботиться о быте академиков, проживающих в Ленинграде [Там же. Д. 543. Л. 1, 2], в письмах П.А. Тюркину, народному комиссару просвещения РСФСР, от 27.12.1938 г. и 15.02.1939 г. содержится просьба о помощи в присвоении звания учителя средней школы бывшей ученице высших естественнонаучных курсов Лохвицкой-Скалон В.Н. Аполловой [Там же. Д. 184. Л. 3–6]. В письме В.Н. Лубяко, заведующему отделом аспирантуры Тимирязевской сельскохозяйственной академии, 25.01.1939 г. с просьбой о выделении дополнительного места в аспирантуре для агронома Упорова [Там же. Д. 106. Л. 1] и др.

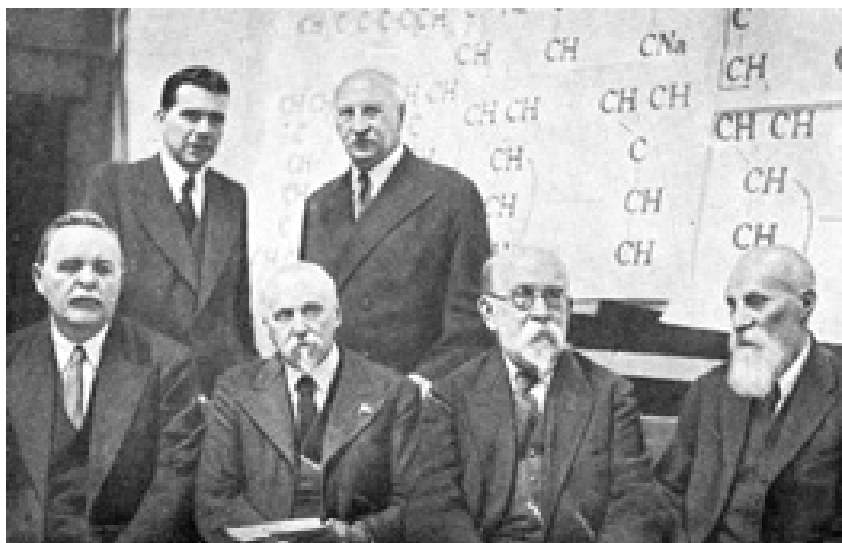
Квартира Комарова всегда была открыта для гостей, особенно из Дальневосточного филиала АН СССР. Владимир Леонтьевич старался помогать своим коллегам и знакомым, в том числе попавшим под каток развёрнутых репрессий. С некоторыми из репрессированных сотрудников или их родственников он поддерживал переписку. Например, Комаров вёл переписку с репрессированными первыми членами Президиума ДВФ АН СССР Владимиром Михайловичем Савичем – первым директором Биологического института ДВФ АН СССР и Борисом Петровичем Пентеговым – первым директором Химического института ДВФ и его супругой. И если Комарову удалось добиться досрочного освобождения Савича (см. главу 5), то помочь Б.П. Пентегову он не смог. Бориса Петровича арестовали весной 1933 г. «за вредительство в соляной промышленности» и приговорили к десяти годам исправительно-трудовых работ [Хисамутдинова, 2012]. Жена учёного, Анна Алексеевна, надеялась, что Академия наук заступится за мужа, но опытный химик оказался «более нужным» в лагерях ГУЛАГА. Годы, проведённые в заключении, не сломили Бориса Петровича, он не потерял интерес к науке и, несмотря на тяжёлые условия заключения и подорванное здоровье, оставался патриотом своей страны. В августе 1944 г. Б.П. Пентегов писал Комарову: *«Дорогой Владимир Леонтьевич! Шлю Вам свой привет из далёкого Колымского края, откуда я с постоянным интересом и восхищением смотрю за успехами нашей советской науки и возглавляющей её Академией наук... В настоящее время я работаю инженером-химиком Управления автотранспорта ГУСДС (Главного*

управления строительства Дальнего Севера – авт.) и заведу химической лабораторией. Удалось провести ряд работ, внедрённых в производство... Работы пока не публиковал, но в настоящее время начинаю их готовить к печати. Конечно, вы понимаете, что условия для моей научной работы нелегки, особенно вследствие полного отсутствия научной литературы. Живу надеждой возможности получить условия для научной работы в более мягком климате. Жена моя пережила весь ужас блокады Ленинграда. Пишет, что теперь почти оправилась от неё. Сюда по состоянию здоровья ехать не может. Зовёт меня к себе, но я без распоряжения Наркомата лишён возможности это сделать. Желаю Вам дальнейшей плодотворной деятельности во главе советской науки по разгрому немецкого фашизма и по укреплению мощи, богатства и славы Советского Союза. Сердечный привет Вашей супруге. Ваш Пентегов. 3 августа 1944» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1139. С. 7, 8].

Власть стремилась сделать Академию наук более послушной и управляемой. С этой целью, помимо активной чистки рядов самих академиков, предпринимались также усилия по внедрению «молодых коммунистов» в состав Академии. Вот как пишет об этом В.И. Вернадский: «Ужасающее впечатление – новая молодёжь, входящая

Депутат Верховного Совета СССР В.Л. Комаров с избирателями Дзержинского района г. Москвы, 1937 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 34]

В.Л. Комаров на заседании Химического общества, 1937 г.
Сидят слева направо: академики С.С. Наметкин, В.Л. Комаров, А.Е. Фаворский, А.Н. Бах. Стоят: С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 28]

в управление академией – Данилов, Евсеев, Жданов и тому подобные. Это мелкие щедринские типы» [Вернадский, 2006, с. 270]. Кстати, за деятельностью самого Комарова также следили компетентные органы. Функции надзора и контроля, в частности, исполнял секретарь Комарова, о чём свидетельствует запись от 28 декабря 1938 г. в дневнике академика В.И. Вернадского, где он приводит слова самого Комарова о его секретаре: «Вы, Владимир Леонтьевич, забываете, что у меня есть и другое начальство, которое мне приказывает это делать» [Вернадский, 2006, с. 384].

Необходимо помнить, что в такой бюрократической системе без визы влиятельных чиновников невозможно было решить ни один из вопросов в повседневной жизни научного сообщества. В.Л. Комаров становился просителем и посредником между сотрудниками Академии и властными инстанциями. Поскольку ему была не безразлична судьба коллег и знакомых, попавших в трудное положение, он готов был просить за них, даже рискуя служебным положением. Примером является письмо прокурору А.Я. Вышинскому о высылке историка В.А. Петрова с просьбой «снять с него позорное клеймо

контрреволюционера и допустить его к работе по специальности» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 42. Л. 1]. Помимо всего прочего, Владимир Леонтьевич оставался доступен для рядовых сотрудников Академии. Показательно в этом плане впечатление о первой встрече с Комаровым помощника управляющего делами АН СССР Сергея Дмитриевича Носова: «В январе 1938 г. Ленинский райком партии направил меня на хозяйственную работу в Академию наук СССР. Заполнив все необходимые анкеты и написав свою автобиографию, я был представлен Владимиру Леонтьевичу. Когда я вошёл в кабинет, тишина и уют произвели на меня самое благоприятное впечатление, но вместе с тем меня ударило в пот и по коже пробежали мурашки. Я не знал, как себя держать и куда девать свои руки. Владимир Леонтьевич, видя моё замешательство, встал из-за стола, подошёл ко мне, ласково поздоровался и усадил меня в кресло. Хотя простой приём привёл меня в нормальное состояние, но я всё же робко сел на угол кресла и напряжённо приготовился отвечать на вопросы. Я полагал, что Владимир Леонтьевич начнёт засыпать меня множеством вопросов по моей анкете, о моей предыдущей работе, но не тут-то было... Владимир Леонтьевич спокойно отодвинул мои документы (очевидно раньше познакомился или совсем не хочет читать — подумал я), осведомился о моем здоровье, поинтересовался, жив ли мой папаша... Я посмелел от этой простоты и поудобней сел в кресло, но не забывал, что нахожусь на приёме у президента Академии наук СССР. Потом он меня спросил: где я работал и что делал. Я бегло рассказал, стараясь не перепутать даты и места работы.

Когда Владимир Леонтьевич узнал, что я более двенадцати лет работал на партийной руководящей работе, начал расспрашивать меня и многим интересоваться, а в заключение сказал, что партийная работа почётная, ответственная и разносторонняя. Потом вдруг задал вопрос: — Что же Вы думаете у нас делать? — Я несколько стушевался, кое-как собрался с мыслями и выпалил: “Помогать Вам буду”. Очевидно такой ответ понравился Владимиру Леонтьевичу, т.к. он улыбнулся бесхитростно, встал, встал и я, пожал мне руку и сказал: “Спасибо, что пришли помогать — помогайте!” — и рассказал, как к нему пришёл один [разбойник] товарищ поступать на работу и обещал кого-то

выкорчёвывать и порядки наводить [как будто у нас в академии только беспорядки] (так в тексте – авт.). На этом наша первая беда закончилась. Я вышел из кабинета и от радости земли под собой не чувствовал» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 126. Л. 1, 2].

В эти годы Владимир Леонтьевич сумел, например, добиться пенсии для внучки Ломоносова, Елизаветы Николаевны Орловой, семья которой находилась в тяжёлом материальном положении. В своём письме от 14.12.1938 г. Елизавета Николаевна писала: *«Уважаемый Владимир Леонтьевич! Я только что получила в первый раз определённую мне пенсию и хотела бы выразить Вам мою глубокую признательность за доброе участие, которое Вы приняли в этом деле. Оно тянулась так долго – почти три года – и так было запутано, что без Вашего письма я уверена, что так ничем бы и не кончилось; а для меня эта помощь в настоящее время имеет жизненное значение...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 51. Л. 1].

Особое внимание президент Академии наук уделял экспедиции папаницев – участников первой в мире советской полярной научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс-1»*. По возвращении экспедиции на родину в Академии наук шла подготовка к встрече. С.Д. Носов так вспоминал об обстоятельствах подготовки и встречи героических исследователей Арктики: *«Когда были заняты умы советских людей судьбой героической четвёрки папанинцев, Владимир Леонтьевич очень беспокоился за их судьбу и много высказывал различных предположений, каким путём можно снять со льдины мужественных советских учёных. Как только стало известно, что папанинцы переселились на советские ледоколы, Владимир Леонтьевич очень обрадовался, вызвал меня и предложил*

* В 1937 г. было принято правительственное постановление, поручавшее Главному управлению Северного морского пути (Главсевморпуть) организовать экспедицию в район Северного полюса и доставить туда на самолётах оборудование научной станции и зимовщиков. Руководство по организации станции была возложено на академика О.Ю. Шмидта. Экспедиция в составе руководителя станции И.Д. Папанина, метеоролога и геофизика Е.К. Фёдорова, радиста Э.Т. Кренкеля, гидробиолога и океанографа П.П. Ширшова была высажена на лёд 21 мая 1937 г. Созданная в районе Северного полюса станция была вынесена в Гренландское море, при этом льдина проплыла более 2000 км. Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман» сняли четвёрку зимовщиков 19 февраля 1938 г. за 70-й широтой, в нескольких десятках километров от берегов Гренландии.

подготовиться к встрече дорогих гостей. Я, как новый человек в Академии, боялся принять это поручение, чтобы не подвести коллектив и Владимира Леонтьевича, который придавал большое значение встрече героической четвёрки с академиками. Я обратился к Владимиру Леонтьевичу и высказал ему свои опасения. Владимир Леонтьевич выслушал меня и сказал примерно так, – раз Вы боитесь, значит понимаете важность этого дела, – и ответственности с меня не снял, и обещал помогать в проведении данного мероприятия, тут же дал ряд полезных советов... Чем быстрее приближались ледоколы к нашим берегам, тем сильнее охватывала радость советских людей и особенно наших учёных, которым предстояла одна из первых встреч с людьми, побывавшими на Северном полюсе. Владимир Леонтьевич всё чаще и чаще вызывал меня и интересовался, как идёт подготовительная работа по организации встречи. Наступил торжественный день, Владимир Леонтьевич проверил всё до мелочей и дал ряд новых поручений. На вечере встречи кроме академиков и членов-корреспондентов было много гостей, приглашённых лично Владимиром Леонтьевичем. Вечер встречи прошёл прекрасно, как нам сказал президент, и я был рад, когда на второй день Владимир Леонтьевич объявил мне благодарность в приказе и выдал денежную премию, а также

Дрейфующая станция «Северный полюс-1»
[<http://antarctic.su/books/item/f00/s00/z0000011/st017.shtml>]

Так встречала героев Москва.

[<http://antarctic.su/books/item/f00/s00/z00000011/st017.shtml>]

Владимир Леонтьевич среди папанинцев. *Сидят (слева направо):* А.Н. Бах, В.Л. Комаров, И.Д. Папанин, Г.М. Кржижановский. *Стоят:* Е.К. Фёдоров, О.Ю. Шмидт, П.П. Ширшов, 1938 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 29; Там же. Д. 33. Л. 4]

премировал других товарищей, которые участвовали в этой работе» [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.126. Л.3, 4].

Несомненно, Комаров умел проявить достаточную гибкость в отношениях с властью, что позволяло ему успешно защищать интересы как Академии наук в целом, так и отдельных её сотрудников.

Академик Н.И. Бухарин

Однако и власть умела поставить «на место» Академию.

Уже 27 февраля 1937 г., т.е. менее чем через 2 месяца после избрания Комарова президентом Академии, одним из первых арестованных её действительных членов был русский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель, директор Института истории науки и техники АН СССР академик Николай Иванович Бухарин (9.10.1888–15.03.38). Он и ещё 20 человек обвинялись в заговорщической

Фрагмент газеты «Советская торговля» от 5 марта 1938 г.

деятельности и принадлежности к антисоветскому «правотроцкистскому блоку». 21 мая 1937 г. Общее собрание АН СССР было вынуждено исключить Н.И. Бухарина из числа действительных членов и состава Президиума АН СССР. Властями была развёрнута беспрецедентная по масштабам пропагандистская кампания в прессе, где печатались десятки тысяч писем с осуждением обвиняемых. Одними из последних к этой кампании присоединились и члены АН СССР. В частности, в газете «Известия» от 12.03.38 г. было опубликовано письмо, озаглавленное «Шайке фашистских бандитов не должно быть пощады». В письме говорилось: *«Во имя того подлинного пролетарского гуманизма, поборником которого был наш великий А.М. Горький, во имя защиты культуры и священных прав всего прогрессивного человечества Академия наук СССР от лица всех научных работников Советского Союза требует, чтобы к потерявшим облик человеческий преступникам из “правотроцкистского блока” была применена высшая мера наказания»*. Под письмом стояли подписи 17 академиков: президента В.Л. Комарова, вице-президентов, всех членов Президиума АН (кроме С.И. Вавилова*). Уже на следующий день (13.03.38 г.) Военная коллегия Верховного суда СССР признала всех обвиняемых виновными, приговорив 18 человек, в том числе Бухарина, к смертной казни, ещё 3 человека получили длительные сроки заключения (впоследствии и они были расстреляны в сентябре 1941 г. под Орлом вместе со 154 другими политзаключёнными при приближении гитлеровских войск). Заметим, что письмо членов Академии наук при вынесении приговора не имело какого-либо значения, поскольку сам смертный приговор обвиняемым был вынесен на основании решения комиссии, которую, как известно, возглавлял А.И. Микоян. Причём в состав комиссии из 35 человек, помимо Л.П. Берии и Н.И. Ежова, были включены супруга Ленина Н.К. Крупская и его сестра М.И. Ульянова. 15 марта участники правотроцкистского блока были расстреляны. Н.И. Бухарин был

* **Вавилов Сергей Иванович** (1891–1951) – советский физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, действительный член (1932) и президент АН СССР (1945–1951). Младший брат Н.И. Вавилова, советского учёного-генетика. Лауреат четырёх Сталинских премий (1943, 1946, 1951 – посмертно, 1952 – посмертно), кавалер двух орденов Ленина (1943, 1945) [Келер, 1984].

Фрагмент газеты «Правда» от 12 марта 1938 г.

Академик Н.П. Горбунов

реабилитирован 4 февраля 1988 г., а 10 мая этого же года его посмертно восстановили и в АН СССР.

В 1938 г. был осуществлён совершенно неожиданный для Комарова и Академии наук арест (19.02.38) и впоследствии расстрел (07.09.38) неперменного секретаря АН СССР академика Николая Петровича Горбунова. Николай Петрович родился в семье инженера. В 1917 г. окончил Петроградский технологический институт, вступил в члены РСДРП(б) в августе 1917 г. В своё время Николай Петрович был управляющим делами СНК РСФСР и личным секретарём Ленина.

Когда Владимир Ильич умер, Горбунов снял со своего пиджака орден Красного Знамени (№ 4274) и приколот его к френчу уже умершего вождя. Орден был вместе с Лениным до 1943 г. В 1923–1929 гг.

Горбунов был ректором МВТУ им. Н.Э. Баумана, с 1928 по 1932 г. – бессменным председателем Научной комиссии Комитета по химизации, членом коллегии Госплана, зам. директора Физико-химического института им. Л.Я. Карпова. В 1932 г. Н.П. Горбунов основал журнал «Успехи химии» и стал его главным редактором. В 1935 г. он был избран академиком и непременным секретарём АН СССР. Репрессирован в рамках «дела альпинистов». Реабилитирован 13 марта 1954 г.

29.04.1938 г. президент АН СССР В.Л. Комаров представил Общему собранию Академии наук список на исключение 21 академика и члена-корреспондента из состава Академии. Голосования не было. Собрание «решило» исключить всех, поскольку выявленные «славными органами НКВД» «враги народа» не должны носить высокое звание члена Академии наук СССР. Академических званий лишились Г.А. Надсон, В.В. Осинский-Оболенский, А.Н. Самойлович, Н.М. Туйлаков, В.Н. Бенешевич, Н.Н. Дурново, В.Ю. Ган, Б.М. Гессен, В.Г. Глушков, Ю.А. Крутков, Г.А. Ильинский, Л.С. Лейбензон, Б.В. Нумеров, Б.Б. Полюнов, А.М. Селищев, С.Г. Томсинский, А.Н. Туполев, Н.М. Фёдоровский и Я.Н. Шпильрейн, причём А.Н. Самойлович, Н.М. Туйлаков, В.Н. Бенешевич, Н.Н. Дурново, Б.М. Гессен, В.Г. Глушков, Г.А. Ильинский, С.Г. Томсинский и Я.Н. Шпильрейн лишились этого звания посмертно*. В этот же день академического звания

* **Надсон Георгий Адамович** (1867–1939) – ботаник, генетик, микробиолог, академик (1929). Директор Института микробиологии АН СССР (1934–1938). Арестован 29 октября 1937 г., приговорён к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации 14 апреля 1939 г. Расстрелян 15 апреля 1939 г. **Осинский-Оболенский Валериан Валерианович** (1887–1937) – экономист, академик (1932). Директор Института истории науки и техники АН СССР (1935–1937). Арестован 14 октября 1937 г. по подозрению в подготовке профашистского путча в Москве. Приговорён к высшей мере наказания 1 сентября 1938 г. Расстрелян в тот же день.

Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) – востоковед, академик (1929), арестован 27 октября 1937 г. по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии. Расстрелян 13 февраля 1938 г.

Туйлаков Николай Максимович (1875–1938) – астроном и почвовед, академик (1932). Один из организаторов и в 1929–1935 вице-президент ВАСХНИЛ. Арестован в августе 1937 г., умер в Соловецких лагерях (по другим данным, расстрелян в Саратовской тюрьме).

Бенешевич Владимир Николаевич (1847–1938) – юрист, историк, член-корреспондент (1924). Арестован 27 ноября 1937 г., обвинён в шпионаже. Приговорён

к расстрелу 17 января 1938, расстрелян 27 января 1938 г., как и проходившие по этому же делу два сына и брат Дмитрий.

Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – лингвист, член-корреспондент (1924). Арестован в декабре 1933 г. по «делу славистов», приговорён к 10 годам лагерей как «контрреволюционер» и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1937 г. был вторично осуждён и расстрелян. В 1938 г. были расстреляны оба его сына – Андрей и Евгений.

Ган Владимир Юльевич (1876–1939) – специалист в области сельскохозяйственного машиностроения, член-корреспондент (1932). Арестован в сентябре 1937 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гессен Борис Михайлович (1893–1936) – философ, занимался философскими вопросами физики. Член-корреспондент (1933). Арестован 22 августа 1936 г. На момент ареста – директор Института физики. 20 декабря 1936 г. приговорён к расстрелу. Расстрелян в тот же день.

Глушков Виктор Григорьевич (1883–1937) – гидролог, член-корреспондент (1932). Арестован 25 или 26 декабря 1936 г. На момент ареста – директор Государственного гидрологического института, руководитель работ по водному кадастру СССР. 22 мая 1937 г. приговорён к расстрелу. Расстрелян 23 мая 1937 г.

Крутков Юрий Александрович (1890–1952) – физик, член-корреспондент (1933). Арестован 30 декабря 1936 г. по «Пулковскому делу», осуждён на 10 лет 25 мая 1937 г. Благодаря заступничеству академика А.Н. Крылова получил возможность в заключении работать по специальности. Был освобождён 4 марта 1947 г. Скончался 12 сентября 1952 г. после тяжёлой болезни сердца. Незадолго до кончины узнал о присуждении ему Сталинской премии за работы в области атомной физики.

Ильинский Григорий Андреевич (1886–1937) – филолог-славянист, член-корреспондент (1921). 11 января 1934 г. был арестован по делу «Русской национальной партии», осуждён на 10 лет лагерей и отправлен на Соловки. Затем тюрьма была заменена ссылкой, в 1936 г. был освобождён и поселился в Томске. В 1937 г. был арестован повторно и расстрелян.

Лейбензон Леонид Самуилович (1879–1951) – механик, член-корреспондент (1933), академик (1943). Арестован 10 июля 1936 г., в начале декабря 1936 г. был оправдан и освобождён, но 17 декабря 1936 г. вновь арестован и 28 января 1937 г. спецколлегия Мосгорсуда приговорила его и жену к «ссылке без принудительного лишения свободы в Казахстан, сроком на три года каждому, без поражения в правах». По протесту прокурора был оправдан в мае 1939 г. Был старшим научным сотрудником Геофизического института АН СССР.

Нумеров Борис Васильевич (1851–1941) – астроном, член-корреспондент (1929). В 1924–1936 гг. – директор Астрономического института. Арестован в ночь с 21 на 22 октября 1936 г. в связи с «Пулковским делом», приговорён 25 мая 1937 г. к 10 годам тюремного заключения по обвинению в шпионаже. Расстрелян, вероятно, 15 сентября 1941 г. в Орловской тюрьме перед сдачей города немецким войскам.

Полынов Борис Борисович (1877–1952) – почвовед, член-корреспондент (1933), академик (1946). В 1932–1937 гг. – директор Почвенного института имени В.В. Докучаева. Арестован 11 мая 1937 г., обвинён в шпионаже. Освобождён 28 марта 1939 г. «за прекращением дела № 23283» (в другой справке: «освобождён из-под

лишились бывший неперменный секретарь Академии наук Н.П. Горбунов и эмигрировавший ещё в 1933 г. в США физик-теоретик член-корреспондент Г.А. Гамов (1904–1968). Нелишним будет напомнить, что все вышеперечисленные учёные в последующие годы были реабилитированы и восстановлены в академических званиях, лишь 6 из них были восстановлены в своих званиях при жизни.

Одним из наиболее мрачных фрагментов истории Академии стало дело выдающегося советского учёного-генетика, ботаника, селекционера, географа, общественного и государственного деятеля, академика Николая Ивановича Вавилова. Николай Иванович родился в Москве 13 (25) ноября 1887 г. Окончил Московское коммерческое училище (1906) и Московский сельскохозяйственный институт. С сентября 1917 г. по 1921 г. преподавал на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах, где в 1918 г., с преобразованием кур-

стражи за прекращением следствия по его делу». 28 июня 1939 г. восстановлен в звании члена-корреспондента.

Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1946) – лингвист-славист, член-корреспондент (1929). Арестован в феврале 1934 г. по «делу славистов». Осуждён на 5 лет лагерей, находился в Карлаге. Освобождён досрочно 11 января 1937 г., жил в Калининe. Умер от рака 6 декабря 1942 г.

Томсинский Семён Григорьевич (1894–1938) – историк, член-корреспондент (1933). Директор Историко-археографического института АН СССР (1933–1935) в Ленинграде. Арестован 29 апреля 1936 г. Обвинён в создании контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации. Осуждён 11 октября 1936 г., приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 11 октября 1936 г. (по другим данным 15 марта 1938 г.).

Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – авиаконструктор, член-корреспондент (1933), академик (1953), генерал-полковник-инженер (1968). Арестован в октябре 1937 г. Работал в закрытом конструкторском бюро НКВД. В 1941 г. освобождён со снятием судимости. Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолётов, 70 из которых строились серийно. На его самолётах установлено 78 мировых рекордов, выполнено около 30 выдающихся перелётов.

Фёдоровский Николай Михайлович (1886–1956) – минералог, член-корреспондент (1933). Организатор и первый директор (1923–1937) Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья. Арестован 25 октября 1937 г. «за участие в антисоветской организации». Осуждён на 15 лет лагерей без права переписки, с последующей бессрочной ссылкой и 5 лет лишения политических прав. В 1954 г. реабилитирован.

Шпильрейн Ян Николаевич (1887–1938) – математик, инженер, член-корреспондент (1933). В 1930 г. участвовал в создании Московского энергетического института. Арестован 10 сентября 1937 г. по обвинению в участии в «Демократической партии». Расстрелян 21 января 1938 г.

Академик Н.И. Вавилов

сов в институт, был избран профессором и заведовал кафедрой генетики, селекции и частного земледелия. В марте 1921 г. переехал в Петроград, возглавлял Отдел прикладной ботаники и селекции. В 1922 г. Вавилов был назначен директором Государственного института опытной агрономии, а в 1924 г. он стал директором Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. В 1923 г. Н.И. Вавилов был избран членом-корреспондентом, а в 1929 г. академиком АН СССР. В 1942 г. был избран иностранным

членом Лондонского королевского общества. Он также был президентом (1929–1935), вице-президентом (1935–1940) Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), президентом Всесоюзного географического общества (1931–1940), основателем (1920) и бессменным до момента ареста директором Всесоюзного института растениеводства (1930–1940), директором Института генетики АН СССР (1930–1940). На основании сфабрикованных обвинений Николай Иванович был арестован в 1940 г., в 1941 г. – осуждён и приговорён к расстрелу, который впоследствии был заменён 20-летним сроком заключения. Умер 26 января 1943 г. в Саратовской тюрьме от дистрофии. В 1955 г. посмертно реабилитирован.

Органами НКВД РСФСР (ОГПУ) фабрикация дела против Вавилова была начата ещё в 1931 г. Как отмечает Марк Поповский в своей документальной книге, посвящённой Н.И. Вавилову [1990], материалы, собранные органами ОГПУ на академика в начале 1930-х гг., носили ещё случайный характер. Тем не менее с 1933 г. Николаю Ивановичу был закрыт выезд за границу, а летом 1934 г. было отменено празднование десятилетия Всесоюзного института растениеводства и четвертьвекового юбилея научной деятельности его директора. Направление собираемых наветов сильно изменилось,

когда президентом ВАСХНИЛ стал Т.Д. Лысенко*. «После 1937 г. для тех, кто писал доносы, и для тех, кто их читал, “вина” академика Вавилова окончательно прояснилась. Теперь в агентурное дело директора ВИРа потоком пошли сообщения о его антилысенковских, (а следовательно – антисоветских) деяниях... Собранные в трёх томах материалы сводились к тому, что академик Вавилов Н.И. объединил вокруг себя антисоветски настроенных научных работников не только в Институте растениеводства, но и в Институте генетики АН СССР» [Поповский, 1990, с. 187–188]. В архивно-агентурном деле № 300669, заведённом 13 декабря 1938 г., было отмечено, что возглавляемые Вавиловым контрреволюционеры защищают реакционные расовые теории буржуазных учёных, противопоставляют себя академику Лысенко и не желают признавать его трудов.

Академик Т.Д. Лысенко

Летом 1939 г. в столице Шотландии состоялся VII Международный конгресс генетиков, председательствующим на котором должен был быть Вавилов. Президентство советского учёного на международном конгрессе, несомненно, подняло бы международный престиж страны. Как известно, Комаров несколько раз безуспешно ездил в Совнарком, чтобы получить для Вавилова разрешение на выезд. Однако в этот период в правительстве решался вопрос об аресте Вавилова, но поднимать шум и арестовывать Вавилова в дни заседания

* **Лысенко Трофим Денисович** (1898–1976) – советский агроном и биолог. Основатель и крупнейший представитель псевдонаучного направления в биологии – мичуринской агробиологии, академик АН СССР (1939), академик ВАСХНИЛ (1935). Герой Социалистического Труда (1945). Лауреат трёх Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1949). С 1936 г. – директор Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе, с 1938 по 1956 г. – президент ВАСХНИЛ, с 1940 по 1965 г. – директор Института генетики АН СССР [Журавский, 1993; Медведев, 1993; Сойфер, 2002; Любищев, 2006; Моргун, 2007; и др.].

конгресса председатель СНК В.М. Молотов не решился [Поповский, 1990].

В постановлении на арест, который был проведён 6 августа 1940 г. в городе Черновцы в период комплексной экспедиции по западным областям Белоруссии и Украины, было сказано, что, «про-

Академик Н.В. Цицин

двигая заведомо враждебные теории, Вавилов ведёт борьбу против теорий и работ Лысенко, Цицина* и Мичурина, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР», но не было упомянуто о «Трудовой крестьянской партии», обвинение в руководстве которой Вавилову было предъявлено в дальнейшем в ходе следственных действий. В том же 1940 г. директором Института генетики АН СССР вместо арестованного Н.И. Вавилова был назначен академик Т.Д. Лысенко. Поповский в связи с данным назначением отмечает: *«Нетрудно представить ту*

смесь стыда, страха и бессильной ярости, которую испытывал Комаров, глядя, как недоучка-агроном (Лысенко – авт.) орудует в Институте генетики АН СССР» [Поповский, 1990, с. 214].

Очевидно, что В.Л. Комаров не сумел встать на защиту Н.И. Вавилова. Это ему было не по силам, ведь в докладной записке «О борьбе реакционных учёных против академика Т.Д. Лысенко», составленной в 1939 г. заместителем Л.П. Берии, в списке реакционных противников любимца Сталина значилась и фамилия В.Л. Комарова. Кроме того, в дневниковой записи Вернадского ещё от 14 ноября 1938 г. читаем: *«Атмосфера очень неприятная. А.Е. [Ферсман]*

* Цицин Николай Васильевич (1898–1980) – советский ботаник, генетик и селекционер. Академик АН СССР (1939), ВАСХНИЛ (1938; в 1938–1948 – вице-президент). Дважды Герой Социалистического Труда (1968, 1978); лауреат Ленинской (1978) и Сталинской премии второй степени (1943). В конце 1930-х годов поддерживал методы и идеи Т.Д. Лысенко, однако в 1948 г. в письме к Сталину критиковал Лысенко за «научные ошибки», «попытки административными методами подавить научных оппонентов» [Елагин, 1988].

Вернадский В.И. и Комаров В.Л., 1939–1940 гг. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 30. Л. 1]

рассказывал, что К[омаров] в тяжёлом настроении. Он ждёт отставки в форме недопустимой. По-видимому, Лысенко имеет доступ к Сталину и ведёт там интригу ... Лысенко, по-видимому, намечается в президенты» [АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 6].

<...>

С 1938 г. начинался отсчёт 3-го пятилетнего плана*, в котором выдвигалась задача догнать развитые страны по производству промышленной продукции на душу населения, которая в СССР была в 5 раз ниже. Большие надежды у правительства были связаны с модернизацией экономики. Главное внимание уделялось теперь не ко-

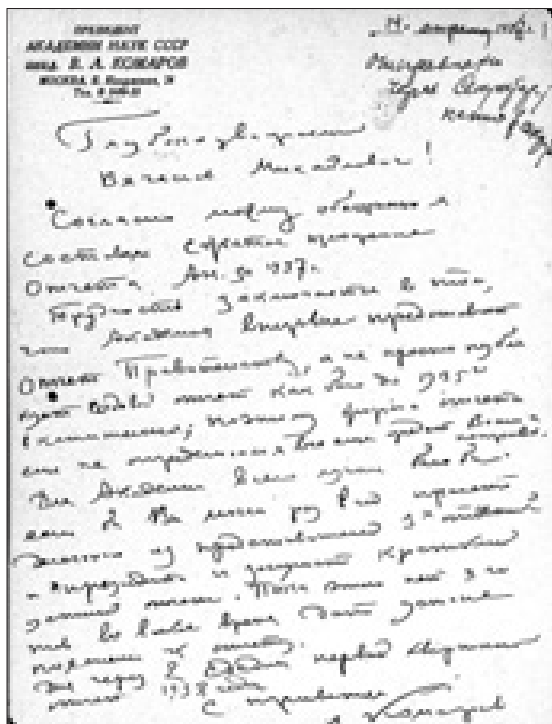
*Третий пятилетний план на 1938–1942 гг., намечавший ускоренные темпы экономического роста, был принят на XVIII съезде ВКП(б), который проходил в Москве 10–21 марта 1939 г. Съезд записал в своих решениях: «Теперь, когда СССР сложился как социалистическое государство, закончил в основном техническую реконструкцию народного хозяйства и по уровню техники производства в промышленности и сельском хозяйстве стоит впереди любой капиталистической страны Европы, теперь мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединённые Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени».

личественным, а качественным показателем. Упор делался на увеличение выпуска легированных и высококачественных сталей, лёгких и цветных металлов, точного оборудования. В годы пятилетки принимались серьёзные меры по развитию химической промышленности и химизации народного хозяйства, внедрению комплексной механизации, и даже осуществлялись первые попытки автоматизации производства. Резко увеличились ассигнования на оборону.

Особая роль в реализации планов 3-й пятилетки отводилась Академии наук СССР. Не случайно именно в этот период правительство ужесточило требования к содержанию планов научных работ Академии наук и представлению её отчётов. Это было непростой задачей, и уже в апреле 1938 г. президент Академии наук вынужден был выслать Молотову объяснительное письмо: *«Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович! Согласно моему обещанию я составил сжатое изложение отчёта АН за 1937 г. Трудность заключается в том, что Академия впервые представляет отчёт Правительству, а не просто публикует годовой отчёт, как было до 1935 г. включительно; поэтому форма отчёта ещё не определилась и все ещё ждёт ваших поправок. Для Академии всего лучше было бы, если бы Вы могли раз в год принять делегацию из представителей 3-х отделений и президента и заслушать краткий устный отчёт. Пока этого нет, я готов во всякое время дать устные пояснения к отчёту. Дня через 2 сдадим первый квартальный отчёт 1938 г. С приветом, В. Комаров»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 32. Л. 1].

Выполняя просьбу Комарова, Молотов пригласил президента и академиков-секретарей Отделений АН СССР на заседание Совнаркома СССР для обсуждения плана работ Академии на текущий год. После выступления Владимира Леонтьевича и академиков-секретарей члены правительства основные замечания высказали в основном к работе Отделения технических наук (ОТН), которое возникло в конце 1935 г. По мнению правительства, ОТН должно было взять на себя ответственность за реконструкцию народного хозяйства и создание новейшей технической базы для всех его отраслей. На данном этапе работы Академии такая задача для ОТН была явно непосильной, однако в скором времени, в условиях начавшейся Великой Отечественной войны, именно Академия наук СССР возьмёт на себя ответственность за координацию всех оборонных разработок и их

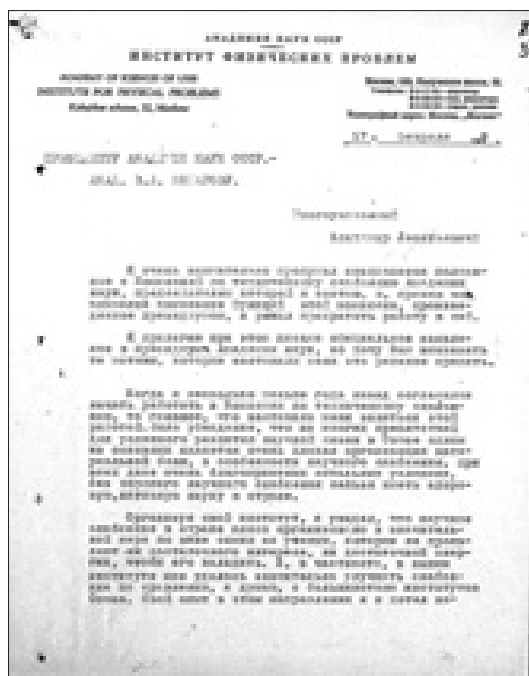
внедрение в военно-промышленный комплекс. Членами правительства были также высказаны замечания по планам АН СССР, в которых, по мнению руководителей страны, в достаточной степени не нашли отражения некоторые важнейшие для народного хозяйства проблемы: применение высоких давлений для синтеза неорганических и органических соединений, для переработки горючих; подземной газификации угля; транспортировки газа; автоблокировки и автостопа;

Письмо В.Л. Комарова В.М. Молотову от 14 апреля 1938 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 32. Л. 1]

заменителей остродефицитного сырья и металлов и т.п. В результате проведённых руководством Академии консультаций и согласований с правительством были определены 33 ведущие общеакадемические проблемы, которые Общее собрание АН СССР утвердило 29 сентября 1938 г. Кроме того, сентябрьское Общее собрание постановило упразднить в структуре Академии группы и создать вместо трёх отделений восемь. В специальном письме в СНК СССР президент АН СССР подчёркивал, что новые отделения задуманы как центры научного общения работников представленных в них дисциплин, с одной стороны, и как опора Президиума в привлечении к разработке планов широких кругов научной общественности [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 81. Л. 62]. 4 октября 1938 г. СНК утвердил новую структуру Академии наук, а 29 октября Общее собрание АН в основном утвердило план работ Академии на 1939 г.

К сожалению, налаживание работы по включению АН СССР в выполнение 3-го пятилетнего плана сталкивалось со многими организационными проблемами, в том числе с планированием деятельности самой Академии и её технического снабжения. Основная дискуссия развернулась между

Фрагмент письма академика Капицы Комарову об организации планирования в Академии наук и с сообщением о своём прекращении работы в Комиссии по техническому снабжению [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 693. Л. 3]

академиком Петром Леонидовичем Капицей*, который в то время возглавлял Комиссию по техническому снабжению Академии наук, и вице-президентом Академии академиком Глебом Максимилиановичем Кржижановским**. Пётр Леонидович считал необходимым иметь значительную свободу действий для возглавляемой им Комиссии с обязательностью её решений для «Техснаба». Капица стремился превратить «Техснаб» в организацию, *«изучающую советский рынок приборов, нужды институтов и, в свою очередь,*

* Капица Пётр Леондович (1894–1984) – советский физик. Академик АН СССР (1939). Лауреат Нобелевской премии (1978), лауреат двух Сталинских премий I степени (1941, 1943), награждён Большой золотой медалью имени М.В. Ломоносова АН СССР (1959), дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1974), кавалер шести орденов Ленина (1943; 1944; 1945; 1964; 1971; 1974). Основатель Института физических проблем (1934). С 1921 по 1934 г. работал в Кавендишской (Великобритания) лаборатории под руководством Резерфорда [Есаков, 1997; Есаков, Рубинин, 2003].

** Кржижановский Г.М. занимал должность вице-президента АН СССР с 15.05.1929 г. по 28.02.1939 г.

информирующую их с помощью специального информационного бюро, создающую центральный склад научных приборов и материалов». Далее П.Л. Капица отмечал: «Мой административный опыт указывает, что если работнику указывать шаг за шагом, что ему нужно делать, (как например, теперь Президиум Академии наук делает с институтами), то из этого никогда ничего хорошего не получится. Всякому работнику должна быть дана свобода действий и только преподаны самые общие директивы, и он должен полностью отвечать за свою работу; это относится и к директору «Техснаба»» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 693. Л. 5].

Поводом для разногласий с Кржижановским «явилась разная оценка годовичного отчёта «Техснаба». Последний не только выполнил свой план, но ещё на 40% своего оборота по научному оборудованию удовлетворил такие потребности институтов, которые не были предусмотре-

Академик П.Л. Капица,
фотогалерея РАН

нены планом и возникли в процессе текущей работы. В то время, как комиссия со мной вместе считала это большим достижением и поощряло это, тов. Кржижановский заявил, что это «нужно лечить, а не поощрять». Как видите, противоречия между нашими взглядами обозначились достаточно определённо. Из дальнейших реплик тов. Кржижановского я понял, что он считает моё отношение к плановой системе недопустимым и корни этого он усмотрел в том, что я пропитан буржуазными взглядами, которыми я напился во время моего пребывания за границей» [Там же. Л. 7]. В конечном итоге П.Л. Капица отказался возглавлять Комиссию по техническому снабжению Академии наук, при этом он счёл необходимым подробно изложить В.Л. Комарову свои взгляды на планирование научных работ и работу «Техснаба» [Там же. Л. 3–15]. Здесь

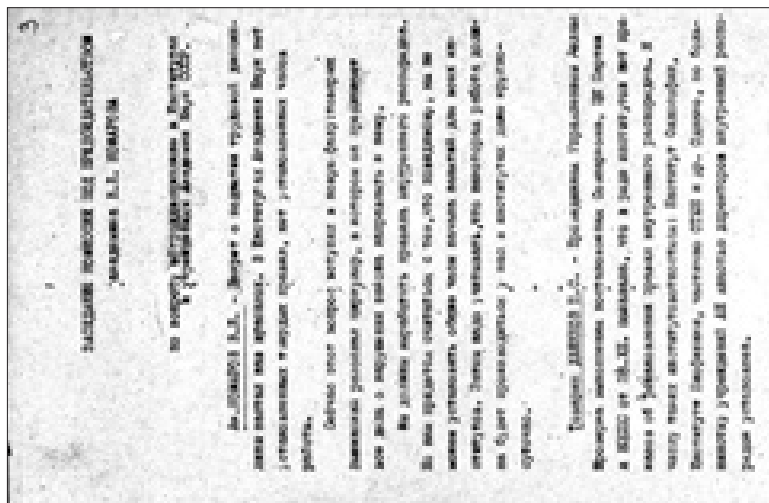
можно заметить, что дискуссии о формах планирования НИР продолжаются и поныне.

28 декабря 1938 г. Совнарком СССР совместно с ЦК ВКП(б) и ВЦСПС приняли Постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». В стране повсеместно вводилась семидневная рабочая неделя. В Постановлении, в частности, говорилось: *«Рабочий или служащий, допустивший опоздание на работу без уважительных причин, или преждевременно ушедший на обед, или запоздавший приходом с обеда, или раньше времени ушедший с предприятий или из учреждения, или бездельничавший в рабочее время, подвергается администрацией взысканию: замечание, или выговор, или выговор с предупреждением об увольнении; перевод на другую, нижеоплачиваемую работу на срок до 3 месяцев или смещение на низшую должность.*

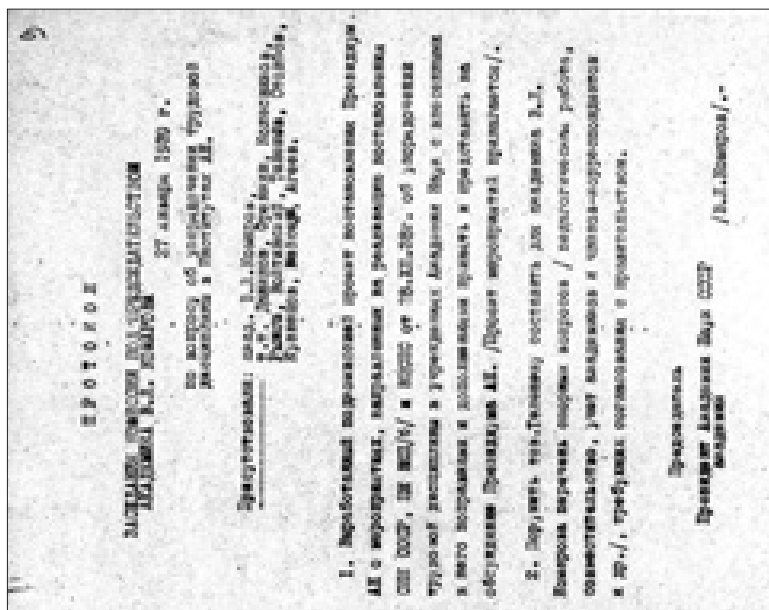
Рабочий или служащий, допустивший три таких нарушения в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев подряд, подлежит увольнению как прогульщик, как нарушитель закона о труде и трудовой дисциплины.

Установить, что за уклонение от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины и непринятие мер против прогульщиков, летунов и разгильдяев... руководители предприятий, учреждений, цехов и отделов привлекаются вышестоящими органами к ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду».

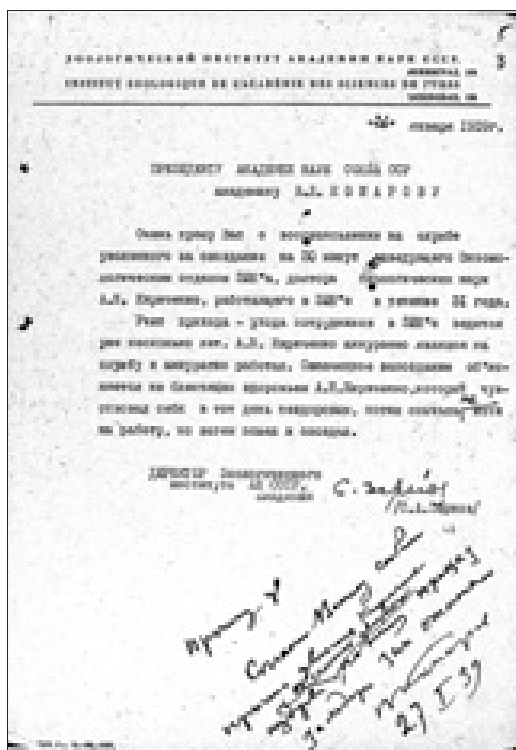
В качестве реакции на правительственное решение в Академии наук была сформирована Комиссия под председательством Комарова, в задачу которой вменялась разработка мероприятий по упорядочению трудовой дисциплины в академических учреждениях. На первом заседании Комиссии Владимир Леонтьевич в своём вступительном слове заявил: *«Декрет о поднятии трудовой дисциплины застал нас врасплох. В Институтах Академии Наук нет установленных твёрдых правил, нет установленных часов работы. Сейчас этот вопрос вступил в новую фазу: товарищ Вышинский (прокурор СССР – авт.) разослал циркуляр, в котором он предлагает все дела о нарушении закона направлять к нему. Мы должны выработать правила внутреннего распорядка. Но нам придётся*

Первая страница стенограммы Комиссии по вопросу трудовой дисциплины в институтах и учреждениях АН СССР, январь 1939 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 53. Л. 3]

Протокол заседания Комиссии по вопросу трудодисциплины
в институтах АН СССР, 27.01.1939 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 3.
Д. 53. Л. 9]

Объяснительная записка
директора ЗИН академика
С.А. Зернова по поводу
опоздания А.Н. Кириченко
на работу [АРАН. Ф. 277. Оп. 4.
Д. 634. Л. 3]

считаться с тем, что по-видимому, мы не можем установить общие часы начала занятий для всех институтов. Затем надо учитывать, что некоторая работа должна будет производиться у нас в институтах даже круглосуточно» [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 53. Л. 3]. К концу января 1939 г. соответствующий проект постановления Президиума уже был подготовлен.

Требования трудовой дисциплины в Академии были очень жёсткими. Один из примеров – увольнение в январе 1939 г. заведующего энтомологическим отделом Зоологического института АН СССР (Ленинград) доктора биологических наук А.Н. Кириченко за 30-минутное опоздание на работу. Директор Института академик С.А. Зернов* был вынужден обратиться непосредственно к президенту Академии наук с просьбой о восстановлении Кириченко на работе. В объяснительной записке академик Зернов писал: «Означенное за-
поздание объясняется неблестящим здоровьем А.Н. Кириченко, который чувствовал себя в тот день нездоровым, хотел сначала не идти на работу, но затем пошёл и опоздал». Владимир Леонтьевич

*Зернов Сергей Алексеевич (1871–1945) – русский и советский зоолог, гидробиолог и общественный деятель. Основоположник гидробиологии в России, создатель её экологического направления. Академик АН СССР (1931). В 1931–1942 гг. директор Зоологического института АН СССР. Кавалер ордена Ленина (1945).

посчитал причину уважительной и отменил приказ об увольнении [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 634. Л. 3].

В начале 1939 г., согласно изданному в 1938 г. постановлению правительства, предстояли большие выборы в Академию наук СССР. Они должны были увеличить число действительных членов Академии наук до 130, а число её членов-корреспондентов – до 200. В.Л. Комаров в конце 1938 г. выступил по этому поводу со статьёй «Накануне выборов новых академиков» [Комаров, 1938], в которой выразил свои мысли о роли в Советском Союзе учёного, увенчанного высоким званием академика: *«Советская Академия – не место почётно-го успокоения от научных трудов, не экспертная комиссия, выдающая премии или оценивающая труды учёных, в ней не состоящих. Вооружённая многочисленными институтами и лабораториями наша Академия Наук – место напряжённой работы, где выполняются задания правительства Союза и задания растущей его промышленности»* [Комаров, 1938, с. 41]. Ныне слова В.Л. Комарова, сказанные более 80 лет назад, выглядят крайне актуальными в связи с современной реформой Российской академии наук, предпринятой Правительством Российской Федерации в 2013 г., в результате которой Академия лишилась своих институтов и превратилась в некий «клуб учёных» с экспертными функциями.

Избрание в январе 1939 г. новых членов привело в Академию значительные научные силы, хотя среди них присутствовали и правительственные протеже: А.Я. Вышинский*, М.Б. Митин**, Е.М. Ярославский***, Т.Д. Лысенко, Н.В. Цицин и др.; а также в неё вошли

* **Вышинский Андрей Янгарьевич** (1883–1954) – советский государственный деятель, юрист, дипломат. В 1925–1928 гг. ректор Московского государственного университета. Прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954). Академик АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947), кавалер 6 орденов Ленина (1937, 1943, 1945, 1945, 1947, 1954).

** **Митин Марк Борисович** (1901–1987) – советский публицист, политический и общественный деятель. Автор работ по диалектическому и историческому материализму, критике буржуазной философии. Академик АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943), кавалер 3 орденов Ленина (1953, 1961, 1975).

*** **Ярославский Емельян Михайлович** (1878–1943) – российский революционер, советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Академик АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943), кавалер ордена Ленина (1938).

представители прикладных направлений науки, избрание которых в предвоенное время было вполне оправдано. Заметим, что на этом же собрании Т.Д. Лысенко был проведён членом Президиума. Однако избранного в члены Академии научного соратника Лысенко Н.В. Цицина в 1939 г. удалось изолировать от ответственной должности. Считается, что В.Л. Комаров отстоял секретарём Биологического отделения Орбели. *«Настаивали на Цицине»*, – записал в одной из своих тетрадей В.И. Вернадский.

В этой части отметим, что при оценке, конечно, с положительной стороны результатов проведённых выборов В.Л. Комаров в своей статье «Академия наук к XVIII съезду ВКПб», опубликованной во 2-м номере «Вестника АН СССР» (1939), счёл необходимым особо отметить избрание действительными членами Академии Т.Д. Лысенко и Н.В. Цицина: *«Среди новых академиков и членов-корреспондентов Академии Наук мы видим имена крупных передовых учёных, известных всей стране. Есть ли в нашей стране человек, который не знал бы Т.Д. Лысенко и Н.В. Цицина и не произносил бы с чувством глубокого уважения их имена? Это народные учёные, продолжатели славных традиций великих борцов науки К.А. Тимирязева и И.В. Мичурина. Они вышли из народа, они связаны с ним. В лабораториях и на просторах социалистических полей, увязывая мысль с делом, Т.Д. Лысенко и Н.В. Цицин, при помощи миллионов колхозников, ведут борьбу за сталинские урожаи»* [Комаров, 1939, с. 31].

В своём небольшом исследовании биограф Комарова Г.А. Савина справедливо отмечает: *«Не следует, однако, становиться в позу прокурора, оценивая пластичность поведения и характера Комарова. Вавилов, образец принципиальности и стойкости в борьбе с Лысенко и лысенковщиной, в 1939 г. был поставлен в такие условия, что сам поддержал кандидатуру своего палача при избрании его в академики АН СССР. За спиной народного академика (Лысенко – авт.) была вся мощь тоталитарной государственной машины, попадание под колёса которой означало неминуемую гибель. Жизненная и нравственная планка у всех участников этой трагедии была своя»* [Савина, 2012].

В вышеупомянутой статье Комарова, посвящённой XVIII съезду ВКП(б), Владимир Леонтьевич подробно остановился на достижениях советских учёных и обозначил научные и научно-технические

В.Л. Комаров со своими учениками. Сидят (слева направо): Н.В. Павлов, С.Ю. Липшиц, Б.К. Шишкин; стоят: Л.Е. Родин, В.С. Порецкий [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 51; Там же. Д. 31. Л. 55]

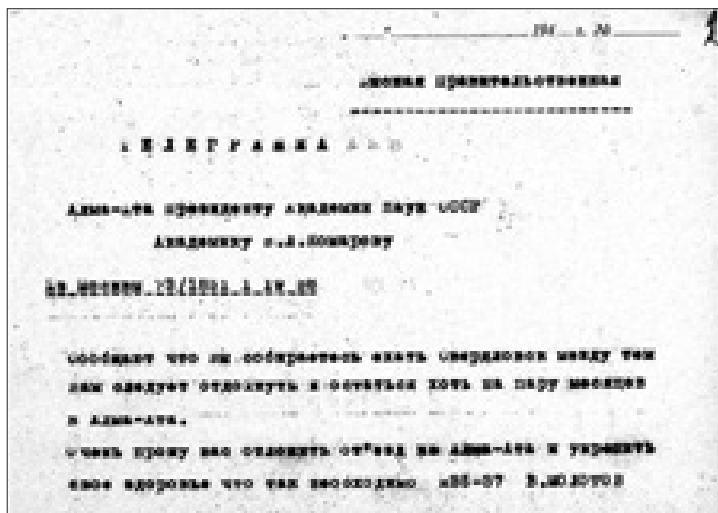
проблемы, вытекающие из «...основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединённые Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени» [Молотов, 1939, с. 9]. Для нас определённый интерес здесь представляет мнение Комарова об уровне академических исследований в СССР в то сложное время: «Победа социалистической революции в небывалой степени расширила горизонт науки. Советская наука обязана социализму и своим методом, и своей материально-экспериментальной базой, и своей проблематикой. Примером этого являются все отрасли научной работы Академии Наук. Об этом говорит необычайно разросшаяся сеть институтов, лабораторий и других научных учреждений Академии Наук и огромные средства, отпускаемые советским правительством на научную работу» [Комаров, 1939, с. 28].

На фоне реальных достижений советских учёных и перестройки их работы обращает на себя внимание беспрецедентный разгул террора по отношению к научной интеллигенции страны. Дополнительный пример тому – закрытие в 1939 г. Дальневосточного филиала

АН СССР, где председателем был президент АН СССР. Формально филиал был закрыт в связи со сложной предвоенной обстановкой. На самом деле «чистки» 1930-х годов привели к тому, что в филиале просто некому было работать. Филиал перестал пользоваться поддержкой местных органов власти. Основные ведущие специалисты были репрессированы, но многие успели уехать в другие регионы СССР.

Состояние нервного перенапряжения, в котором на протяжении последних лет пребывал В.Л. Комаров на посту президента АН СССР, привело к сильному обострению его хронической болезни – псориаза. 5 августа 1939 г. Комаров, находясь в Теберде на лечении, перенёс инсульт. Врачи констатировали кровоизлияние в правое полушарие головного мозга и левосторонний паралич.

Здесь надо отметить, что состояние здоровья президента Академии наук находилось под постоянным контролем Правительства СССР. В частности, в телеграмме Молотова, направленной Комарову в 1939 г. в Алма-Ату, строго рекомендовалось президенту не выезжать в Свердловск и остаться в Алма-Ате хотя бы на пару месяцев для укрепления здоровья. Когда же у Комарова возникли проблемы со здоровьем на курорте в Теберде, то правительство немедленно

Правительственная телеграмма Молотова Комарову
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1029. Л. 2]

распорядилось выслать Комарову необходимые лекарства. Вот как об этой ситуации вспоминает помощник управляющего делами АН СССР С.Д. Носов: *«Будучи больным, Владимир Леонтьевич, прикованный к постели, принимал серьёзные доклады, давал необходимые распоряжения и даже временами шутил, заглушая свою боль. Не мне судить, но мне казалось, что Владимира Леонтьевича можно было вылечить, организовав поездку за границу, и я осмелился на эту тему поговорить с Владимиром Леонтьевичем. Он ответил отрицательно – заявил: “Вылечат меня или нет я не знаю, но государственных средств затратят изрядно. Ехать в Германию лечиться я не хочу, т.к. не люблю фашистов, а кроме того, у меня много работы и я хочу её закончить”.* Впоследствии я узнал, что Владимир Леонтьевич усиленно вёл работу по гербарию “критического климата”, и поэтому он любил ездить “отдыхать” в Теберду. В Теберде вершины гор в вечных снегах, в долинах же зелень и цветущая жизнь, а средняя полоса гор покрывается полумёртвой природой, ей-то Владимир Леонтьевич и уделял особое внимание, сочетая свой отдых с работой. В 1939 г. президент с женой уехал в Теберду на отдых, если можно это назвать отдыхом. К слову сказать, Владимир Леонтьевич мог ехать в более хороших условиях, но он ограничился одним купе и никого не взял с собой из обслуживающего персонала, несмотря на свою переутомленность и болезненность. На вокзал пришли провожать президента многие академики и учёные различных специальностей, а также его ученики, друзья и сотрудники Академии Наук. Было высказано много хороших пожеланий, а также преподнесено много разных цветов. Кстати, пару слов насчёт цветов. Владимир Леонтьевич любил цветы и растения в их естественном виде, недолюбливал, когда растения срываются и тем самым обрекаются на гибель. Любил целину, природу такой, как она есть, вёл свои наблюдения. На даче Владимира Леонтьевича преобладала целина, дикая природа, если так можно сказать...

Прибыв в Теберду, не отдохнув, как предполагается, Владимир Леонтьевич начал совершать экскурсии в горы к местам критического климата. Вот после одной такой тяжёлой экскурсии Владимиру Леонтьевичу стало очень плохо, он был без сознания несколько часов. Эта тяжёлая весть дошла до нас, весь

В.Л. Комаров во время болезни в Теберде, август 1939 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 24. Л. 3]

академический коллектив был очень огорчён, получив такие вести. В Президиуме Академии наук установили круглосуточное дежурство, начали выпускать бюллетень о состоянии здоровья больного и т.п. Как-то собрались у меня в кабинете Поярков, Долгов и много других товарищей, разговаривали вполголоса, не глядя друг другу в глаза, т.к. у каждого из нас они были влажные, стесняясь по-настоящему прослезиться, беспричинно выходили из кабинета под разными предлогами, чтобы привести себя в порядок. Скоро нам стало известно, что наше правительство, лично тов. Молотов В.М. и Вышинский В.Я., узнав о несчастье в Теберде, в тот же момент передали ряд распоряжений на ближайшие курорты выслать к Владимиру Леонтьевичу лучших медспециалистов для оказания помощи ему. Из Москвы правительство распорядилось послать на самолёте и скорым поездом необходимые препараты и медикаменты. Через несколько дней мы узнали, что жизнь Владимира Леонтьевича спасена, и здоровье его стало улучшаться...»
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 124. С. 8–10].

После непродолжительного пребывания и лечения в Теберде Владимир Леонтьевич, ещё не вполне оправившись от болезни, выехал в Москву. Ведь вскоре ему предстояло пройти через «горнило» двух юбилеев – собственного и «отца всех народов». Вдобавок, осенью у В.Л. Комарова началось очередное обострение псориаза.

10. ДВА ЮБИЛЕЯ (1939–1940 гг.)

Вторая половина 1939 г. была насыщена важными политическими событиями, главным из которых, на наш взгляд, было подписание 23 августа советско-германского договора о ненападении*. На следующий день газета «Правда» в своём редакционном материале писала: *«Десятилетний срок договора, устанавливаемый статьёй VI, свидетельствует о том, что обе стороны проявляют стремление закрепить мирные отношения между обеими странами на длительный период времени. Содержание каждого отдельного пункта договора, как и всего договора в целом, проникнуто стремлением избежать конфликта, укрепить мирные и деловые отношения между обоими государствами. Нет никакого сомнения, что заключённый договор о ненападении ликвидирует напряжённость, существовавшую в отношениях между СССР и Германией... <...> ...Заключение договора между СССР и Германией является несомненно фактом крупнейшего международного значения, ибо договор представляет собой инструмент мира, призванный не только укреплять добрососедские и мирные отношения между СССР и Германией, но и служить делу всеобщего укрепления мира».*

Тем не менее 1 сентября 1939 г. фашистская Германия развязала боевые действия против Польши. Советский Союз лишь 17 сентября стал осуществлять ввод в Польшу войск Красной Армии. Между СССР и Германией возникла большая общая граница, которая юридически была закреплена «Договором о дружбе и границе», подписанным 28 сентября 1939 г. В средствах массовой информации СССР критика фашизма была прекращена.

14 октября 1939 г., т.е. в разгар перечисленных выше событий, Владимиру Леонтьевичу Комарову исполнялось 70 лет со дня

* Подписанию договора предшествовало Мюнхенское соглашение 1938 г. (Мюнхенский сговор) – соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, предусматривающее раздел Чехословакии. Мюнхенское соглашение считается кульминацией британо-французской политики умиротворения Гитлера. Оно показало Советскому Союзу, что западные страны будут решать вопросы безопасности без учёта его интересов, а при удобном случае могут сформировать антисоветский фронт [Путин, 2020].

рождения и 45 лет с начала его научной деятельности. 12 и 13 октября в газетах были напечатаны обширные статьи, посвящённые жизни и деятельности В.Л. Комарова. В частности, на страницах газеты «Правда» была помещена статья «Замечательный советский учёный» и опубликовано приветствие В.Л. Комарову от Президиума Академии наук СССР. «Известия» напечатали обстоятельные

статьи: академика А.Е. Ферсмана – «Наш президент» и академика В.А. Обручева – «Исследователь Азии»*. Научные учреждения страны также отметили юбилей В.Л. Комарова. Академия наук СССР выпустила сборник посвящённых ему работ с заглавием: «Академия наук СССР – президенту Академии наук СССР, академику Владимиру Леонтьевичу Комарову». Этот объёмистый том в 800 с лишним страниц содержал свыше 50 оригинальных научных работ, написанных крупнейшими ботаниками Советского Союза по всем отраслям ботаники: систематике, флористике, ботанической географии, физиологии и биохимии растений. Кроме того, под редакцией В.М. Гальперина (в редакционную коллегию вошли Б.К. Шишкин, А.И. Смирнов и В.А. Энгельгардт) было подготовлено юбилейное подарочное издание «Президенту Академии наук СССР академику Владимиру Леонтьевичу Комарову к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной деятельности».

В поздравлении от Президиума Академии наук СССР было сказано: *«Дорогой Владимир Леонтьевич! Президиум Академии Наук СССР горячо приветствует Вас в день Вашего семидесятилетия.*

В Вашем лице мы приветствуем учёного, для которого наука является величайшим орудием исследования и переделки природы. Ваши работы, являясь богатейшим вкладом в науку, открыли широкие горизонты для практических применений на огромнейших пространствах нашей великой страны.

Владимир Леонтьевич, Ваше 70-летие застаёт Вас на посту главы высшего научного учреждения страны – на посту Президента Академии Наук СССР. Академия Наук, избирая Вас своим Президентом, видела в Вашем лице крупнейшего учёного руководителя, который обеспечит успешное развитие советской науки и разрешение ею задач, поставленных перед наукой грандиозным социалистическим строительством.

Советское правительство и партия Ленина–Сталина высоко ценят учёных, которые не отгораживаются от народа и служат народу. Советский народ в Вашем лице видит такого учёного, и, избирая Вас в Верховный Совет СССР, он выразил Вам своё

*Текст статей Ферсмана и Обручева был также опубликован в 10-м номере журнала «Вестник АН СССР» за 1939 г.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СОБЕТНИК ТЕБЕ

[illegible][illegible]

Настоящее заявление представляется мне в соответствии со ст. 10 моего закона, и я, в свою очередь, подтверждаю, что информация, которую предоставляет Президент, является достоверной, и что я, в свою очередь, подтверждаю, что информация, которую предоставляет Президент, является достоверной, и что я, в свою очередь, подтверждаю, что информация, которую предоставляет Президент, является достоверной.

[illegible]

International Commission on Human Rights
Office of the High Commissioner for Human Rights
Geneva, Switzerland

Экономия в производстве сырья (задача минимизации затрат) является одной из основных задач при проектировании технологических процессов. Минимум затрат достигается при оптимальном выборе сырья, топлива и энергии, а также оптимальном выборе параметров технологического процесса. В этом случае минимизация затрат является одной из основных задач при проектировании технологических процессов. В этом случае минимизация затрат является одной из основных задач при проектировании технологических процессов.

In any patient, the following suggested approach may be helpful. The patient's history (e.g., age, sex, a developmental disability, known and suspected conditions, the frequency of seizures, clinical response to therapy, or developmental milestones).

[illegible]

Since 1970, the French, since 1980 in particular, have been increasingly preoccupied by the problem of ageing. In 1980, 15% of the French population was aged 65 and over, compared with 12% in 1970. By 2000, the proportion is expected to reach 22%.

It appeared, however, that the American Embassy in London was not particularly concerned with the matter. American officials would not be alarmed, commented, "even" British press reports which are based on a "very good" source, said the British press. It seems that the British press is not particularly concerned with the matter. It seems that the British press is not particularly concerned with the matter.

Воспитательница старшей группы детского сада «Солнышко» Татьяна Александровна Ковалева рассказывает, что родители, в основном, имеют высшее образование и очень заинтересованы в развитии своих детей. В 1998 году, по предложению Татьяны Александровны Ковалевой, в Д. М. Бондаре организована «Школа мамы» (детский сад).

Highland village Managosa is situated on the border of the mountainous region of the province of Pinar del Rio. The forest around the settlement is made up of broad-leaved, evergreen trees and shrubs. In some areas there are also a few pine trees. The climate is warm and humid. The population of the settlement is 1,500 people. The settlement is situated on the border of the mountainous region of the province of Pinar del Rio. The forest around the settlement is made up of broad-leaved, evergreen trees and shrubs. In some areas there are also a few pine trees. The climate is warm and humid. The population of the settlement is 1,500 people.

Детские учреждения Республики Беларусь в 1990-е годы развивались по трем основным направлениям: совершенствование материальной базы, повышение квалификации педагогического персонала, внедрение инновационных технологий воспитания и обучения. На эту работу выделялись средства республиканского, областного, районного, городского (районного) центров, коммунального предприятия, детских и взрослых учреждений культуры, В. А. Шендерович также писал: «Воспитание дошкольников является базой для формирования личности ребенка, поэтому в Беларуси дошкольное образование является приоритетным направлением в развитии культуры и образования страны».

As consumers' demand for affordable housing is increasing, many housing developers are turning to private-public partnerships (PPPs). For many, successful PPPs require a good understanding of the public sector and the way it works. For more on PPPs,

В течение 1990 года ввиду ряда причин количество выданных карт 12 раз увеличилось в соответствии с требованиями населения. Благодаря им жители получили право на работу в городе. В то же год выданы 12 карт на дом, выделение и строительство новых помещений.

1. *Staphylococcus aureus* (Staphylococcus aureus) is a common cause of skin infections, including abscesses, boils, and impetigo. It is also a leading cause of hospital-acquired infections.

В 1938 году получил В. А. Бондарь квалификацию инженера-проектировщика, а в 1944 году — звание старшего инженера. С 1944 года был назначен заместителем начальника отдела проектирования, конструирования и изготовления машин.

Александр Кудряков, директор департамента по связям с общественностью и корпоративным управлением, «Газпром»

В. А. Шенников, доктор технических наук, профессор кафедры «Технология машиностроения» Самарского государственного аэрокосмического университета, Самарская область, г. Самара, ул. Молодежная, 159, тел. 8-834-2-23-00-00, e-mail: shennikov@rambler.ru

Prerequisite: Academic course ORCEP Training: Intermediate Reading

Правительству Президиума Академии Наук СССР
Президенту Академии Наук академику
В. Л. Бонч-Бруевичу

Keywords:

[illegible]

Владимир Александрович, ныне 28-летний, поступил в институт только потому, что ему пришлось учиться в нем (в институте он не хотел). Владимир Александрович, ныне 27-летний, окончил институт, потому что так было принято, и так в семье его родителей. Владимир Александрович, ныне 29-летний, окончил институт, потому что так было принято, и так в семье его родителей.

Commercial companies have often
in developed countries using some
the other countries, which have
in general, however, very different
the, and some other, in the
in the, and some other, in the

Самые интересные и яркие книги — Роден, Бальзак, Золя, Гюго, Флобер, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Есенин, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Есенин.

Large, mature, square columns, a column that is separated from the wall, as against the column groups. On the square column, there is not a pediment, a flat surface and a base.

Through the monitoring system, users — and several others — learned what, where, when, and how the company was using their personal information.

Согласно сообщению, в 1978 году в СССР было произведено около 100 тысяч тонн азотных удобрений. В этом году, по сравнению с 1977 годом, производство азотных удобрений увеличилось на 10%. В 1979 году, по сравнению с 1978 годом, производство азотных удобрений увеличилось на 15%. В 1980 году, по сравнению с 1979 годом, производство азотных удобрений увеличилось на 20%.

Special Programs Institute, through which the 12 new Special Communities, as it were, operate. The new units are administered jointly by the parent, or "home," community and the Special Programs Institute, which is a

[illegible]

доверие. Вы это доверие оправдываете и как учёный, и как патриот своей родины» [От президиума..., 1939, с. 2].

Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающуюся научную и общественную деятельность и в связи с семидесятилетием со дня рождения академик Комаров Владимир Леонтьевич был награждён орденом Ленина.

Сейчас трудно представить, что стоило В.Л. Комарову принять участие в официальных торжествах по случаю собственного юбилея после перенесённого инсульта. О тяжёлом состоянии здоровья Владимира Леонтьевича в тот период красноречиво свидетельствует письмо давнего друга семьи Комаровых председателя Всесоюзного географического общества Юлия Михайловича Шокальского, которое он направил Надежде Викторовне уже после юбилейных мероприятий:

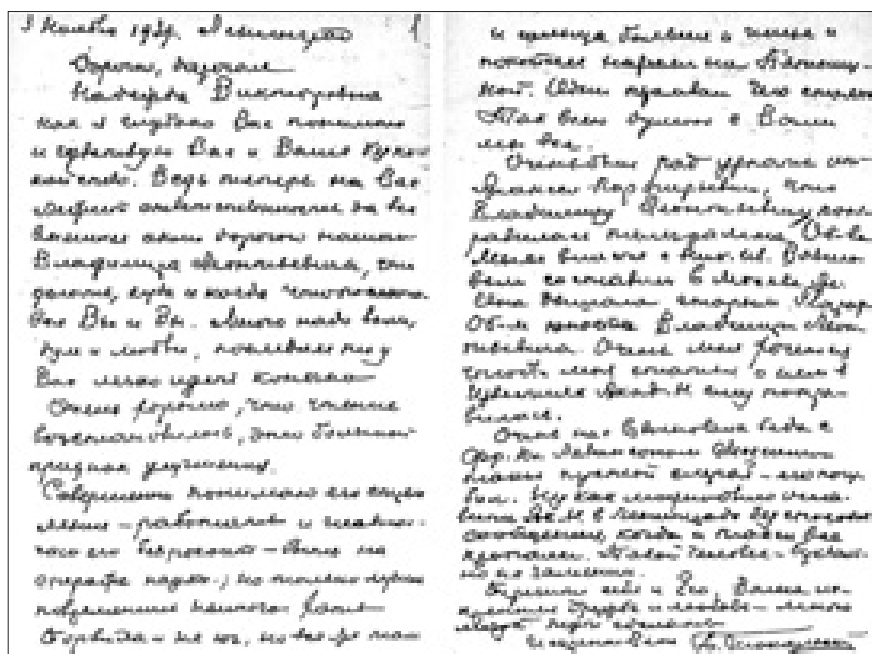
«3 ноября 1939 г. Ленинград

Дорогая, дорогая Надежда Викторовна.

Как я глубоко Вас понимаю и чувствую Вас и Ваше беспокойство. Ведь теперь на Вас лежит ответственность за всё внешнее около дорогого нашего Владимира Леонтьевича, что делать, куда

Юлий Михайлович Шокальский, 1937–1940 гг. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 68. Л. 2]

Письмо Шокальского Комаровой от 3.11.1939 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1735. Л. 1, 2]

и когда что-то смочь, все Вы и Вы. Много надо Вам дум и любви, последнее у Вас легко идёт конечно. Очень хорошо, что чтение становилось, это большой признак улучшения.

Совершенно понимаю его стремление – работать и главное, что его беспокоит – быть на страже науки; но лучше повременить немного. Хотя Борвиха и не юг, но всё же там и солнца больше и чище и покойнее нежели на Пятницкой. Одни трамваи чего стоят. Так всю думую с Вами мы все.

Очень рад узнать от Алексея Порфирьевича*, что Владимиру Леонтьевичу понравилась телеграмма Общест[ва]. Мы её вместе

*Ильинский Алексей Порфирьевич (1888–1945). Ученик В.Л. Комарова, работал в разных областях ботаники: ботанической географии, геоботаники, экологии растений и дарвинизма, считался одним из лучших в СССР знатоков ботанических садов. Им разработаны основы организации большого ботанико-географического парка под Ленинградом, советского ботанического сада. Основной труд – обобщающая сводка «Растительность земного шара» в четырёх томах (1937). Учёный секретарь Всесоюзного географического общества.

с Ник[олаем] Ив[ановичем] Вавиловым составили в Москве же. Она дышала старым Географ[ическим] о-вом юности Владимира Леонтьевича. Очень мне хочется, чтобы моя статья о нём в известиях Акад. Н. ему понравилась... <...> ...Берегите себя и Его, Ваша искренняя дружба и любовь – много могут тут сделать.

Искренне Ваш Ю. Шокальский»

[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1735. Л. 1, 2].

В октябре–ноябре 1939 г. на фоне проводимых юбилейных торжеств президента и сложных политических событий в Академии наук продолжалась активная научно-организационная жизнь. В частности, решением СНК СССР в октябре в систему АН СССР передавались Институт физиологии Наркомздрава СССР, Ленинградский астрономический институт Наркомпроса РСФСР и Институт физических и химических исследований Наркомхимпрома. «Вестник АН СССР» в октябрьском номере в разделе «Хроника» привёл основные научные достижения текущего года, полученные в научных учреждениях АН СССР. Вот некоторые из них: *«В Радиевом институте впервые в Союзе получены искусственные радиоактивные изотопы лёгких химических элементов – азота и углерода, – эквивалентные в радиоактивном отношении 2–3 мг радия. Это открывает возможность использования искусственных радиоактивных изотопов лёгких химических элементов в физиологии, органической химии и медицине. В институте открыт также новый тип деления ядра урана под действием нейтронов, при котором радиоактивные изотопы криптона и ксенона образуются в середине цепи искусственных превращений (акад. В.Г. Хлопин, Пасвик-Хлопина, Волков). Последнее открытие весьма важно для понимания механизма расщепления ядер тяжёлых элементов под действием нейтронов. Сотрудником Радиевого института А.Г. Самарцевой методом сокристаллизации с теллуровой кислотой и её солями было доказано существование соединений шестивалентного полония и разработан новый метод отделения полония от теллура»* [Хроника, 1939, с. 165, 166]. *«Рентгенохимическая лаборатория Института геологических наук спроектировала модель рентгеновского спектрографа с изогнутым кристаллом по Кошуа для целей качественного*

и количественного анализа редких элементов. Согласно постановлению Правительственной комиссии при СНК СССР по внедрению научных достижений в промышленность эта модель, так же как и модель вакуум-спектрографа по Иоганну, приспособленная лабораторией для целей анализа, — должны будут изготавливаться на заводах среднего машиностроения в 1940 г.» [Хроника, 1939, с. 167]. «Камчатской вулканологической станцией изучены возгоны извержений 1938 г., в результате чего подмечена определённая последовательность выделения металлических элементов как во времени, так и в пространстве. Подтверждается связь характера вулканических извержений с метеорологическими и другими факторами. Установлена связь ныне действующих вулканов с современными активными тектоническими линиями» [Хроника, 1939, с. 169]. «В Институте металлургии разрабатываются способы промышленного использования металлов из руд новых (неэксплуатируемых) месторождений» [Хроника, 1939, с. 172]. «Лабораторией редких металлов Уральского филиала разработана технологическая схема комплексной переработки коттрельной пыли и извлечения из неё таллия и германия. Указанным методом группа сотрудников Уральского филиала и заводских работников, под руководством научных работников Уральского филиала тт. Сырокомского и Шаровой, получила двуокись германия и серноокислый таллий в заводских условиях. В настоящее время организовано проектирование заводских установок. Народный Комиссар химической промышленности т. Денисов выразил благодарность Уральскому филиалу за проведённую им работу. Президиум АН СССР отметил большое научное и народнохозяйственное значение данной работы и постановил премировать сотрудников Уральского филиала» [Хроника, 1939, с. 174]. Президиум АН СССР утвердил главную редакционную комиссию по изданию «Всемирной истории»...

27–29 ноября 1939 г. состоялось Общее собрание Академии наук СССР. В специальном заседании, проведённом 27 ноября, члены Общего собрания отметили 80-летие выхода в свет великого труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов». На том же заседании вице-президент АН СССР академик Е.А. Чудаков сообщил «о наглой

провокации финской военщины» на советско-финляндской границе*. Было заявлено, что Общее собрание с большим воодушевлением приняло резолюцию, в которой отметило, что многотысячный коллектив Академии наук СССР по первому зову партии и правительства найдёт много средств в арсенале науки, необходимых для ещё большего укрепления могущества и обороноспособности нашей страны. Общее собрание поручило Президиуму Академии наук совместно с отделениями окончательно отредактировать сводный план научно-исследовательских работ АН СССР на 1940 г. с учётом предложений, сделанных на Общем собрании при обсуждении проекта плана, и представить его на утверждение в СНК СССР. Общее собрание одобрило также инициативу Президиума Академии по составлению сводки основных проблем в работе Академии наук на 1940 г. Во исполнение постановления СНК СССР от 21 ноября 1939 г. и руководствуясь § 5 Устава Академии, Общее собрание постановило открыть Узбекский филиал Академии наук СССР в гор. Ташкенте. Официальное открытие филиала решили приурочить ко дню празднования 15-летия Узбекской ССР. Академик В.А. Обручев утверждён директором Института мерзлотоведения АН СССР [Хроника, 1939]. Здесь к месту можно вспомнить слова академика Обручева, сказанные им в 1945 г.: *«В качестве директора Института мерзлотоведения не могу не вспомнить о следующем факте, характеризующем дальновидность Владимира Леонтьевича. В 1930 г. была учреждена Комиссия по изучению вечной мерзлоты, которая через несколько лет оказалась под угрозой ликвидации. Владимир Леонтьевич, зная природу Сибири, взял Комиссию под свою защиту и провёл её преобразование в Комитет, а затем Институт с соответствующими его*

* 30 ноября 1939 г. началась советско-финская война 1939–1940 гг. Основными целями СССР в данной войне было свержение финского национального правительства Рюти – Маннергейма и установление в Финляндии советской власти. 2 декабря 1939 г. в г. Териоки было создано рабоче-крестьянское советское финское правительство во главе с Отто Куусиненом – финном по национальности и старейшим членом партии большевиков. Правительство Куусинена объявило о революции и переходе власти во всей стране рабоче-крестьянскому правительству. После 3 месяцев бесплодных и кровопролитных боёв, 12 марта 1940 г., советское правительство прекратило войну и подписало мирный договор с Финляндией, согласно которому граница Финляндии передвинулась примерно на 100 км на запад от Ленинграда, при этом Финляндия сохранила государственную независимость.

ОТВЕТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА НОТУ ФИНЛЯНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

В связи с получением отечественной ноты финляндского правительства на ноту Советского правительства от 26 ноября, Народный Комиссар Внешних Связей тов. Максим К. М. принял 28 ноября Посланника Финляндии г. Ври-Келхонена и вру-

чил ему ответ Советского правительства на финляндскую ноту. Также был принят текст ноты финляндского правительства от 27 ноября и текст отечественной ноты правительства СССР от 28 ноября того года.

НОТА ФИНЛЯНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА:

«Посланник Народный Комиссар.

В ответ на Ваше письмо от 26 с. н. ниже часть, по распространению ноты правительства, известия до Вашего сведения извещаются:

В связи с тем, что ввиду наличия места нарушения границ финляндским правительством в противном порядке применялись различные расследования. Эти расследования были установлены, что поступили в штурм, в которых упоминается Ваше письмо. Была предложена не с финляндской стороны. Впервые, из данных расследования вытекает, что упомянутые штурмы были произведены 26 ноября между 13 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами на советской территории с советской пограничной стороны. Было упомянуто Ваше письмо Миддаль. С финляндской

о которой Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Ваше письмо Вы сообщаете также на основании, сделанные г.г. Нааскинен и Талеру во время их пребывания в Москве относительно опасности сокращения регулярных войск в несогласительной безопасности в границе. Если Ленинград. По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в несогласительной безопасности в границе с финляндской стороны расследования, главные образцы, подтверждающие войну; оружейный завод, казенный завод, чтобы из смерти дожились по ту сторону границы, в этой зоне не было войн.

Тогда и не известны конкретные сведения для того, чтобы, согласно Вашему предложению, отвести войска с пограничной линии, мы правительство, тем не менее, по-

Образование Народного Правительства Финляндии

Министры: 1. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр внутренних дел, 2. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр иностранных дел, 3. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр юстиции, 4. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр финансов, 5. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр просвещения, 6. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр труда, 7. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр сельского хозяйства, 8. Министр (Д-р) Калев К. Калев (с. н. 1918) — министр обороны.

ДЕКЛАРАЦИЯ Народного Правительства Финляндии

ОДНОПЕРЕХОД. ПЕРЕХОД С ФИНЛЯНДСКОГО

В то время, когда Финляндия находилась в состоянии войны с Советским Союзом, Народное Правительство Финляндии приняло решение о прекращении войны и о переходе к мирной жизни. Это решение было принято в соответствии с волей народа Финляндии, который желает жить в мире и дружбе со всеми народами мира.

ПРОКЛАМАЦИЯ ПОД ПОДПИСЬЮ ТОВАРИЩА

В то время, когда Финляндия находилась в состоянии войны с Советским Союзом, Народное Правительство Финляндии приняло решение о прекращении войны и о переходе к мирной жизни. Это решение было принято в соответствии с волей народа Финляндии, который желает жить в мире и дружбе со всеми народами мира.

Вырезки информации из газеты «Правда» о начальном периоде советско-финской войны 1939–1940 гг.

задачам штатами и средствами, понимая, какое значение имеет вечная мерзлота на широкой территории её распространения для строительства и сельского хозяйства. Этот институт своей работой вполне оправдал предвидение Владимира Леонтьевича» [Обручев, 1945, с. 33].

<...>

Приближался юбилей Иосифа Виссарионовича Сталина, которому 22 декабря 1939 г. исполнялось 60 лет. Президиум Верховного Совета СССР присвоил «вождю большевистской партии, советского народа и трудящихся всего мира» звание Героя Социалистического Труда «за исключительные заслуги в деле организации большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза». Центральный комитет ВКП(б) выступил с соответствующим заявлением, в котором соратники по партии обратились к своему лидеру на «Ты», т.е. с обращением, которое в то

время было широко распространено среди партийцев и правительственных чиновников:

«Дорогой друг и боевой товарищ!

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, друга Ленина и великого продолжателя его дела, вождя партии и советского народа — в день твоего шестидесятилетия.

Более сорока лет ты служишь делу пролетарской революции, делу рабочего класса и всего трудового народа. Ты был вернейшим соратником Ленина в его борьбе за партию, за диктатуру пролетариата. Вместе с Лениным многие годы ты строил и выковывал могучую большевистскую партию. Вместе с Лениным ты вёл партию и рабочий класс на вооружённое восстание в Октябре 1917 г. Как ближайший помощник Ленина, ты непосредственно руководил всем делом подготовки Октябрьского восстания и успешным завоеванием власти рабочим классом.

В годы отечественной гражданской войны против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины ты, товарищ Сталин, под руководством Ленина был непосредственным вдохновителем и организатором побед Красной Армии на всех фронтах, где решалась судьба революции.

После смерти Ленина партия большевиков под твоим мудрым руководством, преодолев огромные трудности на своём пути, привела нашу страну к победе социализма.

Презренные враги народа троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы хотели отнять у рабочего класса, у советского народа веру в возможность победы социализма в нашей стране, неоднократно пытались подорвать партию изнутри, разбить единство большевистской партии, погубить советскую власть и социалистическую революцию. В упорной принципиальной борьбе с врагами социализма, врагами партии, под твоим руководством в борьбе за ленинизм сплотился Центральный Комитет и вся наша партия. Ты отстоял ленинскую теорию возможности победы социализма в одной стране, развил эту великую теорию дальше, вооружил ею партию и миллионные массы трудящихся Советского Союза — это обеспечило разоблачение и разгром врагов революции.

Под твоим руководством партия большевиков осуществила социалистическую индустриализацию страны, создала новые индустриальные очаги и районы, первоклассные заводы тяжёлой и лёгкой индустрии, мощные заводы машиностроения, что

обеспечило техническую реконструкцию всего народного хозяйства и вооружение новейшими средствами обороны СССР. Под твоим руководством партия совершила такой глубочайший революционный переворот в деревне, как сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, обеспечив на основе победы колхозного строя культурную и зажиточную жизнь многомиллионного крестьянства. Наша страна стала могучей индустриальной державой, страной крупного коллективного земледелия, страной победившего социализма.

На основе этих успехов идёт быстрый подъём культуры народов Советского Союза. Создана советская интеллигенция, преданная Советской власти, делу социализма. Партия и Советская власть под твоим руководством создали вооружённую первоклассной техникой могучую и непобедимую Красную Армию, являющуюся надёжной защитой нашей родины от всех внешних врагов.

Рабочий класс в союзе с крестьянством, под руководством большевистской партии, уничтожил навсегда эксплуатацию человека человеком и утвердил новый, социалистический строй в СССР, не знающий ни кризисов, ни безработицы, обеспечивающий неуклонный подъём материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Этот главный итог нашей борьбы имеет всемирно-историческое значение, он укрепляет у трудящихся всего мира веру в торжество социализма.

Наша партия под твоим исключительно активным и непосредственным руководством создала могучее многонациональное советское государство, укрепила великую и нерушимую дружбу народов СССР – залог их процветания и непобедимости. Новая Конституция СССР, Конституция победившего социализма и развёрнутой социалистической демократии, по справедливости, названа народом Сталинской Конституцией.

Так же, как и Ленин, ты, товарищ Сталин, всегда придавал и придаёшь величайшее значение развитию и пропаганде революционной теории. Твои классические теоретические работы, ставшие достоянием миллионов людей в нашей стране и во всём мире, являются дальнейшим развитием марксизма-ленинизма в новых условиях эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи победы социализма на одной шестой части земли. Ты развил марксистско-ленинскую теорию государства, разработав учение о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения. Вооружая партию марксизмом-ленинизмом, ты неустанно спланировал её организационно. На этой основе осуществлено сталинское единство нашей партии.

Одним из замечательных успехов большевистской партии, достигнутых благодаря твоей заботе и руководству, является быстрый рост кадров, выдвижение многих тысяч новых работников социалистического строительства и обороны страны социализма.

Отдавая все свои силы великому служению народу, — ты, товарищ Сталин, так же как и Ленин, любишь свой народ и неотделим от народа. Так же как Ленин, ты окружён горячей любовью трудящихся Советского Союза и всего мира.

Сегодня наша партия и народы Советского Союза, приветствуя тебя в день шестидесятилетия, сплочены как никогда вокруг своего Центрального Комитета под знаменем Ленина — Сталина и готовы к дальнейшей борьбе за полную победу коммунизма.

Да здравствует непобедимая партия большевиков, партия Ленина — Сталина!

Живи долгие годы, наш родной Сталин, на радость партии, рабочего класса, народов советской земли и всего мира!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

20 декабря 1939 г.

Фрагмент газеты «Известия» за 21 декабря 1939 г.

Приветствия, опубликованные газетой «Правда» 23 декабря по случаю 60-летия товарища Сталина: от рейхсканцлера Германии – Адольфа Гитлера, от министра иностранных дел Германии – Иохима фон Риббентропа, от имени Народного правительства Финляндии – Отто Куусинена и от имени армии и народа Китая – Чан Кай-ши

Академия наук в качестве «подарка» решила избрать И.В. Сталина своим почётным членом «за исключительно выдающиеся заслуги в деле развития мировой науки, в деле дальнейшего всестороннего и глубочайшего развития марксистско-ленинского учения». Созванное по этому поводу Общее собрание АН СССР направило товарищу СТАЛИНУ поздравление, выдержанное в более традиционной форме общения, принятой в Академии наук, т.е. на «ВЫ», следующего содержания:

«Дорогой и горячо любимый ИОСИФ ВИССАРИОНИВИЧ!

Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик в день Вашего 60-летия шлёт Вам, величайшему мыслителю

нашего времени и корифею передовой науки, свой пламенный привет.

Пройденный Вами путь изумляет многогранной Вашей деятельностью и поражает величием достигнутых результатов.

За два десятилетия и два года, истекшие со времени Великой Октябрьской социалистической революции, могучим и героическим советским народом под знаменем партии Ленина-Сталина, под руководством Ленина и Вашим пройден путь, по своим результатам не имеющий себе равного в истории человечества.

Сталинские пятилетки вошли в историю человечества как вехи, отмечающие мощное, победное шествие к коммунизму многомиллионного и многонационального советского народа.

Сталинские пятилетки социалистического строительства на громадных просторах нашей великой родины – от знойных субтропиков до суровой Арктики – переделали нашу страну для жизни, достойной человека.

В СССР победил социализм. Исключительно велика Ваша роль в победоносном социалистическом строительстве. Нет ни одной области теории и практики социалистического строительства, развитие которой не было бы связано с Вашей деятельностью. Мы не находим таких слов, которые могли бы с исчерпывающей полнотой и силой оценить Вашу исключительную роль в грандиозном социалистическом строительстве.

Велико значение Ваших теоретических работ по дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории и неопценима Ваша заслуга в приложении учения Маркса–Ленина к решению практических задач социалистического строительства.

С непревзойдённым мастерством Вы в сложных социальных и исторических международных условиях блестяще решаете проблемы, имеющие громадное всемирно-историческое значение.

Всегда правильно находимые Вами решения самых сложных вопросов теории и практики вооружили многомиллионный советский народ на борьбу за социализм, за торжество коммунизма.

Учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина владеет умами миллионов людей, миллионы людей владеют теорией Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, и в этом состоит всепобеждающая сила марксизма-ленинизма.

Вы горячо верите в силы народа, народ Вам безгранично верит, и в этом заключается одно из важнейших условий наших побед на всех фронтах социалистического строительства и обороны нашей великой прекрасной родины.

Вы, как и Ленин, являетесь маяком для всего прогрессивного человечества. Имена Ленина и Сталина будут владеть умами грядущих поколений.

Старая гвардия учёных и учёные молодого поколения Советского Союза на Вашем примере учатся работать и побеждать. Вы для нас являетесь неиссякаемым источником творческой мысли. Ваше имя зовёт советских учёных к завоеванию ещё больших высот теории и практики.

Многотысячный коллектив работников Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик под Вашим гениальным руководством будет вести и впредь последовательную и решительную борьбу за передовую советскую науку, за её процветание.

Поздравляя Вас с 60-летием, мы желаем Вам много и много лет жизни, уверенные, что под Вашим гениальным руководством мы придём к победе коммунизма во всём мире.

Мы, советские учёные, от всего сердца желаем Вам многих, многих лет здоровья на благо и славу нашей великой родины и всего передового человечества»

[Общее собрание..., 1939, с. 2, 3].

Удостоверение почётного члена АН СССР И.В. Сталина

Для научной и творческой интеллигенции СССР юбилей товарища Сталина оказался знаковым. Дело в том, что в ознаменование шестидесятилетия лидера большевиков Совет Народных Комиссаров СССР 20 декабря постановил учредить 16 премий *имени Сталина* в размере 100 тысяч рублей каждая, присуждаемых ежегодно деятелям науки и искусства за выдающиеся работы, в том числе в области: *физико-математических, историко-филологических, технических, юридических, химических, биологических, сельскохозяйственных, медицинских, философских и экономических наук*. Были также учреждены Сталинские премии, присуждаемые ежегодно за лучшие изобретения, – десять *первых* премий в размере по 100 тысяч рублей, двадцать *вторых* премий в размере по 50 тысяч рублей и тридцать *третьих* премий в размере по 25 тысяч рублей каждая. СНК СССР учредил *Сталинскую премию*, присуждаемую ежегодно и за выдающиеся достижения в области военных знаний, – три *первых* премии в размере по 100 тысяч рублей, пять *вторых* премий в размере по 50 тысяч рублей и десять *третьих* премий в размере по 25 тысяч рублей каждая.

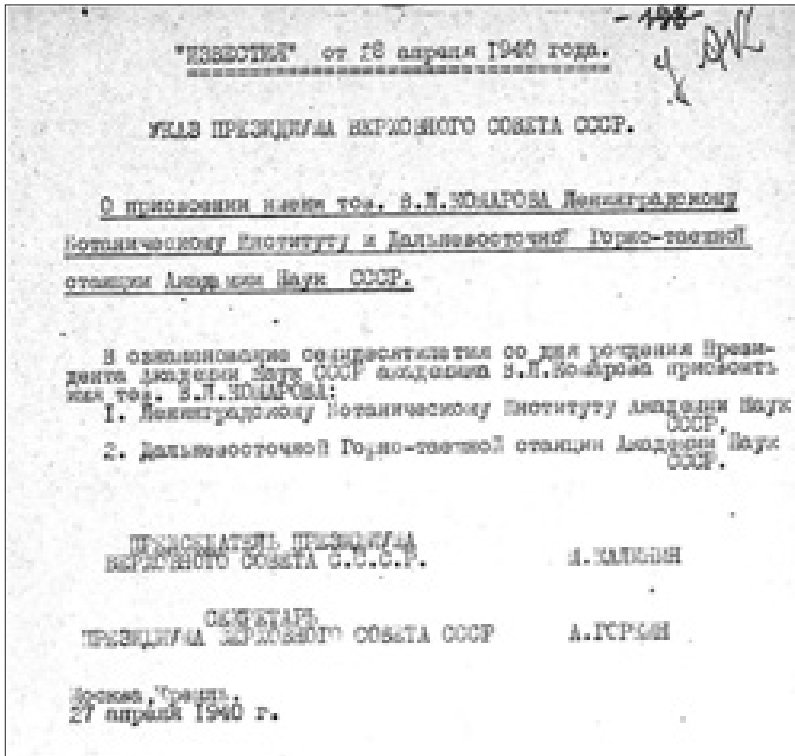
Для наиболее выдающихся учащихся в высших учебных заведениях были учреждены *стипендии имени Сталина*: 2500 стипендий по 1000 рублей в месяц и 1500 стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

Для лиц, подготавливаемых в ВУЗах и научно-исследовательских институтах к научной деятельности и защите диссертации на степень кандидата наук, было учреждено сто *стипендий* по 1.000 рублей в месяц каждая, а для лиц, подготавливаемых в Академии наук СССР к защите диссертаций на степень доктора наук, – пятьдесят *стипендий* по 1.500 рублей в месяц каждая.

Кроме того, 1 февраля 1940 г. в дополнение к постановлению СНК Союза ССР от 20 декабря 1939 г. «Об учреждении премий и стипендий *имени Сталина*» Совет Народных Комиссаров СССР постановил учредить ещё 4 ежегодные премии имени Сталина по 100 тысяч рублей каждая, присуждаемые за выдающиеся произведения в области литературы (поэзии, прозе, драматургии и литературе).

<...>

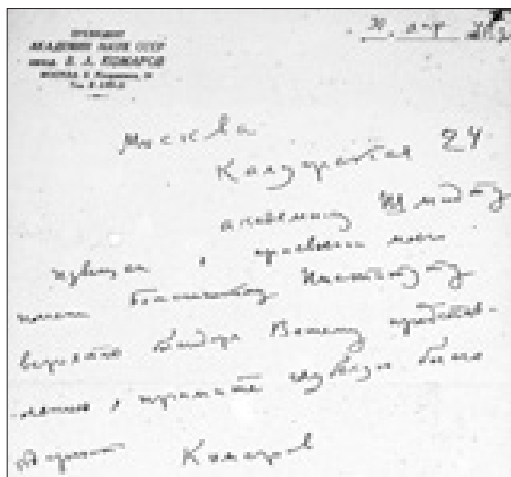
В наступившем 1940 г. юбилей В.Л. Комарова был ещё раз отмечен правительством: 27 апреля 1940 г. в ознаменование 70-летия

Текст указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 апреля 1940 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 107. Л. 1]

со дня рождения президента Академии наук СССР Президиум Верховного Совета СССР постановил присвоить его имя двум учреждениям, тесно связанным с его научной деятельностью: Ботаническому институту и Дальневосточной горнотаёжной станции Академии наук СССР. Сам же президент в это время боролся с тяжкими последствиями перенесённой болезни. Тем не менее он не забыл отправить благодарственное письмо О.Ю. Шмидту, по представлению которого и было осуществлено присвоение имени Комарова академическим учреждениям.

В 1940 г. к общественным обязанностям В.Л. Комарова прибавилась ещё одна: он был избран депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся. Кроме того, Владимир Леонтьевич стал почётным председателем Географического общества СССР.

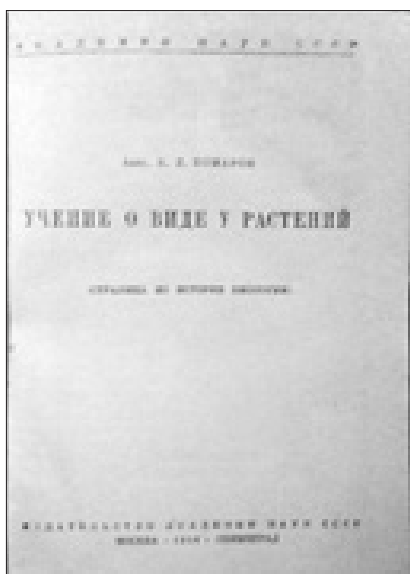
Письмо Комарова академику Шмидту
от 30 апреля 1940 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 2]

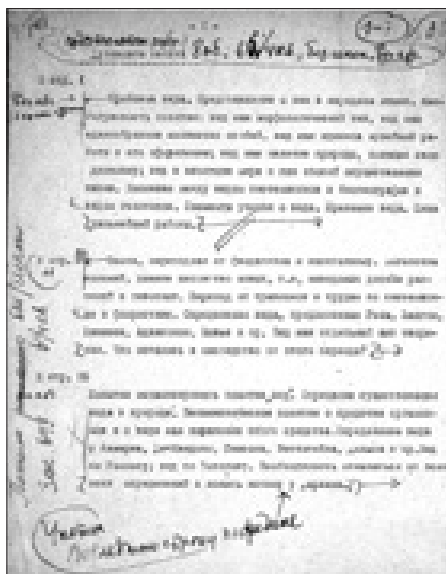
В.Л. Комаров, 1941 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 55]

Несмотря на болезнь и занятость, Комаров и в этот сложный период не терял связи с учёными Горнотаёжной станции, которые по «старой памяти» высылали ему письма с подробным изложением состояния дел, рассказывали о научных достижениях, просили мудрого совета. Так, 27 октября 1940 г. известный дальневосточный энтомолог А.И. Куренцов в своём объёмном письме Комарову подробно рассказал о своих работах и публикациях за последние годы, обозначил перспективные научные проблемы, связанные в том числе с закономерностями распространения на юге Дальнего Востока эндемичных видов растений и насекомых, географических центрах развития биоты, процессах формообразования в природе, для решения которых он, как заявлено в письме, находит «твёрдую опору» в работах самого Владимира Леонтьевича.

Алексей Иванович также поведал Комарову о проблеме с изданием своей монографии, посвящённой короедам. В частности, А.И. Куренцов писал: «Ваши мне пожелания 1934 г. по короедам Дальнего Востока я провёл в жизнь и теперь вспоминаю с радостью об этом выполнении. Я написал монографию "Короеды Дальнего Востока" (20 печатных листов), которую сдал в РИСО Академии в Москве весной прошлого года, но с печатанием её что-то

Обложка книги В.Л. Комарова
«Учение о виде у растений»

Первая страница рукописи книги
В.Л. Комарова «Учение о виде у растений»
[АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 104. Л. 4]

затягивается. В этой работе я описываю 18 новых видов, 2 новых рода и свыше 40 видов привожу как новинки для фауны. Последние были известны раньше из Китая, Японии или севера Евразии. В 1931 г., когда я приступил к изучению короедной фауны ДВ, последняя исчислялась 43 видами. Теперь состав её я довёл до 125 видов. Эти цифры я привёл затем, чтобы сказать Вам, как мало мы ещё знаем фауну нашего ДВ и сколько здесь ещё соблазна в будущих исследованиях!...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 844. Л. 6, 7].

Свидетельством творческой энергии В.Л. Комарова в предвоенный период был выход в свет в январе 1940 г. в научно-популярной серии Академии наук СССР его новой книги «Учение о виде у растений (Страница из истории биологии)» [1940]. На следующий год состоялось первое присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, литературы и искусства, при этом книга Комарова была представлена Институтом философии Академии наук СССР по разделу философских наук. Сталинская премия первой степени была присуждена её автору единогласно. Уже позднее, в Совете

Москва, Кремль. Сессия Верховного Совета СССР.
Бригадир Метростроя Т. Фёдорова, депутаты-академики А.Н. Бах, В.Л. Комаров,
1940 г. [<http://metro.ru/library/naverhu-moskva/440/>]

Депутаты Верховного Совета СССР академики А.Я. Вышинский, А.А. Богомолец,
В.Л. Комаров, 1940 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 41]

В.Л. Комаров и И.Д. Папанин, после 1940 г.
[<http://antarctic.su/books/item/f00/s00/z00000050/st015.shtml>]

Народных Комиссаров СССР, при утверждении решений Комитета работа эта была переведена из раздела философских наук в раздел биологических [Павлов, 1951]. Здесь интересно отметить, что в биографической книге Н.В. Павлова «Владимир Леонтьевич Комаров», опубликованной в 1951 г., работе Комарова «Учение о виде у растений» даётся очень высокая оценка. Однако редакция биографического издания Павлова сочла необходимым по поводу книги Комарова поместить свои комментарии, раскрывающие «вклад» в решение данной проблемы и академика Т.Д. Лысенко. Например, в одном из таких комментариев, относящихся к фразе: *«Переходя к рассмотрению явлений внутривидовой изменчивости, В.Л. Комаров говорит, что так как это материал, из которого возникают новые таксономические единицы, то изучение его – это заглядывание в будущее»* – было сказано следующее: *«В этом вопросе В.Л. Комаров не учёл работ И.В. Мичурина. Дарвинизм остановился перед вопросом о создании исходного материала изменчивости. Дарвин детально разработал вопрос об управлении уже имеющимися изменениями, создав теорию подбора. В работах И.В. Мичурина (начиная с 1900 г.) положено начало новой форме и ступени подбора. И.В. Мичурин показал возможность и разработал методы планомерного создания исходных новых свойств организма, что вместе*

Диплом о присуждении Сталинской премии первой степени В.Л. Комарову
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 27. Л. 2]

с планомерным воспитанием в ряде поколений и составляет новую форму подбора.

Разработанные и углублённые акад. Т.Д. Лысенко положения И.В. Мичурина в настоящее время стали достоянием широких масс в деле изменения природы растений в нужном для нас направлении и вместе с тем новым этапом в развитии эволюционного учения – советского творческого дарвинизма. – Ред.» [Павлов, 1951, с. 256].

<...>

На юбилеях крупных государственных деятелей принято подводить итоги работы за определённый исторический период времени. Если говорить о работе советских учёных, то в предвоенные годы многие из научных коллективов разрабатывали новые виды вооружения, которые стали поступать в Красную Армию. Однако к началу Великой Отечественной войны этот процесс не был завершён. Некоторым образцам новой техники и оружия не хватало запасных частей, а личный состав вооружённых сил в должной мере ещё не овладел новыми видами вооружения. В то же время Академия наук СССР к началу Великой Отечественной войны организационно была

достаточно хорошо подготовлена. Большую роль в этом сыграли преобразования в структуре и организации её работы, проведённые в 1930-х гг. при участии В.Л. Комарова. В качестве подтверждения этого, в общем-то давно известного результата напряжённой предвоенной работы научных коллективов страны мы, немного забежав вперёд, приведём слова академика А.Ф. Иоффе, сказанные им 7 мая 1942 г., т.е. почти через год после начала войны, на Общем собрании Академии наук, проходившем в Свердловске. Подводя итоги первого года работы советской науки в условиях войны, академик А.Ф. Иоффе с гордостью заявил: *«Можно с уверенностью сказать, что в деле научной и научно-технической работы на оборону советская интеллигенция оказалась на той высоте, какую и можно было ожидать в нашей стране. У нас не потребовалось создания каких-то новых, наспех сконструированных учреждений, чтобы спланировать и мобилизовать науку. Организация научной работы у нас давно уже шла по плановому руслу. В самом существе передовой науки и передовых учреждений Советского Союза всегда лежит стремление к тому, чтобы принести наибольшую пользу, направить науку прежде всего на пользу своей родине и вообще на пользу человечеству. Поэтому советская наука давно уже имела выходы и в сторону промышленности и сельского хозяйства, и в сторону задач обороны. Наше правительство и товарищ Сталин неоднократно предупреждали нас о том, что мы находимся во враждебном окружении и, следовательно, должны готовиться к нападению на нас и мобилизовать заранее все свои силы. Эта мудрая предусмотрительность и продуманная, научно построенная организация работы, эта прямая связь между всякой научной работой и её приложением – всё это давно реализовано в нашей стране. Поэтому по сравнению с тем, что имеет место за границей, организация науки в Советском Союзе является образцом, о котором ещё приходится мечтать в наиболее передовых странах»* [Иоффе, 1942, с. 67].

Говоря о научно-организационной деятельности Владимира Леонтьевича в предвоенные годы на постах вице-президента и президента Академии наук, важно помнить, что с 1931 по 1939 г. **финансирование АН СССР увеличилось в 25 раз!** [Костюк, 2005]. К началу 1941 г. в составе Академии работало 47 институтов (76 станций,

Владимир Леонтьевич и Надежда Викторовна на входе в здание Академии наук, 27.12.1940 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 42]

обществ), в том числе созданные в 1930-е годы: Геологический институт (1930), Институт физической химии (1931), Физический институт им. П.Н. Лебедева (1934), Институт органической химии (1934), Институт общей и неорганической химии (1934), Институт физических проблем (1934), Институт теоретической геофизики (1938), Институт мерзлотоведения (1939) и др. В Академии работало 123 академика, 182 члена-корреспондента, 5005 научных сотрудников. Для сравнения заметим, что в 1917 г. Академия наук состояла всего из 45 членов, имела в своём составе 1 институт в Тифлисе (ныне Тбилиси) – Историко-архивный, 19 лабораторий, станций и музеев, 21 комиссию. Общая численность сотрудников достигала 220 человек.

<...>

Учитывая болезненное состояние В.Л. Комарова, врачи считали очень важным, чтобы президент АН СССР своевременно и длительно отдыхал. Поэтому весной 1941 г. его направили в Гагры на отдых, который был прерван началом Великой Отечественной войны.

© 2004 Blackwell Publishing Ltd, *Journal of Internal Medicine* 255: 111–118

[illegible]

... ..

1. Президент Академии Наук СССР.
2. Председатель Академии по взаимодействию с Академией и Советом Академии Наук СССР.
3. Председатель ССНП "а".
4. Председатель РАСО.
5. Председатель Местной Комиссии.
6. Председатель Инженерского Комитета.
7. Председатель Комиссии по присуждению Международных премий.
8. Председатель Госплана, Всесоюз. Общественного Об-ва.
9. Председатель Всесоюз. Общества охраны природы.
10. Председатель Оргкомитета Всесоюзного Географического Общества, при Академии Наук СССР.
11. Зам. Отд. секретариата и географии техн. растений Ботанического Института АН.
12. Председатель Комитета по охране видов.
13. Ответственный редактор академич. издания "Словарь СССР".
14. Ответственный редактор "Ботанического журнала".
15. Ответ. редактор журнала "Известия АН серии биологическая".
16. Ответ. редактор журнала "Известия Географического Общества".
17. Ответ. редактор журнала "Труды Ленинградского С-ва Естественных наук".
18. Ответ. редактор журнала "Вестник АН СССР".
19. Ответ. редактор сборн. сочинений К.А. Тимирязева.
20. Ответ. редактор журнала "Ученые сообщения биологии".
21. Главн. редактор "Советской биологии".
22. Главн. редактор полного собрания сочинений Ч.Дарвина.
23. Председатель редакционной по каждому серии книг "Современные проблемы эволюционной теории".
24. Главн. редактор журнала "Советская Биология".
25. Главн. редактор журнала "Природа".
26. Главн. редактор серии "Новые советские научные труды".

.....

2. Амт тут Моссовета с 2/11 - 1940 года.

За период времени с 1936 г. по 1939 г., кроме того, лесот следующие обязанности:

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

[illegible]

Abstract

TABLE I

100

11/11/2019 11:11:11 AM

Abstract

(N.J. Department of Education)

11. В.Л. КОМАРОВ И АКАДЕМИЯ НАУК СССР в 1941–1944 гг.

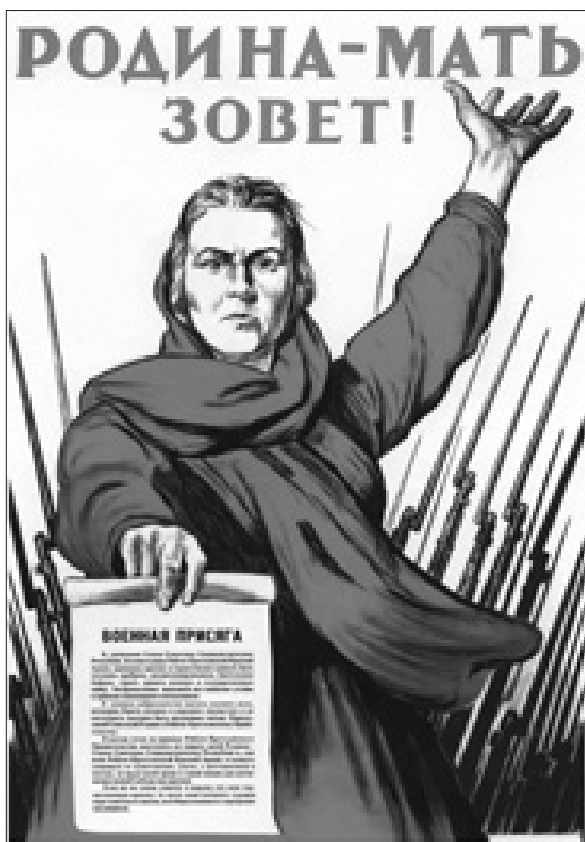
На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г., состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором были приняты решения по пересмотру тематики и методов исследовательских работ научных учреждений. Академия наук перестраивалась в соответствии с потребностями фронта и тыла. К 1 июля 1941 г. были определены и согласованы с государственными плановыми органами главные направления деятельности Академии, по которым и проводилась перестройка её работы. Это: поиски и конструирование средств обороны; научная помощь промышленности в улучшении и освоении военного производства; мобилизация сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьём. Буквально через три месяца, 2 октября 1941 г., было созвано расширенное заседание Президиума с участием директоров институтов АН СССР, в постановлении которого его участники смогли уверенно констатировать, что

Фрагмент газеты «Комсомольская правда» от 24 июня 1941 г. с текстом выступления по радио В.М. Молотова

«институтами Академии произведён пересмотр тематики своих работ применительно к нуждам обороны, а также усилена их связь с производством». Указывалось на достигнутое «усиление связи институтов с промышленностью и налаживание связи с военными организациями» [Князев, Кольцов, 1964, с. 126].

В начальный период Великой Отечественной войны В.Л. Комаров, несомненно, адекватно оценивал всю трагичность ситуации, сложившуюся на фронтах страны, спрогнозировав дальнейшее развитие событий. Уже в июле правительство приняло решение об эвакуации академических учреждений из Москвы и Ленинграда вглубь страны, причём Президиум Академии и основная часть её учреждений переводились в Казань.

Плакат «Родина-мать зовёт!». Художник И.М. Тоидзе, 1941 г.

Организация столь масштабной эвакуации была поручена вице-президенту Академии Отто Юльевичу Шмидту, а сам Комаров должен был отбыть вместе с другими престарелыми академиками на курорт в Боровое (Казахстан)*. Однако Владимир Леонтьевич решил остановиться в Свердловске как потенциальной ключевой точке формирования нового мощного военно-промышленного центра. Временная утрата западных и южных промышленных предприятий определила курс на превращение востока страны в главную промышленную базу. В это время на Урал уже эвакуировалось большое число заводов, местные заводы получали оборонные заказы, требовались дополнительные сырьевые, в особенности рудные и топливные ресурсы. По сведениям Е. Спицина [2018], в первые месяцы войны была проведена невиданная по масштабам эвакуация, когда в восточные регионы страны было вывезено не менее 2600 и введено в строй более 3500 крупных промышленных предприятий, прежде всего военно-промышленного назначения.

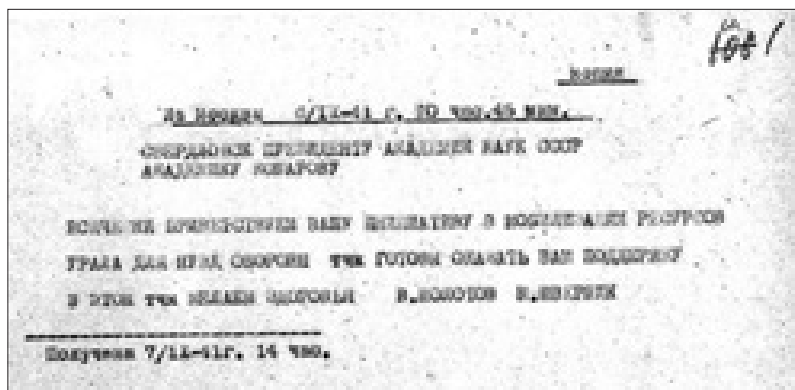
В этой связи В.Л. Комаров писал О.Ю. Шмидту 5 сентября 1941 г. из Свердловска: *«...Ознакомившись с работами, которые ведёт здесь Уральская экспедиция и наш филиал, я понял, какие*

* По поводу направления В.Л. Комарова в Боровое, в воспоминаниях С.Д. Носова (помощник управляющего делами АН СССР – *авт.*) имеется следующая запись: «В 1941 г. ненавистные фашисты напали и вероломно вторглись на территорию нашей Родины. Владимир Леонтьевич тут же поставил вопрос, что Академия наук и её институты должны дать для помощи нашей Красной Армии. Но через короткое время начали Академию наук эвакуировать в г. Казань, а детей, женщин и престарелых академиков эвакуировать в Боровое. В эвакуации Владимир Леонтьевич принимал посильное участие и беспокоился за судьбы институтов, с первой очередью он не поехал, хотя была возможность. Через некоторое время ему сказали, что ему нужно ехать в Боровое, он спросил, почему ехать в Боровое, что он будет там делать, ведь война, надо помогать Родине. Владимиру Леонтьевичу объяснили, что такое решение Президиума, на котором [он] не был... ...Через несколько дней был организован отъезд Владимиру Леонтьевичу с Надеждой Викторовной, и с ними поехала группа академиков, как все знали, они поехали в Боровое. Но через несколько дней мы узнали, что Владимир Леонтьевич с группой едущих академиков самостоятельно остановились в г. Свердловске, организовали комиссию по мобилизации природных ресурсов Урала на укрепление нашей Родины и приступили к работе. Это известие было получено в Москве и Казани и произвело впечатление, как гром без молнии. Пока в Москве и Казани высказывали разные догадки, почему эта группа не поехала в Боровое, а они уже начали заниматься вопросами мобилизации ресурсов не только Урала, а и Западной Сибири и Средней Азии...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 126. Л. 12, 13].

возможности открываются для нас при должной организации этих работ. Сейчас уже ясно, что Урал с его промышленными и ископаемыми богатствами можно превратить в основную базу нашей обороны. Необходимо только добиться, чтобы найденные богатства немедленно передавались в руки промышленности. Поэтому я созвал здесь, несколько дней тому назад, совещание с участием академиков, представителей наркоматов цветной и чёрной металлургии и областных партийных организаций, где мы сообща единодушно решили объединить силы учёных и работников промышленности для решения неотложных вопросов народного хозяйства Урала. В связи с этим я стал во главе работ комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала на нужды обороны на базе работ Уральской экспедиции. Об этом я счёл необходимым, конечно, довести до сведения Вячеслава Михайловича Молотова. Думаю, что в этой области мои силы, опыт и знания ещё могут принести пользу народу в годину тяжёлых испытаний и борьбы с ненавистным врагом...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 6, 7].

Надо отметить, что В.Л. Комарову в начале войны уже было 72 года, а за два года до этого, 5 августа 1939 г., Владимир Леонтьевич перенёс инсульт. Кроме того, у Комарова в зимне-весенний период обычно обострялась мучительная хроническая болезнь — псориаз. В 1941 г. Владимир Леонтьевич, конечно, отдавал себе отчёт в проблемах, связанных со своим возрастом и здоровьем. Тем не менее он обратился в правительство с просьбой оставить его на Урале для организации работы по мобилизации природных ресурсов региона и получил на это разрешение. Безусловно, это был его личный гражданский подвиг! Сложившееся в результате переезда Комарова в Свердловск пространственное разделение Президиума и президента было на тот период вполне оправдано и рационально. Технически отменять ранее принятое решение о переводе Президиума в Казань, город, который имел возможность принять основные силы Академии, не имело смысла. Здесь обосновались 33 института и около 2000 научных сотрудников, среди которых было 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР. Президент АН СССР В.Л. Комаров и группа из 58 академиков и членов-корреспондентов расположились в Свердловске.

Не занимаясь вопросами эвакуации основных сил АН СССР в Казань, Комаров смог в Свердловске при активной поддержке местных партийных и советских органов всю свою энергию направить на организацию совершенно новой структуры – Оборонной комиссии, получившей название Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (с апреля 1942 г. – Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана). В её состав, помимо Комарова, входили академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, В.А. Обручев, А.А. Скочинский, С.Г. Струмилин и другие крупные учёные. Комарову в короткие сроки удалось создать и наладить удивительно эффективную и мобильную для военного времени форму и систему взаимодействия учёных, научно-исследовательских и образовательных учреждений с промышленным оборонным комплексом. Академиков довольно часто можно было видеть в цехах заводов и фабрик. К работе комиссии было привлечено более 800 научных и технических сотрудников, было задействовано свыше 60 учреждений [Дорошев, 1943]. По свидетельству академика В.В. Костюка, «по объёму и сложности научных и практических задач и по количеству специалистов, участвовавших в их решении, наиболее масштабной оказалась работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. Именно ею были разработаны методы и определены организационные формы, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья» [Костюк, 2005, с. 981]. Комиссия была тесно связана с девятью наркоматами,

Телеграмма Молотова и Шверника Комарову [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1029. Л. 1]

и особенно Госпланом СССР, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей. Из ведомственных институтов в работе комиссии наиболее активно участвовали Уральский индустриальный, Уральский горный, Уральский лесотехнический [Сафронов, 2009].

Интересно отметить, что решение Комарова остаться в Свердловске было неожиданным не только для его коллег, но и для супруги Владимира Леонтьевича. Н.В. Комарова так вспоминала об этих днях: *«Мы выехали с намерением ехать в Боровое, куда отправлялась значительная часть академиков и их семей. Доехали мы до Свердловска, где нужно было передохнуть, сделать отдых, а затем ехать дальше. Вл. Л. захотел осмотреть Уральский филиал, подробно ознакомиться с работой, а затем вдруг объявил мне, что мы дальше не поедem и останemся в Свердловске. Конечно я стала спрашивать его Почему? и Вл. Л. ответил мне, что он увидел, что здесь он ещё может принести пользу, поработать для спасения нашей любимой родины, что у него созревают уже планы работы и если только правительство их одобрит – он приложит весь свой опыт и все свои очень уже подломленные силы, чтобы наладить эту работу. И вот созывает он собрание акад. работников и всей интеллигенции заводов и фабрик Свердловска и обратился к ним с горячим призывом объединиться в общей работе для борьбы с врагом. Так возникает “Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны” кот., начав с Урала, распространила свою деятельность дальше в Сибирь и Казахстан. Для этого понадобилась поездка Вл. Л. в Алма-Ату, где он постарался объединить все научные силы, имеющиеся там. Здесь его здоровье (а нужно сказать, что вообще Вл. Л. давно уже страдал неизлечимой болезнью кожи, кот. временами его сваливала совершенно и на долгое время в постель) настолько улучшилось, что Вл. Л. хотел обязательно быть на открытии в Киргизии филиала Ак. Наук...»* [АРАН. Ф.277. Оп. 2. Д.123. Л.12, 13].

Несмотря на то, что В.Л. Комаров был болен, редко куда выезжал, этот, казалось бы, серьёзный недостаток в конкретных условиях военного времени оказался, как ни странно, ощутимо удобным для окружающих. Дело в том, что даже когда у Комарова обострялась болезнь и он лежал в постели, до него легко было дозвониться или

найти на месте в любое время и немедленно решить возникшие проблемы, что обеспечивало высокую эффективность по координации мероприятий на огромной территории. Большую помощь по уходу за больным в этот период оказывала его супруга Надежда Викторовна Комарова. Именно благодаря её постоянной заботе и уходу президент Академии был дееспособен даже в самые тяжёлые моменты обострения болезни.

Итоговая работа Комиссии Комарова под названием «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» 10 апреля 1942 г. была удостоена Сталинской премии первой степени. Результаты работы комиссии показали целесообразность и эффективность деятельности Академии наук СССР в мобилизационном формате (т.е. при наделении мобилизационными полномочиями) и получила полную поддержку правительства. И не случайно, когда в мае 1942 г. были назначены очередные выборы президента Академии наук СССР, Академия вновь избрала В.Л. Комарова своим президентом на второй срок.

Занимаясь в начальный период войны организацией работы Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, В.Л. Комаров не выпускал из виду многие другие организационные и бытовые вопросы деятельности Академии. Особое внимание Владимир Леонтьевич уделял эвакуированным в Боровое детским учреждениям Академии наук [АРАН. Ф.277. Оп. 4. Д. 206. Л. 10, 11, 14, 15], по-

Советский плакат времён Великой Отечественной войны. 1942 г. Караченцов П. «Урал – фронту»

могал устройству членов Академии, попавших в тяжёлое положение. В частности, в одной из своих правительственных телеграмм Комаров просит Шмидта сообщить о местопребывании почётного академика Морозова (Николай Александрович Морозов – /1856–1946/ – химик, астроном, историк культуры – *авт.*) и направлении его в Боровое [Там же. Л. 13]. В другой – сообщает Шмидту о тяжёлом положении оставшегося без работы Б.К. Штегмана* и просит вице-президента сохранить Штегмана в Академии наук, восстановив его на работе в Зоологическом институте, либо зачислить на работу в один из филиалов Академии [Там же. Л. 17]. Внимательно Владимир Леонтьевич следил за работой Тихоокеанского комитета и Монгольской комиссии [Там же. Л. 12, 18], состоянием дел в Ботаническом институте**, судьбой попавших под сокращение его сотрудников, занимался другими актуальными проблемами Академии. В тяжелейшие дни Ленинградской блокады на заседании Учёного совета Ботанического института, проходившего 29 декабря 1941 г., были оглашены телеграммы от В.Л. Комарова и Б.Л. Исаченко***, в которых выражалась поддержка сотрудникам [СПФ АРАН. Ф. 273.

* **Штегман Борис Карлович** (1896–1975) – советский орнитолог. Планировалось избрание Штегмана членом-корреспондентом АН СССР, но в 1938 г. он был арестован и вплоть до 1940 г. полтора года провёл в тюрьме. Попал в бериевский противопоток и освобождён до приговора, но в начале Великой Отечественной войны, как немец, выслан из Ленинграда. «По собственному выбору» выехал в Алма-Ату, но в Филиал АН в Казахстане так и не был принят. До 1946 г. работал наблюдателем в Балхашском биопункте, затем – в Казахстанском институте защиты растений, с 1956 г. – в Институте биологии внутренних вод АН СССР в Борке.

** Ботаники Ленинграда в период блокады города показывали пример самоотверженного труда и воли. В тяжелейших условиях они продолжали многолетнюю работу над фундаментальным трудом «Флора СССР», которая осуществлялась под руководством В.Л. Комарова и Б.К. Шишкина [Шишкин, 1942]. Несмотря на ежедневные бомбардировки и обстрелы, учёные Ботанического института мужественно сохраняли гербарные коллекции, ценнейшие собрания живых растений, музеев, библиотеку, проводили исследования, обращённые на нужды фронта и тыла. Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства в голодные годы блокады сохранили уникальнейшую коллекцию семян сельскохозяйственных растений мира [Манойленко, 2016].

*** **Исаченко Борис Лаврентьевич** (1871–1946) – советский ботаник и микробиолог, академик АН СССР (1946; чл.- корр. 1929). В 1902–1917 гг. заведующий станцией по испытанию семян Санкт-Петербургского ботанического сада, в 1917–1930 гг. директор. С 1939 г. – директор Института микробиологии АН СССР.

Правительство
Вам, Андрей Яковлевичу Шмиду

Считаю необходимым сообщить 1941 год Ташкентской
Правительственной комиссии по делам культуры

Президент Академии Наук

Секретарь Академии Наук
Ученый секретарь Академии Наук
Президент Академии Наук

14.11-41г.

Правительство
Вам, Андрей Яковлевичу Шмиду

Считаю необходимым сообщить 1941 год Ташкентской
Правительственной комиссии по делам культуры

Президент Академии Наук

Секретарь Академии Наук
Ученый секретарь Академии Наук
Президент Академии Наук

14.11-41г.

Правительство
Вам, Андрей Яковлевичу Шмиду

Считаю необходимым сообщить 1941 год Ташкентской
Правительственной комиссии по делам культуры

Президент Академии Наук

Секретарь Академии Наук
Ученый секретарь Академии Наук
Президент Академии Наук

14.11-41г.

Правительство
Вам, Андрей Яковлевичу Шмиду

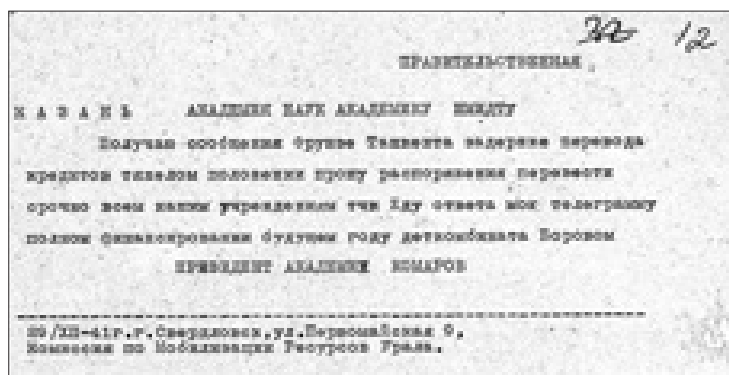
Считаю необходимым сообщить 1941 год Ташкентской
Правительственной комиссии по делам культуры

Президент Академии Наук

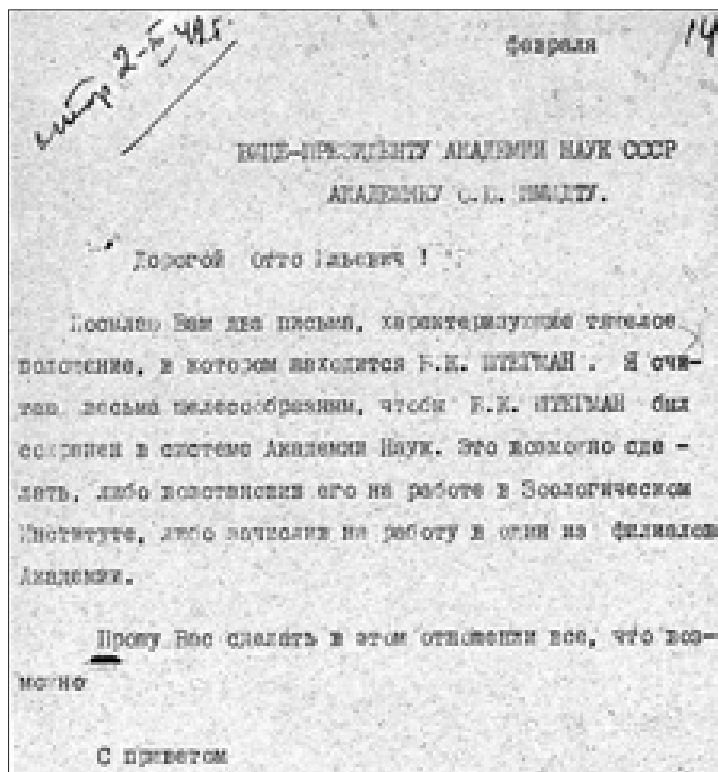
Секретарь Академии Наук
Ученый секретарь Академии Наук
Президент Академии Наук

14.11-41г.

Телеграммы, отправленные Комаровым Шмиду в декабре 1941 – январе 1942 гг. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206]

Телеграмма, отправленная Комаровым Шмидту в декабре 1941–январе 1942 гг.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206]

Письмо Комарова Шмидту от 2 марта 1942 г. о бедственном положении
Б.К. Штегмана [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 17]

Оп. 1 (1941). Д. 21. Л. 190 об.]. Учитывая угрожающее положение, сложившееся в Ленинградском Ботаническом саду, Комаров 10 января направил в Казань Шмидту телеграмму с требованием экстренно провести текущие кредиты и принять меры по ассигнованию дополнительных кредитов для проведения восстановительных работ [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 16].

Надо отметить, что незадолго до перевыборов руководства Академии наук, которые должны были состояться в мае 1942 г., между президентом Академии наук СССР В.Л. Комаровым и его первым вице-президентом О.Ю. Шмидтом произошло то, что вскоре было названо конфликтом, связанным с разработкой плана работы Академии на первое полугодие 1942 г. Следует подчеркнуть, что О.Ю. Шмидт и В.Л. Комаров блестяще сработали «в паре» в начальный период Великой Отечественной войны – Шмидт занимался сложнейшей по масштабам и срокам эвакуацией академических учреждений из Москвы и Ленинграда в Казань и другие города СССР, а Комаров, переехав в Свердловск, организовывал работы по мобилизации ресурсов Урала на военные нужды. Оба руководителя в конце 1941 г. разрабатывали также планы работ эвакуированных казанской и свердловской групп академических институтов, плюс сводный план Академии на 1942 г. В этой стандартной практике подготовки ответственных документов не было ничего необычного: впоследствии все варианты обсуждаются и лучшие идеи или позиции учитываются в итоговом документе.

То, что в дальнейшем работа по согласованию планов стала источником недопонимания и конфликта между двумя выдающимися учёными, на наш взгляд, явилось следствием невероятно возросших организационных нагрузок, обрушившихся на руководителей АН СССР, их нервного перенапряжения, а также всевозможных слухов, пересудов, домыслов (ведь многие члены Академии не знали или не понимали, почему Комаров отделился от Президиума и остановился в Свердловске, а не в Казани), аппаратных недоработок, а может быть, и чьих-то целенаправленных акций, организованных в начальный и самый тяжёлый период военных действий на фронте.

Приводим слова А.А. Сафронова [2009, с. 137], который предложил свою версию событий: *«Комаров по правилам субординации*

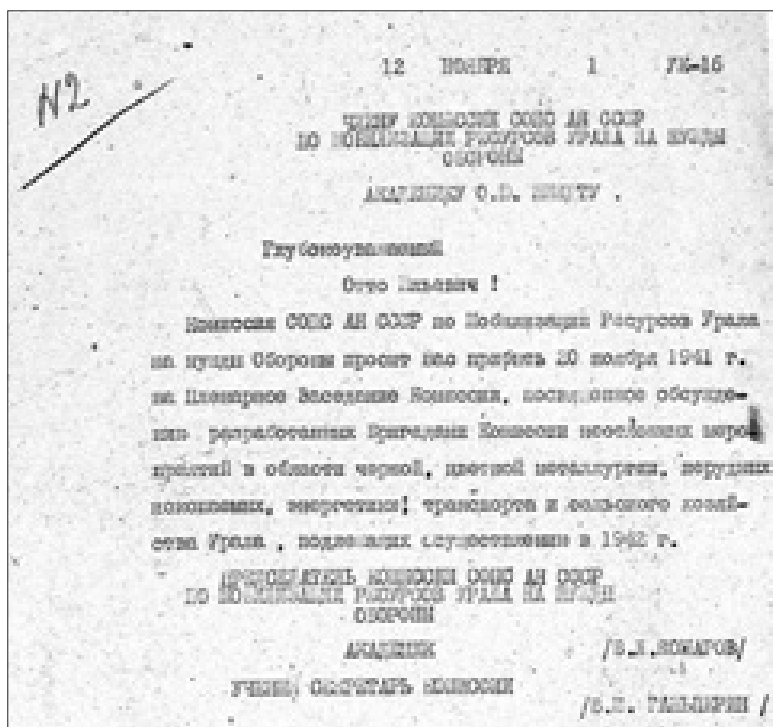
в начале декабря 1941 г. направил И.П. Бардина в Казань доложить Президиуму Академии наук план Комиссии Комарова на 1942 г. Шмидт как вице-президент по тем же правилам обязан был на- править президенту казанский план, мог доставить и лично... В декабре 1941 г. Президиум Академии наук в Казани заслушал до- клад академика И.П. Бардина о плане Комиссии Комарова на 1942 г. и признал его выдающимся документом. Но этому плану не дали естественного “хода по инстанции”, т.е. не передали в Госплан СССР [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 232]... ..В начале марта 1942 г. председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский прислал В.Л. Комарову на заключение план Академии наук на текущий год (речь идёт о плане, подготовленном О.Ю. Шмидтом – прим. авт.). Чтобы дать заключение, В.Л. Комаров создал комиссию, включив в неё находившихся в Свердловске академиков. Оказалось, в плане Академии наук полностью отсутствовал материал “О разви- тии народного хозяйства Урала в условиях войны”! В.Л. Комаров включил его в план Академии [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 232]. Кроме того, он дал критические замечания по плану О.Ю. Шмид- та: “В плане нет работ, которые... завершили бы исследование предыдущих лет, именно они могли бы дать немедленный эф- фект. В то же время в план были включены исследования, которые могли бы дать результаты через несколько лет”. Документ был направлен на имя Н.А. Вознесенского 14 марта 1942 г. [Левшин, 1963, с. 69; Савельев, Савин, 1974, с. 71]. Таким образом, только во второй половине марта 1942 г. в правительстве стало ясно, что О.Ю. Шмидт фактически срывает работу Академии наук.

Оплошность Шмидта, связанная с отсутствием в его варианте Плана работы АН СССР на 1942 г. мероприятий по развитию на- родного хозяйства Урала, конечно, выглядит грубой недоработкой и не может быть объяснена с точки зрения неосведомлённости, по- скольку кроме доклада Бардина на Президиуме в Казани Отто Юль- евичу ещё 12 ноября 1941 г. Комаровым и Гальпериным (учёным секретарём Комиссии) было направлено приглашение на пленарное заседание Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, «посвящённое обсуждению разработанных Бригадами Комиссии неотложных мероприятий в области чёрной, цветной металлургии, нерудных ископаемых, энергетики, транспорта и сельского хозяйства Урала,

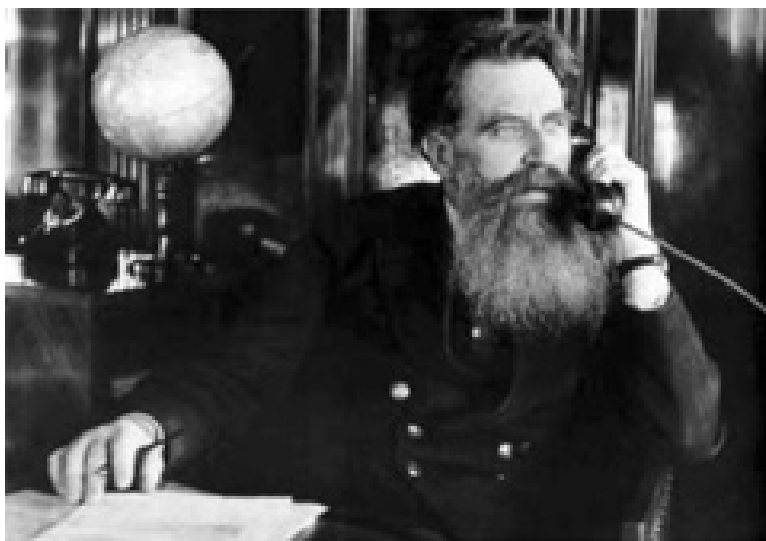
подлежащих осуществлению в 1942 г.» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 9]. По мнению А.А. Сафронова [2009, с. 130]: «О.Ю. Шмидт успешно провёл эвакуацию институтов в Казань, но не смог своевременно разработать план их работы на 1942-й год. Именно В.Л. Комарову пришлось доводить этот план “до ума”. При этом в конце 1941 – начале 1942 г. оппонирование О.Ю. Шмидта В.Л. Комарову усиливалось, грозя дезорганизацией работы Академии наук. Конфликт был разрешён И. В. (Иосифом Виссарионовичем Сталиным – прим. авт.)».

Приведём полный текст соответствующей телеграммы Сталина:

«Свердловск. Президенту Академии наук Комарову В.Л., копия Казань вице-президенту Академии наук О.Ю. Шмидту. Совнарком СССР стало известно, что представленный Правительству вице-президентом Академии наук О.Ю. Шмидтом план основных

Приглашение О.Ю. Шмидту на заседание Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны от 12.11.41 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 9]

Академик Отто Юльевич Шмидт

научно-исследовательских работ Академии наук на первую половину 1942 г. не был известен президенту Академии наук, и президент был лишён возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О.Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения президента от руководства Академией наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О.Ю. Шмидта — дезорганизующим работу Академии наук. Ввиду изложенных обстоятельств Совнарком СССР решил отстранить О.Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук. Доводя об этом до вашего сведения, я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими потребностями страны и Президиум Академии наук под Вашим руководством сделает всё необходимое для осуществления стоящих перед Академией наук задач.

Председатель Совнаркома И. Сталин. 24 марта 1942 г.» [Сафонов, 2009, с. 138; ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д. 159. Л. 227].

Заседание Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Слева направо: В.А. Обручев, Н.В. Комарова, В.Л. Комаров, Б.А. Шпаро, В.П. Волгин, В.М. Гальперин, И.П. Бардин, А.Г. Чернов, И.С. Пустовалов, Г.А. Соколов, Б.Г. Кузнецов, Э.В. Брицке [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 57]

Через некоторое время Сталин на имя Комарова направил ещё одну телеграмму следующего содержания: *«Совет Народных Комиссаров считает правильным Ваши предложения о плане работ Академии Наук СССР на 1942 г. Совнарком одобряет также созыв в конце апреля месяца сего года в Свердловске общего собрания Академии Наук для рассмотрения плана работ, выборов президента, вице-президентов и президиума Академии Наук, и обсуждения вопросов, которые президиум считает необходимым внести в повестку для предстоящего общего собрания Академии Наук СССР. Совнарком не имеет возражений и против предложения о временном нахождении президиума Академии Наук в Свердловске, об упрощении структуры и реорганизации Аппарата Академии Наук в соответствии с требованиями военного времени.*

Ваше мнение о составе нового президиума и о кандидатах в вице-президенты Совнарком также считает в целом правильным. Возможно, что следует внести некоторые небольшие поправки.

О соответствующем уточнении всех указанных выше вопросов Совнарком поручил товарищу Молотову снестись с Вами.

THREE WINNERS OF STALIN PRIZES. Left to right are V. L. Komarov, President of the Academy of Sciences of the U.S.S.R., who shared a first, 100,000-ruble prize for his work on the development of the sustained ramjet of the U-2 in wartime conditions; Alex. G. Komarov, who shared a prize of 100,000 rubles for designing a new engine, and Alex. S. K. Zhukovskiy, who was awarded a first, 100,000-ruble prize for a new aircraft design.

Информация о лауреатах Сталинских премий 1942 г., опубликованная на английском языке в газете «MOSCOW NEWS» за 14 апреля 1942 г. [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.100. Л.88]

Правительство с удовлетворением принимает Ваши предложения о всемерном развёртывании деятельности научных учреждений Академии Наук, её действительных членов и членов-корреспондентов, направленной на укрепление военной мощи Советского Союза. Надеюсь, что Академия Наук СССР возглавит движение новаторов в области науки и производства и станет центром передовой советской науки в развернувшейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и всех других свободолюбивых народов – немецким фашизмом.

Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что в суровое время Великой Отечественной Войны советского народа против немецких оккупантов, Академия Наук СССР, возглавляемая Вами, с честью выполнит свой высокий патриотический долг перед родиной.

Председатель Совнаркома СССР СТАЛИН

12 апреля 1942 г.» [Ф.277. Оп.4. Д.1374. Л.1, 2]

Надо заметить, что В.Л. Комаров извлёк определённые уроки по организации работы Академии в первые месяцы войны. Ведь число направлений исследований и ответственности Академии в военный

период настолько возросло, что усложнило работу академического руководства, состоящего всего из 3 человек: самого президента и двух вице-президентов. Академия в этот период не имела даже своего неперменного секретаря. Эту должность упразднили в 1938 г. после ареста, а затем и расстрела в качестве «врага народа» неперменного секретаря АН СССР академика Николая Петровича Горбунова (см. главу 9). Учитывая полученный на начальном этапе войны опыт, Комаров после своего повторного избрания пошёл на смелый, но оправданный шаг: он предложил Сталину и Общему собранию Академии вместо 2 избрать 6 вице-президентов. Была также восстановлена должность неперменного секретаря Академии, названная «академик-секретарь», а впоследствии – главный учёный секретарь. В докладе В.Л. Комарова о плане работ на 1942 г., представленном им Общему собранию, были поставлены задачи по развитию базовых отраслей промышленности, усовершенствованию технологии производства вооружений и при этом – продолжению фундаментальных исследований. Все предложения Комарова были одобрены членами Общего собрания единогласно. С этого дня каждый новый вице-президент Академии отвечал за определённое направление работ, что повысило их эффективность. Кроме того, решением Общего собрания Президиум Академии был наконец-то переведён из Казани в Свердловск.

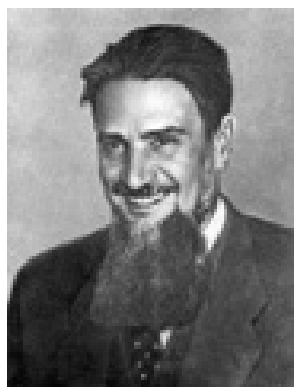
Созданные в 1941–1942 гг. по аналогии с «Комиссией Комарова» другие оборонные комиссии Академии наук приняли на себя руководство практически всем оборонным научно-техническим комплексом СССР. Среди них: «Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья» под руководством академика Е.А. Чудакова, «Комиссия по восстановлению разрушенного хозяйства» под руководством академика А.А. Скочинского, «Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам» под руководством академика А.Ф. Иоффе и на то время д.т.н. И.В. Курчатова, «Военно-инженерная комиссия» также под руководством академика А.Ф. Иоффе, «Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии» под руководством академика А.Е. Ферсмана, «Военно-санитарная комиссия» под руководством академика Л.А. Орбели. Кроме того, в различные периоды Великой Отечественной войны были созданы: «Комиссия по редким метал-

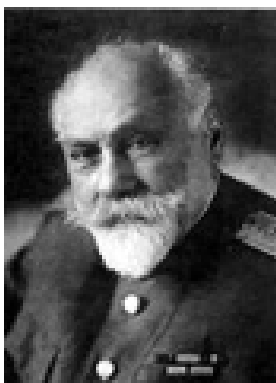
Информационное сообщение об Общем собрании АН СССР, газета «Красная Звезда» за 5 мая 1942 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2 Д. 100. Л. 23]

лам», «Комиссия по противотанковым средствам», «Комиссия по авиации», «Комиссия аэросъёмки и маскировки», «Комиссия по мобилизации пищевых ресурсов на нужды обороны» и др. В составе «Комиссии по руководству строительством оборонительных сооружений в Ленинграде» также работали многие крупные учёные...

В задачи оборонных комиссий входили, в первую очередь, создание и усовершенствование боевых технических средств Красной

Академики Е.А. Чудаков, А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов

Академики А.Е. Ферсман, Л.А. Орбели, А.А. Сковинский

Армии и Военно-морского флота, организация помощи промышленности в налаживании массового производства новой оборонной техники, выработка технологических схем для расширения и ускорения выпуска продукции для победы, мобилизация ресурсов (металла, топлива, электроэнергии и др.) восточных районов СССР, восстановление западных и южных районов страны, идеологическая борьба против фашизма.

Работа комиссий позволила в кратчайшие сроки решить поставленные задачи, чему способствовали необыкновенный патриотический подъём, решимость советских учёных сделать для Победы всё возможное и невозможное. Пример подобного патриотизма привёл в своём выступлении на Общем собрании АН СССР 7 мая 1942 г.

академик А.Ф. Иоффе: «Я не могу подробно рассказать о той поистине героической работе, которую ведут многие из научных работников в условиях войны, но я лично был свидетелем того, как целая группа сотрудников в течение трёх недель не выходила из лаборатории, работая там день и ночь. Иногда, свалившись, люди спали тут же на столах, но за три недели закончили громадную работу так, что она могла быть направлена на испытания. Я видел, как работали у нас в Казани при 40–45° мороза на открытом воздухе с приборами, к которым прилипали руки, сдиралась кожа, но тем не менее ни один из сотрудников не отставал, а проводил работу до конца. Таковы методы и темпы работы советских физиков в условиях войны. Конечно, так работали не только физики. Эти факты характеризуют тот исключительный патриотический подъём, то глубокое сознание своего долга перед родной, сознание громадной важности происходящей сейчас войны, которыми проникнута вся наша интеллигенция, весь наш народ» [Иоффе, 1942, № 5–6, с. 69].

Общее собрание АН СССР обсуждает вопросы мобилизации ресурсов Урала и Востока на нужды фронта, Свердловск, 1942 г. [<http://history-referat.ru/book/ww2/295.php>]

Оборонные комиссии как система взаимодействия науки и производства не требовали дополнительного вмешательства руководства Академии и членов Президиума в свою работу. В этом плане показательны выдержки из письма вице-президента А.Ф. Иоффе, которое он направил Комарову 2 августа 1943 г. из Казани в связи с проблемами, возникшими при реэвакуации институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву: *«Без Вас не налаживается работа Президиума: Александру Александровичу [Байкову] не удаётся сплотить его и даже вице-президентов; каждый из нас сам по себе, ведёт свою линию... Правда, ряд институтов уже настолько связался с военными учреждениями и военной тематикой, что успешно работает и без Президиума...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 668. Л. 8, 9].

7 ноября 1942 г. страна праздновала 25-летнюю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В приказе Народного Комиссара Обороны И. Сталина от 7 ноября 1942 г. за № 345, посвящённом этому событию, было констатировано: *«...В начале этого года, в зимний период, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам серьёзные удары. Отбив атаку немцев на Москву, она взяла в свои руки инициативу, перешла в наступление и погнала на запад немецкие войска, освободив от немецкого рабства целый ряд областей нашей страны.*

Красная Армия показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть и немецко-фашистские войска.

Летом однако положение на фронте изменилось к худшему. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метёлку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его. Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный, подступы к Закавказью.

Правда, стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы немцев по обходу Москвы с востока и удару с тыла на столицу нашей страны. Враг остановлен под Сталинградом. Но, остановленный под Сталинградом и уже положивший там десятки тысяч своих солдат и офицеров, враг бросает в бой новые дивизии, напрягая последние силы. Борьба на советско-германском фронте

становится всё более напряжённой. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины...» [Приказ..., 1942, с. 10].

На проходившей следом 15–18 ноября 1942 г. в Свердловске сессии Академии наук СССР, посвящённой юбилею Октябрьской революции, В.Л. Комаров в своей вступительной речи отмечал: «...Такой войны, какую мы ведём с фашистской Германией, цивилизованный мир ещё не знал. Разве гитлеровские орды могут быть названы армией? Разве фашисты – это люди? Зверства, какие чинят они, убийства детей, женщин, стариков навеки покрыли позором Германию. Германия некогда была в числе просвещённых государств. Теперь она стала самой ненавистной и презираемой страной во всём мире, символом бесчеловечной жестокости, низкого вероломства и зверской тирании. Если в начале XIX столетия Германию называли страной философов и поэтов, то теперь гитлеровская Германия по справедливости должна быть названа страной дикарей и людоедов.

Мы гордимся тем, что наша родина первая выстояла перед натиском немцев и первая оказала героическое сопротивление тевтонским ордам. Мы гордимся славными героями Ленинграда и Москвы, Севастополя и Сталинграда, показавшими всему миру, как можно и должно бить немцев. Мы гордимся нашим любимым великим полководцем – товарищем Сталиным.

Я обращаю свой голос к зарубежным коллегам, людям науки Англии, Америки, к братьям по оружию: зовите к смелым, энергичным действиям. Пусть первые успехи на поле боя против германо-итальянского империализма послужат началом широкого действенного боевого сотрудничества наших стран. Мы верим в доблесть и умение великих народов Америки, Англии и всех свободолюбивых стран, борющихся против гитлеровской тирании. Мы верим, что недалёк день нашего общего торжества – победы над гитлеризмом, врагом всего человечества...

...Наши учёные участвуют в создании новых видов и типов вооружения и боеприпасов, новых средств и методов спасения и сохранения жизни бойцов. В институтах Академии наук разработан ряд ценных предложений по укреплению мощи Военно-Морского Флота и противовоздушной защите городов. Около 50 важнейших

оборонных работ наших учёных внедряются в производство и поступают на вооружение нашей доблестной Красной Армии...

...Товарищи, недавно образована комиссия по подсчёту убытков, которые нанесли нам фашисты. В ней принимают участие многие члены Академии Наук, которые призваны подсчитать этот кровавый итог. Пусть немцы платят за всё, что они наделали. Они должны будут заплатить за всё, что они у нас отняли, а они отняли многое – много жизней и много имущества...

...Война требует от нас всех сил, всех наших знаний, и я призываю соратников по Академии наук удвоить усилия, работать ещё энергичнее и самоотверженнее, сделать всё для защиты нашего родного советского строя, для защиты тех замечательных достижений, которых мы добились в нашей стране за 25 лет под руководством партии и великих вождей Ленина и Сталина» [Комаров, 1942, с. 13–18].

Выступившие на сессии члены Академии, лауреаты Сталинских премий доложили собравшимся о важнейших работах оборонного значения, проведённых отделениями Академии в начальный период Великой Отечественной войны. Масштабы этих работ поражают своей масштабностью и сегодня. Но особенно значимыми представляются работы ленинградских институтов, проведённые в условиях блокады города. В частности, вице-президент АН СССР академик А.А. Байков в своём выступлении выделил исключительно значимую работу Астрономического института АН СССР, сотрудники которого, оставшиеся в городе, проводили регулярную морскую и воздушную навигации астрономическими эфемеридами. Большим достижением Института в этот период, по мнению Байкова, явилось издание большого «Астрономического ежегодника», целиком основанного на собственных вычислениях. *«Выпустив “Ежегодник” за 1941 г., коллектив Института в дни войны и в условиях осаждённого Ленинграда подготовил издание 1942 г. и вёл вычисления на 1943 год» [Байков, 1942, с. 112].* В своём выступлении вице-президент Академии наук особо отметил не только успешную, но поистине самоотверженную работу ленинградских институтов Академии наук в военное время. В частности, он заявил, что *«несмотря на все тяготы блокады, несмотря на продовольственные затруднения, обстрелы и бомбёжки, ряд институтов Академии Наук в Ленинграде продолжал вести*

интенсивную научно-исследовательскую работу на оборонные нужды страны. Сюда относятся прежде всего Астрономический институт, подготовивший к печати большой астрономический ежегодник, военно-морской астрономический ежегодник и авиационный ежегодник на 1943–1944 гг.; Отделение Радиевого института, ведущее работу по изготовлению светящихся красок; Ботанический институт им. Комарова, развернувший большую научно-исследовательскую работу в области маскировки, а также в области расширения овощной базы Ленинграда» [Байков, 1942, с. 129].

В середине 1943 г. начались реэвакуация Академии наук в Москву и подготовка к выборам новых членов Академии, в результате которых Академия наук СССР пополнилась 36 академиками и 58 членами-корреспондентами. С учётом оборонных задач, возложенных на Академию в военное время, участники сессии избрали большое количество представителей военно-прикладных специальностей. В результате этого, казалось бы, необычного для некоторых членов Академии наук шага* перевооружение Красной Армии новыми видами вооружений получило дополнительный мощный импульс**.

Выступая 25 сентября 1943 г. на открытии выборной сессии Академии наук, В.Л. Комаров выразил удовлетворение в том, что высказанная им на предыдущей сессии Академии, происходившей в городе Свердловске около года тому назад, уверенность, что следующая сессия будет проходить в Москве, подтвердилась: «...мы сейчас в Москве, где собралась вся Академия в целом» [Комаров, 1943б, с. 5]. Отдавая дань труженикам блокадного Ленинграда, В.Л. Комаров отметил: «С чувством величайшего благоговения потомство будет вспоминать бессмертный труд деятелей науки и искусства

* Например, резко негативное отношение к выдвижению в члены АН СССР целого ряда специалистов военного профиля высказал В.И. Вернадский. За несколько месяцев до выборов он написал Комарову: «Вы знаете, что я всегда с Вами откровенен и должен сказать, что очень неприятное впечатление делает тематика теперешних выборов. Точно проводят каких-то своих людей» [АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 207].

** Перечень основных оборонных научно-технических разработок, полученных советскими учёными в годы Великой Отечественной войны, изложен в публикациях Иоффе [1942], Комарова [1945б], Князева и Кольцова [1964], Левшина [1983], Костюка [2005] и мн. др.

На одном из артиллерийских заводов Урала, 1943 г.
[<http://historyculture.ru/book/ww2/319.php>]

Эти самолёты строились на средства трудящихся советского Приморья
[<http://historyculture.ru/book/ww2/319.php>]

Эшелоны идут на фронт, 1943 г. [<http://history-referat.ru/book/ww2/295.php>]

Производство авиабомб на одном из московских заводов, декабрь 1941 г.
Фото А.В. Устинова

Ленинград – фронты [<http://www2.pravoslavie.ru/76803.html>]

моей родины – Ленинграда – этой цитадели русской культуры, цитадели гордости и непреклонной воли нового советского человека» [Комаров, 1943б, с. 6]. Говоря о предстоящих выборах, президент АН СССР отметил: «Созыв Общего собрания Академии наук СССР с выборами новых академиков, с постановкой ряда научных докладов в самый решающий период небывалой в истории человечества войны представляет собой факт совершенно исключительного значения. Он прежде всего является демонстрацией расцвета культуры на Советской земле в тот период, когда на обширной территории Европы погасли огни в лабораториях, музеях и высших школах, когда лучшие люди науки и искусства впадают в жалкое существование в мрачных фашистских казематах...

...Нынешнее Общее собрание Академии Наук СССР, созванное в Москве, демонстрируя мощь и уверенность нашей страны в победе, является смотром советской науки, готовой отдать все свои достижения служению народу. Товарищи, будем достойны нашего героического народа и его Красной Армии, отразившей натиск фашистских варваров и несущей им окончательную гибель; будем достойны наших предшественников – великих русских учёных,

завещающих нам служение народу, истине и прогрессу до последней минуты жизни. Будем работать так, чтобы потомство с чувством благоговения произносило имена учёных – современников Великой Отечественной войны Советского Союза против мрачных сил фашизма...» [Комаров, 1943б, с. 7–8].

Сразу после эвакуации Академии наук в Москву В.Л. Комаров включился в организацию работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Начиная с этого периода, страна стала приумножать сеть научных институтов и число учёных. В 1943 г. были организованы (Атомная) Лаборатория «2», Институт кристаллографии, учреждены Западно-Сибирский и Киргизский филиалы АН СССР, Академия педагогических наук РСФСР. В этом же году на базе Дальневосточной горнотаёжной станции им. В.Л. Комарова была образована Дальневосточная база АН СССР взамен закрытого в 1939 г. Дальневосточного филиала АН СССР, а на базе Армянского и Узбекского филиалов АН СССР были основаны академии наук Армянской и Узбекской ССР. В 1944 г. в Советском Союзе была образована крупнейшая в мире Академия медицинских наук СССР.

11 января 1944 г. руководство Академии доложило Молотову о завершении эвакуации московских учреждений АН СССР. В письме за подписями Комарова и Бруевича сообщалось, что в Москву переведено 61 учреждение Академии наук, в том числе 40 институтов и отдельных лабораторий, перевезено 3109 сотрудников учреждений, 5809 членов их семей, 3731 тонна грузов (научное оборудование, материалы, инвентарь, а так же личные вещи сотрудников) [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 4].

За время войны, особенно после эвакуации, Академия наук СССР провела серию научных конференций и торжественных собраний, посвящённых памяти великих учёных и другим юбилейным датам в истории мировой и отечественной культуры и науки, отметив 100-летие со дня рождения К.А. Тимирязева, 150-летие со дня рождения Н.И. Лобачевского, 50-летие со дня смерти П.Л. Чебышева, 250-летие со дня рождения Ф. Вольтера, 75-летие со дня смерти А.И. Герцена и др.

В январские дни 1943 г., когда шла битва на Волге, Академия наук СССР отметила 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона.

Вступительную речь на торжественном заседании произнёс президент АН СССР В.Л. Комаров. В заключение своего выступления Владимир Леонтьевич отметил: *«Знаменательная дата 300-летия со дня рождения Ньютона застала нас в момент напряжённой борьбы со злейшим врагом культуры – гитлеровской Германией. Самоотверженная борьба нашего народа, руководимого величайшим гением нашего времени товарищем Сталиным, уже сорвала злостные планы Гитлера и скоро принесёт свободу всему человечеству. В этой борьбе мы стоим в одних рядах с родиной Ньютона. Наша окончательная победа обеспечена союзом трёх величайших демократий: Англии, Соединённых Штатов и Советского Союза. Нас объединяют общие идеалы свободы и культуры, одним из лучших представителей которой был Ньютон»* [Комаров, 1943а, с. 15].

В разных местах Советского Союза, где тогда находились отдельные учреждения Академии наук или группы сотрудников, прошли собрания с научными докладами, посвящёнными Ньютону. Даже в далёком Боровом в Северном Казахстане было устроено торжественное заседание, на котором выступали академики А.Н. Крылов и Л.И. Мандельштам. В 1943 г. был издан сборник статей о Ньютоне, подготовленный Академией наук, а в январе 1944 г., в связи с 300-летием со дня рождения Ньютона, поверенный в делах Великобритании в Москве вручил Академии наук СССР подарок Королевского общества в Лондоне – первое издание 1687 г. «Математических начал натуральной философии» и черновик письма Ньютона Александру Меншикову, первому русскому, избранному членом Королевского общества.

Ряд научных конференций и совещаний Академия наук проводила совместно с наркоматами, ведомствами и отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями. Так, в апреле 1944 г. Отделение геолого-географических наук АН СССР совместно с Главуглеразведкой Наркомугля и Комитетом по делам геологии организовало совещание по геологии угольных месторождений. Созванное Отделением химических наук и Институтом общей и неорганической химии АН СССР в ноябре 1944 г. III Всесоюзное совещание по химии комплексных соединений проходило при участии свыше 400 учёных из различных городов СССР. Совещание подвело

итоги работ по химии комплексных соединений за 1941–1944 гг. и отметило 25-летие со дня смерти Л.А. Чугаева*.

В начале 1944 г. В.Л. Комаров, несмотря на новое обострение болезни, включился в разработку комплекса мероприятий по укреплению позиций отечественной астрономии. План первоочередных мер предполагал восстановление разрушенной Пулковской обсерватории, организацию Астрофизического комитета, интенсивное развитие астрономического приборостроения, обмен опытом с западными специалистами и другие направления деятельности [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3163. Л. 151, 154].

Летом 1944 г. Владимир Леонтьевич отправился в Закавказье, где филиалы Академии наук начали оформляться в самостоятельные национальные академии. Комаров посетил Азербайджанский филиал АН СССР в Баку и преобразованные из филиалов Академии наук Грузинской ССР в Тбилиси и Академию наук Армянской ССР в Ереване.

В октябре 1944 г. советская общественность тепло отметила 75-летний юбилей В.Л. Комарова. Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил заслуги и деятельность президента Академии наук, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Поздравлений было много. Вот, например, текст из поздравительного адреса сотрудников Института кристаллографии: *«В своё время Вы были одним из первых, поддержавших правильную мысль о необходимости организации самостоятельной Лаборатории Кристаллографии. Ваш веский голос в этом вопросе оказался тогда решающим и предопределил, в значительной степени, дальнейшее развитие Лаборатории, которая с гордостью носит теперь имя Института...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 82. Л. 2].

А это текст из адреса Отделения биологических наук АН СССР: *«...Отделение биологических наук, созданное Вами и в первые годы работавшее под непосредственным Вашим руководством, стало крупнейшей научной ассоциацией в Академии.*

* Чугаев Лев Александрович (1873–1922) – русский советский химик и биохимик, единоутробный брат другого выдающегося химика – Владимира Николаевича Ипатьева (см. главу 8). Известен как первооткрыватель ряда комплексных соединений. В 1927 г. Л.А. Чугаеву была посмертно присуждена премия им. В.И. Ленина.

Марш пленных немцев по Москве (Парад побеждённых), 17 июля 1944 г. Колоннами по Садовому кольцу и другим улицам столицы прошли около 57 000 немецких солдат и офицеров, в основном захваченных в плен в Белоруссии войсками 1-го, 2-го и 3-го Белорусского фронтов. *Фото ТАСС*

Поливальные машины «символически смывали грязь с асфальта» после прохождения колонн пленных немцев. Москва, 17 июля 1944 г. *Фото ТАСС*

Выступление В.Л. Комарова на Общем собрании АН СССР 14 октября 1944 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 36. Л. 4]

Удостоверение Героя Социалистического Труда, принадлежащее В.Л. Комарову
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 28. Л. 3]

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручает награду академику В.Л. Комарову [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 39. Л. 3]

В кулуарах собрания. Слева направо: академики Н.Н. Бурденко и В.Л. Комаров, писатель А.Н. Толстой, академик А.А. Богомолец, 1944 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 41]

Президиум Общего собрания АН СССР (в первом ряду слева направо):
А.А. Богомолец, А.А. Байков, И.П. Бардин, Л.А. Орбели. Москва, 1944 г.
[https://velikaya_otechestvennaya_voyna.academic.ru/]

Вы создали замечательную школу советских ботаников на базе Ленинградского университета и старейшего ботанического учреждения нашей страны – Ботанического сада Академии наук, который бережно хранит собранные Вами драгоценные коллекции.

Выдающийся биолог, Вы не ограничились, однако, своей деятельностью только областью биологии. Под Вашим руководством, как Президента Всесоюзной Академии наук, развернулась грандиозная работа во всех областях науки и техники, обеспечившая участие и помощь наших учёных как в мирном строительстве, так и в обороне СССР.

В годы Великой Отечественной войны Вы, гражданин и пламенный патриот нашей славной Родины, поднимали и мобилизовали науку на непосредственное участие в борьбе с лютым врагом, грозившим самому существованию Советского Государства.

Мы убеждены, дорогой Владимир Леонтьевич, что ещё много лет мы будем иметь счастье работать под Вашим вдохновляющим

руководством. Желаем Вам здоровья, бодрости и сил в Вашей большой творческой работе» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 88. Л. 2].

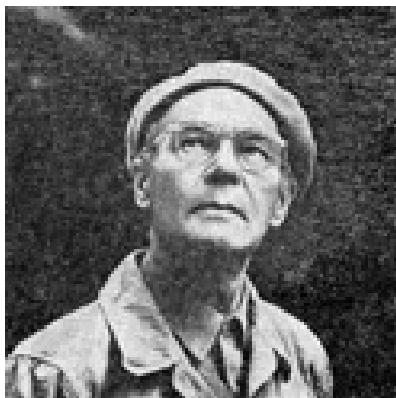
Как видим, всё довольно лаконично и без лишних восклицательных знаков. Конечно, были и формальные восхваления. Однако как до, так и после юбилея В.Л. Комаров не был похож на перехваленного чиновника. Слишком много было неотложных дел. При поддержке Комарова в Москве строился Физический институт АН СССР, под Ленинградом восстанавливалась Пулковская обсерватория, разворачивалось строительство Ботанического сада в Москве. Под руководством Комарова готовилось научное обоснование проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны...

В дни празднования юбилея президента АН СССР осуществилась ещё одна крайне злободневная гуманистическая идея В.Л. Комарова, о которой сегодня мало кто вспоминает, но о которой Владимир Леонтьевич периодически говорил с членами правительства. Речь идёт о необходимости устройства детского дома, в котором могли бы воспитываться дети погибших в период Великой Отечественной войны научных работников и сотрудников Академии наук и шефство над которым осуществлялась бы Академией. Мысль эта была реализована благодаря Постановлению СНК СССР от 14 октября 1944 г. «Об учреждении Детского Дома имени академика В.Л. Комарова в связи с его 75-летием». После определённой подготовительной работы такой Дом был открыт в Москве на Большой Пироговской улице осенью 1945 г. Не будет преувеличением сказать, что именно этот «подарок» от Правительства СССР был одним из наиболее значимых для семьи Комаровых. Забегая вперёд, отметим, что после ухода из жизни Владимира Леонтьевича, последовавшего 5 декабря 1945 г., забота о детском доме стала одним из важнейших смыслов и направлений деятельности оставшейся в одиночестве супруги Комаровой Надежды Викторовны, но об этой стороне её жизни мы расскажем чуть позже.

12. ОРГАНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ БАЗЫ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В.Л. КОМАРОВА (1943–1945 гг.)

В предвоенные годы Горнотаёжная станция имени академика В.Л. Комарова проводила интенсивные исследования, связанные с решением продовольственной проблемы и освоением природных богатств Дальнего Востока. С началом Великой Отечественной войны большинство мужчин ушло на фронт. Вся основная деятельность ГТС легла в основном на плечи женщин. Коллектив взял на себя обязательство до конца войны отрабатывать один выходной день в месяц в Фонд обороны страны и обеспечивать один военный госпиталь сельскохозяйственной продукцией. Была пересмотрена тематика НИР. В этот период самоотверженно, не жалея сил, трудились О.И. Орлова, Т.П. и Т.В. Самойловы, Г.Э. Куренцова, П.Л. Яровенко, Н.И. Осипенко, З.И. Гутникова, В.Р. Пушкарёва и многие другие сотрудники. На базе ГТС действовали курсы по подготовке бригадиров-овощеводов, картофелеводов и садоводов, работавшие и в послевоенные годы. Учёные станции считали своим долгом постоянно держать В.Л. Комарова в курсе всех своих научных и хозяйственных дел. Так, в своём письме Комарову от 1 апреля 1942 г. Борис Павлович Колесников* сообщал: *«Беру на себя смелость и посылаю Вам совместную с Иваном Александровичем Перерильевым статью о новой берёзке с Сихотэ-Алиня, названной нами в Вашу честь. Извините, что в своё время не просили у Вас разрешения на последнее. Работаю сейчас на Горно-Таёжной станции в области изучения лесов Дальнего Востока. Как и весь коллектив станции, посильно помогаем стране в её борьбе с гитлеризмом.*

* Колесников Борис Павлович (1909–1980) – советский учёный, геоботаник и лесовод, член-корреспондент Академии наук СССР (1970). В 1934–1942 гг. – научный сотрудник в лесной группе Дальневосточного филиала АН СССР, в 1944 г. – и.о. учёного секретаря Дальневосточной базы АН СССР, с 1951 по 1954 гг. – заместитель председателя Президиума Дальневосточного филиала АН СССР [Манько, Пименова, 2012].

Борис Павлович Колесников.
Фото с сайта: [<http://slavnyeimena.ru/publ/34-10-2>]

Отбор семян зерновых культур для посева
в коллекционном питомнике, 1940 г.
Фотоархив ГТС

Я, в частности, зимой выступил с рационализаторскими предложениями по поводу техники очистки лесосек от порубочных остатков. Предложения были приняты, внедрены в производство и дали, хотя и небольшой, эффект в виде экономии рабочей силы и снижения стоимости продукции. В предстоящий полевой период буду изучать вопросы естественного возобновления на лесосеках различных форм рубок. Вопросы “теории”, несмотря на весь их интерес для меня, отложил в сторону. Остальные товарищи по работе, каждый в своей области, также сейчас решают вопросы, связанные с сегодняшним днём. Но все их, мы стремимся, выполнять на высоком теоретическом уровне, как это и полагается для учреждения Академии наук...» [АРАН. Ф.277. Оп. 4. Д.772. С.1, 2].

Постановлением Президиума АН СССР от 11 ноября 1943 г. в соответствии с решением Совнаркома СССР Дальневосточная горнотаёжная станция была реорганизована в Дальневосточную базу им. академика В.Л. Комарова с местопребыванием в городе Ворошилове-Уссурийском (ныне – Уссурийск).

За несколько месяцев до этого события В.Л. Комаров в своей статье, посвящённой работе филиалов Академии наук в годы войны, так характеризовал работу Горнотаёжной станции: *«Приморская область на Дальнем Востоке имеет особое политическое значение. Население промышленных и других пунктов нуждалось*

в достаточном снабжении картофелем, овощами, плодами и ягодами. Урожаи же этих культур там были весьма незначительны. Больше того – в крае гуляла “теория” о нерентабельности местного земледелия, о невозможности возделывания крупноплодных культурных сортов плодовых. Работники Дальневосточной Горнотаёжной станции доказали вздорность подобных “теорий”. В настоящее время колхозы Приморского края начинают получать урожаи картофеля и овощей, не уступающие урожаям под Москвой. Сорта этих культур подобраны и изучены Горнотаёжной станцией Академии наук...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 163. Л. 3].

«...Всеми филиалами и базами ведётся большая работа по мобилизации ресурсов дикорастущих лекарственных растений для нужд фронта. Составлен и издан ряд брошюр, инструкций и красочных плакатов по сбору, сушке и хранению лекарственных растений...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 163. Л. 8]. «Филиалы и базы Академии Наук СССР уделяют большое внимание вопросу создания собственной продовольственной базы в важнейших экономических районах нашего Союза, особенно там, где развёртывание ведущих отраслей хозяйства лимитируется недостаточной или даже полностью отсутствующей местной продовольственной базой.

Вспашка участка под коллекционный питомник ягодных культур. Фотоархив ГТС

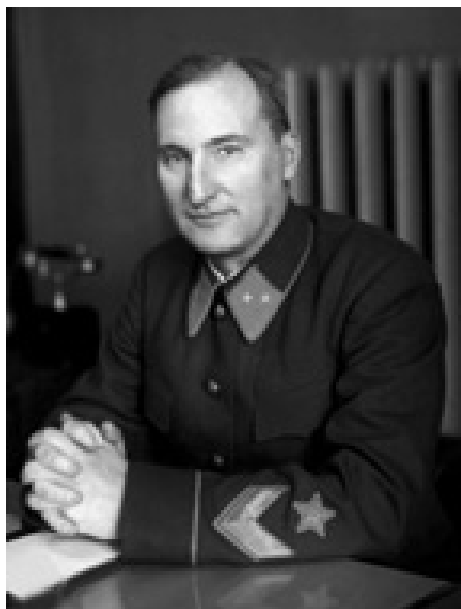

Сбор урожая в сливовом саду на опытном участке в долине, 1937 г. *Фотоархив ГТС*

Сбор урожая ранеток на северном склоне, 1938 г. *Фотоархив ГТС*

Города и промышленные поселения Приморского края на Дальнем Востоке испытывают недостаток в картофеле и овощах, из-за низкого их урожая. Дальневосточная горная станция им. акад. В.Л. Комарова продолжает подбор, изучение и внедрение в производство ряда сортов картофеля, лука, огурцов, томатов, урожайность которых в условиях Дальнего Востока не уступает урожайности этих культур в типично-картофельных и овощных районах европейской части СССР...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 163. Л. 9]. «...Центральные учреждения Академии Наук ещё очень мало занимаются вопросами лесного хозяйства. Иное место эти вопросы занимают в тематических планах филиалов и баз Академии Наук. Пионером в этом деле является Дальневосточная Горнотаёжная станция,

Академик Бруевич Николай Григорьевич.
Фотогалерея РАН

выводами и предложениями которой широко пользуются лесохозяйственные и лесопромышленные организации Приморского края...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 163. Л. 10].

В выписке из протокола № 14 распорядительного заседания Президиума Академии наук СССР от 11 ноября 1943 г. «О реорганизации Горно-Таёжной станции им. академика В.Л. Комарова в Дальневосточную Базу Академии Наук СССР (на основе решения СНК СССР)» сказано, что докладчиком по данному вопросу был академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич*.

* Академик **Бруевич Николай Григорьевич** (12.11.1896–05.05.1987). Член-корреспондент с 28.01.1939 – Отделение технических наук (механика), академик с 08.05.1942 – Отделение технических наук (механика, теория механизмов и машин), академик-секретарь Академии наук с 10.05.1942 по 17.03.1949. Специалист в области теории механизмов машин и точной механики.

Общий вид пасеки Горнотаёжной станции, 1940 г.
Фотоархив ГТС

Бригадиры-овощеводы на курсах Горнотаёжной станции, 1941 г.
Фотоархив ГТС

Бригадир-овощеводы на курсах Горнотаёжной станции в 1942 г.
Фотоархив ГТС

В обсуждении доклада участвовали академики В.А. Обручев, Е.А. Чудаков, А.А. Байков... В итоге было принято решение: *«Заслушав сообщение о работе, проделанной бригадой Совета Филиалов и Баз Академии Наук совместно с директивными организациями Приморского края, по реорганизации Горнотаёжной станции им. академика В.Л. Комарова в Дальневосточную Базу его же имени (на основании распоряжения СНК СССР от 5.1.43 г.) Президиум Академии Наук постановляет:*

1. Утвердить следующие основные задачи Дальневосточной Базы Академии Наук СССР:

а) изучение геологии Дальнего Востока с целью прогноза и установления генезиса месторождения рудных и нерудных полезных ископаемых,

б) изучение геологии моря,

в) изучение растительного и почвенного покрова, а также флоры Дальнего Востока,

г) изучение наземной фауны Дальнего Востока и в первую очередь фауны экономически значимых важных групп (млекопитающие, птицы, насекомые и паразиты),

д) разработка вопросов развития химической промышленности на базе местного минерального и растительного сырья, в том числе и вопросов лесохимии,

е) установление путей и методов сельскохозяйственного освоения Горнотаёжных склонов и повышение производительности сельского хозяйства на территориях, уже вовлечённых в эксплуатацию, с целью скорейшего решения проблемы создания собственной продовольственной базы на Дальнем Востоке,

ж) экономическое обоснование мероприятий, предлагаемых к внедрению, и производство научными учреждениями Дальневосточной Базы АН и разработка отдельных экологических проблем народного хозяйства Дальнего Востока,

з) оказание научно-консультационной помощи планирующим органам и хозяйственным организациям на Дальнем Востоке,

и) научно-техническая пропаганда достижений Дальневосточной Базы и других исследовательских учреждений.

2. Утвердить следующую структуру Дальневосточной Базы АН:

а) геологический сектор в составе 2-х групп рудных полезных ископаемых, нерудных полезных ископаемых и геологического музея,

б) почвенно-ботанический сектор группы: растительного сырья и флоры, лесная и почвенная,

в) зоологический – группы: позвоночных животных, энтомологическая, паразитологическая,

г) химический сектор – группа научно-исследовательская (фитохимия, лесохимия и физическая химия), группа аналитическая,

д) горно-таёжная станция с отделами – полевых культур, плодовыхгодных, овоще-бахчевых, метеорологическая станция, агрохимическая лаборатория,

е) экономическая группа,

ж) заповедники Супутинский и Кедровая падь,

з) адм. Хоз. Отдел и бухгалтерия,

и) дирекция базы.

3. Включить в проект штатного контингента Академии Наук СССР, представляемого на утверждение СНК СССР, штат Дальневосточной Базы Академии Наук СССР 104 человек, из них: научных сотрудников – 46, научно-технических – 20, админ. хозяйственных – 48 (приложение).

4. Назначить:

а) Вр.и.о. зам. директора ДВ Базы АН СССР – ст. научного сотрудника Н.И. Жиякова с оставлением его, по совместительству, директором Горнотаёжной станции.*

б) Учёным секретарём базы – кандидата биологических наук Н.Е. Кабанова с освобождением с 1 января 1944 г. от работы на Базе по изучению Севера.

*в) руководителем сектора зоологии – доктора биологических наук А.И. Куренцова**.*

г) Руководителем почвенно-ботаническим сектором кандидата биологических наук Б.П. Колесникова.

д) Зам. директора Горнотаёжной станции – ст. научного сотрудника Т.П. Самойлова» [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 76. Л. 1, 2].

Управлению кадров и Совету филиалов и баз Академии наук поручалось к 1 января 1944 г. укомплектовать научные учреждения Базы высококвалифицированными научными сотрудниками. Было принято к сведению решение бюро крайкомов ВКП(б) и крайисполкома Приморского края о передаче ДВ Базе библиотеки и оборудования углехимической лаборатории, ранее принадлежащих ДВ филиалу АН, переданных после его ликвидации Приморскому филиалу Всероссийского географического общества (библиотека) и Приморскому отделению ДВ геологического управления (углехимическая лаборатория), а также о предоставлении Дальневосточной базе здания для размещения научных учреждений и не менее 25 квартир для основных научных сотрудников.

С организацией Дальневосточной базы Академии наук в Ворошилове-Уссурийском, а затем воссозданием во Владивостоке в 1946 г. Дальневосточного филиала туда ушла большая часть научных сотрудников Горнотаёжной станции, составлявшая её основу. В связи с этим станция лишилась почти всего научного персонала, а сама она потеряла самостоятельность, став одним из отделов Базы.

* **Жияков Николай Иудович** (1901–1950) – кандидат сельскохозяйственных наук, агроном, рисовод, директор Горнотаёжной станции (1943–1944), зам. директора Дальневосточной базы АН СССР (1943–1949).

** **Куренцов Алексей Иванович** (1896–1975) – выдающийся биолог, энтомолог и биогеограф, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, основатель дальневосточной школы энтомологов [Криволуцкая, 1975; Воронцов, 1978].

Вр.и.о. зам. директора
ДВ Базы АН СССР
Н.И. Жилияков

А.И. Куренцов за работой на Горнотаёжной станции,
1948 г. Фотоархив лаборатории энтомологии
ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН

Т.П. Самойлов за осмотром сланцевых форм крупноплодных яблонь,
переведённых в открытую культуру с 1947 г. Фотоархив ГТС

Старший научный сотрудник Т.В. Самойлова в рабочем кабинете, 1946 г.
Фотоархив ГТС

Зав. сектором геоботаники Дальневосточной базы АН СССР Н.Е. Кабанов.
Фото не ранее 1947 г. Из фондов Общества изучения Амурского края

<...>

В Архиве ДВО РАН хранится дело 76 [Ф. 1. Оп. 13] под названием «Дальневосточная научно-исследовательская база АН СССР. Планы научно-исследовательских работ на 1944 г.», в котором есть справка, поясняющая обоснование плана работы Базы на 1944 г., таблицы, включающие список экспедиций и отдельных экспедиционных поездок, охватывающих в основном различные районы Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Читинской областей, а также табличный план работ зоологического сектора. Планы работы других секторов Дальневосточной базы хранятся в деле 56 [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 213].

В справке к плану научно-исследовательских работ Дальневосточной базы на 1944 г., составителями которой были зам. директора Базы Николай Иудович Жиялков и и.о. учёного секретаря Борис Павлович Колесников, заявлено, что 1944 г. станет годом в основном организационных работ по концентрации в Ворошилове имущества и коллекции почвенно-ботанического, зоологического и химического секторов и библиотеки, приобретения нового оборудования и материалов, переоборудования помещений и т.п. В справке также

Главный лабораторный корпус Горнотаёжной станции в 1930–1950-х гг.
Фото В. Богатова, октябрь 2011 г.

указано на неукomплектованность работниками штатного расписания, установленного Президиумом АН СССР, что резко ограничивает возможности развёртывания научно-исследовательских работ. В частности, указано, что из 17 человек персонала в текущем году возможен приезд лишь одного человека – Николая Евгеньевича Кабанова (учёного секретаря, ботаника) не ранее конца первой половины 1944 г. Дело в том, что в этот период Николай Евгеньевич все ещё сдавал дела на Базе по изучению Севера, где он работал до его перевода на Дальний Восток.

Авторы справки при составлении плана НИР оценивали предполагаемое штатное расписание Базы с учётом, что к началу второй половины года, когда начнутся основные полевые работы, большая часть вакансий будет заполнена. В тексте указано, что составители планов *«руководствовались указаниями т. Сталина, данными им в его исторической речи на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1942 г. всему советскому народу, и решениями сентябрьской сессии Академии Наук»*. Исследовательская работа Дальневосточной базы в 1944 г. была направлена *«на всемерную помощь фронту и укрепление обороноспособности Родины и дальнейшее развитие социалистического народного хозяйства Советского Дальнего Востока»*. Подчёркивалось, что *«конкретные темы исследовательских работ выбирались в соответствии с пожеланиями руководящих партийных и советских организаций Приморского края, суммированных в перечне первоочередных исследовательских работ ДВ Базы, приложенном к проекту постановления о её организации»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 76. Л. 2, 3], причём для почвенно-ботанического, зоологического и химического секторов сохранялась преемственность направлений работы Горнотаёжной станции до её реорганизации в Базу, *«чтобы полностью использовать ранее полученный исследовательский материал»*.

Для почвенно-ботанического и зоологического секторов был составлен более развёрнутый план работ, поскольку только данные сектора имели *«некоторую, хотя и маломощную научно-исследовательскую базу»*. Для вновь создаваемых геологического и химического секторов намечаемые работы были определены в виде эскиза, закрепляющего на 1944 г. только их проблематику. В частности, по геологическому сектору были учтены пожелания

Цветущие катальпы.
Дендрарий Горнотаёжной станции, 1952 г.
Фотоархив ГТС

Канадская сосна Конкорта
посадки 1936 г. Дендрарий
Горнотаёжной станции, 1950 г.
Фотоархив ГТС

Памятный знак основателям дендрария на ГТС Т.П. и Т.В. Самойловым.
Фото В. Богатова, октябрь 2011 г.

местных организаций. В итоге были предусмотрены лишь обобщение материалов по изучению угольных и полиметаллических месторождений Приморского края и подбор данных к обобщающим сводкам по железорудным месторождениям Приморья и по геологии морей Дальнего Востока. По химическому сектору работы было намечено разворачивать в области фитохимии и лесохимии, при этом исследования по неорганической химии, *«как требующие предварительной и очевидно длительной организации соответствующей лаборатории, планом не предусматривались»*. Некоторые исследования в этом направлении были намечены для химлаборатории геологического сектора (по полиметаллическим рудам), *«где в случае возможности найдёт своё место и научный сотрудник-неорганик химсектора»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 76. Л. 4].

Несмотря на отмеченную в документах *«маломощную научно-исследовательскую базу»*, планы НИР Горнотаёжной станции, в особенности почвенно-ботанического и зоологического секторов, и сегодня поражают многообразием тем, объёмом экспедиционных поездок и намечаемыми результатами. В частности, исследовательская работа Горнотаёжной станции была сосредоточена на научном обосновании интенсификации сельского хозяйства, повышении урожайности сельскохозяйственных культур в горно-таёжных районах Дальнего Востока. Причём в 1944 г. научно-исследовательские работы станции охватывали три проблемы.

В первую очередь, это была проблема эрозии почв в основных сельскохозяйственных районах Приморского края: выяснялось состояние земледелия в связи с эрозионными процессами, проводилась агротехническая характеристика почв эродлируемых районов. Данные исследования увязывались с соответствующими темами почвенно-ботанического сектора. Вторая проблема охватывала разработку агротехники полевых, кормовых и технических культур в условиях освоения новых территорий, проведение подбора компонентов и изучение травосмеси для полевых и овощных севооборотов и специальных противоэрозионных посевов, разработку агротехники и сортоизучение овощных культур и картофеля. Третья проблема была посвящена вопросам плодоводства и ягодоводства в Приморском крае: разработке мероприятий для промышленного плодоводства. Кроме того, силами агрохимической лаборатории проводилась

Здание зоологического кабинета на Горнотаёжной станции, после 1936 г.
Фотоархив ГТС

Летняя сцена на Горнотаёжной станции, 1940 г. *Фотоархив ГТС*

Плантация малины «Мальборо», 1942 г. *Фотоархив ГТС*

Участок сортоиспытания картофеля на северном склоне, 1946 г. *Фотоархив ГТС*

соответствующая агрохимическая оценка эродлируемых районов, изучение химизма плодово-овощных растений.

Одно из ведущих направлений почвенно-ботанического сектора было связано с изучением «богатейших ресурсов растительности Дальнего Востока». В 1944 г. была намечена подготовка к печати сводки о полезных дикорастущих растениях Приморского края.

В качестве нового направления НИР планировались исследования по учёту запасов лекарственных и дикорастущих плодово-ягодных растений с целью обоснования возможности организации на их базе так называемых промышленных лесо-садов. В заповедниках «Супутинском» и «Кедровая Падь» намечалось продолжение исследований по биологии гуттопереченосных видов бересклета для разработки методов использования

их диких зарослей. Ботаники заповедников должны были под руководством сотрудников сектора изучать две ценные и малоизученные древесные породы Приморья: ель аянскую и пихту цельнолистную, материал по которым частично собирался в предыдущие годы.

Сотрудниками почвенно-ботанического сектора совместно с Горнотаёжной станцией в одном из важнейших сельскохозяйственных районов края – Суйфуно-Ханкайской низменности – впервые было запланировано комплексное почвенно-геоботаническое обследование для выявления особенностей эрозионных процессов, динамики растительного и почвенного покровов эродированных площадей и определения мероприятий по ограничению и ослаблению эрозии. Предполагалась подготовка сводки о культуре древесных и кустарниковых пород для агро-лесо-мелиоративных мероприятий в эродлируемых районах Приморья.

В рамках плана по теме зоологического сектора «Фауна Дальнего Востока СССР», подписанного зав. сектором Алексеем Ивановичем

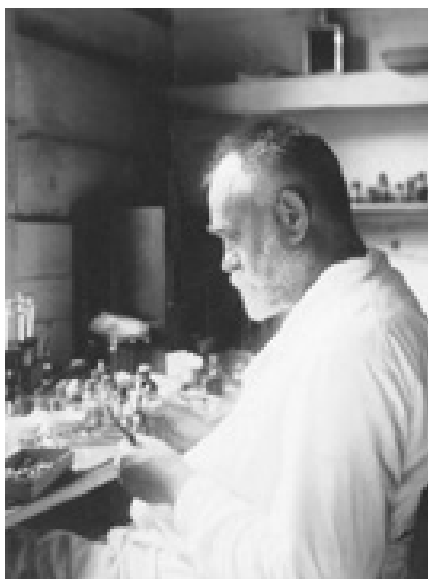
Титул к планам НИР Дальневосточной базы АН СССР на 1944 г. [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 76]

Академик Е.Н. Павловский, Д.П. Воробьёв с помощниками в маршруте, 1939 г.
Фотоархив ГТС

Академик Е.Н. Павловский
с помощником Грачевым за сбором
иксодовых клещей. *Фотоархив ГТС*

Е.Н. Павловский в лаборатории
Горнотаёжной станции. 1939 г.
Фотоархив ГТС

Куренцовым, основные работы 1944 г. были направлены на изучение отдельных групп и видов полезных и вредных животных. В плане сектора намечено составление первой монографической сводки по чешуекрылым (том 1), где предусмотрена экспедиционная поездка в районы Восточного Забайкалья (Амурская и Читинская области). Подготовка аналогичной сводки была запланирована по иксодовым клещам (переносчикам инфекционных заболеваний), где должны были быть подведены итоги многолетним работам Горнотаёжной станции, проведённым под руководством академика Е.Н. Павловского. Работа по составлению аналогичных сводок предусматривалась по мышевидным грызунам, промысловым млекопитающим, слоникам – массовым вредителям плодоводства, а также по луговой и перилловой совкам – вредителям сельскохозяйственных культур (зерновые и перилла). Также намечалось предварительное зоогеографическое районирование Дальнего Востока. Все перечисленные работы должны были проводиться с целью инвентаризации по отдельным группам фауны в отношении их систематики, биоэкологии, распространения и экономического значения в крае и сопровождаться определителями. Предполагалось, что данные сводки будут представлять собой руководства для научных работников, приступающих к исследованию местной фауны, а также справочники для агрономов, лесоводов, краеведов и преподавателей биологии средних школ и вузов в крае.

Среди экономически значимых для изучения групп животных обращает на себя внимание вроде бы малозначимая с экономической точки зрения тема – «Безлёгочный тритон на Дальнем Востоке», в обосновании которой сказано: *«Основываясь на монографическом изучении (анатомо-морфологическом, гистологическом, биоэкологическом и распространении) данного теоретически интересного представителя земноводных, тема ставит целью разрешение вопроса о роли древних реликтов в истории развития уссурийской фауны»* [Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 76. Л. 8].

Очевидно, что исследования по изучению безлёгочного тритона были зарезервированы для Александра Адриановича Емельянова (1879–1946), который работал в Дальневосточном филиале до его закрытия в 1939 г. и занимался изучением амфибий, рептилий и других позвоночных животных. Александр Адрианович начал

Научные сотрудники Горнотаёжной станции А.И. Куренцов и А.А. Емельянов

изучать уссурийского когтистого тритона в 1938 г. почти конспиративно, ведь в условиях репрессий и в связи с делом № 17013 «О контрреволюционной шпионско-вредительской организации, действовавшей в Дальневосточном филиале Академии наук» к тому времени были арестованы ряд ведущих учёных Филиала. Как указывает в своём материале И.В. Маслова: *«Местное руководство смотрело неодобрительно на любые исследования, которые не несли прямой пользы для развития народного хозяйства. Учёный секретарь ДВФ АН СССР И.И. Сидоришин в 1938 г. на конференции по заповедникам при ДВФ АН СССР заявил довольно следующее: "...Я слабо знаком с природой, но мне сразу же бросилось в глаза, что естественные богатства слабо изучаются. Что изучали в Сутунтинском заповеднике — амфибий и рептилий, а изюбря и пятнистого оленя не изучали. Здесь было явное вредительство..."*. Такое обвинение, кажущееся смешным и нелепым в настоящее время, тогда могло привести к самым тяжёлым последствиям для Емельянова» [Маслова, 2018, с. 18]. Следует отдать должное руководителю сектора А.И. Куренцову, который не побоялся в условиях военного времени включить этот проект в общий план работы Базы.

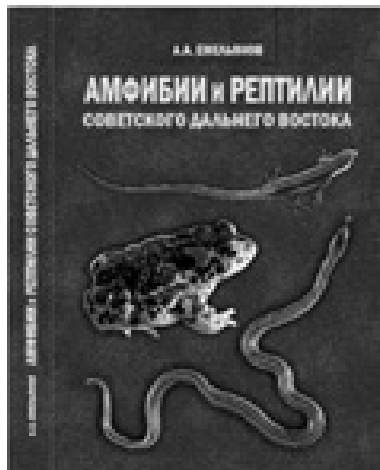

А.А. Емельянов и Е.Н. Емельянова берут яд от щитомордника.
Супутинский заповедник, 1936 г. *Фотоархив ГТС*

А.А. Емельянов и Е.Н. Емельянова за ловлей щитомордников.
Супутинский заповедник, 1937 г. *Фотоархив ГТС*

Надо отметить, что ещё в 1938 г. Емельянов был назначен зав. сектором наземных позвоночных ДВФ АН СССР, и ему было поручено подготовить для серии изданий «Фауна Дальнего Востока» монографическую сводку «Амфибии и рептилии советского Дальнего

Обложка книги А.А. Емельянова, изданной ДВО РАН в 2018 г.

Востока», подводящую итог почти 40-летней деятельности учёного. Уже к 1939 г. значительная часть сводки была готова, однако закрытие Филиала не позволило завершить работу. Емельянов при содействии Комарова вскоре переехал в Алма-Ату – в Казахский филиал АН СССР. Однако в 1940 г. должность зоолога, которую занимал Емельянов в филиале, была сокращена. Александр Адрианович вновь обратился за помощью к Комарову и получил её. Емельянова прикрепили к кафедре зоологии Казахского госуниверситета, где он завершил работу над докторской диссертаци-

ей, защита которой должна была состояться в Зоологическом институте АН СССР (Ленинград) осенью 1941 г., но этому помешала война. В то время в Средней Азии не было докторских советов. В очередной раз помощь пришла от Комарова. Всем биологам, находившимся в Средней Азии и оказавшимся в подобной ситуации, при Казахском университете был создан соответствующий совет, и в 1943 г. после успешной защиты А.А. Емельянову была присуждена степень доктора биологических наук.

В августе 1944 г. Александр Адрианович с семьёй возвратился в Ворошилов-Уссурийский, где и завершил свою монографию, однако тяжёлая болезнь не позволила довести работу до публикации. Более 70 лет рукопись Емельянова хранилась в Архиве Дальневосточного отделения РАН, и лишь в 2018 г. с текстом рукописи познакомилась известный герпетолог из ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН И.В. Маслова, которая подтвердила высокую научную значимость работы. В результате Президиум ДВО РАН принял решение

издать монографию, приурочив это событие к 140-летию учёного, при этом И.В. Маслова взяла на себя и труд по подготовке рукописи к публикации.

<...>

В октябре 1944 г. сотрудники Дальневосточной базы АН СССР вместе с советской общественностью тепло отметили 75-летний юбилей В.Л. Комарова. Под руководством зам. председателя крайисполкома тов. Белоус была создана специальная комиссия по подготовке юбилейных торжеств. В день юбилея Дом Красной Армии города Ворошилова (ныне г. Уссурийск) принял участников юбилейной сессии, посвящённой юбилею Владимира Леонтьевича. Помимо научных сотрудников здесь собрались работники различных учреждений Приморского края, представители партийных и советских организаций, учащиеся и преподаватели местных учебных заведений. Сессию открыл учёный секретарь Дальневосточной базы Н.Е. Кабанов, который в своём обширном докладе осветил жизнь академика Комарова, его научно-исследовательскую и организаторскую деятельность. Своё выступление он завершил следующим приветствием: *«Сегодня исполнилось 75 лет со дня рождения и 50 лет служения Владимира Леонтьевича Комарова науке, культуре и народному хозяйству страны Советов. В этот знаменательный день, отмечаемый всей советской общественностью, мы вместе со всеми научными учреждениями шлём горячее поздравление Владимиру Леонтьевичу Комарову с связи с исполнившимся славным юбилеем и пожеланием здоровья и сил для дальнейшей работы на благо нашей великой родины, на процветание передовой советской науки»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 32].

На сессии с докладом «Советская наука в дни Отечественной войны» выступил секретарь крайкома ВКП(б) по пропаганде тов. Соколов. С большим воодушевлением собравшиеся приняли тексты приветственных телеграмм академику Комарову, Ботаническому институту им. Комарова и Совету по делам филиалов и баз АН СССР. Научный сотрудник Горнотаёжной станции Д.П. Воробьёв зачитал текст адреса академику Комарову от имени коллектива Дальневосточной базы. С докладами, посвящёнными изучению растительных ресурсов Приморья, освоению горных склонов и др., на сессии

Информационное сообщение о проведении в г. Ворошилове (ныне г. Уссурийск Приморского края) юбилейной сессии, посвящённой 75-летию президента АН СССР В.Л. Комарова. Газета «Красное Знамя» от 14 октября 1944 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 33]

выступили дальневосточные учёные (по материалам газеты «Красное Знамя» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 28, 33]).

После победоносного завершения Великой Отечественной войны заместитель директора возрождённой Дальневосточной базы АН СССР Н.И. Жияков в статье для газеты «Боевая вахта» (№ 179 (2909) от 2 августа 1945 г.) подвёл итоги работы Горнотаёжной станции за весь период её деятельности (с 1932 г.). Отдавая должное роли академика В.Л. Комарова в создании Горнотаёжной станции, Николай Иудович отметил: «Научно-исследовательская деятельность Дальневосточной горно-таёжной станции имени академика В.Л. Комарова определялась задачами культурно-хозяйственного освоения природных богатств Приморского края. В соответствии с этим и её научно-исследовательские работы отражают изучение естественных ресурсов края и методов освоения горно-лесных районов.

Эти две проблемы были выдвинуты ещё в момент организации станции в 1932 г. академиком В.Л. Комаровым. Владимир Леонтьевич Комаров давно пришёл к выводу, что науку надо при-ближить к тем районам, какие она должна изучать. Он считал

Статья Н.И. Жиликова из газеты «Боевая вахта» за 2 августа 1945 г., посвящённая работе Горнотаёжной станции [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 39]

необходимым заменить кратковременные выезды учёных из Ленинграда и Москвы в исследуемые районы постоянно действующими научно-исследовательскими учреждениями. Так возникла идея создания филиалов и баз Академии наук СССР, так была основана Дальневосточная горно-таёжная станция близ Ворошилова-Уссурийского».

Реорганизованная в 1943 г. из Горнотаёжной станции Дальневосточная база АН СССР стала основой для возрождения Дальневосточного филиала, в который она и была преобразована в 1949 г. С созданием в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР, в ведение которого был передан ДВФ АН, на Дальнем Востоке началась интенсивная работа над организацией сети научно-исследовательских учреждений. К началу 1970-х годов такая сеть уже могла оказывать существенное влияние на развитие производительных сил региона. В связи с этим 16 июля 1970 г. постановлением Президиума АН СССР (№ 637) на Дальнем Востоке был образован самостоятельный Дальневосточный научный центр, который, в свою очередь, в сентябре 1987 г. был преобразован в Дальневосточное отделение РАН.

<...>

Мало, кто знает, что победной весной 1945 г. Владимир Леонтьевич Комаров вполне серьёзно планировал новую поездку на Дальний Восток с целью посетить возрождённую Дальневосточную базу АН СССР. Вот что по этому поводу сообщила Надежда Викторовна Комарова в своих воспоминаниях: *«Весной 1945 г. Вл. Л. мечтал после Юбилея АН ещё раз поехать на Д.[альний]В.[осток]. Но события военного времени и состояние его собственного здоровья заставили меня резко противиться его желанию, но может я была и не права...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 21].

13. В.Л. КОМАРОВ И АКАДЕМИЯ НАУК СССР в 1944–1945 гг.

13 ноября 1944 г. состоялась историческая встреча Комарова со Сталиным. В своей статье «Волнующая беседа» В.Л. Комаров писал: *«Недавно мне выпало на долю большое счастье. Я беседовал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и получил от него руководящие указания относительно работы Академии Наук СССР»* [Комаров, 1945а, с. 6]. Основные указания вождя касались мобилизации ресурсов на нужды фронта и военной промышленности, восстановления народного хозяйства в районах, освобождённых от оккупации, вопросов энергетики с особым вниманием к моторному топливу. В части сырьевых ресурсов одна из самых важных задач Академии наук СССР, по мнению Сталина, заключалась в поисках новых рудных баз для ленинградской промышленности, а в области добычи и переработки нефти – поиск новых нефтеносных площадей, новых технологических методов переработки нефти и новых путей использования нефтепродуктов. Комаров познакомил Сталина

Советский плакат «Любимый Сталин – счастье народное!», художник В. Корецкий, 1945 г.

с инициативным письмом академиков В.И. Вернадского и Н.Д. Зелинского о необходимости создания Института истории естествознания. Владимир Леонтьевич заметил: *«В беседе со мной Иосиф Виссарионович выразил удивление по поводу отсутствия такого института в Академии Наук. Это чрезвычайно важное дело, – сказал товарищ Сталин. – Молодёжь в особенности должна знать историю науки»* [Комаров, 1945а, с. 9]*. В течение встречи обсуждались также вопросы снабжения учёных иностранной литературой и лабораторным оборудованием, помощи республиканским академиям со стороны всесоюзных научных центров. Предварительно был решён вопрос и о праздновании в 1945 г. 220-летнего юбилея Академии наук как праздника всей мировой науки и столетнего юбилея Географического общества, которому принадлежит громадная заслуга в изучении природы нашей Родины и других стран.

Уже 22 ноября 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об образовании Института истории естествознания и назначении Комарова его директором. Сразу же начались организационные заботы по получению помещения, подбору сотрудников, приобретению научной литературы и инвентаря. По замыслу Комарова деятельность Института должна быть связана с историей мирового и особенно русского естествознания, хранения и публикации научного наследства классиков русской науки...

* В беседе с Комаровым Сталин в данном вопросе явно лукавил, поскольку вряд ли он мог забыть, что институт подобного профиля (Институт истории науки и техники АН СССР) прекратил своё существование в период процесса над его первым директором академиком Н.И. Бухариным (см. главу 9) [Кривоносов, 2002]. Только после личного обращения В.Л. Комарова к Сталину Институт истории естествознания был вновь создан 22 ноября 1944 г., а сам В.Л. Комаров был назначен его директором. Ныне на официальном портале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН краткая историческая справка об Институте выглядит следующим образом: *«Учреждён Постановлением Общего собрания Академии наук Союза Советских Социалистических Республик № 1 от 28 февраля 1932 г. В 1991 г. Институту было присвоено имя Сергея Ивановича Вавилова»*. И далее: *«У истоков формирования историко-научных и историко-технических исследований как особой, самостоятельной области знаний, а также создания специального научного учреждения, постоянно и целенаправленно ведущего разработку этого направления, стояли выдающиеся учёные и общественные деятели – академики АН СССР В.И. Вернадский, Н.И. Бухарин, В.В. Осинский, В.Л. Комаров, С.И. Вавилов, Б.Н. Юрьев, А.М. Самарин, член-корреспондент Х.С. Коштойац»* [<http://ihst.ru/about/> – дата обращения 16 мая 2020 г.].

Здание Института истории естествознания и техники им. Н.И. Вавилова РАН
[<http://ihst.ru/about/>]

Определяя задачи нового института, В.Л. Комаров писал: *«Главная задача – разработка истории русской науки. Принцип сохранения энергии и атомизма, разрабатывавшийся Ломоносовым, вольтова дуга, открытая Петровым, неевклидова геометрия Лобачевского, теория химического строения Бутлерова, периодический закон Менделеева, линии Карпинского, радиотелеграф Попова, экспериментальное открытие светового давления, сделанное Лебедевым, мечниковская теория фагоцитов, сеченовские центры, эмбриологические открытия и палеонтологические работы братьев Ковалевских, исследования Тимирязева в области физиологии растений, теория условных рефлексов Павлова, новые виды растений, созданные Мичуриным, конструкции Циолковского, теория физико-химического анализа Курнакова – всё это и ещё многое должно стать объектом тщательного исторического исследования»*.

Но действительная историческая роль русской науки может быть показана лишь на фоне широкой картины всеобщей истории естествознания. Наша страна, идущая в авангарде мировой цивилизации, защищающая руку об руку со своими союзниками свободу и прогресс человечества, должна обладать передовым центром изучения и популяризации мировой науки. Поэтому Институт истории естествознания в своих монографиях, периодических публикациях и сводных работах будет воссоздавать конкретный ход

исторического развития естествознания в целом, изучать влияние русского естествознания на развитие мировой науки и преломление эволюции мирового естествознания в русских исследованиях» [Комаров, 1945б, с. 31].

<...>

В рамках предварительной договорённости Комаров 20 декабря 1944 г. отправил Сталину письмо с обоснованием даты 220-летнего юбилея АН СССР. Известно, что в 1776, 1826 и 1876 гг. празднование производилось с опозданием на два года, а в 1925 – на год. Точная дата основания Петровской академии наук – 28 января 1724 г. – в очередной раз была не принята во внимание, поскольку ещё шла война: 27 января была окончательно снята блокада Ленинграда и началась Ленинградско-Новгородская операция, в результате которой противник был отброшен на 220–280 километров от южных рубежей города. Кроме того, к январю 1944 г. только-только завершилась эвакуация московских учреждений АН СССР, в эвакуации ещё находились ленинградские учреждения: было явно не до организации празднеств на государственном уровне. Учитывая сказанное, президент АН СССР в своих аргументах дату юбилея связывал не с юридическим актом основания, а с петровыми преобразованиями 1725 г., а именно – в мае Академии был передан дом, намеченный для этой цели Петром I, приехали в Россию первые академики, библиотека получила книги из личного хранилища Петра [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Л. 33]. В.Л. Комаров писал Сталину: *«Исходя из этого (а также с учётом ряда практических удобств, которые в данном случае совпадают с принципиальными соображениями), я бы считал наиболее правильным назначить юбилейные торжества на май 1945 г.»* [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Л. 32]. В связи с победой СССР в Великой Отечественной войне и накануне подписания Акта о капитуляции Германии первоначальные даты юбилейной сессии, намеченные на период с 25 мая по 7 июня 1945 г., правительство своим постановлением № 1019 перенесло на 15–28 июня 1945 г. [ГАРФ. Оп. 47а. Д. 4559. Л. 102].

21 января 1945 г. вышло постановление СНК СССР о проведении празднования юбилея 220-летия АН СССР, причём В.Л. Комаров был назначен председателем созданного для организации этого

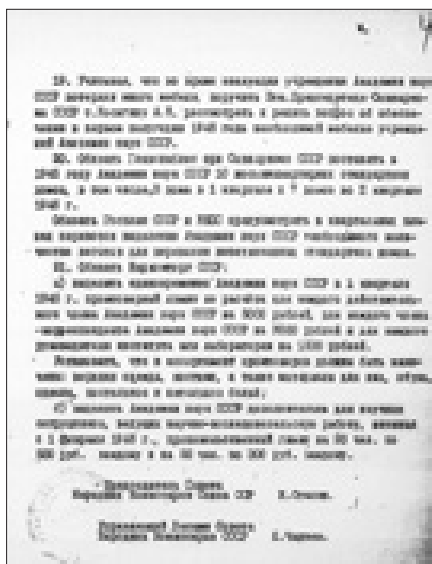
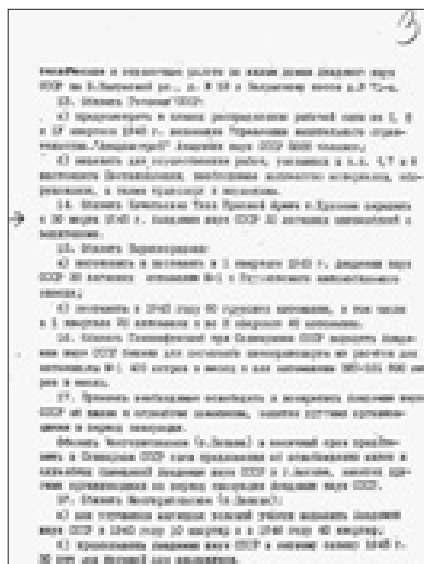
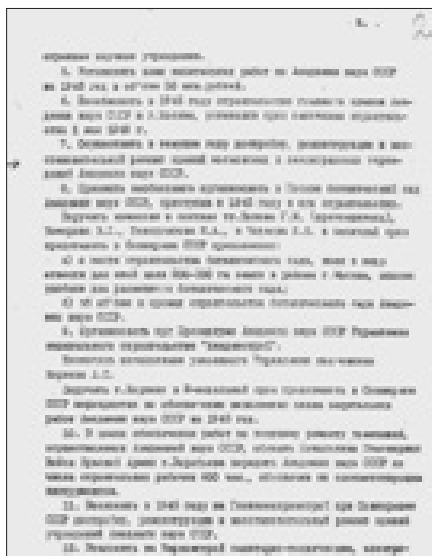
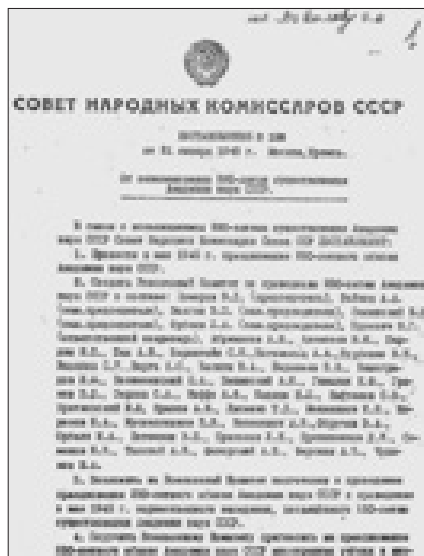
празднования Всесоюзного комитета. В своём постановлении Совет Народных Комиссаров не только предусмотрел решение всевозможных хозяйственных проблем Академии, таких как возврат Академии наук зданий и жилищных помещений, занятых во время эвакуации другими организациями, ремонт академических учреждений Москвы и Ленинграда, отвод земель под строительство Ботанического сада в Москве, передачу автотранспорта и пр., но и предоставление до летнего сезона 1945 г. 30 дач для академиков, а также выделение учёным в первом квартале 1945 г. единовременного товарного лимита, в ассортимент которого должны быть включены: верхняя одежда, костюмы, материалы для них, обувь, одеяла, постельное и нательное бельё. Кроме того, с 1 февраля 1945 г. для сотрудников Академии был увеличен продовольственный лимит.

На протяжении зимы 1944/45 г. Комаров опять захворал. В начале марта он несколько оправился и энергично взялся за организацию празднования юбилея Академии. В апреле он отдыхал в Барвихе, а затем переехал к себе, на Николину Гору. Заседания Всесоюзного юбилейного комитета, а их было немало, происходили у него на даче.

В 3-м номере «Вестника АН СССР» В.Л. Комаров поместил статью «Берлинское направление». В ней он, в частности, отметил:

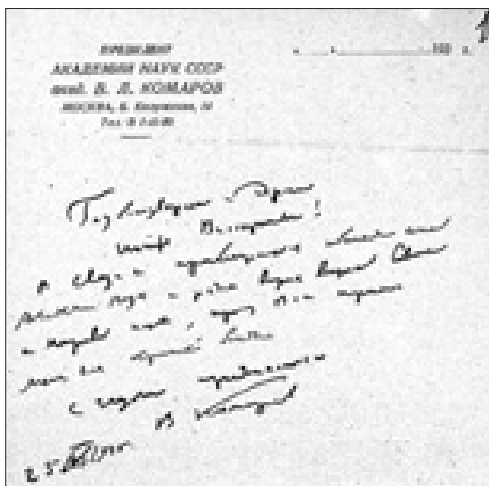

Заседание юбилейного Всесоюзного комитета на даче В.Л. Комарова (академики: И.П. Бардин, В.П. Волгин, Л.А. Орбели, В.Л. Комаров, Н.Г. Бруевич, Н.Д. Зелинский, Н.В. Зубов), Николина Гора, апрель 1945 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 41]

Постановление СНК СССР «Об наименовании 220-летия существования Академии наук СССР» [АРАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–4]

«Есть города, имена которых звучат так же величественно, как слова: гуманизм, свобода, цивилизация, прогресс. Таков Париж – город революции, разума и культуры. Такова Флоренция – город художников, ваятелей и мыслителей. Таков Кембридж, прославленный именами Бекона, Байрона, Ньютона, Дарвина и Максвелла. Таковы Ленинград и Москва, которые превзошли своей славой все города мира, потому что в их стенах родились ве-

Письмо В.Л. Комарова И.В. Сталину от 25.04.1945 г. с просьбой о встрече в связи с приближением юбилея Академии [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 167. Л. 1]

личайшие идеи мировой истории. Название “Берлин” звучит, как символ смерти, разрушения и рабства. Отсюда в течение веков исходили самые реакционные и агрессивные замыслы. Сто лет назад Гейне, издеваясь над идейными предками гитлеровцев, писал, что в пивном погребе он видел старогерманцев, изготавливавших “проскрипционные списки к тому дню, в который они должны были, по их расчётам, получить верховную власть. Каждый, происходивший хотя бы в седьмом колене от француза, еврея или славянина, приговаривался к изгнанию. Кто написал малейшую заметку против старогерманских нелепостей, мог готовиться к смертной казни, и при том казни топором...” (Людвиг Берне).

Владимир Леонтьевич в этой же статье с особой страстью подчеркнул: «Фашисты хотели бросить нашу культуру, как и всю мировую культуру, в чадающий костёр средневекового мракобесия. Красная Армия спасла цивилизацию, спасла науку, и понятно поэтому, какую огромную радость испытывают учёные и как они неизмеримо благодарны Красной Армии и её вождю».

Обращаясь к бойцам Красной Армии и труженикам тыла, президент Академии наук СССР заявил: «За годы Сталинской эпохи,

за годы великих побед и великих праздников советские патриоты научились неуклонно следовать двум важным правилам: во-первых, в дни побед они не забывают о враге и, во-вторых, в дни праздников они не забывают о труде. Мы не забываем о враге и не забудем о нём до полного уничтожения гитлеризма. Красная Армия стремится к Берлину, чтобы уничтожить фашизм и сделать невозможной в дальнейшем германскую агрессию. Мы помним о каждой жертве фашизма, и мы знаем, что берлинское направление означает уничтожение убийц. В уничтожении убийц, в отмщении за жертвы Майданека и других фашистских лагерей смерти, в предотвращении повторения этих жертв состоит высший гуманизм.

Мы не забываем также и о труде. Учёные могут и должны новыми открытиями умножать ресурсы производства и фронта и этим сократить количество дней, в течение которых берлинское направление будет фигурировать в сводках Советского Информбюро, т.е. приблизить великий день, когда наше знамя взвощётся над гнездом врага» [Комаров, 1945в, с. 6–8].

ПРИКАЗ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 г. в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил.

Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, — тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

9 мая 1945 г. № 369.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
об объявлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ**

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днём всенародного торжества – ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днём.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 8 мая 1945 г.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Всё сейчас заслонило великим счастьем победы. Я только что узнал о ней, и первая мысль, первое движение сердца – к Вам. Знаю, что Вам сейчас, быть может, не до душевных излияний старика, но не могу не написать Вам – только так могу излить всё, что переполняет сознание. Победа! Вот для чего мы жили эти годы. В неслыханной битве победили разум, истина, справедливость. И – видно, сказывается более чем полувековое служение науке, не могу промолчать о ней – победила наука! Гитлеровцы хотели её растоптать, она живёт, она – участница победы.

Какая гордость для учёных: во главе победившей армии – корифей науки. Величайший стратег величайшей войны – мыслитель, продвинувший вперёд, обогативший своими трудами самую замечательную научную теорию всех времён и народов, претворивший

её в жизнь, открывший законы строительства нового, гармоничного и справедливого мира.

Когда спорят о ценности и силе науки, учёные любят вспоминать Лавуазье, предсказавшего новую планету, или Менделеева, поместившего в периодическую таблицу ещё неоткрытые элементы. Но какая ни с чем не сравнимая сила научного предвидения была нужна, чтобы в боях под Сталинградом увидеть грядущую победу в центре Германии! И какую победу! Никогда победа в войне не была таким великим и благодатным событием мировой истории. Вы спасли цивилизацию, свободу и разум.

Примите же в хоре благословений, несущихся к Вам со всего мира, скромный приветственный голос бесконечно преданного Вам старого русского учёного.

В. КОМАРОВ

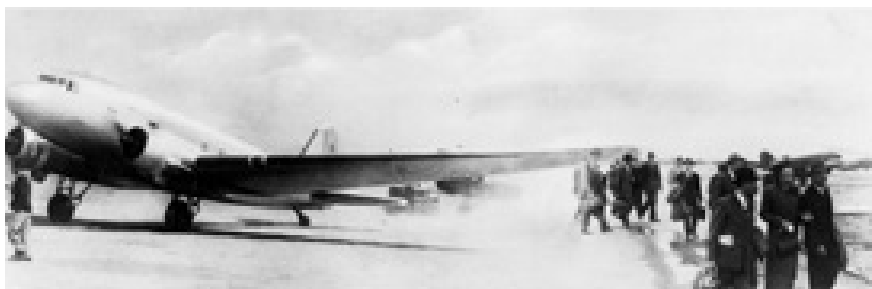
8 мая 1945 г.

Юбилей Академии наук руководством СССР и научной общественностью рассматривался как большое политическое событие, демонстрирующее торжество науки победившей страны. Грандиозный масштаб задуманных торжеств хорошо вписывался в план Сталина показать всему миру мощь и размах народа-победителя.

Юбилейная сессия АН СССР проходила в Москве и Ленинграде с 15 июня по 3 июля 1945 г. В её работе приняли участие делегации из 19 стран и 123 участника, из которых почти половина – нобелевские лауреаты. В.Л. Комаров руководил первым приёмом гостей, проходившим вечером 15 июня в стенах Нескучного дворца, т.е. здания Президиума АН СССР. На следующий день, днём 16 июня, в Большом театре Союза СССР началось торжественное празднование юбилея, а 17 июля заседание юбилейной сессии продолжилось в Колонном зале Дома Союзов. В последующие дни участники сессии посещали отделения Академии наук и их институты, слушали секционные доклады, знакомились с выставками... 24 июня все участники сессии приняли участие в Параде Победы на Красной площади. После Парада Победы гости переехали для продолжения юбилейных торжеств в Ленинград, где они смогли посетить не только академические институты, но и руины на месте художественных и архитектурных памятников мирового значения в Петродворце и Пушкино, и пустое место там, где ранее высилась известная всему цивилизованному миру Пулковская обсерватория [Павлов, 1951].

Москва, Большой театр Союза ССР, июнь 1945 г. [АРАН. Р.IX. Оп. 2. Д. 42.]

Встреча самолёта с иностранными гостями, прибывшими на юбилейные мероприятия [АРАН. Р.IX. Оп. 2. Д. 14]

Приём в Президиуме АН СССР, Москва, Александровский дворец, 15 июня 1945 г.
[АРАН. Р. IX. Оп. 2. Д. 14]

Торжественное заседание юбилейной сессии, состоявшееся в Большом театре Союза СССР 16 июня 1945 г. [АРАН. Р.IX. Оп.2. Д.14 и Оп.4. Д.44]

Продолжение юбилейной сессии в Колонном зале Дома Союзов,
Москва, 17 июня 1945 г. [АРАН. Р.IX. Оп. 2. Д. 42]

Парад Победы на Красной площади, 24 июня 1945 г. Фото ТАСС

Встреча участников юбилейной сессии на вокзале в Ленинграде
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 72]

Торжественное заседание в Большом зале филармонии в Ленинграде
[АРАН. Р.IX. Оп. 2. Д. 42]

Пулковская обсерватория,
гравюра Гоберта, XIX век

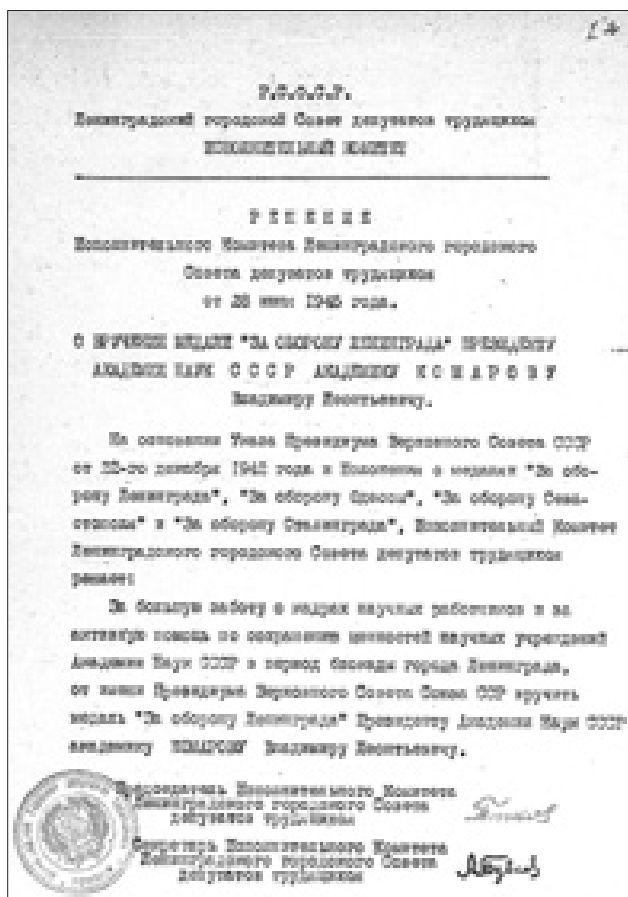
Руины Пулковской обсерватории,
1944 г. Фото ТАСС

Участники юбилейной сессии осматривают разрушенные пригороды Ленинграда
[АРАН. Р. IX. Оп. 2. Д. 14]

В период юбилейных мероприятий в Ленинграде В.Л. Комарову решением исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР была вручена медаль «За оборону Ленинграда» *«за большую заботу о кадрах научных работников и за активную помощь по сохранению ценностей научных учреждений Академии Наук СССР в период блокады города Ленинграда»*.

29 июня все гости возвратились в Москву, где на следующий день в честь юбилейной сессии Правительство СССР устроило прощальный приём в Кремле. Н.В. Павлов так описывает это событие: *«На приёме было до тысячи участников сессии – члены Президиума Академии Наук СССР во главе с президентом В.Л. Комаровым, лауреаты Сталинских премий, выдающиеся учёные, представляющие все отрасли советской науки, маршалы и генералы Советской Армии, иностранные гости и др. В 7 часов вечера в Георгиевском зале, в котором собрались приглашённые, появился товарищ И.В. Сталин, а также его ближайшие соратники – товарищи В.М. Молотов, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.М. Шверник. В зале возникает бурная овация в честь товарища Сталина, руководителей партии и правительства. Под гром аплодисментов В.М. Молотов пригласил президента Академии Наук В.Л. Комарова*

Решение исполкома Ленсовета от 28.06.45 о вручении В.Л. Комарову медали «За оборону Ленинграда» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 29. Л. 2]

и членов Президиума Академии занять места за столом президиума. Открывая банкет, В.М. Молотов обратился к собравшимся с краткой речью. Он напомнил о всемерной поддержке, оказываемой советским правительством науке и её деятелям и получившей яркое выражение в речи товарища И.В. Сталина о передовой науке и её творцах. "...Революционное преобразование нашего общества, — сказал В.М. Молотов, — было проведено и неуклонно осуществляется на основах науки, на основах научного социализма, величайшими современными представителями которого являются

Ленин и Сталин”. Далее В.М. Молотов сказал, что помыслы правительства СССР сосредоточены на том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для развития науки и техники как в сфере общих теоретических принципов, так и в сфере их практического применения. В заключение В.М. Молотов провозглашает первый тост в честь советских учёных, славной Академии Наук, её Президиума и президента Владимира Леонтьевича Комарова. Гром аплодисментов покрывает заключительные слова тоста. Товарищ И.В. Сталин и другие руководители партии и правительства горячо пожимают руки В.Л. Комарову и членам Президиума Академии Наук. Раздаются торжественные звуки оркестра. Далее В.М. Молотов продолжает речь и предлагает тост в честь академиков – Героев Социалистического Труда, перечисляя их всех, начиная с В.Л. Комарова.

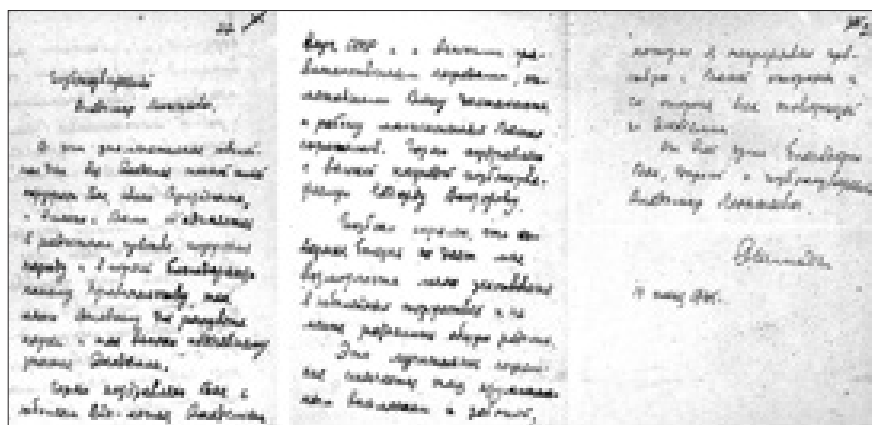
В ответной речи В.Л. Комаров говорит о том, что после победоносного завершения войны советский народ получил возможность посвятить себя мирному созидательному труду, развитию науки и культуры: “Я предлагаю тост за Иосифа Виссарионовича Сталина, за Генералиссимуса Советского Союза, за нашего вождя и учителя, нашего друга!.. За Родину, за Сталина, ибо это неотделимо одно от другого!” Все присутствующие встают, раздаются торжественные звуки оркестра, сливающиеся с бурной овацией, устраиваемой всеми присутствующими в честь главы советского правительства, организатора всех побед и успехов нашей Родины. Далее говорят академики: А.А. Байков, В.П. Волгин, А.А. Микулин, И.П. Бардин, Н.Д. Зелинский, советский конструктор В.Я. Климов, академик Т.Д. Лысенко. Они славят Советскую Армию, конструкторов и инженеров – творцов советской боевой техники, колхозников и агрономов, обеспечивавших страну в годы войны сырьём и продовольствием. Все тосты кончаются здравицей в честь великого и любимого И.В. Сталина. Слово опять берёт В.М. Молотов. Он предлагает тост в честь старейшего из руководителей Советского государства – Михаила Ивановича Калинина. М.И. Калинин отвечает краткой речью, в которой говорит, что близкое общение научных работников с советской властью, естественное в социалистическом государстве, осуществляется повседневно правительством в лице товарища И.В. Сталина. Приём продолжался около четырёх часов» [Павлов, 1951, с. 282–283].

Картина «Тост Сталина “За великий русский народ!”», второй вариант.
Художник Хмелько Михаил Иванович (1919–1975)

В те дни в Президиум Академии наук, как и лично Владимиру Леонтьевичу Комарову, поступало множество поздравлений из разных уголков СССР и из-за рубежа. Прислал своё поздравление Комарову и Отто Юльевич Шмидт, который из-за тяжёлой болезни не смог присутствовать на торжествах: *«В эти знаменательные юбилейные дни вся Академия тесной семьёй окружает Вас, своего Президента, а вместе с Вами объединяется в радостном чувстве служения народу и в горячей благодарности нашему Правительству, так много сделавшему для развития науки и так высоко поднявшему значение Академии...»* [АРАН. Ф.277. Оп. 4. Д. 1615. Л. 23].

По мнению мирового научного сообщества Академия наук СССР в годы войны сыграла выдающуюся роль и проявила себя так, как ни одна Академия мира! Достаточно сказать, что Академия наук сумела перестроить свою работу на военный лад уже через 3 месяца после начала войны. В США такая перестройка растянулась на несколько лет, а в Великобритании до конца войны так и не удалось мобилизовать науку [Костюк, 2005]. Академический журнал «Вестник АН СССР» по окончании торжеств опубликовал подборку впечатлений иностранных гостей об их посещении СССР и Академии наук [Бах, 1946]. Приведём некоторые из них в надежде, что

Поздравительное письмо О.Ю. Шмидта В.Л. Комарову в связи с юбилеем АН СССР
[АРАН. ф. 277. ОП.4. Д. 1615. Л. 23–25]

отзывы выдающихся мировых учёных того времени привлекают внимание современных реформаторов РАН: «Многие прямо говорили, что уровень научно-исследовательской работы в СССР превзошёл их ожидания. “Было бы недооценкой действительности сказать, что мы были удивлены. Мы были прямо ошеломлены успехами науки, которая здесь, в Советской республике является делом не только государственной, но и международной важности», – с такими словами выступил по радио астроном Харлоу Шаплей, возглавлявший делегацию США на юбилейных торжествах”. Представители точных наук в своих высказываниях придают особое значение развитию у нас теоретических научных дисциплин. Так, профессор Ирвинг Лангмюр, крупнейший американский физико-химик, лауреат Нобелевской премии, сказал: “Правительство СССР поняло, что самая здоровая основа для развития промышленности, которая поднимает жизненный уровень народа, – это распространение теоретических знаний. Поэтому главный упор сделан на чистую науку”. “Я нахожу замечательным, – выразил своё мнение профессор Сорбонны Франсис Перрен, – что советские учёные, помогая вооружению Армии и военным усилиям, в то же время могут вести уже в течение многих месяцев научные исследования, не имеющие непосредственного применения”. “Советские учёные, – подчеркнул профессор Ренэ Одюбер, – ставят проблемы

техники на таком высоком уровне, что чистая наука от этого только выигрывает” [с. 149]. “На учёных, составляющих нашу делегацию, – заявил профессор Сорбонны Анри Ложье, генеральный директор культурных связей французского министерства иностранных дел, – самое сильное и самое волнующее впечатление произвело то глубокое доверие, которое народ и правительство питают к науке, возлагая на неё заботу о прогрессе народных масс на всех путях, которые открываются перед ними...”» [Бах, 1946, с. 150].

Огромный вклад Академии наук СССР в Победу во многом предопределили проведённые под руководством В.Л. Комарова преобразования, которые состоялись в Академии именно на рубеже 1930–1940-х гг. [Богатов, 2005; Черешнев, 2010, 2014]. Это:

- значительное укрепление материально-технической базы Академии при целенаправленной государственной поддержке;
- создание аспирантуры как эффективной формы подготовки научных кадров;
- децентрализация Академии и создание региональных научных центров;
- организация новых крупных институтов, главным образом оборонного значения;
- переход на планирование научно-технических исследований;
- активное участие учёных в решении научно-технических проблем при высоком научном уровне фундаментальных и прикладных исследований в довоенные годы;
- переход на новые высокопроизводительные технологии непосредственно в заводских цехах (почти всех крупных металлургических, машиностроительных и химических предприятий)...

К началу Великой Отечественной войны промышленная база фашистской Германии вместе с базой союзников превышала советскую в 1,5–2 раза, а в 1942 г., в связи с захватом богатейших районов СССР, – в 3–4 раза. В результате предпринятых мер, имевших исключительно важное значение для исхода всего противостояния с невероятно мощным врагом, обладавшим огромным экономическим потенциалом почти всей Европы, только в период войны индустриальная мощь Урала возросла в 3,6 раза, Западной Сибири – 2,8 раза, а Поволжья – в 2,4 раза [Спицин, 2018].

В ходе войны было проведено не просто оснащение техникой нашей многомиллионной армии, но и её полное перевооружение!

Подобных результатов перестройки экономики история ещё не знала!

Сегодня общепризнано, что Великая Отечественная война была войной и интеллектов, и наши учёные её выиграли! В книге «Моя борьба» Гитлер утверждал «арийский приоритет» во всех основных сферах культуры [Лессер, 2010]. Считая русских людьми «второго сорта», он совершил фатальный просчёт и был уничтожен вместе со своей «арийской империей».

Советским учёным было чем гордиться. За годы Великой Отечественной войны ими было выполнено и внедрено более 600 крупных инновационных проектов, более 200 учёных стали лауреатами Сталинской премии разного уровня. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 г. 13 академикам были присвоены звания Героя Социалистического Труда (*всего за годы войны это высокое звание получили 20 академиков – авт.*), а 1465 сотрудников Академии наук СССР «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР» были награждены орденами и медалями Советского Союза». В.Л. Комаров по этому указу был награждён третьим орденом Ленина.

Группа учёных, получивших правительственные награды в связи с 220-летием АН СССР. Москва, Кремль, лето 1945 г. [АРАН. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 213. Л. 1]

В своей речи на торжественном заседании юбилейной сессии Академии наук СССР В.Л. Комаров с особой гордостью говорил о работе Академии наук в военные годы:

«Как известно, одной из предпосылок победы было успешное развёртывание советской промышленности на Востоке. В военно-промышленной базе Советского Союза особое место принадлежало Уралу. Урал – это богатейшая страна железа, цветных

и лёгких металлов, топливных и химических ресурсов. Этот меридиональный хребет, тянувшийся параллельно фронту и удалённый от него на одну-две тысячи километров, образует как бы мощную линию экономических укреплений, линию богатейших месторождений, мощных рудников, заводов и электростанций, созданную в течение трёх пятилеток.

В начале Отечественной войны советская промышленность в значительной мере была перемещена на Урал. Для историков навсегда останется в высшей степени интересным и поучительным успех этого невиданного переселения сотен заводов, десятков тысяч станков и миллионов рабочих. В этом великом деле наука сыграла существенную роль. Академия Наук СССР приняла самое широкое участие в деле мобилизации ресурсов страны. Академия Наук создала Комиссию по мобилизации ресурсов Урала и других восточных районов, которой я руководил в 1941–1943 гг. Эта Комиссия разработала неотложные мероприятия по чёрной и цветной металлургии, энергетике, транспорту, производству строительных материалов и сельскому хозяйству.

За всю свою полувековую научную деятельность я не испытывал такого глубокого нравственного удовлетворения, как в работе

Выступление президента АН СССР В.Л. Комарова на юбилейной сессии Академии наук СССР [АРАН. Р.IX. Оп. 4. Д. 44]

по мобилизации неисчерпаемых ресурсов нашей великой страны на дело обороны. Никогда ещё не было в среде учёных такого великого творческого порыва. Он охватил все области советской науки. Советские физики создавали теоретические и экспериментальные предпосылки для конструирования новых видов вооружения; математики разработали приёмы наиболее быстрых вычислений для артиллерии, авиации и боевых судов; химики нашли новые методы производства взрывчатых веществ, сплавов, фармацевтических средств; биологи отыскивали дополнительные ресурсы питания для Красной Армии и населения; медики спасли новыми методами военной медицины десятки тысяч дорогих жизней бойцов. Мы гордимся тем, что своей работой оказали посильную помощь нашим героическим Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, разгромившим немецко-фашистских захватчиков» [Комаров, 1945г, с. 8–9].

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) в своём приветствии Академии наук Союза ССР в связи с 220-летием её существования отметили, что «советские учёные добились крупных результатов во многих областях науки и техники. Однако все люди науки должны постоянно помнить, что в науке и технике имеется ещё много нерешённых назревших проблем, над решением которых должны напряжённо работать советские учёные. Советский народ ждёт, что его учёные будут с успехом решать задачи, поставленные жизнью перед нашей наукой» (Вестник АН СССР, 1945, № 5, с. 2).

К сожалению, проведение юбилейной сессии совпало у Комарова с очередным обострением его болезни. В этот период он часто не мог даже ходить без сторонней помощи. 14 июля 1945 г. Владимир Леонтьевич был вынужден написать заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности президента по состоянию здоровья. Уже через 3 дня, 17 июля, состоялось чрезвычайное Общее собрание Академии СССР, посвящённое обсуждению заявления В.Л. Комарова и выборам нового президента. Некоторые коллеги Комарова говорили следом, что Владимир Леонтьевич не хотел уходить, так как «держался за власть». На самом деле не власть привлекала Комарова. Ему, конечно, трудно было решиться уйти от дел, поскольку только работа придавала смысл его жизни. По-видимому,

погружение в работу до изнеможения не оставляло времени и на страдания...

Участники собрания в своём постановлении выразили академику В.Л. Комарову горячую признательность за его многолетнюю плодотворную деятельность по руководству Академией наук и удовлетворили его просьбу. Новым президентом Академии наук по рекомендации Комарова был почти единогласно избран академик Сергей Иванович Вавилов.

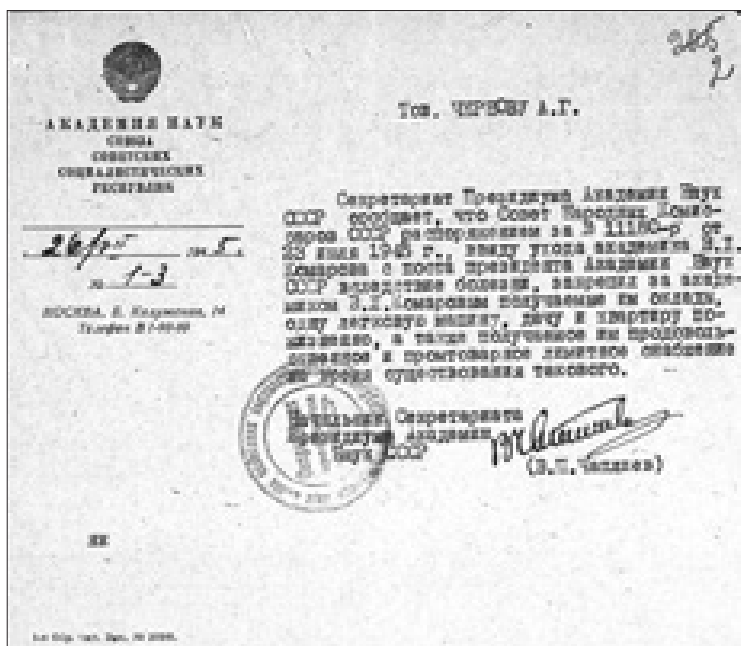
В обращении к участникам собрания новый президент АН СССР выразил благодарность за оказанное ему доверие и с чрезвычайной теплотой остановился на исключительных заслугах своего предшественника – В.Л. Комарова. Участники собрания единогласно приняли решение направить академику Комарову приветственную телеграмму: *«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Леонтьевич! 17 июля Общее собрание Академии наук СССР заслушало Вашу просьбу об освобождении Вас от поста президента Академии наук ввиду болезни. Просьба эта вызвала глубокое сожаление Общего собрания, высоко ценящего Вашу многолетнюю плодотворную деятельность на посту президента Академии.»*

Общее собрание решило удовлетворить Вашу просьбу и надеется, что через некоторое время, восстановив своё здоровье, Вы снова примете деятельное участие в научной жизни Академии.

От души желаем Вам здоровья и сил, дорогой Владимир Леонтьевич!».

После освобождения от должности президента за Комаровым тем не менее сохранилось несколько ответственных должностей: Владимир Леонтьевич оставался директором Института истории естествознания, председателем Монгольской комиссии и Тихоокеанского комитета, научным руководителем Главного ботанического сада и заведующим отделом систематики и географии растений Ботанического института АН СССР. СНК СССР своим распоряжением от 23 июля 1945 г. закрепил за Комаровым получаемые им оклады, одну легковую машину, дачу и квартиру пожизненно, а также получаемое им продовольственное и промтоварное лимитное снабжение.

Как написал Н.В. Павлов [1951], В.Л. Комаров после отставки поселился на своей даче на Николиной Горе. Сравнительный покой, которым он теперь пользовался после многообразных и сложных

Сообщение Секретариата Президиума АН СССР от 26.07.1945 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 30. Л. 2]

обязанностей президента Академии наук, благоприятно отразился на состоянии здоровья Владимира Леонтьевича. К концу лета он значительно поправился и возвратился в Москву, в свою квартиру на Пятницкой. Ничто не предвещало катастрофы, и всё-таки она наступила...

Владимир Леонтьевич Комаров ушёл из жизни 5 декабря 1945 г. в Москве. По желанию Н.В. Комаровой Владимир Леонтьевич был похоронен на Новодевичьем кладбище. На траурном митинге новый президент АН СССР С.И. Вавилов отметил заслуги В.Л. Комарова следующим образом: *«Под руководством Владимира Леонтьевича Академия Наук преобразовалась. Были привлечены новые силы, поставлены новые задачи на всех важнейших, принципиальных участках науки. В тяжёлые годы, грозные годы Великой Отечественной войны эта преобразованная Академия Наук показала свою прочность, свою силу. В условиях эвакуации, ленинградской блокады, при многочисленных лишениях армия научных работников,*

собранная в Академии наук под руководством Владимира Леонтьевича, работала на пользу фронта, на пользу Родины и сделала немало. Сам Владимир Леонтьевич своей работой по изысканию производительных сил страны, по организации науки показывал пример в эти критические годы своим трудолюбием, спокойствием и выдержкой. За эту работу Владимир Леонтьевич получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Оно им заслужено в полной мере» [Вавилов, 1946, с. 17–18].

На наш взгляд именно трудолюбие, спокойствие и выдержка позволили В.Л. Комарову взять на себя ответственность за судьбу Академии наук СССР и блестяще провести её сквозь тяжелейшие годы репрессий и Великой Отечественной войны.

К Владимиру Леонтьевичу многие сотрудники Академии относились с любовью. Здесь имеет смысл привести, может быть, и не очень складные, но искренние слова в общем-то рядового сотрудника Академии наук, помощника управляющего делами Академии С.Д. Носова, который участвовал в похоронах президента: *«Светлая память о Владимире Леонтьевиче никогда не изгладится из моей памяти. В последний путь на Новодевичье кладбище Владимира Леонтьевича провожал многотысячный коллектив научных и других*

Похороны В.Л. Комарова [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 83, 85]

Могила В.Л. Комарова
после похорон

сотрудников А.[кадемии]Н.[аук]. Едучи в машине на кладбище, тов. Степанов рассказал следующий случай: когда он поступил на работу в Ак. Наук и в беседе с Влад. Леонтьевичем высказал своё опасение, что молод и боится, что с работой может не справиться. Владимир Леонтьевич в шутку сказал, что молодость хорошая вещь, но она быстро проходит. К этому мне хочется сказать, что у многих и молодость, и старость проходят бесследно, а у Владимира Леонтьевича и молодые годы, и преклонный возраст прошли с большой пользой для

народа, он оставил большой вклад в советскую и мировую науку, он остался в нашей памяти человек как образец, как патриот нашей Родины, преданный делу Ленина-Сталина» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 126. Л. 16].

По оценке современников, Комаров оставил после себя великую Академию. Ещё при жизни Комарова при участии Академии в Советском Союзе разворачивался феноменальный по своим масштабам атомный проект. Впереди было освоение космического пространства, полёт Гагарина, изобретение лазера, освоение океанических глубин...

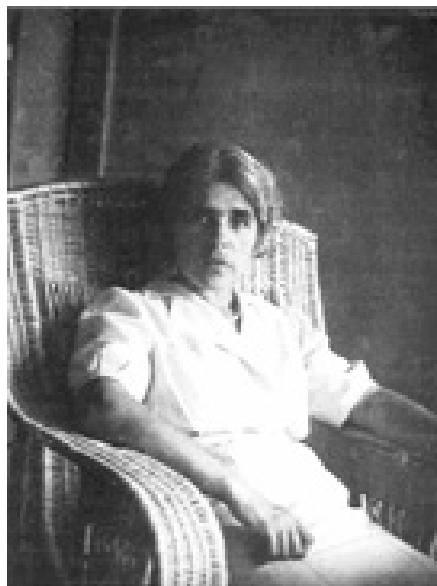
Надо отметить, что Владимир Леонтьевич Комаров всей своей деятельностью на ответственных постах в Академии наук показал себя выдающимся организатором науки, мудрым политиком и стратегом самого высшего класса. Он умел договариваться с властью, вместе с властью он строил новую Академию. Уместно будет сказать, что он был един с советской властью.

Удивительная судьба и самоотверженность Комарова – учёного и гражданина – поражают и сегодня.

Это было тяжелейшее для страны время, это было время, в котором жил и трудился Владимир Леонтьевич Комаров. Это было его время...

14. НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА КОМАРОВА

В своей автобиографии Надежда Викторовна Комарова (в девичестве – Старк) писала: *«Родилась в Выборге в 1888 г. в семье военного инженера. Среднее и высшее образование получила в б.[ывшем] Петербурге. Окончила Высшие Женские естественно-научные курсы в 1911 г. и была оставлена руководителем кафедры ботаники проф. В.Л. Комаровым при курсах в качестве ассистента этой кафедры. С тех пор работала всё время с В.Л. Комаровым – сначала только на В.[ысших] Ж.[енских] курсах, затем, одновременно, во 2-м Медицинском институте и в Институте им. Герцена. С 1920 г. по 1936 г. была преподавателем Ленинградского университета, являясь одним из самых близких помощников В.Л. Комарова на руководимой им кафедре морфологии и систематики растений»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 149. Л. 1].

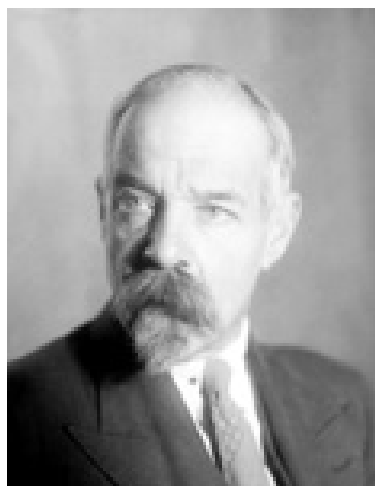

Н.В. Комарова, 1940 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 70. Л. 1]

Известно, что отец Надежды Викторовны, Виктор Фёдорович Старк, окончил Третью Санкт-Петербургскую военную гимназию, потом Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию (по 1-му разряду) в чине штабс-капитана (в 1885 г.). С 1887 г. он стал помощником начальника мастерских Петербургского орудийного завода, с 1892 г. – начальником этих мастерских, с 1900 по 1914 г. был помощником начальника

Н.В. Старк с родителями и другими родственниками, 1890-е годы
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 57. Л. 1]

Старк Борис Викторович (1883–1955), советский металлург, член-корреспондент АН СССР (1943), брат Н.В. Старк. *Фотогалерея РАН*

Петербургского оружейного завода по технической части (09.03.1900–02.02.1914), а к 1917 г. он стал уже начальником Петербургского оружейного завода по технической части. Получил звание полковника в 1902 г., а в 1909 г. за отличие стал генерал-майором. Имел награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1894 г.); Св. Анны 3-й ст. (1903 г.); Св. Владимира 3-й ст. (1912 г.); Св. Станислава 1-й ст. и Св. Анны 1-й ст. (1915 г.). О матери, Марии Евлампиевне Старк (в девичестве – Огородниковой), мало известно. У Надежды Викторовны были две сестры Мария (умерла в 1922 г.) и Наталия (по мужу – Петрова), а также брат Борис, который стал известным учёным-металлургом, специалистом по теории металлургических процессов, доктором технических наук, профессором кафедры теоретической металлургии Московского института стали, членом-корреспондентом АН СССР.

Высшие женские естественнаучные курсы баронессы М.А. Лохвицкой-Скалон, которые посещала Надежда Викторовна Старк, были открыты в 1903 г. на базе частной женской гимназии баронессы. Для этого был специально приобретён дом купца Фостса на Невском проспекте, на месте которого в 1912–1914 гг. было возведено новое здание.

Аттестат об окончании гимназии,
18.05.1893 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2.
Д. 140. Л. 1]

На курсах Лохвицкой-Скалон было открыто три отделения: основное, соответствующее естественному отделению физико-математического факультета; педагогическое, которое готовило преподавательниц естествознания и географии; и фармацевтическое. Здесь обучалось до тысячи человек, предоставлялись и бесплатные места для воспитанниц сиротских заведений. Для преподавания учредителями курсов

Свидетельство домашней учительницы, 31.08.1911 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 141. Л. 3]

Свидетельство об окончании Высших женских естественных курсов,
17.10.1911 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 142. Л. 2]

был привлечён университетский профессорско-преподавательский состав.

Одним из преподавателей курсов в 1906 г. стал Владимир Леонтьевич Комаров, который начал читать ботаническую географию. Здесь Надежда Викторовна Старк и познакомилась со своим будущим мужем, она же помогала ему с организацией на курсах кафедры ботаники, ставшей впоследствии образцовой. Следует отметить, что в 1913 г. на Первом Всероссийском съезде по женскому образованию Высшим женским естественными курсам была присуждена Золотая медаль. После Октябрьской революции здание курсов М.А. Лохвицкой-Скалон было конфисковано, а сами курсы закрыты 30 ноября 1918 г. постановлением Комиссариата народного просвещения за подписью А.В. Луначарского. Весь инвентарь и библиотека были переданы в Третий педагогический институт, слушательницы могли стать его студентками. В.Л. Комаров с 1919 по 1925 г. именно в этом институте продолжил читать свои дисциплины. Кроме того, В.Л. Комаров и Н.В. Комарова преподавали в Ленинградском университете, однако при переезде в 1936 г. в Москву, Надежде Викторовне

В.Л. Комаров со слушательницами курсов Лохвицкой-Скалон в Петрограде, 1914–1916 гг. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 10. Л. 1, 2]

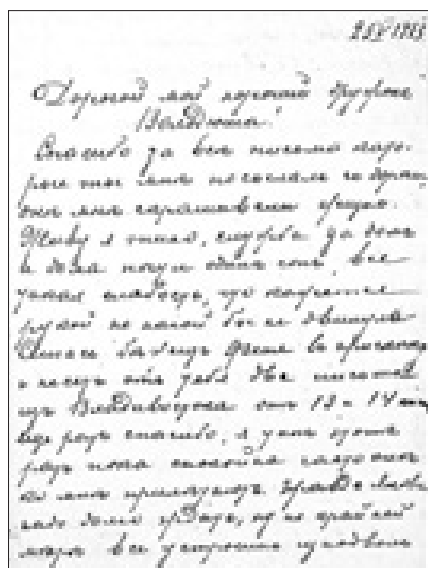
пришлось совсем оставить преподавание, которому она посвятила последние 25 лет. Комарова писала по этому поводу: *«После переезда в Москву я совсем перестала преподавать и перешла к общественной работе, которой занималась и раньше, в бытность преподавателем, когда работала по профсоюзной линии и читала лекции в красноармейских частях...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 149. Л. 2].

Надо заметить, что близкие отношения между В.Л. Комаровым и Н.В. Старк возникли не сразу. Ведь в юности Владимир Леонтьевич женился на вдове статского советника Марии Романовне Позняковой (в девичестве – Гейст, родилась в 1862 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 35. Л. 48], умерла по информации Павлова [1951, с. 218] в 1929 г.), которая была старше Владимира Леонтьевича на 7 лет. Однако семья так и не сложилась, поскольку вскоре Мария Романовна тяжело заболела. Известно, что взаимоотношения между супругами были очень тёплыми, однако каких-либо документов, связанных с семейной жизнью Комарова и Позняковой, сохранилось очень мало. В частности, в архиве Комарова имеется письмо Марии Романовны, датированное 25 мая 1913 г. и отправленное мужу в экспедицию на Дальний Восток в ответ на его два письма из Владивостока. Вот несколько выдержек из него: *«Дорогой мой хороший дружок Володюша! Спасибо за все письма, которые ты мне посылал с дороги, они мне скрашивали жизнь. Живу я тихо, служба да дом, а дома почти один сон, все такая слабость, что кажется рукой не ногой бы не двинула... Ты пишешь, что стремишься вернуться в свой дом, да он есть у тебя, даже два, мой родной, но в одном ты сам не засиживался, а другой немного неблагоустроен. Что жена у тебя будет с хорошим характером немного пык-пык, но это по-моему даже интересно, только бы Бог здоровье дал, уж очень меня слабость беспокоит, которая мало идёт к свойству моего характера, а выводит меня из себя одна Марианна, а раз той прелести не будет, то и пык-пык не будет... Сейчас у меня такое чувство, что твои письма силу мне в кровь и сердце влили, я себя сейчас лучше чувствую, когда то ты это письмо получишь, мой родной... Люблю, Мария»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 768. Л. 1–3].

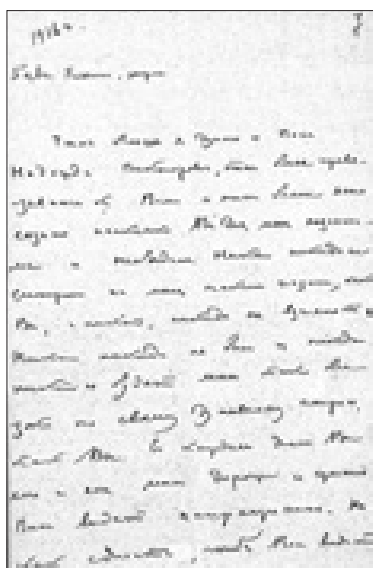
По-видимому, новые и глубокие отношения В.Л. Комарова с Н.В. Старк стали развиваться после в 1916 г., когда Владимир

[illegible]

Часть анкеты по наследственности среди учёных Петербурга, заполненная
В.Л. Комаровым, до 1914 г. [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.35. Л.48]

Часть письма М.Р. Комаровой В.Л. Комарову от 25.05.1913.
[АРАН. Ф.277. Оп. 4. Д.768. Л. 1]

Часть письма В.Л. Комарова Н.В. Старк
от 05.08.1916 г. [АРАН. Ф.277. Оп. 4.
Д. 86. Л. 8]

Фотография Комарова
с дарственной надписью Н.В. Старк,
1916 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 11]

Н.В. Старк и В.Л. Комаров, 1917 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 9]

Леонтьевич подарил Надежде Викторовне свою фотографию. 5 августа этого же года он написал Старк: *«Чем больше я думаю о Вас, Надежда Викторовна, тем более привязываюсь к Вам и тем более ясно сознаю насколько Вы для меня незаменимы и необходимы. Никто никогда не смотрел на меня такими глазами, как Вы, и никто никогда не взглянет. Никто никогда не был и никогда никто не будет мне так близок по своему душевному строю, как Вы...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 8]. В 1920-х гг. совместная работа ещё более сблизила двух, в общем-то, уже немолодых людей. 17 июля 1925 г. Комаров пишет: *«Дорогая Ная, я получил твоё милое письмо... Голубка Надя, хорошая моя ненаглядная, так бы и приласкал тебя если бы не расстояния. Поскорее бы это прошло. Моя большая поездка всё ещё в неопределённом положении. Главное будь здорова и набирайся сил на зиму. Очень трудно будет. Твой любящий серый волк. В.»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 40].

В.Л. Комаров и Н.В. Старк оформили брак 20 июля 1930 г., Владимиру Леонтьевичу в то время уже шёл 61 год. Меньше чем

[illegible]

1088
The Hatters stand so strong
And bid us rise. Then
I saw my good woman the
Queen, & mother with her
Dignity. Hatters not before,
me to grace. And the cap
of the Hatters, and the
Hatters. A Hatter, & Hatter
were Hatters with Hatters.
Hatters were Hatters, and the
Hatters - Hatters with
Hatters.

Письмо Н.В. Старк от 26 августа 1925 г. [АРАН. Ф.277. Оп.4. Д.86. Л.136, 137]

Свидетельство о браке № 9122

ПЕТРОГРАДСКАЯ РАЙОННАЯ ЗАГСОБЩА

Выдано в том, что
Владимир Леонидович Сидоренко
 и Евдокия Викторовна Сидорова
 состоящие в брак
 с 31 Авг. 1933 г.
 в соответствии со ст. 20 Закона от 20 Дек. 1926 г.

Ос- татки гражд.- постанов- ления закона	Фамилия имя отчество полное	Подпись
	Колесников	(подпись)

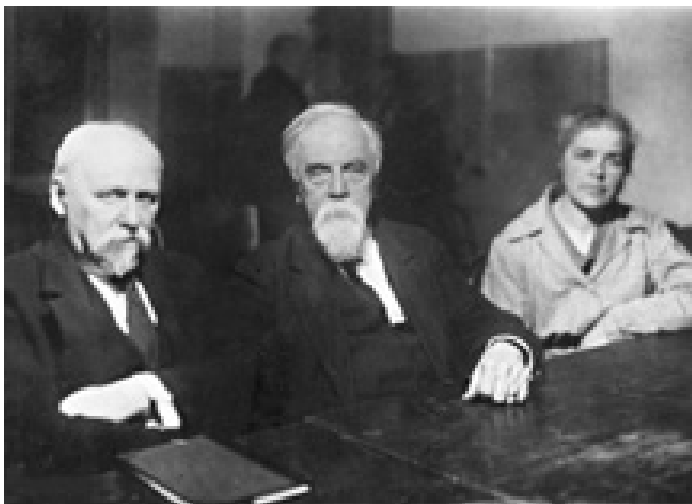
Выдано при наличии
 документов. Директор ЗАГСа [подпись]

Свидетельство о браке [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.22. Л.4]

за месяц до этого события Комаров писал Надежде Викторовне из Москвы: *«О тебе неустанно думаю: тебе надо прямо-таки переступить свои мысли на некоторое время так: “здоровье на первом месте, всё остальное на втором”. Ведь поправишься и тогда опять можно будет забыть о здоровье. Ведь неизвестно ещё что придётся переживать, и как ещё понадобится твоя работа и твоё здоровье. Надка, ты необыкновенно милое существо и тебя нельзя не любить больше всего на свете. Целую тебя крепко крепко и жду возвращения, чтобы на самом деле это было и мы были бы вместе»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 117, 118].

На протяжении совместной жизни с Владимиром Леонтьевичем в качестве супруги Надежда Викторовна была преданным другом своему мужу. Они практически всегда были вместе, как будто чувствовали, что не так уж им много и отпущено. В редкие периоды разлуки, когда Владимир Леонтьевич был в командировках, он часто писал Надежде Викторовне о своих чувствах. Вот строки из его письма, отправленного, вероятно, вскоре после свадьбы: *«Я ничего так не хочу, как видеть тебя. Ты у меня перед глазами всё время, я люблю тебя всей душой. Наишка моя дорогая, ты не знаешь, как всё серо и безотрадно, когда тебя долго нет. Милая, милая Надя, только бы видеть и чувствовать тебя. Твой любящий!»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 137]. А это строки из письма отправленного супруге из Хабаровска 17.08.1931 г.: *«Дорогая Найка! Сижусь в номере; из окна виден вокзал, который пока не достижим... ..Вот милое ты моё существо, и тебе тоскливо, и мне, и никак не вырваться...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 144]. Буквально на следующий день он пишет новое послание: *«Дорогой милый Най! Вчера мы добились назначения на сегодня первого официального заседания. Взамен задержки нам дали катер и любезных спутников; и мы ездили к маньчжурской границе вёрст за 50 отсюда по реке Уссури. Было хорошо и я понимаю всё время с тобой делился впечатлениями; жаль, что ты не слышала... ..Целую тебя крепко и желаю скорее дожидаться моего возвращения, а самой не скучать»* [Там же. Л. 145].

На плечи Надежды Викторовны после оформления брака легла забота по уходу за Владимиром Леонтьевичем в периоды обострения

Владимир Леонтьевич и Надежда Викторовна Комаровы с членом-корреспондентом Николаем Адольфовичем Бушем*. Ленинград, 1935 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 23. Л. 1; Там же. Д. 31. Л. 53]

его тяжёлой болезни, связанной с нарушением обмена веществ** . Только благодаря заботам Надежды Викторовны и её уходу за мужем Владимир Леонтьевич многие годы мог поддерживать свою работоспособность на высоких ответственных постах в АН СССР. В частности, именно благодаря тщательному уходу за мужем удалось практически полностью восстановить здоровье Владимира Леонтьевича после перенесённого им в августе 1939 г. инсульта. Вот что, например, 26 января 1940 г. писал по этому поводу Юлий Михайлович Шокальский Н.В. Комаровой:

* **Буш Николай Адольфович** – (1869–1941), учёный-ботаник, член-корреспондент АН СССР (1920). Учился в Казанском университете и Лесном институте в Петербурге. С 1895 г. работал в Юрьевском (Тартуском) университете, с 1902 г. – в Петербургском ботаническом саду, в 1912–1931 гг. – в Ботаническом музее, а с 1931 г. – в Ботаническом институте АН СССР.

** В.Л. Комаров страдал особой и малоизученной формой экземы, которая впервые появилась у него в 1910 г. вскоре после его возвращения с Камчатки. Как писал по этому поводу Павлов: *«Абсолютно не заразная, она беспокоила В.Л. Комарова главным образом зимой, летом же часто сама собой проходила. Однако после 1930 г. она начала досажать ему все чаще и чаще и причиняла ему большие страдания. Оказалось также, что псориазис находится в какой-то связи с состоянием нервной системы...»* [Павлов, 1951, с. 219].

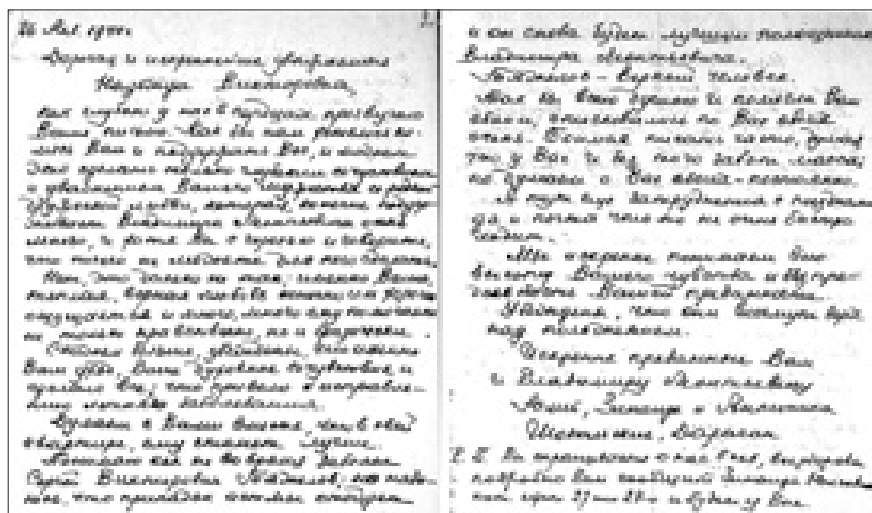
«Дорогая и искреннейше уважаемая Надежда Викторовна, как глубоко у нас в сердцах прозвучало Ваше письмо. Как бы нам хотелось помочь Вам и поддержать Вас, и можем это сделать только глубоким сочувствием и уважением Вашего мужества и редкой дружеской любви, которая, конечно, поддерживает Владимира Леонтьевича очень много, и хотя Вы с горечью и говорите, что ничего не можете для него сделать. Нет, это далеко не так; именно Ваша, тёплая, верная любовь конечно им хорошо ощущается и много, много ему помогает не только нравственно, но и физически.

Думаем, с Вами вместе, что в своей квартире, ему станет лучше.

Скажем больше, убеждены, что именно Ваш уход, Ваше духовное сочувствие и сделало всё, что привело к исправлению летнего заболевания...

...Мы искренне понимаем всю высоту Вашего чувства и беспредельность Вашей преданности. Убеждены, что они возьмут верх над положением...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1735. Л. 3, 4].

По случаю 220-летнего юбилея АН СССР за большую общественную работу Надежда Викторовна была награждена орденом

Письмо семьи Шокальских Комаровой, 26.01.1940 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1735. Л. 3, 4]

На отдыхе в Гаграх, 23 марта 1939 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 28. Л. 1]

Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть». Эти награды супруга президента АН СССР получила в связи с деятельностью в качестве председателя Совета жён при АН СССР, образованного ещё в 1937 г., и как председатель Комиссии помощи семьям фронтовиков, в том числе и семьям погибших фронтовиков, которая была организована в 1943 г. при Президиуме АН СССР [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 149. Л. 2].

На отдыхе в Гаграх, 1940 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 28. Л. 5]

Будучи в составе Совета жён, Надежда Викторовна участвовала в многочисленных мероприятиях по проведению лекций, организации работы различных кружков, налаживанию медицинского обслуживания и летнего отдыха детей сотрудников Академии, организации контроля за работой детских садов и пр. Кроме того, Надежда Викторовна принимала участие в организации различных значимых мероприятий Академии наук. Так, в 1937 г. Совет оказал существенную организационную помощь оргкомитету XVII Международного геологического конгресса, проходившего в Москве и Ленинграде с 20 по 29 июля 1937 г. В Архиве РАН сохранилось благодарственное письмо от одного из участников Конгресса, направленное Н.В. Комаровой и её помощницам: *«Мне трудно выразить словами ту глубокую благодарность и то восхищение, которое испытываю я к Вам, лучшим представительницам “Совета жён” . В моей тяжёлой сердечной болезни бодрость духа имеет большее значение, чем Camphora или Adonis, и чувствуя Ваше доброе, заботливое и внимательное отношение к себе, я в 2 дня встал на ноги и смогу завтра (25-го) сделать доклад на Конгрессе. Особенно меня поразило то, что Вы, зная моё большое желание побывать на канале Волга-Москва, прислали за мной сегодня машину...»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 144. Л. 2].

В ноябре 1937 г. состав Совета жён был обновлён и Н.В. Комарова стала его председателем. Работа Совета с этого времени была переориентирована на улучшение бытовых условий научных работников, под контроль было взято и строительство дома на Земляном валу для научных сотрудников, поскольку сама стройка к этому времени была практически заморожена. О разнообразии вопросов, которыми в то время занималась Надежда Викторовна, говорит благодарственное письмо от начальника Академстроя А.С. Корнева, отправленное 27 мая 1940 г.: *«Уважаемая Надежда Викторовна! От имени коллектива рабочих, служащих и ИТР Академстроя благодарю Вас за проявленную инициативу в деле ходатайства перед Заместителем Председателя СНК СССР т. Вышинским А.Я. о предоставлении Академстрою плана на подачу вагонов под отгрузку леса. В течение четырёх месяцев Академстрой почти не получал лес, в результате чего наши запасы были на исходе. Благодаря Вашей заботе о нашей стройке, мы получили план на ежемесячную*

У себя на даче. Николина Гора, 1941 г. [АРАН. Ф.277. Оп. 6. Д. 3. Л. 47]

В своей квартире на Пятницкой. Москва, 1941 г. [АРАН. Ф.277. Оп.6. Д.3. Л.47]

подачу по 60 вагонов. В мае месяце мы отгрузили 50 вагонов, отгрузим и остальные 10 вагонов леса. С глубоким уважением к Вам начальник Академстроя А.С. Корнев» [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.144. Л.101].

Помощник управляющего делами АН СССР С.Д. Носов оставил следующую запись о работе Надежды Викторовны в качестве председателя Совета жён в предвоенный период: «Несмотря на свой преклонный возраст и на то, что Владимир Леонтьевич выполнял большую научно-организационную работу, он уделял внимание бытовым вопросам. Правда, в этих вопросах ему помогала Надежда Викторовна, она сумела организовать вокруг себя жён академиков и научных работников, втянув их в эту большую почётную работу. Всё это способствовало тому, что наши детские учреждения, а в особенности пионерские лагеря, почти ежегодно занимали первые места по Москве. Владимир Леонтьевич радовался этим достижениям и неоднократно посещал дома отдыха и детские

Грамота Президиума обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений Н.В. Комаровой за активную работу жен-общественниц [АРАН. Ф.277.

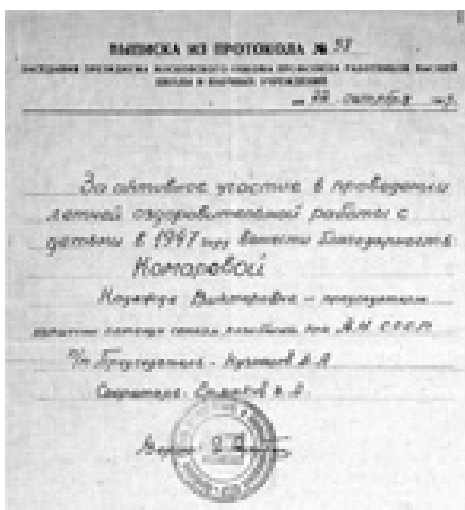
Оп.2. Д.146. Л.1]

Грамота Президиума АН СССР Н.В. Комаровой за активную общественную работу [АРАН. Ф.277. Оп.2. Д.148. Л.1]

Грамота ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений Н.В. Комаровой за военно-шефскую работу [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 147. Л. 3]

Благодарность Президиума обкома профсоюза работников высшей школы и научных учреждений Н.В. Комаровой за участие в проведении летней оздоровительной работы с детьми [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 155. Л. 1]

учреждения, знакомился с их работой и давал много хороших советов на будущее, поддерживал инициативу родителей, помогал в расширении детских и других бытовых учреждений» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 126. Л. 7].

В период Великой Отечественной войны, после эвакуации Академии наук в Казань, Совет жён, которым уже бесценно руководила Н.В. Комарова, наладил шефство над 3 госпиталями с общим числом раненых до 1000 человек, причём наиболее крупный госпиталь (до 450 чел.) был целиком оборудован средствами и силами Академии. Проводилась работа по подготовке к ноябрьским и майским праздникам, ко Дню Красной Армии, встрече Нового года, сбору тёплых вещей и средств на покупку подарков для фронтовиков и партизан Белоруссии, сбору средств для пострадавших жителей Сталинграда... Мобилизованным семьям оказывалась помощь в периодических выдачах керосина, дров, мыла, ордеров на ширпотреб, картошку и овощи. Детям мобилизованных, сильно нуждающимся в дополнительном питании, выдавались ежемесячно

пропуска в столовые (около 50–60 пропусков в месяц) [Там же. Л. 80, 81]. В этот же период в Москве Совет жён организовал работы по ремонту домов Академии, пострадавших при авианалетах, восстановлению работы поликлиники, оборудование которой в период эвакуации было вывезено (Совет жён организовал обращение в Наркомздрав с просьбой о выделении необходимого инвентаря, которое и было удовлетворено). В дальнейшем, после реэвакуации, Совет жён приступил к восстановлению работы детских садов, некоторые помещения которых были заняты военными организациями, и налаживанию деятельности жилищной комиссии. В последних числах апреля 1943 г. Совет жён, выполняя постановление Президиума АН СССР, приступил к осуществлению шефства над госпиталем № 1447 в г. Калинин [Там же. Л. 82, 83].

В 1943 г. при Президиуме АН СССР под руководством Н.В. Комаровой была создана Центральная комиссия помощи семьям фронтовиков. Из отчётов этой комиссии, хранящихся в Архиве РАН, узнаём, что, помимо текущей работы, её члены занимались вопросами летнего отдыха детей фронтовиков, оказывали содействие по подготовке квартир фронтовиков к зиме и, главное, обеспечивали так называемую огородную кампанию, в рамках которой семьям фронтовиков в пригороде Москвы выделялась земля для организации огородов. Всем огородникам помогали в сборе урожая, выделяли машины для перевозки собранных овощей, для каждого академического института определялся график их перевозки, а в самих институтах обеспечивалось временное хранение овощей для последующей их развозки по домам. В те критические полуголодные годы такая помощь была для большинства семей жизненно необходимой для выживания... Кроме того, другим существенным видом помощи была выдача для наиболее нуждающихся членов семей фронтовиков промтоварных ордеров, помимо выданных местными комитетами, а также выдача карточек сухого пайка.

5 декабря 1945 г. в Москве скончался академик Владимир Леонтьевич Комаров. Уже на следующий день Президиум Академии наук СССР образовал комиссию по организации его похорон под председательством президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова. В субботу, 8 декабря, в 12 часов дня в конференц-зале Академии наук состоялась гражданская панихида, а в 3 часа

Празднование 75-летия В.Л. Комарова в Доме учёных, 14.10.1944 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 35. Л. 3, 14]

Владимир Леонтьевич
и Надежда Викторовна
Комаровы, 1944 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3.
Л. 62]

дня – похороны Комарова на Новодевичьем кладбище.

После ухода из жизни президента АН СССР Совнарком СССР принял постановление

«Об увековечении памяти выдающегося русского учёного-ботаника академика В.Л. Комарова и об обеспечении его семьи», в соответствии с которым жене академика В.Л. Комарова – Комаровой Надежде Викторовне была установлена пенсия и выдано единовременное пособие в размере 70 тыс. рублей, а сестре Владимира Леонтьевича – Кухарской Елизавете Павловне, находившейся на иждивении академика В.Л. Комарова, была пожизненно установлена пенсия

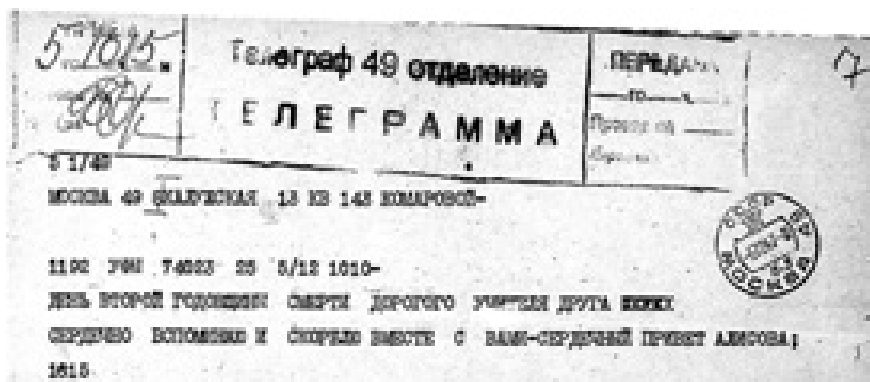
В.Л. Комаров и Н.В. Комарова на юбилейной выставке, Москва, 14 октября 1944 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 35. Л. 1]

в размере 700 рублей в месяц и выдано единовременное пособие в размере 30 тыс. рублей.

Здесь отметим ещё одну немаловажную, на наш взгляд, ситуацию: 28 декабря 1945 г. сестра В.Л. Комарова Елизавета Павловна Кухарская в качестве особого знака уважения к своему брату и его супруге решила всё своё имущество завещать «...самому близкому и самому сердечному другу и товарищу Надежде Викторовне Комаровой» [Ф. 277. Оп. 2. Д. 151. Л. 4]. На следующий день, 29 декабря 1945 г., Елизавета Павловна Кухарская скончалась.

Надежду Викторовну старались поддержать её подруги, знакомые и ученики Владимира Леонтьевича. В Архиве РАН имеется несколько телеграмм поддержки, в том числе телеграмма, посланная Надежде Викторовне во вторую годовщину смерти В.Л. Комарова одной из его наиболее талантливых учениц Алисовой: «*День второй годовщины смерти дорогого учителя друга сердечно вспоминаю и скорблю вместе с Вами. Сердечный привет Алисова*».

13 апреля 1946 г. президент АН СССР С.И. Вавилов обратился к вдове В.Л. Комарова с просьбой о приобретении для библиотеки Академии наук СССР книжного собрания Владимира Леонтьевича: «*В то время, как в Ленинграде, в Ботаническом институте и в Центральной библиотеке Академии Наук (расположена в Санкт-Петербурге – авт.) большая часть этой литературы имеется и явится дуплетной, для Москвы она представит большую ценность*» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 152]. Чтобы оценить значимость

Телеграмма Комаровой от Алисовой [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 130. Л. 7]

и ценность книжного собрания В.Л. Комарова, обратимся к свидетельству самой Н.В. Комаровой: *«Вл. Л. очень любил литературу и великолепно её знал. В этом ему помогала его замечательная память. Часто начнёшь вспоминать, что вот мы с тобой кажется это читали, и он сейчас же всё припомнит, а я успела уже всё прочно забыть. Он успевал как-то следить не только за специальной литературой, но и за беллетристикой. Вообще Вл. Л. не мог пройти мимо печатного слова. Богатейшая его библиотека собиралась им со студенческих лет и к концу его жизни в ней насчитывалось свыше 16 тысяч названий, из которых около 10 тысяч – ботанических...»*

Вл. Л. любил делать всё сам. Помню, когда состоялся наш переезд в Москву – прибыла его богатейшая библиотека, и вот Вл. Л. всё разбирал и расставлял сам. Зато уж он и знал свою библиотеку и часто мне говорил: “Достань, пожалуйста, такую-то книгу с такой-то полки”. Его книги, его библиотека – это было его любимое детище. Когда настало грозное время войны от Вл. Л. Правительство потребовало отъезда из Москвы. Вл. Л. сначала очень противился, но всё же пришлось согласиться, и тогда я стала его спрашивать, что из книг он хочет взять, он всё откладывал, говорил, что выберет сам и наконец, приехав с дачи и посмотрев на своё детище, сказал: “Мне всё здесь дорого, выбрать не могу, оставляю всё здесь, может и уцелеет”. Когда же я решила, что возьму самое дорогое для меня – его сочинения, и так и сделала. К счастью, библиотека уцелела, но с какой тревогой я ждала известий из Москвы, т.к. знала, что для Вл. Л. будет большим ударом потеря его библиотеки...».

Вскоре библиотека Комарова получила вторую жизнь. Надежда Викторовна всё книжное собрание Владимира Леонтьевича передала Академии наук безвозмездно.

После ухода из жизни мужа Н.В. Комарова продолжила свою общественную работу в качестве председателя Комиссии помощи семьям фронтовиков. Особую заботу Надежда Викторовна стала проявлять о детском доме имени В.Л. Комарова, открытом в Москве 18 ноября 1945 г., то есть менее чем за 3 недели до смерти мужа. В те дни при Комиссии помощи семьям фронтовиков, которая вскоре была преобразована в Комиссию содействия семьям погибших

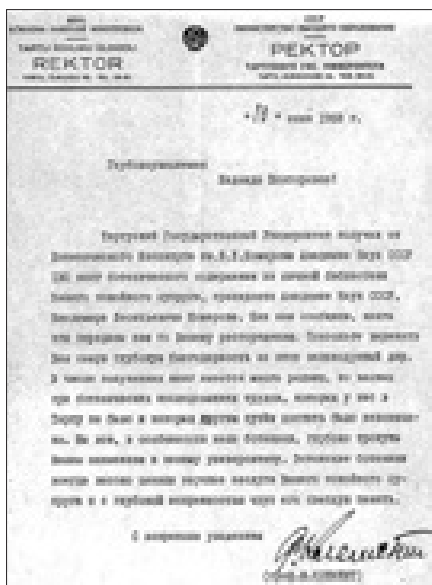
Рабочий кабинет В.Л. Комарова (б/д) [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 48. Л. 2, 3]

в Великой Отечественной войне, был образован попечительский совет детского дома им. В.Л. Комарова под председательством Надежды Викторовны. В этот период комиссия через попечительский совет стала выделять средства для улучшения бытовых условий детского дома и для улучшения питания детей в летний период. Совет взял шефство над детьми, которые после окончания 7-го класса выходили из детдома и поступали в различные техникумы, а также над детьми, которые нуждались в санаторном лечении. Ребятам из детского дома, кто поступал в техникумы и вузы, ежемесячно на весь период учёбы выделялось по 150 рублей стипендии. Попечительскому совету не раз приходилось вставать на защиту интересов детского дома, когда часть его помещений предлагалось передать другим организациям.

Для Н.В. Комаровой очень важно было поддержать детей-сирот и семьи ветеранов особенно в первые два послевоенных года

Грамота, выданная Министерством просвещения РСФСР и ЦК Профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов Н.В. Комаровой за заботу о детях [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 156. Л. 1]

Благодарность ректора Тартуского гос. университета проф. Ф. Клемента Н.В. Комаровой за книги, присланные в дар университету [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 160. Л. 1]

Грамота Московского городского комитета Красного Креста Н.В. Комаровой
за работу по укреплению санитарной помощи столице
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 154. Л. 1]

Почётная грамота АН СССР, вручённая Н.В. Комаровой за деятельность
в воспитании детей-сирот [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 161. Л. 1]

(1946–1947 гг.), когда в СССР наблюдался массовый голод. В этот период, будучи председателем Комиссии содействия семьям погибших в Великой Отечественной войне, Надежда Викторовна проводила напряжённую работу по продовольственной поддержке своих подопечных. Например, в своём годовом отчёте за 1948 г. Н.В. Комарова указала, что на учёте комиссии находилось около 880 семей и инвалидов Великой Отечественной войны и что все послевоенные годы эти семьи обеспечивались огородными участками, семенным материалом и бесплатной доставкой урожая.

Большая помощь оказывалась семьям по ремонту квартир, выдаче дров, ежемесячной выдаче ордеров на промтовары. Надежда Викторовна в своём отчёте также отмечала, что после проведения в декабре 1947 г. денежной реформы и последующей отмены карточной системы комиссия стала осуществлять свою работу в основном в форме выдачи денежных компенсаций. Средства выделялись на ремонт, лечение, приобретение одежды детям... Весной 1948 г. возник вопрос о пополнении средств комиссии, иначе она не смогла бы обеспечить летнюю оздоровительную компанию. Был организован сбор денег среди академиков, членов-корреспондентов и служащих Академии наук. Собрали очень большую сумму – 254 000 рублей, что дало возможность оказывать в течение всего года материальную помощь детскому дому им. Комарова, пионерскому лагерю Академии наук, в который было отправлено 100 детей-сирот, оплатить пребывание сирот в детских садах, организовать детскую площадку в санатории Узкое, а также оплатить путёвки для детей-сирот в лагерь автобазы. Комиссия старалась оказывать семьям и другую помощь. Например, аспиранту Павлову, который вернулся с войны без ног и который для своего передвижения использовал мотоцикл, комиссия оплатила срочный ремонт мотоцикла. Комиссия позаботилась о детях жены сотрудника Института физхимии, погибшего во время войны, которую положили в больницу из-за язвы желудка: её дочь была помещена в пионерский лагерь, а для сына было обеспечено питание на время лечения матери. Техническому работнику Института геологии т. Колодкиной комиссия также оказала помощь, поместив 2 детей бесплатно на всё лето в пионерский лагерь, а за двоих других оплатила пребывание в детском саду... [АРАН. Ф.277. Оп. 2. Д. 144. Л. 171–173].

Масштаб общественной деятельности Н.В. Комаровой, связанной только с организацией детского отдыха, можно оценить, например, по результатам летней оздоровительной кампании 1950 г., когда в пионерских лагерях и детских садах Академии наук отдыхало 1800 детей научных работников и сотрудников московских учреждений Академии наук СССР. Руководством Академии было признано, что летняя детская оздоровительная работа в этот период была проведена на высоком уровне. Причём пионерскому лагерю АН СССР в Поречье за хорошую постановку оздоровительной и воспитательной работы было присуждено первое место Московским областным комитетом профсоюза работников высшей школы и научных учреждений и исполкомом Совета депутатов трудящихся Ленинского района г. Москвы.

Несомненно, основной заботой Н.В. Комаровой на протяжении всего послевоенного времени оставалось шефство над детским домом имени В.Л. Комарова. При этом Надежда Викторовна считала, что крайне важно оказывать внимание и помощь детям в период их выхода из детдома *«на жизненный путь, как это сделали бы их родители»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 144. Л. 184]. Не случайно этот детский дом на протяжении многих лет был образцовым детским учреждением. В связи с 15-летием со дня создания школы-интерната № 46 имени академика В.Л. Комарова (бывший детский дом № 4) и отмечая плодотворную деятельность в деле воспитания детей-сирот, в 1960 г. председатель попечительского совета школы-интерната Надежда Викторовна Комарова была награждена почётной грамотой АН СССР, парткома и профкома Президиума АН СССР [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 161]. По-видимому, это была её последняя награда.

Надежда Викторовна скончалась в 1962 г. в Международный женский день 8 марта. Погребена она на Новодевичьем кладбище рядом с супругом.

15. УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ В.Л. КОМАРОВА

После ухода из жизни президента АН СССР Совнарком СССР принял постановление «Об увековечении памяти выдающегося русского учёного-ботаника академика В.Л. Комарова и об обеспечении его семьи». В постановлении, в частности, было сказано:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Установить стипендии имени академика В.Л. Комарова для докторантов в размере 1.300 рублей в месяц и аспирантов в размере 800 рублей в месяц каждая: в Ботаническом институте имени В.Л. Комарова Академии Наук СССР, в Институте физиологии растений имени К.А. Тимирязева, в Главном ботаническом саду Академии Наук СССР – по две докторантских и две аспирантских стипендии; в Институте истории естествознания Академии Наук СССР – по одной докторантской и одной аспирантской стипендии.

2. Установить в Ленинградском и Московском государственных университетах на биологических факультетах для аспирантов-ботаников по две стипендии имени академика В.Л. Комарова в размере 800 рублей в месяц каждая.

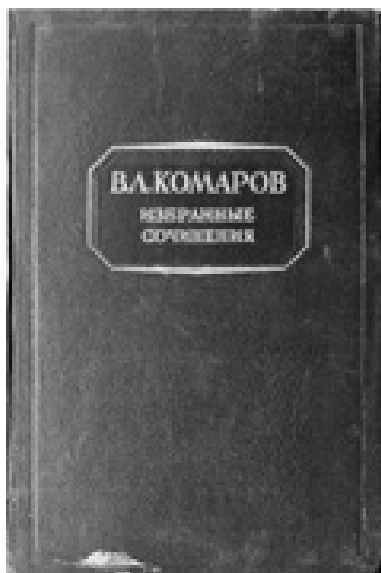
3. Обязать Академию Наук СССР издать в течение 1946–1948 гг. собрание сочинений академика В.Л. Комарова.

4. Установить мемориальные доски в г. Ленинграде на здании Ботанического института имени В.Л. Комарова (ул. проф. Попова, д. № 2), директором и сотрудником которого он был много лет, и в г. Москве на здании Отделения биологических наук Академии Наук СССР (Б. Калужская ул., д. № 33), академиком-секретарем и членом которого он был в течение ряда лет...»

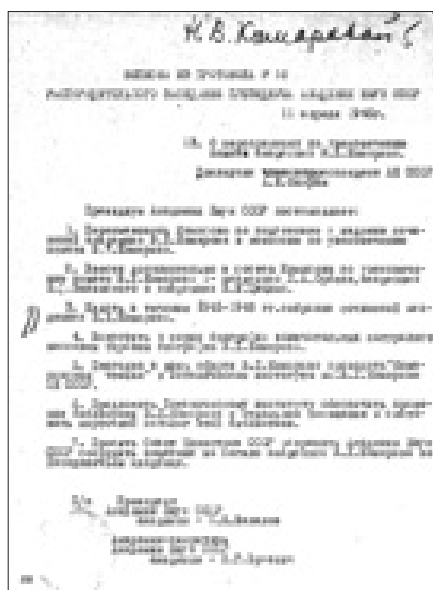
Для научного сообщества страны это указание не было формальным. Академия наук СССР практически немедленно приступила к подготовке избранных сочинений В.Л. Комарова. Причём научное наследие бывшего президента АН СССР оказалось столь велико, что вместо директивного трехлетнего срока столь масштабная работа растянулась почти на 13 лет, в течение которых было издано 12 томов сочинений. Опубликованные избранные труды Владимира

Проект плана изданий избранных сочинений В.Л. Комарова.	
К. Комаров 1949	В.Л. Комаров 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949
В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949	В.Л. Комаров "Вопросы философии" 1949

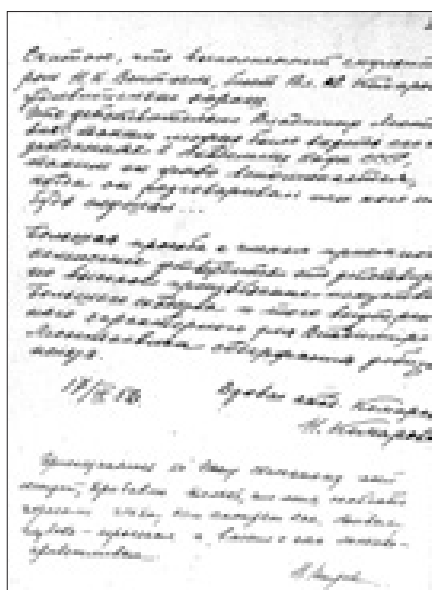
Проект плана изданий избранных сочинений В.Л. Комарова на 1949–1953 гг.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 122, л. 2, 3]

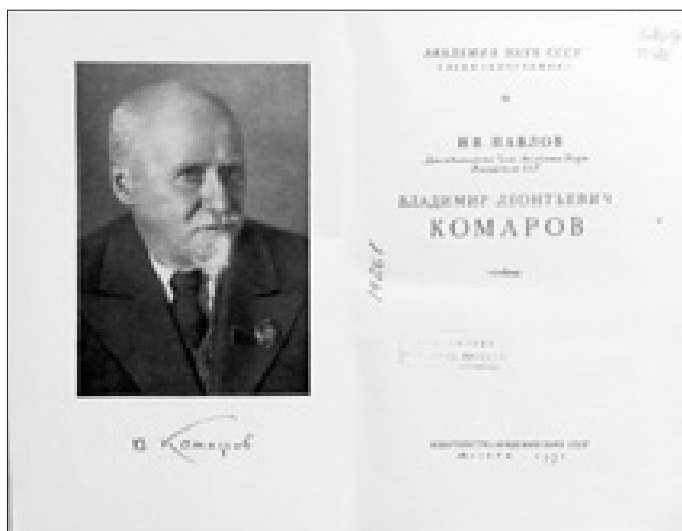
Один из томов избранных сочинений Комарова,
изданных Академией наук СССР в 1945–1958 гг.

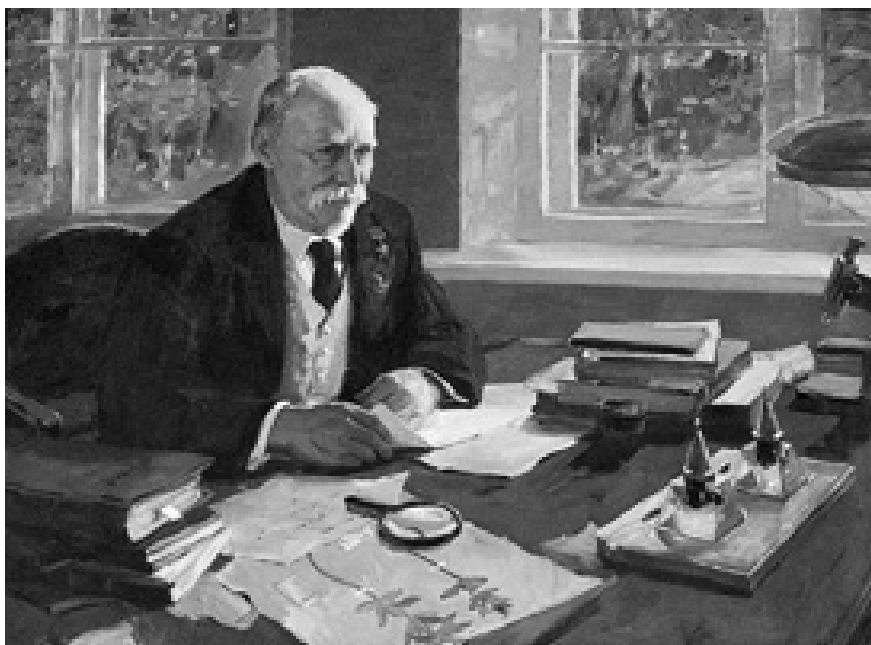
Выписка из протокола
распорядительного заседания
Президиума АН СССР от 11.04.1946 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 118. Л. 6]

Отзыв Н.В. Комаровой о бюсте
В.Л. Комарова работы скульптора
Н.К. Вентцеля, 17.04.1951 г. [АРАН.
Ф. 277. Оп. 2. Д. 158. Л. 1]

Книга Н.В. Павлова «Владимир Леонтьевич Комаров». М.: Изд-во АН СССР, 1951 г.

Картина «В.Л. Комаров за письменным столом», Санкт-Петербургский ботанический сад [<https://www.liveinternet.ru/users/3480837/post449642497/>]

Леонтьевича и поныне служат «настойной книгой» для отечественных ботаников.

Помимо избранных сочинений, Комиссией АН СССР по увековечению памяти академика Комарова 11 апреля 1946 г. было принято решение издать в серии «Биография замечательных натуралистов» массовым тиражом биографию Владимира Леонтьевича (речь идёт о книге Павлова, 1951). Кроме того, ежегодно в день смерти Комарова в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова было решено проводить «Комаровские чтения» (с ходатайством о проведении Чтений руководство Института обратилось в Отделение биологических наук АН СССР 13 марта 1946 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 118. Л. 5]). Последнее поручение неукоснительно выполняется и по настоящее время. Надо заметить, что аналогичные «Комаровские чтения» в те же дни с 1947 г. проводятся и во Владивостоке в Федеральном научном центре биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН (бывш. Биолого-почвенный институт ДВО РАН – авт.),

в состав которого в качестве обособленных подразделений входят Горнотаёжная станция им. В.Л. Комарова и Уссурийский заповедник, также носящий его имя. Инициатором проведения Чтений на дальневосточной земле стала восстановленная в 1944 г. Дальневосточная база им. В.Л. Комарова, о чём ещё 14 декабря 1945 г. было принято решение Учёного совета Базы. Учёный совет Базы попросил также Президиум АН СССР учредить три ежегодные денежные премии имени В.Л. Комарова – 10 000, 5000 и 3000 рублей каждая *«за представляемые научные исследования и открытия по конкурсу о природных ресурсах Дальнего Востока и научные работы, развивающие идеи, мысли, труды и предложения акад. В.Л. Комарова»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 117. Л. 1, 2].

23 декабря 1946 г. «Вечерний Ленинград» сообщал о первых Комаровских чтениях, состоявшихся в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР. В статье «Первый ботаник страны» её автор Д. Славентантор отмечал, что Владимир Леонтьевич *«был в науке не только учёным, но и рабочим. Эта черта лежала в основе его характера... Работником В.Л. Комаров начинал свою жизнь в науке, работником он оставался, когда возглавлял Академию наук СССР. Он занял пост её президента, чтобы решительно повернуть силы науки на строительство социалистического государства. Поистине, то был исторический поворот! На долю Комарова выпала и благородная задача насаждать очаги культуры в наших национальных республиках... Он мог бы так сказать о деле всей своей жизни. Когда-то он сеял зёрнышко, а теперь, на склоне своих лет, с удовлетворением и радостью видел дерево – сильное, цветущее, ветвистое, – дерево, поднявшееся из родной почвы.*

Это дерево – наша наука.

...Вот о чём вспоминалось и думалось тем, кто присутствовал в тот вечер на “комаровском чтении”. Образ советского учёного и патриота, “как живой с живым говоря”, призывал к подвигу научного труда во имя Родины» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 104].

Через 4 года после похорон В.Л. Комарова, 6 декабря 1949 г., на его могиле был установлен памятник работы знаменитого советского архитектора, народного художника СССР В.И. Мухиной [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 50]. На открытие монумента собрались весь Президиум Академии наук, научная общественность, ученики и соратники

Открытие памятника на могиле В.Л. Комарова, 6 декабря 1949 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 50]

Владимира Леонтьевича, воспитанники детского дома им. В.Л. Комарова. С короткими речами выступили президент АН СССР академик С.И. Вавилов, академики А.И. Опарин, В.Н. Сукачев, К.И. Сатпаев (президент АН Казахской ССР) и другие члены Академии наук. На митинге выступила и Н.В. Комарова.

Один из авторов настоящей книги (В.В. Богатов) 19 ноября 2019 г. – почти через 70 лет после установки памятника и через месяц после празднования 150-летнего юбилея В.Л. Комарова – посетил практически забытую могилу Владимира Леонтьевича и Надежды Викторовны Комаровых на Новодевичьем кладбище. Совсем рядом находится ухоженная могила академика В.А. Обручева, который умер в 1956 г., при этом большой памятник Владимиру Леонтьевичу зарос кустарником, а постамент, посвящённый Надежде Викторовне, оказался опрокинутым. На захоронении Комаровых не оказалось и цветов. Вызывает огромное сожаление, что могила Комаровых до сих пор не внесена в перечень наиболее важных захоронений Новодевичьего кладбища. Не случайно ведь говорят, что **«памятники могут рассказать много не только о прошлом, но и о нас с вами...»**

И тем не менее Владимира Леонтьевича помнят. В Санкт-Петербурге ещё в 1947 г. были установлены мемориальные доски на доме № 1 по Аптекарскому проспекту и на доме № 2 по улице Профессора Попова. В Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН организован мемориальный музей, посвящённый его памяти. Причём ещё в июне 1946 г. для сохранения обстановки, в которой жил и работал В.Л. Комаров, две комнаты квартиры Комарова, находящиеся на территории Ботанического института, были закреплены за его вдовой Н.В. Комаровой.

В Уссурийском (Супутинском) заповеднике им. В.Л. Комарова бережно сохраняется павильон Комарова. На мемориальной табличке, установленной на павильоне, выбиты слова: *«На территории Супутинского заповедника в 1913, 1932, 1933 и 1935 гг. работал президент АН СССР академик Владимир Леонтьевич Комаров».*

Имя В.Л. Комарова носят некоторые ботанические учреждения Азербайджана, Казахстана и Армении.

В честь Комарова названы многие географические объекты:

- посёлок Комарово (до 1948 г. Келомякки) в Ленингр. области;

Могила академика В.А. Обручева (слева) и В.Л. и Н.В. Комаровых (справа).
Фото В.В. Богатова, 19.11.2019 г.

Состояние памятника
на могиле Н.В. Комаровой.
*Фото В.В. Богатова,
19.11.2019 г.*

Цветы В.Л. Комарову
и Н.В. Комаровой от ДВО
РАН. *Фото А.С. Фёдоров-
ского, 19.11.2019 г.*

- улица Академика Комарова в посёлке Комарово (здесь находилась дача В.Л. Комарова);
- улица Академика Комарова в Москве;
- река Комаровка (до 1972 г. река Спутинка) в Приморском крае;
- пик Комарова на Баргузинском хребте;
- вулкан Комарова на Камчатке;
- ледник Комарова на Урале;
- ледник Комарова на Тянь-Шане.

Кроме того, именем Комарова названы несколько десятков видов растений, насекомых* и других представителей живой природы.

Академия наук СССР/Российская академия наук с 1946 г. присуждает Премию имени Комарова за выдающиеся работы в области ботаники: систематики, анатомии и морфологии растений, ботанической географии и палеоботаники.

В 1952 г. скульптор Надежда Константиновна Вентцель создала бюст В.Л. Комарова. Об этой работе сохранился отзыв супруги Комарова Надежды Викторовны: *«Это действительно Владимир Леонтьевич: таким можно было видеть его на заседаниях Академии Наук СССР, таким он живо вспоминается, когда он разговаривал или кого-нибудь слушал... Большая просьба к членам приёмной комиссии утвердить это действительно высокое произведение искусства. Большого сходства и того внутреннего характерного для Владимира Леонтьевича содержания добиться нельзя»*. Сестра Надежды Викторовны Наталья сочла необходимым добавить: *«Присоединяюсь к всему сказанному моей сестрой, прибавлю только, что меня особенно поразили глаза, они смотрят как живые, глубоко-серьёзные и, вместе с тем, ласково-приветливые»* [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 158. Л. 1]. Бронзовый бюст В.Л. Комарова, созданный Н.К. Вентцель, был установлен в Музее землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на 25-м

* Некоторые из исследователей творчества В.Л. Комарова считают, что бражник Комарова (*Rethera komarovi*) (Christoph, 1885) – бабочка из семейства Брахники – назван в честь Владимира Леонтьевича. На самом деле этот бражник впервые был найден ещё в 1885 г. в окрестностях Ашхабада. Известный энтомолог Гуго Теодор Христовф получил бабочку от генерал-лейтенанта Комарова, в честь которого и назвал эту бабочку.

Павильон Комарова
в Уссурийском
(Супутинском)
заповеднике
им. В.Л. Комарова.
*Фото В. Богатова,
2016 г.*

Мемориальная
табличка на павильоне
Комарова в Уссурийском
(Супутинском) заповеднике
им. В.Л. Комарова.
Фото В. Богатова, 2016 г.

Река Комаровка напротив павильона Комарова. *Фото В. Богатова, июль, 2016 г.*

Председатель
Госполкома в
Н. А. Кондратьев
М. В.

Секретарь Президиума
Академии Наук СССР
Л. С. Шварцман

Комиссия по изучению памятников акад. Б. Д.
Капарова в здании слова М. В. 1946. Рассмотрена
справка о состоянии и сохранении ГИИ АН СССР
с просьбой задержать в памятные здания на
Б. Д. Капаров. Об этом сообщается в письме от
акад. Капарова, находящегося в Ленинграде на
территории ГИИ. Прошу (за. Родина 2/), для
сохранения памятника в котором есть и
памятник акад. Б. Д. Капаров

Председателем Комиссии по
изучению памятников акад.
Б. Д. Капаров М. Максимов
(М. Д. Максимов)
Земли охраняет Комиссия
СРО. Л. Шварцман
(Л. С. Шварцман)

20. VI. 1948.

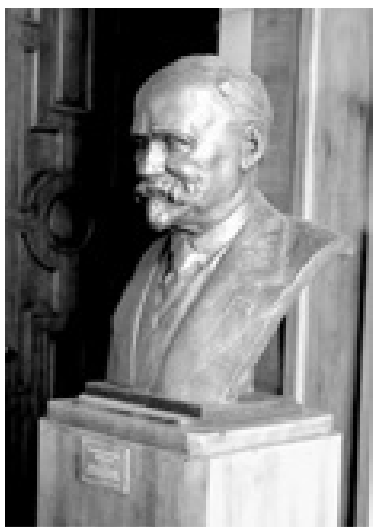
Письмо председателя и учёного секретаря комиссии по увековечению памяти академика В.Л. Комарова директору Ботанического института АН СССР от 20.06.1946 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 120. Л. 1]

этаже главного здания (зал 17), где он экспонируется и по настоящее время.

В октябре-ноябре 2019 г. в Архиве РАН была организована выставка, посвящённая 150-летию со дня рождения Владимира Леонтьевича. На выставке были представлены биографические

Бюст В.Л. Комарова,
скульптор Н.К. Вентцель
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3]

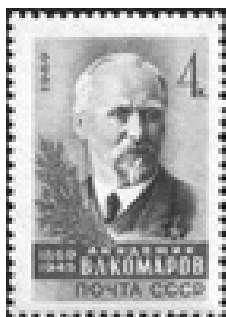
Бюст В.Л. Комарова,
скульптор Н.К. Вентцель, бронза.
Музей земледелия МГУ [[http://
www.mes.msu.ru/skulptury](http://www.mes.msu.ru/skulptury)]

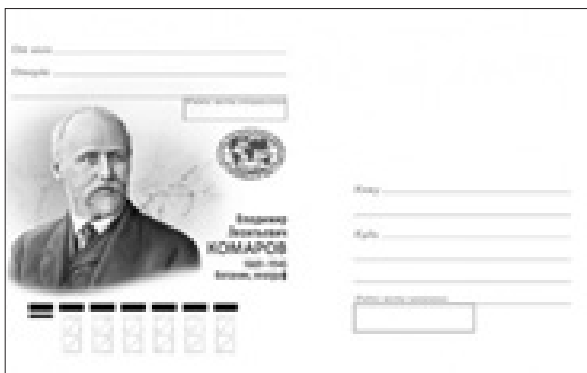
Памятник-бюст В.Л. Комарову
скульптора Е.Н. Персидской, пос.
Комарово (бывш. Келомякки)
[<http://wikimapia.org/14212126/ru/>]

Мемориальная доска
В.Л. Комарову на здании
железнодорожной станции
Комарово

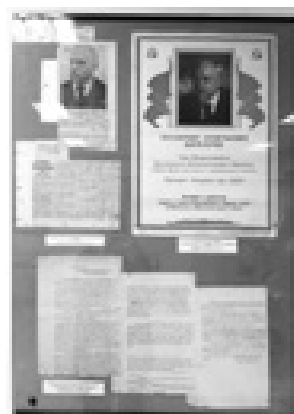
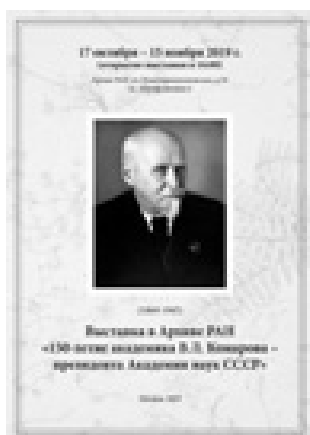
Марка «Почты СССР»
с изображением
В.Л. Комарова,
выпущенная
к 100-летию со дня его
рождения

Художественный маркированный конверт
с изображением В.Л. Комарова, выпущенный
к 150-летию со дня его рождения

документы, фотографии, рисунки, письма, научные труды, рукописи из обширного личного фонда Комарова*. Это богатейшее научное наследие – часть историко-культурного наследия нашей страны. Исследователи Архива РАН особенно важным считают контекстный подход к презентации и репрезентации жизни учёного, по сути – исторической памяти. Историко-культурное наследие становится реальным социокультурным фактом лишь при условии его освоения, т.е. актуализации. Увы, значимость наследия для современников не всегда понятна молодому поколению, является не более чем иллюстративной информацией, не связанной с текущей жизнью. Поэтому при организации юбилейной выставки сотрудниками музейно-выставочной группы был подготовлен тематико-экспозиционный план, позволивший раскрыть деятельность Владимира Леонтьевича Комарова не только как известного на весь мир учёного-ботаника, но и прекрасного организатора и руководителя на посту сначала вице-президента, а потом президента Академии наук СССР [Урмина, 2019].

*Хранителем личного архива академика Владимира Леонтьевича Комарова является Архив РАН. Личный архив В.Л. Комарова представляет собой 6 описей, содержащих 2525 дел, включающих 33241 страницу архивных документов. В настоящее время оцифровано и доступно пользователям примерно 80% всех документов архива. Общий объём доступной информации – 8.47 Гб.

На выставке в Архиве РАН, октябрь–ноябрь 2019 г.

Академик РАН В.В. Богатов и доктор культурологии И.А. Урмина
на выставке в Архиве РАН, 21 ноября 2019 г.

Аналогичные выставки, посвящённые 150-летию В.Л. Комарова, примерно в те же дни работали в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ, Ботаническом музее Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН. Общество изучения Амурского края (Владивосток), почётным членом которого В.Л. Комаров стал 20 февраля 1927 г., из своего обширного библиотечного фонда устроило книжную выставку работ Владимира Леонтьевича и публикаций о нём.

В Санкт-Петербурге с 21 по 25 октября 2019 г. прошли 48-е Комаровские чтения, посвящённые 150-летию академика В.Л. Комарова

Выставка в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ, октябрь-ноябрь 2019 г.
[http://www.library.spbu.ru/blog/?page_id=8102]

Выставка в Обществе изучения Амурского края, октябрь 2019 г. [<http://oiak.pf/news/2019-10-10/akademik-vladimir-komarov-i-obschestvo-izucheniya-amurskogo-kray>]

под названием «Инновации и традиции в современной ботанике». Аналогичные Комаровские чтения, под названием «Теоретические проблемы современной ботаники», прошли также во Владивостоке 18 декабря 2019 г. в Федеральном научном центре биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН.

Президиум РАН на своём заседании 26 ноября 2019 г. заслушал доклад, посвящённый памяти В.Л. Комарова, а в Доме учёных Дальневосточного отделения РАН (Владивосток) на День науки (8 февраля 2020 г.) главный учёный секретарь ДВО РАН

Лотос Комарова, или лотос орехоносный (*Nelumbo komarovi*, *N. nucifera*) – многолетнее травянистое земноводное растение, распространённое на Дальнем Востоке. *Фото В. Богатова, Приморский край, басс. р. Комаровка*

Жемчужница Комарова, или даурская жемчужница (*Dahurinaia komarovi*, *D. dahurica*) – крупный двустворчатый моллюск, обитающий в реках юга Дальнего Востока. *Фото В. Богатова, Приморский край, р. Комаровка*

академик РАН В.В. Богатов прочитал лекцию, посвящённую научно-организационной деятельности В.Л. Комарова.

Отдавая дань особым заслугам Владимира Леонтьевича Комарова в организации академической науки на Дальнем Востоке России, в марте 2020 г., в год 50-летнего юбилея Дальневосточного научного центра АН СССР, Президиум Дальневосточного отделения Российской академии наук учредил золотую медаль имени первого председателя Дальневосточного филиала АН СССР В.Л. Комарова как высшую награду Отделения, присуждаемую за выдающийся вклад в организацию и развитие научных исследований на Дальнем Востоке России. Вручение золотой медали и диплома лауреата будет происходить на научной сессии Общего собрания ДВО РАН один раз в 2 года. Соответствующее постановление и выписку из Положения о золотой медали ДВО РАН им. академика В.Л. Комарова мы приводим ниже.

Здание Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке.
Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

ПРЕЗИДИУМ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

24 марта 2020 г.

Владивосток

№ 1

Об учреждении золотой медали
имени В.Л. Комарова

В целях стимулирования и поощрения учёных за выдающийся вклад в организацию и развитие научных исследований на Дальнем Востоке России Президиум федерального государственного бюджетного учреждения «Дальневосточное отделение Российской академии наук» ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Учредить золотую медаль имени академика В.Л. Комарова как высшую награду Дальневосточного отделения Российской академии наук.

2. Установить 2020 г. первым годом присуждения золотой медали ДВО РАН имени академика В.Л. Комарова.

3. Утвердить «Положение о золотой медали ДВО РАН имени академика В.Л. Комарова» (приложение).

Председатель ДВО РАН
академик РАН

В.И. Сергиенко

Главный учёный секретарь ДВО РАН
академик РАН

В.В. Богатов

ПОЛОЖЕНИЕ

о золотой медали ДВО РАН имени академика В.Л. Комарова,
присуждаемой Дальневосточным отделением Российской
академии наук

1. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1.1. В целях поощрения учёных за выдающийся вклад в организацию и развитие научных исследований на Дальнем Востоке России Президиум федерального государственного бюджетного учреждения «Дальневосточное отделение Российской академии наук» присуждает высшую награду – золотую медаль ДВО РАН имени академика В.Л. Комарова (далее – Золотая медаль).

1.2. Дальневосточное отделение РАН выдаёт победителю конкурса Золотую медаль (настольного типа диаметром 60 мм, выполненную из бронзы с золотым покрытием) и диплом о награждении установленного образца.

На лицевой стороне Золотой медали – барельефный портрет В.Л. Комарова (в профиль); в верхней части (над портретом, по окружности медали) – выпуклая надпись «ВЛАДИМИР ЛЕОНТЬЕВИЧ КОМАРОВ»; в нижней части (под портретом, по окружности медали) – годы жизни В.Л. Комарова «1869–1945».

На оборотной стороне Золотой медали, по окружности, – надписи: сверху – «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК» и снизу – «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ». В центре: сверху девиз – «Excellence in Science», снизу – надпись индивидуально для каждого награждённого, например, «Академику РАН Ивану Ивановичу Иванову • 2020».

2. ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРИСУЖДЕНИЯ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

2.1. В конкурсах на соискание Золотой медали могут принимать участие отдельные лица персонально, как российские, так и иностранные учёные, в соответствии с п. 1.1 настоящего Положения.

2.2. Конкурс на соискание Золотой медали объявляется Президиумом ДВО РАН один раз в два года.

2.3. Информация об объявлении конкурса публикуется в газете «Дальневосточный учёный» и на сайте Дальневосточного отделения РАН (www.febras.ru/).

2.4. Итоги конкурса, а также аннотации о работах, удостоенных Золотой медали, публикуются в «Вестнике Дальневосточного отделения РАН» и в газете «Дальневосточный учёный».

2.5. Вручение Золотой медали и диплома лауреата происходит на научной сессии Общего собрания ДВО РАН.

2.6. Право выдвижения кандидатов на награждение Золотой медалью предоставляется:

- Президиуму ДВО РАН;
- академикам и членам-корреспондентам Российской академии наук, состоящим в ДВО РАН;
- объединённым учёным советам ДВО РАН;
- учёным советам научных учреждений, находящимся под научно-методическим руководством Дальневосточного отделения Российской академии наук;
- учёным советам высших учебных заведений Дальневосточного федерального округа.

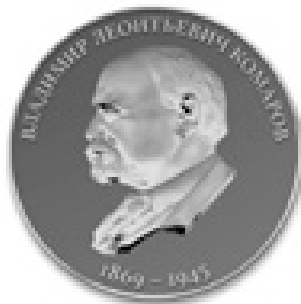
2.7. Выдвинутые на соискание кандидаты представляют материалы в конкурсную комиссию ДВО РАН (далее Комиссия), которая передаёт заявки в профильные объединённые учёные советы и секции ДВО РАН по направлениям науки для проведения экспертизы.

2.8. Работы, удостоенные государственных или иных премий, на соискание Золотой медали не принимаются.

2.9. Объединённые учёные советы ДВО РАН по направлениям науки (и/или секции, входящие в состав ОУС ДВО РАН) организуют подготовку не менее трёх экспертных заключений на каждую конкурсную заявку и рекомендуют Комиссии кандидатов с результатами экспертной оценки.

2.10. Комиссия проводит обсуждение представленных работ и принимает решение о присуждении Золотой медали путём открытого голосования простым большинством голосов.

2.11. Решение Комиссии утверждается Президиумом ДВО РАН.

Образец Золотой медали ДВО РАН имени академика В.Л. Комарова

16. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ В.Л. КОМАРОВА

- 1869–1882** – детство в семье штабс-капитана Генерального штаба Леонтия Виссарионовича Комарова и Елизаветы Михайловны Комаровой (урождённой Линденбаум), с 1871 г. – с отчимом Павлом Викентьевичем Кухарским.
- 1882–1890** – отрочество и юность в семье родного брата отца Виссариона Виссарионовича и Екатерины Григорьевны Комаровых; обучение в 6-й казённой гимназии Санкт-Петербурга; первые ботанические исследования в имении Ровное-Михайловское (Боровичский уезд Новгородской губернии), принадлежавшем деду по материнской линии Михаилу Карловичу Линденбауму (1886).
- 1890–1894** – обучение на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета (1890–1894), вступление в действительные члены Императорского Русского географического общества (РГО) и Петербургского общества естествоиспытателей; экспедиции в районы бассейна р. Зеравшан (Таджикистан) и пустыни Кара-Кумы (Туркменистан) (1892–1893); увлечение марксизмом; публикации первых семи статей по итогам экспедиций (1893–1896).
- 1895–1897** – первые трехлетние экспедиционные исследования растительности Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи; знакомство с Обществом изучения Амурского края; получение первой награды РГО – Большой серебряной медали имени Н.М. Пржевальского; публикация статей «Некоторые данные по флоре западных уездов Новгородской губернии (1895), «Дополнение к списку растений западных уездов Новгородской губернии», «Материалы по флоре Туркестанского нагорья. Бассейн Зеравшана» (1896), «Ботанико-географические области бассейна Амура» (1897) и др.
- 1898–1899** – преподавание ботанических курсов и цикла практических занятий по анатомии и по систематике растений в Санкт-Петербургском университете, общего курса ботаники на частных

женских курсах профессора П.Ф. Лесгафта (с 1899); обработка гербариев, собранных в экспедициях, для передачи в Санкт-Петербургский ботанический сад на Аптекарском острове, получение в Ботаническом саду места младшего консерватора (13.11.1899).

1900–1902 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, продолжение обработки гербариев, собранных в трехлетних экспедициях 1895–1897 гг., подготовка первого тома фундаментального научного сочинения «Флора Маньчжурии» (1901) и его защита в 1902 г. в качестве магистерской диссертации; преподавание ботанических курсов в Санкт-Петербургском университете и общего курса ботаники на частных женских курсах П.Ф. Лесгафта, присвоение звания приват-доцента Санкт-Петербургского университета (1902); экспедиция в Восточную Сибирь и Монголию (1902); публикация статей «Хвойные деревья Маньчжурии» (1901), «Вид и его подразделения» (1902) и др.

1903–1905 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, продолжение обработки гербариев, собранных в трехлетних экспедициях 1895–1897 гг. и экспедиции в Восточную Сибирь и Монголию; подготовка второго и третьего тома «Флора Маньчжурии», издание второго тома в 1903–1904 гг.; издание части первой третьего тома (1905); издание учебника «Практический курс ботаники. Часть 1. Строение растений» (1905); изучение и обработка коллекций китайских и монгольских растений из общих азиатских коллекций Санкт-Петербургского ботанического сада; пожалование ордена Святого Станислава 3-й степени (1903); участие в подпольной деятельности большевиков (1905).

1906–1907 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, экспедиции на Онежское, Чудское и другие озера, подготовка пяти монографий о родах растений Китая и Монголии (1905–1907), издание части второй третьего тома «Флора Маньчжурии» (1907); работа в гербариях Лондона и Парижа (1906); раскладка коллекций Ботанического сада по международному справочнику К.В. Далла-Торре и Г. Гармса; начало преподавания курса ботанической географии на Высших женских естественнонаучных курсах баронессы М.А. Лохвицкой-Скалон и общей ботаники

- на краткосрочных педагогических курсах Фребелевского общества; чтение ботанических курсов в Санкт-Петербургском университете и на частных женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святой Анны 3-й степени (1906).
- 1908–1909** – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, участие в двух экспедициях РГО на Камчатку (1908, 1909); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; издание труда «Введение к флорам Китая и Монголии», выпуск 1 (1908) и «Введение к флорам Китая и Монголии», выпуск 2 (1909); премия Академии наук имени Карла Бэра (1909).
- 1910–1912** – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду в должности старшего консерватора, защита докторской диссертации «Введение к флорам Китая и Монголии» в Московском университете (1911); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святого Станислава 2-й степени (1910); подготовка научного труда «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.» (1912).
- 1913–1914** – экспедиция в Южно-Уссурийский край (1913); работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду в должности старшего консерватора, организация сбора диких лекарственных растений и их окультуривание для нужд военных госпиталей Первой мировой войны (1914); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; избрание членом-корреспондентом Физико-математического отделения Императорской академии наук и профессором кафедры ботаники Юрьевского (Дерптского) университета (1914); пожалование ордена Святой Анны 2-й степени и светло-бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых для ношения на груди (1913), получение права на ношение особого нагрудного знака в память 200-летия Императорского ботанического сада, производство в статские советники (1914).

- 1915–1918** – издание справочника «Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России» (1915); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святого Владимира 4-й степени (1916), публикация научного труда «Типы растительности Южно-Уссурийского края» (1917); избрание учёным секретарём Русского географического общества (1918); избрание профессором Петроградского университета и организация кафедры ботаники на ботаническом факультете (1918), избрание помощником директора по научной части и заведующим отделом живых растений Санкт-Петербургского ботанического сада (с 1918).
- 1919–1925** – преподавательская деятельность в 3-м Государственном педагогическом институте (с 1919), преобразование кафедры ботаники Петроградского университета в кафедру морфологии и экологии растений (1920); избрание действительным членом Российской академии наук (1920); издание книги «Малый определитель растений Дальне-Восточного края» (1925).
- 1926–1929** – поездка на III Тихоокеанский конгресс (1926); работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, избрание председателем Тихоокеанского комитета и председателем комиссии АН СССР по изучению Якутской АССР (1927); издание труда «Флора полуострова Камчатки» (1927); публикация сборника «Библиография к флоре и описанию растительности Дальнего Востока» (1928); избрание на должность академика-секретаря Отделения физико-математических наук (1929) и замещение должности постоянного секретаря Академии наук СССР (1929); избрание в состав правительственной комиссии во главе с Ю.П. Фигатнером.
- 1930–1932** – избрание на должность вице-президента Академии наук СССР (1930), директор Ботанического и Лесного музеев (1930), президент Всесоюзного ботанического общества (с 1930), публикация книг «Происхождение культурных растений» (1931), «Новые виды растений Дальнего Востока» (1932) и др.; председатель Комиссии по организации баз АН СССР на местах (с 1931),

председатель Дальневосточного филиала АН СССР (с 1932) и др.; учреждение Горнотаёжной станции АН СССР (11.07.1931), открытие Дальневосточного филиала АН СССР (1932).

1933–1934 – руководитель Дальневосточной комплексной экспедиции (1933); переизбрание председателем Дальневосточного филиала АН СССР (1934), начало перевода Академии наук СССР из Петербурга в Москву (1934); публикация статей «Тополя СССР» (1934), «Ботанико-географический очерк хвойных деревьев» (1934), «Растительные зоны Таджикистана» (1934) и др., издание научного труда «Флора СССР» (с 1934).

1935–1936 – организация Камчатской комплексной экспедиции (1935); избрание в Национальное географическое общество США (1935); избрание председателем Комиссии по заведованию филиалами и базами АН СССР (1935), членом ВЦИК (с 1935), делегатом VII (1935) и Чрезвычайного VIII (1936) Всесоюзных съездов Советов; издание учебника «Практический курс анатомии растений» (1936); член редакционной комиссии Сталинской Конституции (1936); переезд в Москву (1936); избрание президентом Академии наук СССР (28–29.12.1936).

1937–1939 – массовые политические репрессии учёных (1937–1938); усиление партийного контроля работы Академии (1937–1938); принятие Третьего пятилетнего плана на 1938–1942 гг. и его реализация; депутат Верховного Совета СССР (с 1938); обострение хронического псориаза, инсульт с кровоизлиянием в правое полушарие головного мозга и левосторонним параличом (5.08.1939); награждение орденом Ленина (11.10.1939); празднование 14 октября 1939 г. 70-летия со дня рождения Комарова и 45-летия научной деятельности.

1940–1942 – издание учебника «Учение о виде у растений: страница из истории биологии» (1940); почётный президент Географического общества СССР (с 1940); присуждение Сталинской премии 1-й степени за труд «Учение о виде у растений» (1941); перестройка работы Академии наук на военный лад (июнь–сентябрь 1941); эвакуация в Свердловск и организация на базе Уральской комплексной экспедиции Комиссии по мобилизации ресурсов

Урала на нужды обороны (август 1941); преобразование Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны (апрель 1942); Сталинская премия первой степени в составе коллектива за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» (1942); переизбрание на должность президента Академии наук СССР (май 1942); поездка в Алма-Ату с целью включения народнохозяйственных и сырьевых объектов Казахстана в сферу деятельности своей Комиссии (май 1942), возвращение из эвакуации в Москву (декабрь 1942).

1943–1944 – празднование 300-летия со дня рождения И. Ньютона (январь 1943), создание Западно-Сибирского филиала АН СССР (октябрь 1943), подготовка реэвакуации академических научных учреждений (март 1943), завершение реэвакуации московских учреждений АН СССР (январь 1944); празднование 75-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности, присвоение звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина (13.10.1944); рабочая встреча с И.В. Сталиным (13.11.1945); директор Института истории естествознания и техники (с 22 ноября 1944).

1945 – организация реэвакуации ленинградских академических учреждений (январь–апрель 1945); руководство созданием Московского ботанического сада (1945); проведение празднования 220-летнего юбилея АН СССР (15–28.06.1945); награждение третьим орденом Ленина (10.06.1945); создание Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик; освобождение от обязанностей президента АН СССР по состоянию здоровья (17.07.1945); открытие детского дома имени академика В.Л. Комарова (18.11.1945).

В ночь на 5 декабря 1945 г. Владимира Леонтьевича Комарова не стало.

Основные экспедиции Владимира Леонтьевича Комарова

- 1886** – Новгородская губерния, Боровичский уезд
1891 – Новгородская губерния, Старорусский уезд
1892–1893 – Средняя Азия (Таджикистан и Туркменистан): бассейн реки Зеравшан, Гиссарский и Туркестанский хребты, пустыня Южные Каракумы
1895–1897 – Дальний Восток, Манчжурия и Корея (Амурская область, южная часть Приморья, Манчжурия: Гиринская и Мукденская провинции, Северная Корея: реки Туманган, Ялу)
1902 – Восточные Саяны (Тункинский край, хребет Хамар-Дабан, гора Мунку-Сардык), северная Монголия (озеро Косогол)
1906 – Западная Европа: Англия (ботанический сад в Кью, близ Лондона), Франция (Музей естественной истории в Париже; Гербарий Международной академии ботанической географии в Ле-Мансе)
1907 – озёра и реки Карелии и Петербургской губернии (реки Мста, Ловать, озёра Онежское, Чудское и другие), Новгородская и Псковская губернии
1908–1909 – полуостров Камчатка
1913 – Южно-Уссурийский край (котловина озера Ханка, бассейны рек Суйфуна и Сучана)
1915 – Новгородская губерния
1917 – Архангельская и Олонецкая губернии, берега Белого моря, устье реки Выг
1923 – Боровичский уезд Новгородской губернии
1926 – Япония, Сеул, Харбин, Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск
1926–1927 – Геленджик
1930 – Дальний Восток (район Владивостока, река Супутинка, окрестности Хабаровска)
1932 – Дальний Восток (район Владивостока: Сидеми, мыс Гамова; Хабаровск)
1933 – Дальний Восток (Владивосток: Сидеми, остров Русский, Раздольное, Супутинка, Хабаровск, река Зeya)
1935 – Дальний Восток (Владивосток: заповедники «Кедровая Падь» и «Супутинский», Сидеми, мыс Гамова, Раздольное, Хабаровск, берега и острова Амура)
1934, 1936, 1937 – Франция
1938, 1939 – Кавказ (Тебердинский заповедник)
1943 – Киргизия
1944 – Азербайджан, Армения, Грузия

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Примечательны слова гейдельбергского профессора истории Карла Хампе (Karl Ludwig Hampe, 3 February 1869–14 February 1936) – «Die Geschichte kennt kein Wenn» (История не знает слова «Если»), которые в вольном, но часто используемом переводе звучат как «История не терпит сослагательного наклонения». Однако во времена постмодернизма, когда допускается многовариантность точек зрения на, казалось бы, одни и те же события и фактические материалы, мы наблюдаем очевидные разночтения и авторские позиции, касающиеся многих исторических лиц и событий.

Жизнь и деятельность Владимира Леонтьевича Комарова происходила в период жёсткой смены двух исторических эпох в России, да и в мире, в условиях множественной неопределённости и глубокой противоречивости, и получила широкое освещение в литературе [Сергеев, 1938; Президенту..., 1939; Шишкин, 1942; Ильин, Радкевич, 1944; Максимов, 1944; Шишкин, Овчинников, 1944; Обручев, 1945; Гвоздецкий, 1949, 1953; Павлов, 1951; Кабанов, 1959, 1971; Митрякова, 1968; Организация..., 1968; Чернов, 1969; Липшиц, 1972; Шагинян, 1977; Савина, 2005, 2012; Козлов, 2007; Калинин, 2008; Сафронов, 2009; Камелин, 2017; Урмина, 2019, 2020; Гельтман, 2020; Богатов, Урмина, 2020; Бубырева, Бялт, 2020; и др.]. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. определили судьбу России и стали началом мощных глобальных сдвигов XX века. События и текущие обстоятельства того времени, разделённого на дореволюционный период жизни в имперской России и период становления нового советского общества, оказали влияние не только на судьбу профессионального учёного, но и поставили перед ним проблемы и проблемные задачи организационного характера, не решать которые у Комарова не было возможности. Занимая руководящие должности в Академии наук СССР, Комаров, обладая уникальными организаторскими способностями, сыграл выдающуюся роль в качестве ключевого звена между советской властью и научной интеллигенцией Советского Союза.

В Архиве РАН, старейшем научном архиве России, хранится обширный личный фонд академика В.Л. Комарова, содержащий в шести описях многочисленные документы профессионального и личного

характера, фотографии, дневники, отчёты, письма и т.д. Это богатейшее документальное наследие изучалось и описывалось неоднократно и специалистами-историками, и архивистами, и теми, кто интересовался профессиональной деятельностью, в том числе работой известнейшего ботаника в экспедициях, и теми, кто хотел изучить деятельность Академии наук СССР в разные исторические периоды времени. Это были и отдельные статьи, и аналитические материалы, и юбилейные публикации, и сборники, и биографические издания. Многие события из жизни В.Л. Комарова в этих публикациях трактуются по-разному, с включением авторских оценочных характеристик не только содержания самого документального материала, но и исторической обстановки анализируемого периода времени. Именно поэтому авторы предложили вниманию читателя в качестве основы для изучения жизненного пути известного учёного описательно-исторический подход к исследованию достоверного документального и биографического материала, увязанный с конкретным историческим временем или событием.

Любой архивный документ как знаковый образ соответствует определённому периоду прошлого, его текстовое содержание требует максимальной однозначности при передаче смысла (по Ю.М. Лотману). Что касается системы документально закреплённых научных знаний, то, как часть общечеловеческой культуры, она сохраняет базовые смыслы за счёт параметров-значений используемых профессиональных слов-знаков, включённых в устойчивый и надёжный смысловой контекст. В этом отношении значимость и содержательная однозначность научного наследия В.Л. Комарова неоспоримы. Однако документы, касающиеся организационной деятельности Владимира Леонтьевича на разных административных и руководящих должностях, интерпретируются в различных биографических и обзорных публикациях весьма вольно. Разночтения подобного рода становятся почвой для ложных толкований, которые, казалось бы, представлены как убедительные и достоверные, но фактически не имеют подобных оснований. Именно поэтому, через 150 лет со дня рождения В.Л. Комарова, в настоящем исследовании авторами представлен обширный фактический документальный материал о жизни и деятельности выдающегося учёного и президента Академии наук СССР, хранящийся в различных архивных и музейных собраниях России и позволяющий осуществить контекстный их анализ с учётом исторических обстоятельств его описания, а не толкование отдельных событий того времени.

Актуализация этого богатейшего документального научного наследия связана с социокультурной компетентностью его интерпретаторов, декодирующих для новых поколений активный смысл текста исторического, в нашем случае архивного документа, его связи как с исторической средой, так и с современным окружением [Урмина, 2018, с. 51]. Этот процесс включает в себя образное познание, в котором участвуют память, воображение, мышление и личностный смысл. Если рассматривать текст архивного документа как знак, то семантически воспринимается сегодня та его часть, которая стереотипизирована и узнаваема. В этом случае современное «экранное» восприятие формируемого образа переносится и на знак, т.е. на текст документа. Возникает ситуация, когда между социокультурным кодом автора документа и кодом читателя может не оказаться ничего общего, при этом декодер или ключ к культурному шифру исследуемого документа отсутствует, либо им владеют немногие. Подобную ситуацию мы часто наблюдаем в многочисленных публикациях, описывающих исторические события на основе «добросовестно личностного» толкования фактического смысла документов, которому в дальнейшем начинают доверять многие.

В деятельности Владимира Леонтьевича Комарова особое внимание привлекает организационная работа как в устойчивые времена его профессиональной деятельности, так и в кризисные до- и после-революционные. Здесь необходимо подчеркнуть, что любая проблемная ситуация, особенно в условиях, когда формируется длительная неопределённость, порождает в любом человеке тревожность и напряжённость в отношениях с окружением, другими людьми, меняется характер социокультурного взаимодействия с ними [Орлова и др., 2013, с. 160]. Наиболее выразительно данная ситуация проявляется в сфере организационной, в том числе управленческой деятельности, к которой Комаров был привлечён в разные периоды жизни. Известно, что организационные навыки будущего президента Академии наук проявились ещё в студенческие годы, когда он получил первый опыт подготовки собственных экспедиционных поездок. В 1920-е годы Владимир Леонтьевич эффективно поддерживал работу местных отделений Русского географического общества на Дальнем Востоке, организовывал масштабные работы по изучению производительных сил Якутии. Наиболее ярко организационные способности В.Л. Комарова проявились во время его пребывания на посту вице-президента и президента АН СССР. В тяжелейшие для страны годы сталинских репрессий и Великой

Отечественной войны под руководством Комарова были проведены крупные преобразования в Академии наук СССР, что позволило советским учёным в военный период интеллектуально превзойти научно-технический потенциал фашистской Германии. В эти же годы при непосредственном участии Комарова в различных регионах страны стали создаваться базы и филиалы АН СССР, а в союзных республиках – национальные академии наук. Концепция Комарова по научной децентрализации Академии на основе создания её региональных центров также выдержала испытания временем.

События 1928–1929 гг., связанные с выборами в АН СССР и последовавшим за этим академическим делом, более жёстко определили направление деятельности В.Л. Комарова. Тем не менее его положение в качестве председателя Группы биологических наук помогло добиться слияния Ботанического сада и Ботанического музея и появиться Ботаническому институту АН СССР. Такая деятельность учёного соответствовала его профессиональным интересам, что приносило удовлетворённость результатами и понимание значимости работы руководителя-организатора. Системный подход к решению любых проблемных задач вполне соответствовал их уровню и давал хороший результат, несмотря на многочисленные организационные помехи.

После выборов В.Л. Комарова президентом АН СССР в декабре 1936 г. начался самый сложный для учёного, а не партийного функционера период жизни. Предшествующие этому событию ликвидация Комакадемии ЦИК СССР, перевод её учреждений и кадров в состав АН СССР, переезд академических учреждений в Москву, внедрение в академическую среду жёсткого идеологического контроля, репрессии, затронувшие многих советских учёных, в том числе членов Академии, директивное утверждение планов и отчётов АН СССР руководителями Совнаркома – ставили перед президентом Академии наук, а не просто организатором задачи не только системного, а, скорее, ситуативного характера, корректировки морально-этических установок.

Вряд ли Владимир Леонтьевич в то время мог строго теоретически осмыслить текущее положение по руководству Академией и спрогнозировать возможные последствия собственных управленческих решений, но предпринятые им действия в качестве умелого руководителя и политика подтверждаются документально. Достигалось это как удивительной интуицией и здравомыслием Комарова, так и методом проб и ошибок, ведь учесть все факторы, влияющие на развитие

организационной ситуации в их взаимодействии и связи, вряд ли было возможно. Кстати, даже сегодня для прогнозов используют метод математико-экономического моделирования ситуации, который, как правило, не учитывает в качестве основных факторы человеческого поведения.

Изучение богатейшего архивного материала позволило авторам монографии сформулировать некоторые наиболее общие объяснения действиям В.Л. Комарова в тяжелейший период руководства АН СССР, который вызывает наибольшее количество разночтений и толкований. Для этого ранее была проведена социокультурная оценка исторического периода, в котором и происходили анализируемые события [Урмина, 2012].

1. Любые трансформационные изменения в обществе характеризуются массовым осознанием того, что ранее установленные нормы, правила, технологии социального и культурного взаимодействия, критерии оценки его эффективности утрачивают или уже утратили свою надёжность. Начало этим процессам было положено революционными событиями начала века, затем обстановкой Первой мировой войны, а наиболее остро противоречия проявились во время революций 1917 г. и организационно закрепились последующими структурными переменами в руководстве страной в целом и в сфере науки в частности. В.Л. Комаров воздействие этих трансформаций в самом начале своей профессиональной деятельности мог лишь наблюдать, поскольку привычная атмосфера научных экспедиций, осмысления их результатов, длительной обработки гербариев, работы в Ботаническом саду и чтения лекций не была ещё затронута значимыми переменами, а новые веяния не указывали на возможные кардинальные изменения в жизни. Да и сфера научной деятельности предполагает систематизацию объективных знаний как основание для безопасного освоения человеком природного, социального и культурного окружения. Вся жизнь уже известного учёного-ботаника оставалась и тогда посвящённой формированию устойчивого и надёжного смыслового контекста окружающей действительности, несмотря на внешние перемены.

2. Трансформационные изменения периода революционных и послереволюционных событий носили критический характер, когда привычные стереотипы не только формальных, но и неформальных отношений в организационных структурах, участником которых был академик В.Л. Комаров, перестали быть устойчивыми и надёжными с позиции

целесообразности. Возложенные на Владимира Леонтьевича административные и организационные обязанности лишь структурно были определены традиционно, в то время как социальные и культурные отношения в их рамках требовали преодоления интерсубъектной неопределённости, формирования предсказуемых и доверительных отношений между людьми в рамках Академии наук, в том числе в тяжелейших условиях сталинского режима и Великой Отечественной войны. Ведь в подобные кризисные периоды на руководителя возлагается вся ответственность, как за положительное решение организационных задач, так и за их неудачи. Реализация поставленных целей достигалась Комаровым за счёт преодоления очевидной разобщённости, ориентации на партнёрские отношения внутри Академии, распределения организационной ответственности без формирования конфликтных ситуаций, проявлением личной, подчас рискованной инициативы при принятии тех или иных решений. Для подобной деятельности требовались не просто умения опытного администратора, но и природные качества умного, тактичного (в «учёной среде» такт руководителя имеет часто решающее значение) и расчётливого руководителя.

3. Период Великой Отечественной войны был особенно сложным для Комарова не только по причине критической ситуации для всей страны, но и плохого самочувствия. Несмотря на это, на первом этапе перевода работы Академии наук на военный лад были успешно использованы два фундаментальных принципа социокультурного взаимодействия – консолидация и переговоры, когда объединяются общие усилия, несмотря на возможные разногласия, происходит приемлемая модификация структурно-функционального порядка, организационная ответственность распределяется между административными единицами с целью успешного решения общих проблем. Президент Академии эффективно использовал коммуникационные ресурсы для оперативного решения текущих задач, успешно координировал реализацию мероприятий на огромной территории даже при обострении заболевания. В этих условиях принимались значимые для страны организационные и структурные решения: проведена срочная эвакуация академических учреждений, сформированы планы работы Академии оборонного характера, образованы профильные Оборонные комиссии, доказавшие позже свою эффективность для оперативного решения оборонных задач, в короткие сроки была организована реэвакуация организаций Академии наук с одновременным открытием новых научных институтов,

филиалов и отделений, проводились значимые юбилейные мероприятия, в том числе посвящённое юбилею Ньютона и 220-летию Академии наук.

Наиболее остро управленческие разногласия в руководстве Академией на начальном этапе войны проявились при принятии планов работы АН СССР на первое полугодие 1942 г., которые некоторые историки истолковали как системный конфликт, хотя эти разногласия носили выраженный характер коммуникативной несогласованности и, в некоторой степени, личностных амбиций. Преодоление управленческого кризиса в любом случае комментировалось в частных толкованиях свидетелей этих событий, которые впоследствии были интерпретированы в соответствии с собственной социокультурной компетентностью при анализе документальных источников. Но теоретической оценки возникших разногласий, которые впоследствии были названы «конфликтом» между президентом Академии В.Л. Комаровым и её вице-президентом О.Ю. Шмидтом (см. главу 11), специалистами по организационным изменениям до последнего времени вообще не осуществлялось, хотя подобная оценка крайне важна при изучении и анализе процессов в исторические периоды трансформаций, кризисов и решения проблемных ситуаций.

Авторы настоящей публикации при освещении событий из жизни В.Л. Комарова постарались избежать личностных оценочных заключений и использовали лишь документально подтверждённые факты. Учитывая сказанное, мы предлагаем просвещённому читателю сделать самостоятельные выводы, которые могут оказаться полезными при решении собственных ситуационных проблем, в том числе и научно-организационных. Возможно, что такой подход привлечёт внимание современных исследователей деятельности Академии наук СССР того времени, инициируя более глубокое теоретическое осмысление событий, связанных с формированием управленческой и организационной политики в сфере науки, которая отличается спецификой человеческих отношений [Богатов, 2005, 2008а, 2008б; Учёный – явление особое, 2014; и др.]. Применение предложенного подхода особенно актуально, на наш взгляд, при анализе и прогнозировании возможных (как позитивных, так и отрицательных) последствий проводимой с 2013 г. радикальной реформы Российской академии наук, осуществляемой аппаратными работниками в основном «сверху», директивно, без какой-либо теоретической проработки социально-экономической ситуации, сложив-

шейся в постсоветский период, с использованием в основном всё того же метода проб и ошибок. Может быть, и сегодня, как в 1941-м, имеет смысл оказать доверие выдающимся учёным России, хорошо знающим собственную историю и возможности национальной Академии наук, инновационное развитие страны, а не их «отлучение» от научной деятельности. По общему мнению широкой научной общественности современная экономическая ситуация в России не являлась и по сей день не является критичной и позволяет проводить реформирование отечественной науки более продуктивным эволюционным путём [Алфёров, 2013; Рогов, 2013; Фортов, 2014, 2017; Сергиенко, 2014; Губарев, 2014; и мн. др.].

ЛИТЕРАТУРА

- Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: 1922–1991. Т. I. (Сост. В.Д. Есаков, Ю.С. Осипов). М., 2000. 608 с.*
- Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Кому мешают академики. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.*
- Байков А.А. Академия наук СССР за 25 лет // Вестник АН СССР. 1942. № 11. С. 105–130.*
- Бах Л. Иностранцы учёные о своих впечатлениях // Вестник АН СССР. 1946. № 7–8. С. 149–151.*
- Библиотека // Вестник ДВО АН СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1/2. С. 100.*
- Богатов В.В. Организация науки в России: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. Владивосток: Дальнаука, 2005. 292 с.*
- Богатов В.В. Этика в научной деятельности // Вестник ДВО РАН. 2008а. № 1. С. 144–157.*
- Богатов В.В. Организация научно-исследовательских работ: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Владивосток: Дальнаука, 2008б. 259 с.*
- Богатов В.В. Дальневосточный филиал Академии наук (1932–1939 гг.): страницы истории // Вестник ДВО РАН. 2017. № 5. С. 7–20.*
- Богатов В.В. Семья, детство, начало пути в науку. Рубрика «Две эпохи – одна судьба. К 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова» // Природа. 2020. № 3. С. 49–53.*
- Богатов В.В., Урмина И.А. Во главе Академии наук СССР. Рубрика «Две эпохи – одна судьба. К 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова» // Природа. 2020. № 3. С. 67–79.*
- Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120–127.*
- Бубырева В.А., Бялт В.В. Мифы и реальность о молодых годах В.Л. Комарова // Бот. журн. 2020. Т. 105, № 4. С. 116–124.*
- Бялт В.В., Бубырева В.А. Хранящиеся в СПбГУ типовые образцы таксонов, описанных В.Л. Комаровым в студенческие годы // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 3, вып. 4. С. 89–107.*
- Вавилов С.И. Памяти академика В.Л. Комарова. Слово президента АН СССР академика С.И. Вавилова у гроба академика В.Л. Комарова // Вестник АН СССР. 1946. № 1. С. 17–18.*
- Васильева Е.В. Репрессированные учёные Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: материалы Первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 109–111.*

- Васильева Е.В. Российская академическая наука на Тихоокеанском побережье (1932–2002) // Фрагменты истории глазами учёных. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 39–51.
- Вернадский В.И. Дневники 1935–1941. В 2 кн. Кн. 1: 1935–1938. М.: Наука, 2006. 443 с.
- Волков В.А. Опальный академик Чичибабин / Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 176–188. 368 с.
- Воробьёв Д.П. Мои встречи с В.Л. Комаровым // Комаровские чтения. Владивосток, 1971. Вып. 18. С. 47–50.
- Воронцов Н.Н. А.И. Куренцов (страницы из истории биологии на Дальнем Востоке) // Бюл. МОИП, отд. биол. 1978. Т. 83, вып. 1. С. 144–151.
- Гвоздецкий Н.А. Путешествия В.Л. Комарова. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1949. 112 с. (Русские путешественники).
- Гвоздецкий Н.А. В.Л. Комаров / под ред. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1953. 47 с.
- Гельтман Д.В. Послужной список Владимира Леонтьевича Комарова // Бот. журн. 2020. Т. 105, № 5. С. 497–516.
- Голуб В.Б., Николайчук Л.Ф. Эпистолярное наследие Л.Г. Раменского в личном архиве В.Л. Комарова // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2012. Т. 21, № 3. С. 175–187.
- Губарев В.С. Убийство РАН. Новейшая история науки в России. М.: Алгоритм, 2014. 208 с.
- Гутникова З.И. Несколько встреч с В.Л. Комаровым // Комаровские чтения. Владивосток, 1971. Вып. 18. С. 42–46.
- Дальневосточье академическое: наша история в событиях, фактах, биографиях (1970–2010) / ред. Ю.Н. Кульчин; сост. А.А. Калинин. Владивосток: Дальнаука, 2010. 472 с.
- Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.Н. Крадина; отв. ред. Г.А. Ткачёва. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3).
- Дальневосточный филиал Академии наук СССР. Харбин, 1933. 34 с.
- Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 95–108.
- Дорошев И.А. Урал – становой хребет обороны // Вестник АН СССР. 1943. № 4. С. 26–35.
- Дударенок С.М., Ермакова Э.В., Поправко Е.П. и др. Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 455 с.
- Елагин И.Н. Дело всей жизни. К 90-летию со дня рождения академика Николая Васильевича Цицина // Вестник РАН. 1988. № 12. С. 86–93.

- Еляков Г.Б. О Дальневосточном отделении Российской академии наук: Доклад на торжественном собрании Дальневосточного отделения РАН, посвящённом 275-летию Российской академии наук. Владивосток: Дальнаука, 1999. 45 с.
- Ермакова Э.В., Куцый Г.С., Володарская Е.П. и др. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
- Есаков В.Д. От Императорской к Российской. Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 5. С. 120–131.
- Есаков В.Д. Почему П.Л. Капица стал невыездным // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 543–553.
- Есаков В.Д. О встрече академика В.Л. Комарова с И.В. Сталиным // Вестник РАН. 2005. № 3. С. 256–259.
- Есаков В.Д., Рубинин П.Е. Капица, Кремль и наука. Т. 1: Создание Института физических проблем: 1934–1938. М.: Наука, 2003. 654 с.
- Журавский Д. «Террор» // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 125–146.
- Из постановлений президиума // Вестник АН СССР. 1934. № 7–8. Столбец 84.
- Илизаров Б.С. Почётный академик Сталин и академик Марр. М.: Вече, 2012. 432 с.
- Ильин М.М., Радкевич О.Н. В.Л. Комаров и Ленинградский университет. 45 лет в Ботаническом институте // Вестник АН СССР. 1944. № 10. С. 120–130.
- Иодко О.В. Документы по истории АН СССР: 1926–1934 гг. / ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука, 1988. 289 с.
- Иоффе А.Ф. Физика и война // Вестник АН СССР. 1942. № 5–6. С. 66–76.
- Ипатьев В.Н. Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях. Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 779 с.
- Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. (1867–1917). 562 с.
- Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 2. (1917–1930). 637 с.
- Кабанов Н.Е. Сорок лет научной деятельности академика В.Л. Комарова по ДВК (1895–1935). Хабаровск: Дальгиз, 1935. 12 с. (Вестник ДВФ АН СССР; № 14).
- Кабанов Н.Е. Владимир Леонтьевич Комаров // Отечественные физико-географы и путешественники. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. С. 721–730.
- Кабанов Н.Е. Академик В.Л. Комаров – организатор науки на Дальнем Востоке // Комаровские чтения. Владивосток, 1971. Вып. 18. С. 15–20.
- Кабанов Н.Е. Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869–1969. Л.: Наука, 1972. 96 с. (Комаровские чтения; Т. XXIV).

- Калинин А.А. Восточное притяжение: Наша история в биографиях и лицах. Владивосток: Дальнаука, 2008. 336 с.
- Камелин Р.В. О В.Л. Комарове // Бот. журн. 2017. Т. 102, № 2. С. 249–262.
- Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. Статьи, выступления. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Карцев В.П. Кржижановский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1985. 384 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; Вып. 8 (605)).
- Келер В. Сергей Вавилов: Биографическая повесть. М.: Дет. лит., 1984. 271 с.
- Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3-е, доп. М.; Л.: Наука, 1964. 227 с.
- Козлов Б.И. Академия наук СССР: особенности отношений с властью в условиях войны 1941–1945 гг. Институционализация отношений государства и науки в истории России. М., 2007. С. 162–182.
- Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. Л. Наука, 1988. 264 с.
- Комаров В.Л. Некоторые данные по флоре западных уездов Новгородской губернии // Тр. СПб. о-ва естествоиспыт. Отд. Ботаники. СПб. 1895. Т. 25, вып. 3. С. 34–36.
- Комаров В.Л. Материалы к флоре Туркестанского Нагорья: бассейн Зеравшана // Тр. СПб. о-ва естествоиспыт. Отд. Ботаники. СПб., 1896. Т. 26, вып. 1. С. 31–162.
- Комаров В.Л. Дополнение к списку растений западных уездов Новгородской губернии // Тр. СПб. о-ва естествоиспыт. Отд. Ботаники. СПб., 1896. Т. 26, вып. 3. С. 219–223.
- Комаров В.Л. Ботанико-географические области бассейна Амура // Тр. СПб. о-ва естествоиспыт. Отд. Ботаники. СПб., 1897. Т. 28, вып. 1. С. 35–46.
- Комаров В.Л. Флора Маньчжурии. Т. 1 // Тр. СПб. Бот. сада. 1901. Т. 20. С. 1–559; Т. 2, ч. 1 // Тр. СПб. Бот. сада. 1903. Т. 22, вып. 1. С. 1–452; Т. 2, ч. 2 // Тр. СПб. Бот. сада. 1904. Т. 22, вып. 2. С. 453–780; Т. 3, ч. 1 // Тр. СПб. Бот. сада. 1905. Т. 25, вып. 1. С. 1–334; Т. 3, ч. 2 // Тр. СПб. Бот. сада. 1907. Т. 25, вып. 2. С. 335–853.
- Комаров В.Л. Хвойные деревья Маньчжурии // Тр. Сибирского о-ва естествоиспытателей. 1902. Т. 32, вып. 1. С. 230–235.
- Комаров В.Л. Вид и его подразделения // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей, 6. 1902. С. 250–252.
- Комаров В.Л. Практический курс ботаники. Часть 1. Строение растений. СПб.: Типо-литография «Герольд». 1905.
- Комаров В.Л. Введение к флорам Китая и Монголии // Тр. СПб. Бот. сада. 1908. Т. 29, вып. 1. С. 1–176.
- Комаров В.Л. Введение к флорам Китая и Монголии: монография рода *Caragana* // Тр. СПб. Бот. сада. 1909. Т. 29, вып. 2. С. 177–388.

- Комаров В.Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Камчатская экспедиция Фёдора Павловича Рябушинского, снаряжённая при содействии Императорского Русского географического общества. Ботанический отдел: Вып. 1. М., 1912. 457 с.
- Комаров В.Л.* Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России: справочник. Петроград: Типогр. А. Бенке, 1915. 186 с.
- Комаров В.Л.* Типы растительности Южно-Уссурийского края // Труды Почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. 2. Бот. Исслед. Петроград: Изд. Переселенч. Упр. Мин-ва Земледелия, 1917. 216 с.
- Комаров В.Л.* Флора полуострова Камчатки. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 339 с.
- Комаров В.Л.* Библиография к флоре и описанию растительности Дальнего Востока // Записки Южно-Уссурийского отдела Гос. Русского географического общества. Вып. 2. Никольск-Уссурийский; Владивосток, 1928. С. 1–278.
- Комаров В.Л.* Происхождение культурных растений. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. 72 с.
- Комаров В.Л.* Место Академии наук в системе научных учреждений Союза // Вестник ДВО АН СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1/2. С. 12–15.
- Комаров В.Л.* Новые виды растений Дальнего Востока // Изв. Бот. сада АН СССР. 1932. Т. 30, № 1–2. С. 189–223.
- Комаров В.Л.* Ботанико-географический очерк хвойных деревьев (Gymnospermae) СССР // Бюл. Тихоокеан. ком. АН СССР. 1934. № 3. С. 17–19.
- Комаров В.Л.* Растительные зоны Таджикистана // Проблемы Таджикистана. Л., 1934. Ч. II. С. 31–37.
- Комаров В.Л.* Тополя СССР // Ботанический журнал. СССР. 1934. Т. 19, № 5. С. 495–511.
- Комаров В.Л.* Практический курс анатомии растений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 311 с.
- Комаров В.Л.* Наука Сталинской эпохи // Вестник АН СССР. 1937. № 12. С. 29–37.
- Комаров В.Л.* Накануне выборов новых академиков // Вестник АН СССР. 1938. № 9–10. С. 40–43.
- Комаров В.Л.* Академия наук к XVIII съезду ВКП(б) // Вестник АН СССР. 1939. № 2. С. 28–42.
- Комаров В.Л.* Учение о виде у растений: страница из истории биологии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 245 с.
- Комаров В.Л.* Вступительная речь на открытии юбилейной сессии // Вестник АН СССР. 1942. № 11. С. 12–18.

- Комаров В.Л. Великий учёный Исаак Ньютон // Вестник АН СССР. 1943а. № 3. С. 15–16.
- Комаров В.Л. Вступительное слово президента Академии наук СССР академика В.Л. Комарова на Общем собрании Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1943б. № 9–10. С. 5–8.
- Комаров В.Л. «Волнующая беседа» // Вестник АН СССР. 1945а. № 1. С. 7–11.
- Комаров В.Л. О задачах Института истории естествознания АН СССР // Вестник АН СССР. 1945б. № 1. С. 30–33.
- Комаров В.Л. Берлинское направление // Вестник АН СССР. 1945в. № 3. С. 6–8.
- Комаров В.Л. Речь на торжественном заседании Юбилейной сессии Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1945г. № 5. С. 3–10.
- Комаров В.Л. Избранные сочинения в 12-ти томах. М.; Л., 1945–1958.
- Комаров В.Л., Клобукова-Алисова Е.Н. Малый определитель растений Дальне-Восточного края. Владивосток: Издание Акционерного Общества «Книжное дело», 1925. 516 с.
- Комаров В.Л., Клобукова-Алисова Е.Н. Определитель растений Дальневосточного края. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Т. I. С. 1–622, 187 рис., 1 цв. табл.; 1932. Т. II. С 623–1175, 143 рис.
- Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: краткий исторический очерк: в 2 т., изд. 2-е перераб. и доп. Т. 2. 1917–1976. М.: Наука, 1977. 455 с.
- Костюк В.В. Академия наук СССР в годы войны // Вестник РАН. 2005. № 11. С. 975–983.
- Красильников С.А. Выездная сессия АН СССР по проблемам Урало-Кузбасса (июнь 1932 г.) в контексте мобилизационной модели развития науки // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2012. Т. 11. История, вып. 8. С. 87–94.
- Кржижановский Г.М. Речь академика Г.М. Кржижановского. От Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1936. № 7. С. 9–11.
- Криволицкая Г.О. Памяти Алексея Ивановича Куренцова (1896–1975) // Энтомологическое обозрение. 1975. Т. 54, вып. 4. С. 926–935.
- Кривоносов Ю.И. Институт истории науки и техники: Тридцатые – громовые, роковые... // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 42–75.
- Кузнецов А.М. Первопроходец приморской науки А.З. Фёдоров // Вестник ДВО РАН. 1997. № 6. С. 115–125.
- Кузнецов В.И. Сквозь тернии к торжеству таланта: жизнь и творчество В.Н. Ипатьева / Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 189–204.
- Куренцова Г.Э. Воспоминания о В.Л. Комарове // Комаровские чтения. Владивосток, 1971. Вып. 18. С. 33–41.

- Лавренко Е.М., Семёнова Тян-Шанская А.М. Памяти Артемия Сергеевича Порецкого // Бот. журн. 1962. Т. 47, № 7. С. 1057–1060.
- Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М.: МГУ, 2012. 248 с.
- Латкин А. Экономика научных открытий: Размышления учёного о становлении науки на Дальнем Востоке, её сегодняшнем дне и перспективах. Владивосток: Дальнаука, 2015. 128 с.
- Латкин А.П., Фершт В.М. Край большой науки. М.: Советская Россия, 1988. 278 с.
- Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 384 с.
- Лессер Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933–1945 / пер. с англ. А.И. Анваера. М.: Центрполиграф, 2010. 288 с.
- Липищ С.Ю. Владимир Леонтьевич Комаров: Жизнь и творчество. Комаровские чтения XXIV. Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1969). Л., 1972. С. 3–16.
- Луначарский А.В. «Неувязка» в Академии наук // Известия. 1929. 5 февраля.
- Любищев А.Ф. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 520 с.
- Максимов Л.Н. Владимир Леонтьевич Комаров (Этапы жизни и деятельности) // Вестник АН СССР. 1944. № 10. С. 14–28.
- Малявина Л.С. Организация и деятельность Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (1923–1931 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 157–164.
- Малявина Л.С. Научные учреждения Советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 55–60.
- Манойленко К.В. Преемственность традиций в сообществе учёных в годы Великой Отечественной войны // Учёные и Великая Отечественная война. Материалы круглого стола в рамках XXXVI годичн. Межд. науч. конф. «Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)» Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21 апреля 2015 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 63–67.
- Манько Ю.И. Выдающийся организатор и педагог (к 140-летию А.А. Строгого) // Вестник ДВО РАН. 2014. № 5. С. 166–170.
- Манько Ю.И., Будзан В.И., Белозеров И.Л. Лесное образование на российском Дальнем Востоке // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. С. 131–136.
- Манько Ю.И., Пименова Е.А. Б.П. Колесников и Дальний Восток. Владивосток: Дальнаука, 2012. 128 с.

- Маслова И.В.* Биографический очерк // Емельянов А.А. Амфибии и рептилии советского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 10–23.
- Матвеева Л.В.* Отто Юльевич Шмидт (1891–1956). Наука, 1993. 210 с.
- Медведев Ж.А.* Взлёт и падение Лысенко: История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, 1993. 348 с.
- Мелуа А.И.* В.И. Вернадский – учёный и организатор науки. Л., 1990. 48 с.
- Митрякова Н.М.* Структура, научные учреждения и кадры АН СССР (1917–1940) // Организация научной деятельности. М.: Наука, 1968. С. 219.
- Молотов В.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.). Тезисы доклада товарища В. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ВКП(б) // Вестник АН СССР. 1939. № 2. С. 4–27.
- Моргунов Ф.* Академик Трофим Лысенко: каким он был в действительности. Полтава: Дивосвіт, 2007. 250 с.
- Мухелишвили Н.И., Павловский Е.Н., Карапетян С.К., Якубов А.А.* Организатор и руководитель наших филиалов. // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 43–54.
- Новосёлов Н.С., Кожевников Ф.А., Моисеенко С.Н.* Леса и лесная промышленность ДВК // Вестник ДВФ АН СССР. 1938. № 30 (3). С. 33–54.
- Обращение Академии Наук СССР к научным работникам Союза по поводу кончины Александра Петровича Карпинского // Вестник АН СССР. 1936. № 7. С. 3–4.
- Общее собрание Академии Наук СССР товарищу Сталину // Вестник АН СССР. 1939. № 11–12. С. 2–3.
- Обручев В.А.* Деятельность академика В.Л. Комарова на посту президента Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1945. № 7–8. С. 43–54.
- Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов / сост.: М.С. Бахракова, Л.В. Жигалова, В.Н. Макеева и др. Л.: Наука, 1968. 419 с.
- Орлова Э.А., Шапинская Е.Н., Урмина И.А., Каменец А.В.* Социальное взаимодействие как процесс. М.: ГАСК, 2013. 305 с.
- От Президиума Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 2–3.
- Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1926 г. Т. 2. Л., 1927. С. 3–4.
- Павлов Н.В.* Владимир Леонтьевич Комаров. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 292 с.
- Перельман А.И.* Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945). Издание 2-е, перераб. М.: Наука, 1983. 272 с.
- Петухов С.* Путешествие науки из Петербурга в Москву // Коммерсантъ, 16.08.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4061420>
- Писаржевский О.Н.* Ферсман. М.: Молодая гвардия, 1955. 456 с.
- Поповский М.А.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1990. 303 с.

- Президенту Академии наук СССР академику Владимиру Леонтьевичу Комарову. К семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной деятельности / под ред. Б.К. Шишкина и др. М.: Изд-во АН СССР, 1939. 794 с.
- Приказ Народного Комиссара Обороны 7 ноября 1942 г. № 345, г. Москва // Вестник АН СССР. 1942. № 11. С. 11–12.
- Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
- Производственный план Дальневосточного отделения Академии наук СССР на 1932 г. Владивосток: Изд-во ДВО АН, 1932. 32 с.
- Промышленному развитию Дальнего Востока – прочную научную основу // Вестник ДВФ АН СССР. Владивосток: Дальгиз. 1939. Вып. 33, № 1. С. 3–5.
- Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19 июня 2020 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>
- Пушкарь А.И. Тихоокеанский форпост науки: рассказ о прошлом, настоящем и будущем дальневосточной науки. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск: Кн. изд-во, 1982. 176 с.
- Рогов С.М. Новая шоковая терапия и «Реформа РАН»: реалии российской науки. М.: Наука, 2013. 77 с.
- Российская академическая наука на Тихоокеанском побережье. (1932–2002): Фрагменты истории глазами учёных. Владивосток: Дальнаука, 2002. 272 с.
- Савельев В.М., Савин В.П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 284 с.
- Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX веке. Вып. 3. СПб, 2005. С. 165–205. [Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН СССР // 2012. URL: http://alexander-apel.narod.ru/library/akademik_komarov.htm (дата обращения: 10.02.2020)]
- Самойлов Т.П. Каким мы помним В.Л. Комарова // Комаровские чтения. Владивосток, 1971. Вып. 18. С. 21–32.
- Сафронов А.А. Конфликт в Академии наук СССР: В.Л. Комаров – О.Ю. Шмидт – И.В. Сталин (1941–1942) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 128–149.
- Сергеев М.А. Академик В.Л. Комаров как исследователь населения Камчатки (1908–1938) // Советская этнография: сб. ст. Вып. I / Ин-т этнографии АН СССР; отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 5–11.
- Сергиенко В.И. (ред.). Дальневосточное отделение Российской академии наук. Владивосток: Дальнаука, 2007. 74 с.

- Сергиенко В.И.* (ред.). Дальневосточное отделение Российской академии наук. Владивосток: Дальнаука, 2010. 208 с.
- Сергиенко В.И.* Валентин Сергиенко: «Основная проблема науки в России – не востребованность» // Учёный – явление особое. Дальневосточное отделение РАН в свете реформирования отечественной науки. Июнь–декабрь 2013 г. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 164–165.
- Совет ДВО АН. Работа Дальневосточного отделения Академии наук СССР // Вестник ДВО АН СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1/2. С. 99–100.
- Сойфер В.Н.* Власть и наука: Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: ЧеРо, 2002. 1024 с.
- Спицин Е.Ю.* Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 гг. М.: Концептуал, 2018. 528 с.
- Стасова Е.Д.* Воспоминания. М.: Мысль, 1969. 285 с.
- Труды ноябрьской сессии Академии наук СССР. 25–30.XI.1931 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 416 с.
- Урмина И.А.* Теоретико-культурный анализ социальных отношений в современных организациях: дис. ... докт. культурологии. М., 2012. 386 с.
- Урмина И.А.* Актуализация архивного документа: проблемы и методы их решения // Сборник научных статей и материалов «Прогресс России – женский аспект». М.: Архив РАН, 2018. С. 48–60.
- Урмина И.А.* В.Л. Комаров – выдающийся учёный и государственный деятель (по материалам юбилейной выставки в Архиве РАН). История науки и техники: источники, памятники, наследие. Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): материалы международной научной конференции (Москва, 15–17 октября 2019 г.). М.: Янус-К, 2019. С. 89–92.
- Урмина И.А.* Ботаник и путешественник. Рубрика «Две эпохи – одна судьба. К 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова» // Природа. 2020. № 3. С. 54–66.
- Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М.: Наука, 1999. 287 с.
- Учёный – явление особое. Дальневосточное отделение РАН в свете реформирования отечественной науки. Июнь–декабрь 2013 г. / сост. В.В. Шейкина. Владивосток: Дальнаука, 2014. 276 с.
- Ферсман А.Е.* Выдающийся учёный и общественный деятель // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 14–21.
- Ферсман А.Е.* Неотложная задача Академии наук. К вопросу о научных станциях на местах // Вестник АН СССР. 1935, № 5. Столбцы 7–12.
- Фисенко С.М.* Горнотаёжная станция им. В.Л. Комарова ДВО РАН «Сквозь время и дали» // Вестник ДВО РАН. 2013. № 2. С. 120–130.

- Фисенко С.М. Роль Александра Зиновьевича Фёдорова в изучении Южно-Уссурийского края (1907–1934 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2014. № 3. С. 136–147.
- Фисенко С.М. Становление и развитие Горнотаёжной станции (1934–1979 гг.). К 110-летию со дня рождения Тита Петровича Самойлова // Вестник ДВО РАН. 2016. № 3. С. 103–113.
- Флегонтов А.К. Задачи и структура Дальневосточного отделения Академии наук // Вестник ДВО АН СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1/2. С. 16–20.
- Флора СССР в 30-ти томах. 1934–1960.
- Фортов В.Е. Письмо В.Е. Фортова президенту Российской Федерации // Учёный – явление особое. Дальневосточное отделение РАН в свете реформирования отечественной науки. Июнь–декабрь 2013 г. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 51–53.
- Фортов В.Е. От выживания к развитию. Основные направления Российской академии наук. М.: РАН, 2017. 167 с.
- Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005. 224 с.
- Хисамутдинов А.А. Производственный план Дальневосточного отделения Академии наук СССР на 1932 год: проблемы и достижения // Вестник ДВО РАН. 2017. № 5. С. 54–60.
- Хисамутдинова Н.В. Первый директор Химического института: к 125-летию со дня рождения Б.П. Пентегова (1887–1953) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1. С. 142–150.
- Хроника // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 148–176.
- Черешнев В.А. Академия наук в годы Великой Отечественной войны. М.: Знание, 2010. 79 с.
- Черешнев В.А. Реформирование Академии наук в прошлом и настоящем // Вестник РАН. 2014. № 10. С. 927–937.
- Черешнев В.А. История реформирования Российской академии наук. Изд-во Апрель. <http://aprilpublish.ru/dose/istoriya-reformirovaniya-rossijskoj-akademii-nauk.html>
- Чернов А.Г. В.Л. Комаров. М.: Знание, 1969. 96 с. (Творцы науки и техники).
- Чичибабин А.Е. Почему в СССР трудно быть учёным // Вестник РАН. 1993. № 6. С. 518–523.
- Шагинян М.С. Академик В.Л. Комаров // Очерки разных лет. 1941–1976. М.: Советская Россия, 1977. С. 147–155.
- Шишкин Б. Отечественная война и советская ботаника // Сов. ботаника. 1942. № 1–3. С. 5–17.
- Шишкин Б.К., Овчинников П.Н. Владимир Леонтьевич Комаров (к 75-летию со дня рождения). Л.: Лениздат, 1944. 32 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович В.Л. – 153
Акулов И. – 226, 227
Александра Фёдоровна (жена Николая II) – 11
Алексеев В.М. – 135, 234
Алисова (Клобукова-Алисова) Е.Н. – 49, 51, 60, 70–72, 75, 109, 118, 138, 139, 149, 184, 185, 403
Алфеев Е.С. – 83
Алыпов – 201
Андреев А.А. – 370
Антонов В.Г. – 60
Ануфриев П.С. – 152
Аполлова В.Н. – 253
Арсеньев В.К. – 42–45, 71, 110, 111, 152
Арсеньева М.А. – 152, 154
Арциховский В.М. – 29, 31
Асаткин-Владимирский А.Н. – 85, 86
Байков А.А. – 97, 99, 135, 297, 313, 315, 326, 334, 372
Байрон Д. – 361
Баранский Н.Н. – 200
Бардин И.П. – 212, 297, 304, 307, 326, 359, 372
Бах А.Н. – 99, 223, 237, 241, 286
Бахрушин – 202
Бауман – 200
Бауман Н.Э. – 244
Бекон Ф. – 361
Белоус – 351
Белый В.А. – 101
Бенешевич В.Н. – 245
Берг Л.С. – 135
Бердников А.Г. – 163, 164, 176
Бердяев Н.А. – 54
Берия Л.П. – 370
Берман Я.Л. – 200
Берне Л. – 361
Богомолец А.А. – 286, 325, 326
Богораз-Тан В.Г. – 135
Борилин Б.С. – 200
Борисяк А.А. – 197, 234
Бородин И.П. – 52, 76
Бранке – 139
Брицке Э.В. – 99, 207, 297, 307
Бруевич Н.Г. – 320, 332, 359
Бул Б.М. – 83
Булавкина А.А. – 72
Булдовский А.Т. – 141, 147, 152
Бурденко Н.Н. – 325
Бутлеров А.М. – 214, 357
Бухарин Н.И. – 202, 212, 242, 243, 356
Буш Н.А. – 393
Быков И.Т. – 151
Бычков – 83
Вавилов Н.И. – 243, 247, 248, 249, 250, 260, 271, 357
Вавилов С.И. – 7, 102, 103, 237, 243, 356, 379, 380, 400, 403, 416
Васильева Е.В. – 110
Ванаг – 201
Варга Е.С. – 200
Вентцель Н.К. – 412, 418, 421
Верменичев И.Д. – 200
Вернадский В.И. – 220, 236, 237, 250, 251, 260, 316, 356
Винтер А.В. – 212
Виттефт Б.В. – 147, 152, 174
Воейков А.И. – 28
Вознесенский Н.А. – 304
Войлошников В.А. – 151
Волярович Г.П. – 174
Волгин В.П. – 7, 69, 79, 81, 83, 86, 88, 138, 197–199, 202, 307, 359, 372
Волков – 271

- Волынский С.Б. – 86
Вольтер Ф. – 320
Воробьев Д.П. – 157, 187, 188, 190, 346, 351
Ворошилов К.Е. – 370
Вырубова А.А. – 11
Вышинский А.Я. – 256, 259, 264, 286
- Гагарин Ю.А. – 382
Гайстер – 201
Гальперин В.М. – 5, 267, 304, 307
Гамов – 247
Ган В.Ю. – 245, 246
Гассовский Г.Н. – 110
Гвоздецкий Н.А. – 5
Гейне Г. – 361
Гейст (Познякова, Комарова) М.Р. – 58, 388
Георгиевский А.П. – 104
Герцен А.И. – 320
Гессен – 245, 246
Гитлер А. – 265, 279, 321, 376
Глушков В.Г. – 245, 246
Головатюк М.И. – 156
Горбунов Н.П. – 77, 78, 199, 218, 225, 244, 245, 247, 309
Гордиевский И.А. 149
Горшкова С.Г. – 72
Горький Н.М. – 243
Граве – 202
Графтио Г.О. – 212
Грачев – 346
Грундман Я.Т. – 151
Губкин И.М. – 86, 207
Гудзенко Г. – 46
Гусев – 201
Гутникова З.И. – 184, 328
- Давлетшин А.С. – 146, 147
Далин – 202
- Данилов – 236
Дарвин Ч. – 272, 287, 361
Деборин А.М. – 234
Демьянов Н.Я. – 212
Долгов – 264
Домбровский В.С. – 104
Достоевский А.А. – 58
Достоевский Ф.М. – 17, 18
Дубровский – 202
Дурново Н.Н. – 245, 246
- Ежов Н.И. – 234, 243
Емельянов А.А. – 347, 348, 349, 350
Емельянова Е.Н. – 349
Енукидзе А.С. – 88
Ефремов И.А. – 123, 124
Ещенко А.П. – 151
- Жаков – 201
Жданов – 236
Жданов А.А. – 156, 370
Жилияков Н.И. – 150, 336, 337, 339, 352, 353
Жуков И.Г. – 127, 129, 151
- Зеймаль – 201
Зеленко В.А. – 86
Зелинский Н.Д. – 359, 372
Зернов С.А. – 258
- Ивашкевич Б.А. – 161
Ильинский А.П. – 270
Ильинский Г.А. – 245, 246
Инфантова – 147
Иоффе А.Ф. – 237, 289, 309, 311–313, 316
Ипатьев В.В. – 210, 211
Ипатьев В.Н. – 208–219, 222, 224–229, 322
Ипатьева А.В. – 212

- Исаченко Б.Л. – 300
- Кабанов Н.Е. – 113, 114, 147, 155, 157, 336, 338, 340, 351
- Каганович Л.М. – 196, 340
- Калинин М.И. – 226, 227, 325, 363, 370, 372
- Камзолкин В.П. – 216
- Капица П.Л. – 132, 254, 255
- Караченцов П. – 299
- Карпинский А.П. – 53, 54, 69, 76, 80, 180, 197, 203–206, 234, 357
- Карпов Л.Я. – 245
- Квиринг Эм.И. – 200
- Кекушев Л.Н. – 197
- Керженцев И.М. – 200
- Киреев В.А. – 143, 157
- Кириченко А.Н. – 258
- Клемент Ф. – 406
- Климов В.Я. – 372
- Клобукова-Алисова Е.Н. (см. Алисова)
- Книп Е. – 109
- Книпович Н.М. – 135
- Козлов А.Н. – 104
- Козлов П.К. – 29
- Колесников Б.П. – 147, 157, 328, 329, 336, 339
- Колодкина – 408
- Комаров А. – 9
- Комаров Виссарион Виссарионович – 13, 15, 16, 430
- Комаров Виссарион Саввич – 9, 12
- Комаров Владимир Александрович – 11
- Комаров Владимир Виссарионович – 9, 10
- Комаров Владимир Саввич – 9
- Комаров Леонтий Виссарионович – 10, 11, 12, 13, 430
- Комаров К.В. – 10, 11
- Комарова (Данилевская) Екатерина Григорьевна – 13, 15, 16, 430
- Комарова (Линденбаум, Кухарская) Е.М. – 13, 15, 430
- Комарова (Гейст, Познякова) М.Р. (см. Гейст)
- Комарова (Старк) Н.В. – 6, 29, 58, 67, 68, 72, 95, 98, 99, 137, 182, 183, 188, 190, 191, 196, 269, 270, 290, 294, 327, 354, 380, 383, 384, 386, 388–399, 402–404, 406–409, 412, 416–418
- Комарова (Форш) О.Д. – 15
- Корнев А.С. – 396, 398
- Коробкова О. – 197
- Коршунов – 201
- Костюк В.В. – 297
- Коштоянц Х.С. – 356
- Кравец В.П. – 215, 216
- Красавин Л.П. – 54
- Кренкель Э.Т. – 239
- Кржижановский Г.М. – 69, 79, 81, 203, 207, 241, 254, 255
- Крицман Л.Н. – 200
- Криштофович А.Н. – 157
- Круглов В.М. – 182
- Крутков Ю.А. – 245, 246
- Круммин Г.И. – 200
- Крупская Н.К. – 243
- Крутов Г.М. – 127, 139, 141, 142
- Крылов А.Н. – 246, 321
- Кубанин М.И. – 200
- Кузнецов А.М. – 46, 149
- Кузнецов Б.Г. – 307
- Куйбышев В.В. – 196
- Кулагин Н.М. – 83
- Куренцов А.И. – 119, 120, 157, 284, 336, 337, 346, 348
- Куренцова Г.Э. – 136, 186, 328
- Куриленко А.М. – 124

- Курнаев Е.Ф. – 153
Курнаков Н.С. – 212, 357
Куроедов С.С. – 149
Кустов – 139
Курчатов И.В. – 309, 311
Кухарская Е.П. – 15, 402, 403
Кухарский П.В. – 12, 430
Куусинен О. – 273, 279
- Лавуазье А. – 229
Лангмюр И. – 374
Лазарев П.П. – 54, 194
Лебедев П.Н. – 220, 290, 357
Лебединцева Е.В. – 72
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. – 75
Левченко Е.А. – 75
Лейбензон Л.С. – 245, 246
Лелей А.С. – 167
Ленин В.И. – 205, 215, 222, 243, 244, 248, 267, 276–278, 280, 281, 315, 372
Лесгафт П.Ф. – 27, 35, 38, 431–433
Линденбаум (Комарова, Кухарская) Е.М. (см. Комарова Е.М.)
Линденбаум М.К. – 430
Липшиц С.Ю. – 261
Литвинов М.Н. – 167
Лихачёв Н.П. – 234
Лобачевский Н.И. – 320, 357
Ловинский – 202
Ложье А. – 375
Ломоносов М.В. – 239, 357, 418
Лосский Н.О. – 54
Лохвицкая-Скалон М.А. – 29, 32, 49, 235, 384, 385, 387, 432, 433
Лубяко В.Н. – 235
Луначарский А.В. – 68, 386
Лурье Д.Г. – 200
Любарский Е.И. – 104, 135, 140
Лютгенс – 17
- Львов А.Д. – 149
Лысенко Т.Д. – 249–251, 259, 260, 287, 288, 372
- Маегов – 201
Майдель К.Г. – 179
Максвелл Д. – 361
Максимов Н.А. – 53, 56, 135
Максимов О.Б. – 152
Максимович К.И. – 28
Маленков Г.М. – 370
Малявина Л.С. – 105, 126
Мандельштам Л.И. – 321
Маркс К. – 22, 205, 280
Маслова И.В. – 348, 350, 351
Матвеев З.Н. – 151, 254
Маторин Н.М. – 86
Мацуоки – 155
Мейсель – 139
Мелиоранский В.А. – 174
Мензбир М.А. – 220
Менделеев Д.И. – 214, 357, 364
Мендельсон Л. – 200
Менк И.С. – 152
Меньшиков А. – 321
Меркулов С.Д. – 60
Метёлкин К.Т. – 143–145, 147
Метёлкина – 145
Миёси М. – 194
Микоян А.И. – 243, 370
Микулин А.А. – 372
Митин М.Б. – 200, 259
Миткевич В.Ф. – 135
Мичурин И.В. – 260, 287, 288, 357
Молотов В.М. – 155, 193, 250, 252, 253, 262, 264, 292, 296, 297, 307, 370–372
Морозов Н.А. – 300
Мохнач В.О. – 139, 144
Музылев С.А. – 174

- Мушина В.И. – 414
- Надсон Г.А. – 135, 245
- Наметкин С.С. – 237
- Насонов Н.В. – 52
- Недригайлов С.Н. – 83
- Нельгин Е.С. – 151
- Немцов М.С. – 212
- Нернст В. – 217
- Никаноров – 201
- Никифоров П.М. – 86
- Николай II – 11, 37, 173, 213
- Носов С.Д. – 238, 239, 263, 294, 398
- Нумеров Б.В. – 245, 246
- Ньютон И. – 320, 321, 361, 435, 443
- Обручев В.А. – 84, 135, 180, 267, 273, 297, 307, 334, 416, 417
- Овидиев Н.П. – 151
- Овсянников В.Ф. – 161
- Одюбер Р. – 374
- Островитянов К.В. – 200
- Огородников В.И. – 71, 104–106, 110
- Огородникова (Старк) М.Е. – 384
- Ольденбург С.Ф. – 54, 76, 77, 79, 234
- Онищенко Ю.А. – 152
- Онищенко Ю.М. – 188
- Опарин А.И. – 416
- Орбели Л.А. – 260, 309, 311, 326, 359
- Орехов А.П. – 223
- Орлов А.С. – 197
- Орлова Е.Н. – 239
- Орлова О.И. – 328
- Осинский-Оболенский (Осинский) В.В. – 245, 356
- Осипенко Н.И. – 328
- Пайнс Г. – 219
- Павлов – 408
- Павлов И.П. – 52, 357
- Павлов Н.В. – 7, 29, 56, 59, 66, 72, 261, 287, 370
- Павловский Е.Н. – 346, 347
- Павловский Н.Н. – 135
- Папанин И.Д. – 239, 241, 287
- Пасвик-Хлопина – 271
- Пашуканис Е.В. – 200
- Пегов Н.Н. – 156
- Пентегов Б.П. – 104, 127, 129, 150, 235, 236
- Пентегова А.А. – 235
- Перерильев И.А. – 328
- Перрен Ф. – 374
- Персидская Е.Н. – 421
- Пётр I – 9, 358
- Петров В.А. – 237
- Петров В.В. – 357
- Петрова (Старк) Н.В. – 384
- Пионтковский – 202
- Писаржевский Л.В. – 212
- Пичет – 202
- Платонов С.Ф. – 234
- Подгорецкая В.В. (Чичибабина) – 220, 222, 223, 229
- Поздеев Д.М. – 152
- Познякова (Гейст, Комарова) М.Р. (см. Гейст М.Р.)
- Полынов Б.Б. – 245, 246
- Пономарёв А.В. – 152
- Попов – 202
- Попов А.С. – 357
- Поповский М. – 248
- Порецкий А.С. – 153, 188, 189
- Порецкий В.С. – 261
- Поршняков С.Н. – 26
- Потанин Г.Н. – 29
- Поярков – 264
- Пржевальский Н.М. – 24, 27, 28, 97, 98
- Пустовалов И.С. – 307
- Пушкарёва В.Р. – 328

- Радек К. – 200
Риббентроп (фон Риббентроп) И. – 279
Рихтер А.А. – 56, 57, 83
Родин Л.Е. – 261
Ротштейн Ф.А. – 200
Рубач – 201
Рубинштейн М.И. – 200, 201
Рыков А.И. – 76
- Савари А.М. – 50
Саверкин – 147
Савич В.М. – 104, 107–111, 127, 129, 150, 161, 235
Савич И.Н. – 110, 151
Савич Л.И. – 72
Савич О.В. – 110
Савичевский С.М. – 83
Сафронов А.А. – 303, 305
Самарин А.М. – 356
Самарцева А.Г. – 271
Самойлов Т.П. – 75, 119, 135, 136, 185, 190, 328, 336, 337, 341
Самойлова (Торба) Т.В. – 119, 136, 185, 190, 328, 338, 341
Самойлович А.Н. – 77, 86, 245
Сатпаев К.И. – 101, 416
Сварог В.С. – 206
Селищев А.М. – 245, 247
Семёнов-Тян-Шанский П.П. – 29, 32
Сергиенко В.И. – 427
Скибинская А.М. – 187
Скобунов В.И. – 24
Скочинский А.А. – 297, 309, 311
Славентантор Д. – 414
Слодкевич В.С. – 179
Смирнов А.И. – 5, 267
Соколов Г.А. – 308
Соколов – 351
Солдатов В.К. – 156
Сорокин П.А. – 54
- Спицин Е.Ю. – 294
Сталин И.В. – 166, 169, 198, 199, 204–206, 227, 233, 234, 250, 251, 267, 275–282, 305–309, 313–315, 321, 340, 355, 356, 358, 361, 363, 364, 370–373, 382, 435
Стасова Е.Д. – 35, 37
Старк Б.В. – 384
Старк В.Ф. – 383
Старк (Огородникова) М.Е. – 384
Старк М.В. – 384
Старк (Комарова) Надежда В. (см. Комарова)
Старк (Петрова) Наталия В. – 384
Степанов – 382
Строгий А.А. – 161, 163, 165, 166, 176
Струмилин С.Г. – 135, 297
Суидин М.И. – 83
Сукачев В.Н. – 416
Суслов А.Т. – 174
Сырокомский – 272
Сюзьян Чжан – 124
- Таганский – 201
Тарле – 202
Тимирязев К.А. – 220, 260, 320, 357, 410
Тимофеев И.Н. – 153
Тихомиров – 202
Тищенко В.Е. – 135
Тоидзе И.М. – 293
Толстой А.Н. – 325
Томсинский С.Г. – 245, 247
Троцкий Л.Д. – 215
Туйлаков Н.М. – 245
Туполев А.Н. – 245, 247
Тюркин П.А. – 235
- Уборевич И.П. – 65
Ульянова М.И. – 243
Ундасынов Н.Д. – 101

- Упоров – 235
 Устинов А.В. – 318
- Фабрицкий С.С. – 11
 Фаворский А.Е. – 135, 144, 213, 223, 237
 Фаминцин А.С. – 52
 Фёдоров А.З. – 52, 60, 64, 66, 75, 109, 114, 121, 124, 126, 136–139, 149
 Фёдоров Е.К. – 239, 241
 Фёдорова Т. – 286
 Фёдоровский А.С. – 417
 Фёдоровский Н.М. – 245, 247
 Федченко Б.А. – 192
 Феклин К.П. – 151
 Ферсман А.Е. – 25, 77, 80–82, 86, 181, 210, 234, 250, 267, 309, 311
 Фигатнер Ю.П. – 70, 233, 234, 433
 Фокин – 216
 Форш О.Д. – 15
 Франк С.Л. – 54
 Фридлянд – 201, 202
 Фрумкина – 201
- Хампе К. – 437
 Харнский К.А. – 151
 Хетчиков Л.Н. – 179
 Хлопин В.Г. – 271
 Хоригоме-Богатова С. – 194
- Циолковский К.Э. – 357
 Цицин Н.В. – 250, 259, 260
- Чан Кай-ши – 279
 Чаплыгин С.А. – 220
 Чебышев П.Л. – 320
 Чепурковский Е.М. – 104
 Чернов А.Г. – 307
 Чернов Д.К. – 213
 Черский И.Д. – 28
- Чесноков М.И. – 152
 Чичибабин А.Е. – 208–213, 215, 216, 220–229
 Чичибабина В.В. (см. Подгорецкая)
 Чичибабина Н.А. – 222
 Чугаев Л.А. – 322
 Чудаков Е.А. – 272, 309, 311, 334
- Шагинян М.С. – 5, 8
 Шаплей Х. – 374
 Шарова – 272
 Шателен М.А. – 135
 Шевелев – 165
 Шверник Н.М. – 297
 Шипулин Ф.К. – 179
 Ширшов П.П. – 239, 241
 Шишкин Б.К. – 5, 261, 267, 300
 Шкляев Я. – 166
 Шмидт О.Ю. – 186, 283, 284, 294, 300–306, 373, 374, 443
 Шокальский Ю.М. – 34, 58, 59, 234, 269, 270, 271, 393, 394
 Шпаро Б.А. – 307
 Шпильрейн Я.Н. – 245, 247
 Шпитальский Е.И. – 216
 Штарк – 224
 Штегман Б.К. – 300
 Шуцман С.С. – 197
- Щеглова О.А. – 72
- Эйнштейн А. – 217
 Энгельгард В.А. – 5, 267
 Энгельс Ф. – 22, 205, 280
- Юдин – 201
 Юрьев Б.Н. – 356
- Яровенко П.Л. – 328
 Ярославский Е.М. – 259

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Детские и юношеские годы, путь в науку	9
2. Расцвет творчества (1913–1930 гг.)	41
3. Организация филиалов и баз АН СССР (1931–1945 гг.)	77
4. Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (1924–1931 гг.).....	104
5. Дальневосточный филиал АН СССР (1932–1939 гг.)	127
6. Высшее лесотехническое и горное образование на Дальнем Востоке (1930-е годы)	158
7. Вице-президент АН СССР (1930–1936 гг.)	180
8. «Мера суровая и тяжкая»	208
9. Президент АН СССР в годы репрессий (1937–1939 гг.)	230
10. Два юбилея (1939–1940 гг.)	265
11. В.Л. Комаров и Академия наук СССР в 1941–1944 гг.	292
12. Организация Дальневосточной базы имени академика В.Л. Комарова (1943–1945 гг.).....	328
13. В.Л. Комаров и Академия наук СССР в 1944–1945 гг.	355
14. Надежда Викторовна Комарова	384
15. Увековечение памяти В.Л. Комарова	410
16. Основные этапы жизни В.Л. Комарова	430
Вместо заключения	437
Литература	445
Именной указатель	456

Научное издание

Виктор Всеволодович Богатов

Ирина Александровна Урмина

АКАДЕМИК КОМАРОВ И ЕГО ВРЕМЯ

(к 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова)

Редактор *Н.В. Давыденко*

Компьютерная вёрстка *С.В. Филатов*

Подписано к печати 02.07.2020 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60х90/16.

Усл. п. л. 29,0. Уч.-изд. л. 25,7.

Тираж 300 экз. Заказ 2088.

ФГУП «Издательство Дальнаука»

690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Тел. +7 9147067252. E-mail: dalnauka@mail.ru

<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»

690106, г. Владивосток, пр-т «Красного Знамени», 10